

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
РОССИЙСКАЯ И НОВО-НАХИЧЕВАНСКАЯ ЕПАРХИЯ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО НАУКЕ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
«МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ АРХИВНЫЙ ЦЕНТР»
ФОНД «ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ».
ИНСТИТУТ АРМеноВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЕГУ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮЖНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
УРОЛОГИЧЕСКАЯ КЛИНИКА И КАФЕДРА УРОЛОГИИ ФАКУЛЬТЕТА УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВРАЧЕЙ
ГБУЗ МО «МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
КЛИНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ М.Ф. ВЛАДИМИРСКОГО»
ГОСУДАРСТВЕННАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ АРМЕНИИ»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ»
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИКОВ АРМЕНИИ»
МОСКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ
МОСКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

АРМЯНЕ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ XVIII–XX ВВ.

Материалы Международной научной конференции
Москва – Пушкино,
26–28 октября 2016 г.

Ростов-на-Дону
2016

УДК 929.7
ББК 63.3(2)6-8
А83

Сборник издан при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
в рамках международного научно-исследовательского
проекта № 16-21-20003

Рецензенты:

В.В. Журавлев, д-р ист. наук, профессор,
зав. кафедрой новейшей истории России МГОУ;
И.Б. Орлов, д-р ист. наук, профессор,
заместитель руководителя департамента политической науки
факультета социальных наук Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Редакционная коллегия:

П.М. Петров (отв. ред.); канд. ист. наук *Т.И. Любина* (зам. отв. ред.);
д-р ист. наук *С.С. Казаров* (науч. ред.); д-р ист. наук *В.Э. Багдасарян*;
канд. ист. наук *Ю.Н. Герасимова*; канд. юрид. наук *Л.В. Батиев* (отв. сост.)

А83 **Армяне в истории и культуре России XVIII–XX вв.:** материалы Международной научной конференции (Москва – Пушкино, 26–28 октября 2016 г.) / [отв. ред. П.М. Петров, Т.И. Любина]. – Ростов н/Д; Изд-во «Foundation», 2016. – 410 с. ISBN 978-5-4376-0156-3

Материалы сборника посвящены вкладу представителей армянского народа в историю и культуру России. Особое внимание уделено Армянской Апостольской Церкви в ее взаимоотношениях с Российским государством и Русской Православной Церковью. Широкое использование материалов из архивов России (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Пермь, Вологда и др.) и Национального архива Армении позволило предметно оценить место и роль армян в составе российской и советской государственной, политической, военной, культурной, научной и предпринимательской элит XVIII–XX вв. В сборнике также отражены проблемы истории и современного состояния армянской диаспоры в России, участие армян в развитии Москвы и Московской области.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям высших и средних учебных заведений, архивистам, аспирантам, студентам, а также широкому кругу читателей.

УДК 929.7
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-4376-0156-3

© Коллектив авторов, 2016
© Главное архивное управление
Московской области, 2016
© Московский областной архивный центр, 2016

THE GENERAL DEPARTMENT OF ARCHIVES OF MOSCOW REGION
THE RUSSIAN AND NEW NAKHICHEVAN DIOCESE OF THE ARMENIAN APOSTOLIC CHURCH
STATE COMMITTEE OF SCIENCE OF THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA
STATE-FUNDED INSTITUTION OF MOSCOW REGION «MOSCOW REGIONAL ARCHIVE CENTER»
«YEREVAN STATE UNIVERSITY» FUND. INSTITUTE FOR ARMENIAN STUDIES
ST. PETERSBURG INSTITUTE OF HISTORY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW REGION STATE UNIVERSITY
INSTITUTE FOR SOCIAL AND ECONOMIC RESEARCH AND HUMANITIES
OF THE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
UROLOGICAL CLINIC AND DEPARTMENT OF UROLOGY OF THE FACULTY OF POSTGRADUATE EDUCATION OF THE STATE-FUNDED
HEALTHCARE INSTITUTION OF MOSCOW REGION «M.E. VLADIMIRSKY MOSCOW REGIONAL RESEARCH AND CLINICAL INSTITUTE»
STATE NONPROFIT ORGANIZATION «NATIONAL ARCHIVES OF ARMENIA»
STATE-FUNDED INSTITUTION OF MOSCOW REGION «CENTRAL STATE ARCHIVE OF MOSCOW REGION»
THE «HISTORIANS ASSOCIATION OF ARMENIA» NGO
MOSCOW REGIONAL BRANCH OF THE RUSSIAN SOCIETY OF HISTORIANS AND ARCHIVISTS
THE MOSCOW REGIONAL BRANCH OF THE RUSSIAN PUBLIC ORGANIZATION «ZNIANIE»

ARMENIANS IN THE HISTORY AND CULTURE OF RUSSIA OF THE 18TH – 20TH CENTURIES

Proceedings of the International scientific conference
Moscow – Pushkino,
October 26–28, 2016

Rostov-on-Don
2016

This publication has been issued with grant support from the Russian Foundation for Humanities (as part of the project № 16-21-2003)

Reviewers:

V.V. Zhuravlev, doctor of historical sciences (Sc.D),
professor, Moscow State Regional University;
I.B. Orlov, doctor of historical sciences (Sc.D),
professor, Higher School of Economics

Editorial board:

P.M. Petrov (Editor-in-Chief); *T.I. Lyubina*, candidate of historical sciences (Ph.D);
S.S. Kazarov, doctor of historical sciences (Sc.D); *V.E. Bagdasaryan*, doctor of historical sciences (Sc.D); *J.N. Gerasimova*, candidate of historical sciences (Ph.D);
L.V. Batiev, candidate of juridical sciences (Ph.D)

- A83 **Armenians in the history and culture of Russia of the 18th – 20th centuries:** Proceedings of the International scientific conference (Moscow – Pushkino, October 26–28, 2016) / [Eds. P.M. Petrov, T.I. Lubina]. – Rostov-on-Don; Foundation, 2016. – ISBN 978-5-4376-0156-3. – 410 p. (in Russian).

The collection of materials is dedicated to the contribution of the representatives of the Armenian people in the history and culture of Russia. Particular attention is given to the Armenian Apostolic Church in its relations with the Russian state and the Russian Orthodox Church. Extensive use of materials from the archives of Russia (Moscow, Moscow region, St. Petersburg, Perm, Vologda, etc.) and the National Archive of Armenia allowed to assess substantively the place and role of Armenians in the Russian and Soviet state, political, military, cultural, scientific and business elite of the 18th – 20th centuries. The book also reflects the problems of the history and current state of the Armenian diaspora in Russia, Armenians participated in the development of Moscow and the Moscow region.

The publication is addressed to scientists, teachers of higher and secondary educational institutions, archivists, graduate students, as well as a wide range of readers.

UDC 929.7

ISBN 978-5-4376-0156-3

© Team of authors, 2016
© The General Department of Archives
of Moscow Region, 2016
© State-Funded Institution of Moscow Region
«Moscow Regional Archive Center», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	14
-------------------	----

Раздел 1. Армянская Апостольская Церковь в России

<i>Карапетян В.В.</i> К 300-летию образования епархии Армянской Апостольской Церкви в России: Израэль Ори и вардапет Минас	20
<i>Долганова А.В.</i> Документы по истории Армянской Апостольской Церкви в Российской империи в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)	25
<i>Амирджанян А.О.</i> Деятельность Астраханской армянской епархии в России в качестве представителя Армянской Апостольской Церкви (конец XVIII в.)	31
<i>Арсенян Г.Г.</i> Архиепископ Иосиф Аргутинский на «службе» Российского государства	38
<i>Казакевич А.Н.</i> Взаимоотношения Армянской Апостольской Церкви и Русской Православной Церкви в годы предстоятельства Святейшего Патриарха Московского Алексия I (1945–1970 гг.) (по страницам «Журнала Московской Патриархии»)	46
<i>Акопян В.З.</i> Армянская церковь Сурб Таргманчац города Пятигорска и ее настоятели	59

Раздел 2. Источники по истории армянского народа в России в фондах архивов и музеев

<i>Мирзоян С.С., Антонова О.Е.</i> Современное использование документов Национального архива Армении	70
<i>Базарова Т.А.</i> Армянские купцы в Астрахани в конце XVII в.: по материалам фонда Астраханской приказной палаты Архива СПбИИ РАН	81
<i>Борисов А.А.</i> Фонд князя С.С. Абамелек-Лазарева в Государственном архиве Пермского края как источник по истории армян	86
<i>Катагощина М.В.</i> Род Лазаревых в России: предприниматели, коллекционеры, меценаты (по архивным материалам Государственного Исторического музея)	90
<i>Ефремова-Антинян Л.Л.</i> Вологодская ссылка армянского князя Аргутинского-Долгорукова (по документам Государственного архива Вологодской области)	97
<i>Терентьева Л.М.</i> О Леоне Абгаровиче Орбели по документам Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга.	108

Раздел 3. Армянский народ через призму российской истории и диалог культур

<i>Реснянский С.И.</i> Византийские василевсы армянского происхождения и христианизация Руси: у истоков русско-армянских отношений	114
<i>Степанян А.О.</i> История формирования армянской диаспоры в России . . .	121
<i>Багдасарян В.Э.</i> Армянский народ на развилке больших исторических проектов	132
<i>Минасян А.А.</i> Российские армяне глазами иностранцев (на примере англоязычных публикаций XIX века)	146
<i>Манукян С.А.</i> Дашнакская периодическая печать начала XX в.	156
<i>Ларионов А.Э.</i> Армяне в пространстве Великой Отечественной войны: особенности проявления национальной идентичности и ментальности	164
<i>Ершов В.Ф.</i> Межбанковское сотрудничество России и Армении в контексте процессов финансовой глобализации	172
<i>Роева Е.Б.</i> Инвестиционная деятельность российских армян в Республике Армения с 1991 года	179
<i>Соловьева Т.А.</i> Чувашско-армянские культурные и общественные взаимосвязи	186
<i>Зинуров Р.Н.</i> Арменоведение и геноцид	192

Раздел 4. Региональное измерение истории армянского народа в России

<i>Волобуев О.В., Ненароков А.П.</i> Армяне в Крыму: основные вехи истории	198
<i>Яновский В.С.</i> Армянская община Кисловодска в середине XIX – начале XX в.	206
<i>Казарова Н.А.</i> Благотворительные организации Нахичевани-на-Дону (в конце XIX – начале XX века)	214
<i>Казаров С.С.</i> Нахичевань-на-Дону начала XX века в воспоминаниях современников	219
<i>Зинуров Р.Н.</i> Гарегин Нжде и его духовное наследие	225

Раздел 5. Армяне в составе российской и советской государственной, политической, военной, культурной, предпринимательской элит XVIII–XX вв.

<i>Тер-Саркисянц А. Е.</i> Культурное наследие семьи Лазаревых в России . . .	230
<i>Саядов С.М.</i> Лазаревы – представители политической элиты Российской империи	240
<i>Абрамян Р.М.</i> Новые материалы по генеалогии Десяновых	247

<i>Герасимова Ю.Н., Любина Т.И.</i> Воин, миротворец, преобразователь. Ответы М.Т. Лорис-Меликова на вызовы эпохи	250
<i>Карапетян Л.А.</i> Проблема политико-правового самоопределения армянского народа в воззрениях А.К. Дживелегова в 1905–1917 гг.	261
<i>Марутян М.Л.</i> Рожденный в краю виноградном. О выдающемся российском виноделе Василии Егоровиче Таирове (1859–1938)	268
<i>Телицын В.Л.</i> Вахан Фомич Тотоманц – армянский пропагандист российского кооперативного движения.	275
<i>Сапон В.П.</i> «Кавказский работник, хороший тактик»: А.И. Микоян в руководящих органах Нижегородской губернии (1920–1922 гг.)	281
<i>Вирабян А.М.</i> Французский орден армянского генерала.	288
<i>Агасян А.В.</i> Творчество Вардгеса Суренянца и его связи с художественной жизнью России.	294
<i>Аревшатян А.С.</i> Христофор Кушнарев – выдающийся российско-армянский ученый музыковед.	301
<i>Асатрян А.Г.</i> Выдающийся армянский скрипач Иоаннес Налбандян	310
<i>Зулумян Б.С.</i> Творчество Мариэтты Шагинян: современный взгляд.	317
<i>Авдулов Н.С.</i> Армянский мир в творчестве М.С. Шагинян	324
<i>Матвеев Г.А.</i> М.С. Шагинян – глашатай дружбы и сотрудничества народов	329
<i>Белов А.В.</i> Методология гетевского «Фауста» в оценке Мариэтты Сергеевны Шагинян.	336
<i>Чолахян В.А.</i> Аракелян Сергей Карапетович и становление нефтегазостроительной отрасли СССР	343
<i>Рухкян М.А.</i> Авет Тертерян и Россия. Феномен восприятия.	351
 Раздел 6. Армяне в истории Москвы и Подмосковья	
<i>Степаняни С.М.</i> Известные армяне Москвы в XVIII–XX вв.	360
<i>Батиев Л.В.</i> Выдающийся российский правовед Ю.С. Гамбаров	365
<i>Розина О.В. П.А.</i> Флоренский о семейном воспитании.	372
<i>Герасимова Ю.Н., Любина Т.И., Меркулов И.В., Штыков Н.В.</i> Партийные, советские и военные руководители армянского происхождения (по документам подмосковных архивов)	379
<i>Мальшикин С.А.</i> Герой из Армении: из истории боев на Ильинском рубеже 1941 г.	387
<i>Дутов В.В.</i> Арам Яковлевич (Акопович) Абрамян – основоположник урологической службы Московской области	393
<i>Дутов В.В.</i> Ирина Антоновна Королькова – одна из основоположников детской урологической службы в Московской области.	405

CONTENTS

Foreword. 14

Section 1. The Armenian Apostolic Church in Russia

Karapetyan V.V. The 300th anniversary of the Diocese of the Armenian Apostolic Church in Russia: Israel Ori and vardapet Minas 20

Dolganova A.V. Documents on history of Armenian Apostolic Church in Russian Empire in the funds of Central State Historical Archive of Saint-Petersburg 25

Amirjanyan H.O. The activities of Russian Armenian Diocese in Astrakhan as a representative of the Armenian Apostolic Church of Russia (The end of the 18th century) 31

Arsenyan G.G. Archbishop Joseph Argutinsky«in the service» of the Russian State. 38

Kazakevich A.N. Relations between Armenian Apostolic Church and Russian Orthodox Church in the years presides Patriarch of Moscow Alexy I (1945–1970) (Based on the pages «Journal of the Moscow Patriarchate») 46

Akopyan V.Z. Armenian church of Surb Targmanchats the city of Pyatigorsk and its abbots. 59

Section 2. Sources on the history of the Armenian people in Russia in the collections of archives and museums

Mirzoyan S.S., Antonova O.E. Modern use documents of the National Arhives of Armenia 70

Bazarova T.A. Armenian merchants in Astrakhan city in late XVII century: Based on materials of Prikaznaya palata archives from St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences archives 81

Borisov A.A. The GAPK's Fund of Prince S.S. Abamelek-Lazarev as a source in Armenian History 86

Katagoshchina M.V. Lazarevs in Russia: industrialists, collectionist, philanthropists (On archival materials of State Historical Museum) 90

Yefremova-Antinyan L.L. The exile of the Armenian Prince Argutinsky-Dolgoruky in Vologda (Based on documents of the Vologda oblast State archive) 97

Terenteva L.M. About Leon Abgarovich Orbeli based on documents of the Saint-Petersburg Central State Archive of Scientific and Technical Documentation 108

**Section 3. The Armenian people through the prism of Russian history
and the dialogue of cultures**

Resnyansky S.I. Byzantine Basil of the Armenian origin
and christianization of Russia: at sources of the Russian-
Armenian relations 114

Stepanyan A.H. History of formation of Armenian community in Russia 121

Bagdasaryan V.E. The Armenian people on the fork of the big
historical projects 132

Minasyan A.A. Russian Armenians through the eyes of foreigners
(on the example of English-language publications of the XIX century) 148

Manukyan S.A. Dashnak periodicals of the beginning of the XX century 156

Larionov A.A. Armenians in the space the Great Patriotic War:
peculiarities of manifestation of national identity and mentality 164

Ershov V.F. Russian-Armenian interbank cooperation in the context
of the financial globalization 172

Roeva E.B. Investing activity in the field of education of Russian Armenians
in the Republic of Armenia since 1991 189

Solovyova T.A. Chuvash-Armenia cultural and social linkages 186

Zinurov R.N. Armenian studies and genocide 192

**Section 4. The regional measurement of the Armenian people's history
in Russia**

Volobuev O.V., Nenarokov A.P. Armenians in Crimea: milestones
of history 198

Yanovskiy V.S. Armenian community of Kislovodsk from the middle
of 19th to the beginning of 20th century 206

Kazarova N.A. Nakhichevan-on-Don charities (in the late 19th –
early 20th century) 214

Kazarov S.S. Nakhichevan-on-Don of the early XX century
in the memoirs of contemporaries 219

Zinurov R.N. Garegin Nzhdeh and spiritual heritage 225

**Section 5. Armenians in the Russian and Soviet state,
political, military, cultural and business elite
of the 18th-20th centuries**

Ter-Sarkisyan A.E. Cultural heritage of the family of Lazarevs in Russia 230

Sayadov S.M. Lazarevs – the political elite of Russian empire 240

<i>Abramyan R.M.</i> New materials on genealogy of Delyanovs	247
<i>Gerasimova J.N., Lyubina T.I.</i> Warrior, peacemaker, reformer. M.T. Loris-Melikov's responses to the epoch challenges	250
<i>Karapetyan L.A.</i> The problem of political and legal self-determination of the Armenian people in the views of A.K. Dzhivelegov in 1905–1917.	261
<i>Maroutyan M.L.</i> Born in the realm of vines. About outstanding viniculturist of Russia Vasilij E. Tairov (1859–1938)	268
<i>Telitsyn V.L.</i> Vakhan Fomich Totomiants – the Armenian propagandist of the Russian cooperative movement.	275
<i>Sapon V.P.</i> «Caucasian public man, good tactician»: A.I. Mikoyan in the governing bodies of Nizhny Novgorod region (1920–1922)	281
<i>Virabyan H.M.</i> French medal of Armenian general	288
<i>Aghasyan A.V.</i> The art of Vardges Surenyants and his connections with the artistic life of Russia	294
<i>Arevshatyan A.S.</i> Christophor Kushnarev – the eminent Russian-Armenian scholar musicologist.	301
<i>Asatryan A.G.</i> The renowned Armenian violinist Johannes Nalbandyan	310
<i>Zulumyan B.S.</i> The works of Mariette Shahinyan. The modern point of view	317
<i>Avdulov N.S.</i> Armenian world in the works of M.S. Shaginyan	324
<i>Matveev G.A.</i> M.S. Shaginyan – a proclaimer of friendship and cooperation of peoples.	329
<i>Belov A.V.</i> Methodology of the Goethe's «Faust» in assessment Marietta Sergeevna Shahinyan	336
<i>Cholakhian V.A.</i> Sergey Arakelyan Karapet and development of oil and gas engineering industry of the USSR.	343
<i>Rukhkyan M.A.</i> Avet Terteryan and Russia. The phenomenon of perception . .	351
 Section 6. Armenians in the history of Moscow and Moscow region	
<i>Stepanyants S.M.</i> Famous Armenians of Moscow in XVIII–XX centuries	360
<i>Batiev L.V.</i> Prominent Russian jurist Yu.S. Gambarov	365
<i>Rozina O.V. P.A.</i> Florensky about family education	372
<i>Gerasimova J.N., Lyubina T.I., Merkulov I.V., Shtykov N.V.</i> Armenians – Party, Soviet and military leaders (according to the documents of the archives of the Moscow region)	379

Contents

<i>Malishkin S.A.</i> Hero from Armenia: from the history of fights at the Ilyinsky boundary in 1941	387
<i>Dutov V.V.</i> Aram Ya. Abramyan – founder of the urological service of the Moscow region.....	393
<i>Dutov V.V.</i> Irina Antonovna Korolkova – one of the founders of pediatric urologic service in Moscow region.....	405

Дорогие читатели!

Перед вами новый коллективный труд, основанный на материалах конференции «Армяне в истории и культуре России XVIII–XX вв.», куда вошли исследования, архивные изыскания по истории армян России. Многовековая история Армении, так же как и армян, по воле судьбы переселившихся во многие страны мира, и в частности в ближайшую могущественную державу Россию, по-прежнему объект глубокого и внимательного изучения со стороны мировой науки. Армяне жили и творили во благо своей новой Родины, всегда были и остаются верными духовному и братскому единству с Россией. Их цивилизационный и экономический вклад в страны переселения и в мировую культуру в целом очевиден и не оставляет сомнений, однако и сегодня требуется неоспоримое документально подтвержденное представление нашей древней культуры и современных достижений.

Настоящий труд и конференция – это результат интереса российской науки к роли и значению армян в отечественной истории, что является высоким свидетельством духовной культуры русского народа, уважающего все народы, населяющие пределы Российской Федерации, совместно в дружбе и согласии творящие свое мирное будущее.

Многое по истории армян России, что зафиксировано в исторических документах, архивных записях, артефактах музеев и хранилищ, изучено, но еще многое предстоит выявить и показать миру. И на этом пути достижения истинного научного знания, в диалоге двух родственных культур, мы желаем нашим ученым – и российским, и армянским, и всем, кто интересуется вопросами арменоведения, – больших успехов и творческих свершений!

С благословением,

*Архиепископ Езрас Нерсисян
Глава Российской и Ново-Нахичеванской Епархии ААЦ
Патриарший Экзарх в России*

Уважаемый читатель!

Перед Вами книга, в которой показаны тесные и дружественные отношения народов Российской Федерации и Республики Армения на протяжении многовековой истории.

Долгое время Россия и Армения были объединены одной границей: сначала в составе Российской империи, затем в Союзе Советских Социалистических Республик. С образованием Содружества независимых государств политические, культурные и экономические связи между нашими странами не были утрачены. В последние годы они получили дополнительный импульс, о чем говорят неоднократные встречи на высшем уровне между Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и Президентом Республики Армения Сержем Саргсяном. Ныне Армения активный член СНГ, член Евразийского экономического союза. Нас объединяют многовековые культурные и духовные скрепы: Русская православная церковь и Армянская апостольская церковь имеют общие византийские корни, а на армянскую культуру не могло не повлиять тесное общение с великим соседом. Общие ценности и перспектива экономического и культурного обмена направлены на дальнейшее процветание наших государств.

В последние годы расширились связи между народами России и Армении на региональном уровне. Укрепляются контакты между архивистами, учеными Московской области и Республики Армения: руководители Национального архива Армении и архивов Московской области, Московского государственного областного университета поддерживают деловые и научные контакты, участвуют в совместных проектах, выставочной, научно-издательской деятельности. У наших стран не только общая история. Мы верим в перспективу обоюдного сотрудничества, которое взаимно обогащает и благотворно влияет на совершенствование архивного дела и вузовской науки, укрепляет дружбу между народами наших стран.

В презентуемом сборнике статей российских и армянских авторов показано, как в различные периоды представители армянской диаспоры, проживавшие в Москве и Санкт-Петербурге, Крыму и других регионах России, обрели здесь вторую родину, отдавая ей свои лучшие качества, знания и талант. Сейчас уже невозможно представить отечественную культуру, науку, спортивные достижения без представителей армянского народа, внесших заметный вклад в их развитие, а такие имена как А.И. Хачатурян, И.К. Айвазовский, М.С. Сарьян составили гордость не только отечественной, но и мировой культуры.

Надеемся, что выход в свет данного издания станет еще одним шагом в дальнейшем сближении России и Армении и будут способствовать укреплению дружественных связей между народами двух стран.

П.М. Петров

*начальник Главного архивного управления
Московской области*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия с самого начала своего существования являлась государством многоэтническим. Сложившаяся исторически российская модель могла бы быть охарактеризована как своеобразный «мир миров». Каждый народ без исключения внес свой вклад в строительство российской государственности, формирование идентичной российской культуры, защиту страны от внешней агрессии. В этнической симфонии состоит сила России, ее цивилизационное преимущество, единственно возможная форма существования.

Не случайно, противники России всякий раз при столкновениях с ней пытались подрвать сложившееся братство народов, спровоцировать межэтнические конфликты. Такие попытки предпринимались, в частности, и в период самых тяжелых испытаний, выпавших на страну в период Великой Отечественной войны. Ту же цель внесения межэтнического раскола вносил и принятый уже в разгар холодной войны в США закон о «порабощенных нациях», противопоставлявший русский народ другим народам СССР. Закон этот не отменен до настоящего времени. И сегодня осуществляется подстрекательство к межэтническим столкновениям, поднимаются знамена национализма, создаются националистические мифы. В противостоянии этим угрозам, восстановлении и защите единой российской цивилизационной и гражданской идентичности видится интегральная задача, решаемая в представляемой книге.

Свою особую лепту внес в историю и культуру России армянский народ. История России неразрывно связана с армянами. Само название «Россия» («Росиа») впервые документально запечатлено в середине X века в сочинении императора Константина VIII Багрянородного из армянской династии. Дата первого упоминания о Киеве – 559 г. – зафиксирована в труде армянского средневекового историка Иоанна Мамиконяна.

Свидетельства о проживании армян на территории будущего российского государства относятся еще ко временам Древней Руси. Они пользовались в русских землях свободой языка и религии, участвовали в походах киевских князей, занимались торговлей, медициной и т.д. Армянские воины сражались под знаменами Александра Невского. В составе польско-литовских войск они участвовали в Грюнвальдской битве. Армяне внесли существенный вклад во взятие войсками Ивана Грозного Казани. Армянские ополченцы сражались на Бородинском поле. За героизм, проявленный во время Великой Отечественной войны, 99 представителей армянского народа были удостоены звания Героя Советского Союза.

Первые поселения армян в Москве относятся к XIV веку. Уже в следующем столетии в Московском посаде образуется армянская колония. По указу Ивана IV, армяне были поселены в Белом городе и пользовались налоговыми льготами. Учреждается гостиный Армянский двор. По договору 1667 г. армянским купцам даровались привилегии свободной торговли на водных путях от Астрахани до Архангельска.

К концу XVII века численность армян в Москве составляла около 2 тыс. чел. Первая армяно-григорианская церковь была возведена в 1716–1719 годах в селе Воскресенском (ныне улица Большая Грузинская). Армяне в Москве селились преимущественно в Никольском (Столповом) переулке. Возглавляли армянскую общину Москвы богатые промышленники Лазаревы (Лазарян). С конца XVIII века за переулком было закреплено название Армянский. Созданное Лазаревыми училище для обучения армянских детей было со временем преобразовано в Лазаревский институт восточных языков. При институте осуществлялось издание армянского журнала «Юсисапайл». В советское время в здании института функционировал Дом Культуры Советской Армении. С конца 1980-х гг. общественная жизнь московских армян значительно активизировалась. Были организованы центры армянской культуры: Московское армянское культурное общество, армяно-русское просветительное общество «Юсисапайл» («Северное сияние»), армяно-российские школы, Московский армянский камерный хор, журналы «Pro Armenia», «Новый Вавилон», газеты «Армянский вестник», «Анелик» и другие. Большую роль в социально-политической и культурной жизни московских армян в конце XX века играют общественные организации, среди которых наиболее массовой является Армянская община Москвы. В Москве действовали или продолжают действовать также Международный гуманитарный фонд арменоведения им. академика Ц.П. Агаяна, Международное общественное объединение «Центр русско-армянских инициатив», Союз армяно-российского сотрудничества и возрождения, Армянский институт политологии и международного права, Международная армянская ассоциация медиков, Фонд поддержки русско-армянского содружества, Армянский клуб, Армянское студенческое землячество, Фонд им. А. Бабаджаняна, представительство Общеармянского фонда «Хайастан». В начале 90-х гг. на средства членов армянской общины был воздвигнут обелиск-хачкар в память всех погибших во время землетрясения и войны в Карабахе. Армянская тема отражена в современной топонимике Москвы: улица Айвазовского, улица Алабяна, Армянский переулок, Армавирская улица, улица Атарбекова, Ереванская улица, улица Коштоянца, район Лианозово, Люсиновская улица, Первый Люсиновский переулок, Третий Люсиновский переулок, площадь Маршала Бабаджаняна, Севанская улица, площадь Туманяна, улица Хачатуряна, улица Авиаконструктора Микояна.

С конца XIII века армянское поселение существовало в столице Золотой Орды – г. Сарай-Берке. После распада Орды поволжские армяне переселяются

в Астраханское ханство. В 1630–1640-е гг. армянский гостинный двор строится и в Астрахани. С 1717 г. Астрахань являлась центром армянской церковной епархии, объединяющей всех армян, проживающих в России. До 1841 г. действовал особый «Судебник астраханских армян». В разные годы в Астрахани издавались армянские газеты, действовала армянская театральная труппа, общество любителей армянской литературы и искусства, училище Н. Абабаяна. С 1990 г. в Астрахани функционирует армянское культурное общество «Арев».

Армяне в Крыму проживали еще в VIII веке. Позже на полуострове возникают армянские колонии (Феодосия, Старый Крым, Белогорск, Армянск). По численности населения в крае армяне уступали только крымским татарам. Юго-восточная часть полуострова даже носила название Морская Армения. На территории Крыма было открыто 13 монастырей и 51 церковь армяно-григорианского исповедания. Существовали армянские школы, наибольшую известность из которых приобрело основанное Г. Айвазовским училище Халибяна в Феодосии, издавались армянские журналы. Армянская община в Крыму фактически прекратила свое существование в 1944 г. в связи с депортацией из Крыма ряда народов, включая 11 тыс. армян. Крымская община армян возрождается в 1960-е гг. В 1989 г. в Симферополе было учреждено Крымское Армянское общество «Луйс», а в 1990 г. начат выпуск газеты «Голубь Масиса». Воскресные армянские школы учреждаются в Симферополе, Севастополе, Ялте.

Армянские поселения на Северном Кавказе складывались в основном за счет выходцев из Ирана и Турции. Главными центром переселений стали города Кизляр и Моздок. Среди западных адыгов еще с XI века проживали черкесские армяне, или черкесогаи. В конце XVIII – первой половине XIX вв. они переселяются на российскую территорию. Образованный ими в 1839 г. армянский аул вырос впоследствии в г. Армавир. В настоящее время большинство черкесогаев проживает в городах Армавир, Майкоп, Краснодар. Из переселявшихся из Турции армян, спасавшихся от геноцида, образуются армянские колонии в Екатеринодаре, Сочи, Туапсе. С 1926 по 1953 г. в Майкопском округе Северо-Кавказского края существовал Армянский национальный район с административным центром в станице Елисаветпольской (переименована в Шаумян).

Создание армянской колонии в низовьях Дона связано с переселением армян из Крыма, которое началось в 1779 г. по указу Екатерины II. Переселенцы из Крыма создали город Новый Нахичеван (позднее Нахичевань-на-Дону) и шесть армянских сел – Чалтырь, Большие Салы, Малые Салы, Крым, Несвитай, Катеринован (ныне составляющие Мясниковский район Ростовской области). Первоначально г. Нахичевань-на-Дону был моноэтническим, обладал внутренней автономией, подразумевавшей наличие собственного герба, печати, суда. Делопроизводство велось на армянском языке. Опираясь на привилегии, дарованные императрицей Екатериной II, и восстановив налаженные

ещё в Крыму торговые связи, крымские переселенцы быстро развили не только экономику донского региона, но и всего Юга России. Несмотря на то, что в период т.н. «Великих реформ» город постепенно лишился своих привилегий, Нахичевань-на-Дону вплоть до начала XX в. оставался одним из самых процветающих городов Российской империи. В 1928 г. Нахичевань вошла в черту Ростова-на-Дону, а затем была переименована в его Пролетарский район. В настоящее время донские армяне объединены вокруг Ростовской Региональной общественной организации «Нахичеванская-на-Дону армянская община».

Первые поселения армян в Петербурге возникают фактически сразу же после основания города. Армянская колония располагалась на Васильевском острове. В 1730 г. в Петербурге существовала Армянская улица. Возводятся два храма армяно-григорианской церкви – Церковь Святой Екатерины и Церковь Святого Воскресения. На Невском проспекте была открыта первая армянская типография в России. Издавались периодические армянские журналы. С 1988 г. проводятся службы в армянской городской церкви. В 1989 году было открыто Ленинградское общество друзей армянской культуры. В настоящее время в Северной столице действует ряд армянских общественных организаций, школа с изучением армянского языка, истории и географии Армении, издаются армянские газеты.

Для многих армян Россия стала второй родиной. Начиная с XVIII века представители армянского народа активно участвовали в формировании российской, а позже – советской государственной, политической, военной, интеллектуальной элиты, сыграли видную роль в истории и культуре России. Государственные деятели – И.Д. Делянов, М.Т. Лорис-Меликов, В.А. Аванесов, А.Б. Халатов, П.П. Прошьян, И.Ф. Тевасян, Л.М. Мирзоян, С.Л. Лукашин (Срапионян), А.И. Микоян, С.А. Акопов, Л.А. Костандов, А.Ф. Мясникян, дипломаты – Л.М. Карахан (Караханян), А.А. Бекзадян, Я.Х. Датян, В.Г. Деканозов, А.А. Арутюнян, сотрудники правоохранительных органов – Г. Агабеков, Г. Каракозов, Т.Х. Гдлян, С.С. Мамулов, военачальники – И.Х. Баграмян, А.Х. Бабаджанян, И.С. Исаков, С.А. Худяков, Э.М. Арванов, М.А. Парсегов, А.С. Еолян, Х.Н. Алавердов, В.С. Тамручи (Дамручян), А. Казарян, С.Я. Бабахан (Бабаханян), Н.Г. Тер-Григорянц, авиаконструкторы и летчики – А. Рафаэлянц, К.К. Арцеулов, Р.И. Капрэлян, Э.В. Елян, С.А. Микоян, Н.Г. Степанян, С.М. Айрапетов, медицинские работники – А.А. Багдасаров, А.И. Арутюнов, Э.С. Аветисов, А.И. Бурназян, Т.Т. Филиппосьянц, И.Х. Геворкян, Т.М. Дарбинян, Р.А. Дуринян, И.Ч. Франгулян, предприниматели – династии Адамовых, Тарасовых, Лазаревых, Гукасовых, Лианозовых, Сафаровых, ученые – С.А. Саркисов, И.Л. Кнунянц, В.А. Амбарцумян, Ю.А. Осипян, А.Г. Амбурова, Э.С. Парсамян, Э.А. Асратян, И.А. Орбели, Н.М. Сисакян, А.И. Алиханов, Н.Б. Мелик-Карамов, Г.Г. Автандилов, А.К. Дживелегов, писатели и поэты – О.Т. Туманян, М.С. Шагинян, В.А. Самвелян, В.А. Катанян, С.А. Дангулов, С.С. Чубарьян, К.Э. Джангиров, А.А. Вермишев, Н.Н. Берберова, художники

и скульпторы – И.И. Салтанов, Д.А. Налбандян, И.К. Айвазовский, М.С. Сарьян, Е.С. Кочар, В. Думанян, архитекторы – В.Л. Алавердов, К.С. Наджаров, Г.Б. Кочар, В.С. Саркисов, К.С. Алабян, А.А. Мндоянц, композиторы и музыканты – А.И. Хачатурян, К.С. Хачатурян, Т. Мансурян, М.Л. Таривердиев, Д. Тухманов, А.Е. Маргулян, А.Ш. Мелик-Пашаев, В.В. Катанян, Х.С. Кушнарев, В.И. Мурадели (Мурадов), А.А. Бабаджанян, А.Г. Экимян, М.А. Марутаев, режиссеры и актеры – Н.Ф. Балиев, Е.Б. Вахтангов, А.И. Сумбатов-Южин, К.Я. Шах Азизов, Г.С. Бурджалов, П.И. Адамян, В.К. Папазян, А.И. Бек-Назаров, С.И. Параджанов, Л.А. Кулиджанов, П.Б. Луспикаев, М.М. Хуциев, В.В. Катанян, Г.М. Саакян, А.Б. Джигарханян, К.Г. Шахназаров, Д.В. Харатьян, Г.Б. Тусузов, деятели цирка – А.А. Акопян, Л.Г. Енгибаров, С.А. Маргулян, С.И. Исаакян-Серебров, А.М. Аскарян, спортсмены – Т.В. Петросян, Ю.Н. Варданян, С.И. Амбарцумян, В.Н. Енгибарян, Н.П. Симонян, И.А. Тер-Ованесян, Ш.В. Карапетян, Г.А. Шагинян, А.В. Азарян, Х.Г. Оганесян и многие другие.

В книге раскрываются различные аспекты вклада отдельных представителей армянского народа и в целом армян в историю и культуру России, предпринята попытка осмысления этого исторического вклада в перспективе будущего. Представленные материалы могут быть использованы в будущих научных разработках, образовательной и просветительской деятельности. Главный целевой ориентир книги – выражение идеи дружбы и братства народов России, многонациональной симфонии российского государства-цивилизации.

В.Э. Багдасарян

*д.и.н., профессор, декан факультета истории,
политологии и права Московского
государственного областного университета*

РАЗДЕЛ 1

АРМЯНСКАЯ
АПОСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ
В РОССИИ

**К 300-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ЕПАРХИИ
АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ:
ИСРАЭЛЬ ОРИ И ВАРДАПЕТ МИНАС**

Карапетян Ваграм Вардкесович

кандидат технических наук, эксперт лаборатории истории диаспор исторического факультета
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
г. Москва, Россия
e-mail: vagram71@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается история становления первой епархии Армянской Апостольской Церкви на территории России в конце XVII – начале XVIII столетия, роль в этом деле выдающихся представителей армянского народа Исраэля Ори и вардапета Минаса, подтверждается точная датировка этого примечательного события.

Ключевые слова: Армянская Апостольская Церковь; Исраэль Ори; вардапет Минас; Посольский приказ; царь Петр I; католикос; Гандзасар; Эчмиадзин; Россия.

**THE 300TH ANNIVERSARY OF THE DIOCESE OF THE
ARMENIAN APOSTOLIC CHURCH IN RUSSIA:
ISRAEL ORI AND VARDAPET MINAS**

Vagram V. Karapetyan

Candidate of Engineering Sciences, expert Laboratory of the
history of Diasporas History department
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
e-mail: vagram71@mail.ru

Abstract. The article describes the history of the territory becoming the first Russian Diocese of the Armenian Apostolic Church at the end of XVII – beginning XVIII century, role in this outstanding representatives of the Armenian people of Israel Ori and vardapet Minas, confirmed the precise dating of this remarkable event.

Keywords: Armenian Apostolic Church; Israel Ori; Archimandrite Minas; Ambassadorial order; Tsar Peter I; the Catholicos; Gandzasar; Echmiadzin; Russia.

При государе Петре I – царственном работнике и ценителе полезных людей совершается наибольшее сближение армян с Россией. 2 марта 1711 г. последовал сенатский указ, где предписывалось: «Армян как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда». По другому сенатскому указу от 2 мая того же года за Армянской Торговой Компанией были утверждены все ее привилегии. Петр I помышляет открыть для западной и восточной торговли свои владения, пробить для нее новые пути, соединить Каспийское море с Балтийским.

Представители армян еще ранее старались заинтересовать своим положением Западную Европу и в особенности императора Священной Римской империи. Еще в 1677 г. в Эчмиадзине под руководством католика Акопа Джугаеци созывается совещание двенадцати видных светских и духовных лиц, на котором было принято решение отправить посольство в Западную Европу с просьбой о военной помощи для освобождения от чужеземного ига.

Посольство это прибыло в Грузию, а затем отбыло в Константинополь с тем, чтобы оттуда направиться в Западную Европу. Однако дело окончилось неудачно: в 1680 г. Акоп Джугаеци умер, а члены посольства возвратились на родину. Не возвратился только сопровождавший своего отца двадцатилетний Израэль Ори, сын сюникского мелика Исраэла. Молодой патриот, вдохновленный идеей освобождения родного народа, продолжил путь в Западную Европу в надежде на помощь европейских государств. Двадцать лет путешествовал Ори по Европе, жил в Италии, Франции, Германии, поступил на службу во французскую армию, изучил военное искусство. Он вступил в сношения с выдающимися политическими деятелями Франции, поднял перед ними вопрос об освобождении армянского народа от иноземного ига, однако встретил у них холодное безразличие.

В 1695 г. Ори поселился в Германии, в Дюссельдорфе, установил связи с пфальцским курфюрстом Иоганном-Вильгельмом. Желая, чтобы вопрос об Армении стал предметом обсуждения в дипломатических кругах европейских государств, немецкий князь отправил Ори с рекомендательными письмами к императору Священной Римской империи и правителю Флоренции. Однако, поскольку Ори не имел официальных полномочий от армян, его заявления были оставлены без внимания. Тогда по совету Иоганна-Вильгельма Ори отбыл на родину с целью получить соответствующие письменные полномочия от своих единоплеменников. Некоторой политической властью и влиянием в ту пору обладали армянские мелики Сюника и Арцахы, к которым и обратился Ори. Действительно, в 1699 г. в поселке Ангахакот в Сисиане состоялось собрание меликов-патриотов, которые и уполномочили Исраэла Ори на ведение переговоров в Западной Европе.

Впрочем, одновременно они решили просить помощи и у русского царя. В помощники Ори мелики дали вардапета (архимандрита) Минаса.

В сопровождении его Ори вернулся в Европу. С письменными полномочиями и заверениями меликов он явился к курфюрсту Пфальца и императору Священной Римской империи германской нации, однако они и на этот раз не сделали ни одного практического шага. Разочаровавшись в европейских дворах, Ори совершил поворот в своей дипломатической деятельности, покинул Западную Европу и в 1701 г. отправился в Россию. Ориентация Ори на Русское государство имела важное значение в истории освободительного движения армянского народа – с этого времени армянские политические круги окончательно стали ориентироваться на Россию. Прибыв в Москву, Ори представил Петру I обращение меликов, в котором они просили государя, чтобы он проникся состраданием к армянскому народу и освободил его от турецко-персидского ига. «Нет у нас иной надежды, – писали они, – мы надеемся на Бога и твою страну». Петр I благосклонно отнесся к прошению армянского дипломата и обещал оказать помощь армянскому народу.

Ори предложил русскому двору свою программу, которая содержала, между прочим, следующие пункты: для освобождения армянского и грузинского народов, полагал он, необходимо послать в Закавказье 25-тысячную русскую армию, 15 тысяч конных казаков и 10 тысяч пехотинцев. Конница должна двигаться в Закавказье дорогой, проходящей по Дарьяльскому ущелью, а пехоту следует переправить из Астрахани по Каспийскому морю. Русские войска по их прибытии на театр боевых действий будут встречены армянскими и грузинскими военными силами.

Но пока в России решили не воевать, а направить в Персию особое посольство во главе с тем же Ори, поручив ему попутно изучить состояние дел, выяснить настроения христиан и мусульман, собрать сведения о крепостях и дорогах страны и т. д. Чтобы не возбуждать излишних подозрений, было решено представить дело так, будто Ори, уполномоченный римским папой, едет к шаху Хусейну с целью облегчить положение христиан Персии. И действительно, в 1707 г., после необходимых приготовлений, Ори в чине полковника русской армии, с большой свитой торжественно направился в Персию.

Находившиеся там французские миссионеры всячески старались воспрепятствовать прибытию посольства в Исфахан, пытались убедить шаха, что Россия намерена восстановить политическую независимость Армении, что Ори и есть тот человек, которому предстоит царствовать в Армении.

Достигнув Шемахи, Ори поэтому вынужден был долго ожидать шахского разрешения на поездку в Исфахан. В Шемахе, правда, он встретился с выдающимися армянскими политическими деятелями, обнадежил их и попытался усилить симпатии населения к России. В 1709 г. Ори прибыл в Исфахан, затем снова отправился в Шемаху. В 1711 г. он встретился с Гандзасарским католикосом Исайей, который благословил его самоотверженные труды. Из

Гандзасара Исраэль Ори вместе с католикосом направился в Астрахань, где скоропостижно скончался. Были подозрения, что его отравили; погребен он был в Астрахани у армянской церкви. Католикосу же, который намеревался ехать в Москву, пришлось спешно возвращаться обратно в Карабах.

Дело Исраэля Ори продолжил упомянутый выше его соратник вардапет Минас, который продолжал хлопотать о покровительстве России армянскому народу и намеревался возвести на берегу Каспийского моря на том месте, где была пристань Низовая, большой монастырь, могущий одновременно стать и крепостью. Минас просил разрешения также построить армянскую церковь в Петербурге (которая, однако, так и не была сооружена в то время). В феврале 1716 г. вардапет Минас выехал, согласно его легенде, отображенной в паспорте, выданном от имени Петра I, в Персию для отыскания пожитков своего товарища Исраэля Ори [1]. Такова была легенда, но на самом деле это было некоторое секретное поручение государя, связанное с выяснением ситуации в Эчмиадзине и Гандзасаре.

Вардапет Минас родился в 1658 г. в городе Тигранакерте, что на берегу реки Тигр, и носил в миру фамилию Тигранян. В 1690 г. неким архиепископом Иоанном он рукоположен в иеромонаха (абига) монастыря Дванадцати апостолов (в Турции) и тогда же ему было дано имя Минас (имя его от крещения неизвестно). В 1700 г. Минас получил звание вардапета и затем был назначен настоятелем монастыря св. Иакова в Карабахе. С 1701 г., как мы уже видели, он сопровождает Исраэля Ори в поездках по Европе и России, в частности, проживает в Астрахани, руководя духовными делами армян в России [2].

Вардапет сперва навестил патриарха Аствацатура в Эчмиадзине 15 июля 1716 г., который обещал помогать императору Петру I, если он будет воевать с Персией (правда, письменных обещаний патриарх не дал) [3], ограничившись лишь письмом – протоколом о встрече двух духовных лиц. После этого Минас направился в Гандзасар к другому армянскому Патриарху, Исайе, который ни турок, ни персов не боялся, тем более что характер местности препятствовал активному ведению боевых действий. В отличие от Эчмиадзинского владыки он обещал в своем письме государю помогать ему в случае начала войны. «И ныне присланный по указу вашего величества сюда прибыл мой брат Минас вардапет – писал Исайя царю Петру I, – который нашей веры и который от вашего царского величества дела ему приказаны были, все донес. И когда ваше величество таковые свои воинские дела изволите начать, тогда прикажете нас наперед уведомить, чтоб я и с моими людьми верными, по возможности и по требованию вашего величества служить могли и изготовился». И далее католикос добавляет: «И изволите ваше величество с кем верны обнадеживательное письмо свое послать к нам, чтобы мы могли на милость вашего величества надеяться» [4]. И для того чтобы возвысить Минаса, достойно представить его властям России, католикос Исайя назначил его архиепископом, чтобы все армяне, которые пребывают в Российской земле, были бы под его духовной властью. «И для того мы ему тот чин дали, – заканчивает католикос, – что которой вашему величеству

верный, чтобы и нам был верный, и дабы секретные дела, ему поверенные, он верно содержал и никому иному, кроме вашего величества, не пронес» [5]. Сохранилась и грамота Минаса, составленная Патриархом Исайей, в которой излагались обязанности архиепископа как пастыря армян, пребывающих на территории России. Владыка Минас опекал армян, которые пребывали в Москве и Астрахани, как местных жителей, так и приезжих, духовенство и торговцев, знатных персон и мастеровых людей. Паства должна быть послушна своему владыке, который окормляет ее – боголюбивый армянский народ в России. «А который по обещанию надлежащий к нашему престолу сбор денежный и прочий, – продолжает католикос в ставленной грамоте, – а оный определил собирать и присылать ко мне ему, архиепископу, и сколько возможно, богатыми руками сию нашу святую Церковь не оставит» [6]. Католикос Исайя дал ново поставленному архиепископу святое миро, которым помазуют принявших святое крещение или употребляют при освящении храмов, и призвал паству не принимать иных архипастырей и почитать владыку Минаса.

Но с какого времени владыка Минас стал реально управлять своей епархией? Думается, с того дня, когда он появился в Посольском приказе. В начале перевода послания Гандзасарского католикоса сообщается, что «**1717 году, марта в 14 день** явился в государственном Посольском приказе армянской вардапет Минас и объявил армянского же патриарха Исайи, лист, писанный к великому государю армянским письмом. И понеже в Посольском приказе переводчика армянского языка нет, тот лист переведен со слов его вардапетовых и толмача его Богдана Христофорова на словенской язык» [7].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. – Ереван, 1964. – Т. 2. Ч. 1. – С. 358.
2. Меликсет-Бек Л.М. К биографии сподвижника Исраэля Ори – Минаса вардапета // Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки. – 1946. – № 1. – С. 78.
3. Там же. – С. 388.
4. Там же. – С. 362.
5. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 100. Оп. 1. 1716 г. Д. 3. Л. 30 об. Письмо это было составлено Гандзасаре 13 августа 1716 г. «У того листа – говорилось в помете при переводе письма, – печать патриарша приложена красным суриком, в которой изображено имя ево. Тот лист положен был в обертке и запечатан ево ж патриаршею особою печатью на сургуче» (Там же. Л. 31).
6. Меликсет-Бек Л.М. Указ. соч. – С. 81.
7. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. – С. 361.

**ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ
АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ФОНДАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ЦГИА СПб)**

Долганова Антонина Валерьевна

археограф 1-й категории отдела использования и публикации документов
Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: andolganova@yandex.ru

Аннотация. В докладе представлен обзор документов ЦГИА СПб по истории Армянской церкви в Российской империи в середине XVIII – начале XX вв. Документы отражают общественную, просветительскую, хозяйственную деятельность церкви, а также её правовой статус.

Ключевые слова: Армянская Апостольская Церковь; церковь св. Екатерины на Невском пр.; Армянское Смоленское кладбище; метрические книги; С.В. Тер-Аветисян.

**DOCUMENTS ON HISTORY
OF ARMENIAN APOSTOLIC CHURCH
IN RUSSIAN EMPIRE IN THE FUNDS
OF CENTRAL STATE HISTORICAL ARCHIVE
OF SAINT-PETERSBURG**

Antonina V. Dolganova

Archeographer of the 1st category of the Application and publication department
Central State Historical Archive of Saint-Petersburg
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: andolganova@yandex.ru

Abstract. The report provides an overview of St. Petersburg CSHA documents on the history of Armenian Church in the Russian Empire in the middle of the XVIII – early XX centuries. The documents reflect the social, educational, economic activities of the Church, as well as its legal status.

Keywords: Armenian Apostolic church; St. Catherine church on Nevsky av. in Saint-Petersburg; Armenian Smolensky cemetery; parish registers; S.V. Ter-Avetisyan.

ЦГИА СПб хранит документы, отложившиеся в процессе деятельности учреждений, организаций и предприятий Санкт-Петербурга – Петрограда и Санкт-Петербургской – Петроградской губернии с середины XVIII в. до 1917 г.

В том числе на хранении в архиве находились фонд Петроградского армяно-григорианского духовного правления, содержащий 151 единицу хранения, и фонд Совета по управлению имуществом петроградских армянских церквей, в объеме 1503 единиц хранения. В феврале 1966 г. оба фонда были переданы в ЦГИА Армянской ССР, сейчас это Ф. 1389 и Ф. 399 Национального архива Армении. Фонды самих армянских церквей – св. Екатерины на Невском пр. и Воскресенской церкви на Армянском Смоленском кладбище – в ЦГИА СПб не поступали.

Поэтому данная статья посвящена документам по истории Армянской церкви, обнаруженным в других фондах нашего архива.

Среди этих документов можно выделить ряд тематических групп. Первую составляют законодательные акты: копия известного Указа Анны Иоанновны от 18 января 1740 г., позволяющего мещанину Луке Ширванову «построить на собственном иждивении» во дворе его дома на Васильевском острове (пересечение Среднего пр. и 3 линии) каменную армянскую церковь, копия Указа Елизаветы Петровны от 16 января 1742 г. об упразднении всех армянских церквей, кроме одной каменной церкви в Астрахани, и копия Указа Екатерины II от 1 ноября 1770 г. о дозволении строительства каменных армянских церквей в Санкт-Петербурге и Москве. Эти документы входят в состав двух дел фонда Петроградской духовной консистории (Ф. 19) [1]. Принятие последнего из упомянутых указов напрямую связано с началом строительства церкви св. Екатерины на Невском проспекте и прилегающих зданий (Невский пр., д. 40–42), составляющих великолепный архитектурный ансамбль.

Документы, содержащие сведения о самих зданиях, формируют вторую группу. Часть их относится к фонду Петроградской городской управы (Ф. 513). Управа выдавала разрешение на ведение строительных работ в городе, и среди документов фонда хранится уникальная коллекция чертежей зданий и сооружений, планов частновладельческих земельных участков, улиц и площадей. Есть здесь и объемное дело о строительстве зданий Армянской церкви на Невском пр. за 1823–1915 гг. [2]. Оно содержит чертежи каменных зданий, временных деревянных построек на церковном участке и планы самого участка за указанный период.

В вышеназванном фонде, а также в фонде Канцелярии Петроградского градоначальника (Ф. 569) имеется ряд дел о всевозможных мелких строительных работах, проводившихся в зданиях церкви.

В фонде Петроградского городского кредитного общества (Ф. 515) находится дело по залогу домов Армянской церкви по Невскому пр. за 1869 г. [3]. 11 апреля 1869 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД было разрешено попечителю Санкт-Петербургских и Московских армянских церквей тайному советнику Лазареву заложить дома Армянской церкви для получения ссуд на ремонт церковных строений и постройку новых. В деле имеется опись с оценкой домов на июль 1869 г., содержащая подробное описание наружного и внутреннего устройства зданий, указаны, в том числе, материалы, из которых выполнены постройки и их отделка. Там же имеется ведомость о доходах с домов за 1869 г., в которой приведены сведения об арендаторах, устраивавших магазины и лавки на первом этаже, и жильцах, снимавших в домах квартиры. Среди них мы находим имя Федора Ивановича Тютчева.

Интерес представляет книга дома Армянской церкви для записи прибывающих за 1849 г., которая находится в частично сохранившейся Коллекции домовых книг Санкт-Петербурга-Петрограда (Ф. 1026) [4] и также содержит в себе сведения об арендаторах помещений в доме церкви.

К этой группе можно отнести и дело «О снабжении водой дома Армянской церкви по Невскому пр.» за 1864–1902 гг. из фонда Городской исполнительной комиссии по водоснабжению в Санкт-Петербурге (Ф. 573) [5].

Следующая группа документов – это дела о священнослужителях и законоучителях Армянской церкви. В первую очередь хочется выделить дело с общей перепиской об армянском духовенстве за 1911–1916 гг. из фонда Канцелярии Петроградского градоначальника (Ф. 569) [6]. В деле содержатся документы об избрании депутата для участия в выборах кандидатов на вакантный патриарший престол 11 декабря 1911 г., а также переписка, возникшая в связи с возбуждением в 1913 г. патриархом и католикосом всех армян вопроса о необходимости изменения территориального состава Нахичевано-Бессарабской и Астраханской епархий. В указанной переписке имеются общие статистические сведения о численности проживавших в Петербурге армян и составе духовенства. По данным статистического отделения Санкт-Петербургской городской управы, численность жителей Санкт-Петербурга «армяно-григорианского вероисповедания» приблизительно составляла на 1897 г. – 879 человек, на 1900 г. – 1103 человека, на 1913 г. – 2200 человек. Санкт-Петербургское армяно-григорианское духовное правление в своем сообщении в Управление Санкт-Петербургского градоначальника от 23 января 1914 г. указывало, что в состав духовенства по штату входили 1 протоиерей, 1 священник, 1 дьякон и 2 причетника, а численность жителей Санкт-Петербурга армяно-григорианского вероисповедания по списку 1906 г. составляла 680 человек «обоюго пола и разного возраста».

В фондах средних учебных заведений, таких как Петроградское коммерческое училище (Ф. 239), Институт имп. Марии (Ф. 414), Петроградские Вторая и Четвертая мужские гимназии (Ф. 174 и Ф. 276), Петроградское второе реальное училище (Ф. 388) и др., находятся дела о преподавателях Закона Божьего для учеников армяно-григорианского вероисповедания. В них представлены сведения о средствах на содержание законоучителей, о количестве учеников армяно-григорианского вероисповедания. Имеются в этих фондах и личные дела самих преподавателей, среди которых можно обратить внимание на дело законоучителя Петроградского коммерческого училища архидьякона Смбата Вартановича Тер-Аветисяна за 1903–1906 гг. [7], в будущем известного археолога и источниковеда. В его послужном списке на 1904 г. содержатся сведения об образовании и местах службы: в 1894 г. Тер-Аветисян окончил Тифлискую армянскую духовную семинарию Нерсесян; в 1897 г. окончил полный курс Эчмиадзинской духовной академии, и в том же году командирован в Елизаветпольскую губернию «для водворения по деревням беженцев из Турецкой Армении во время резни турецких христиан»; в 1898 г. командирован в Киевский университет для слушания лекций на историко-филологическом факультете; в 1900 г. поступил в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков; с 1902 г. состоял корреспондентом Этнографического отдела Русского музея; в 1903 г. входил в императорскую Археологическую комиссию на Кавказе; в том же году назначен законоучителем столичных учебных заведений Ведомства Учреждений имп. Марии.

В свою очередь в документах фонда Петроградского университета (Ф. 14) имеется личное дело Смбата Тер-Аветисяна за период его пребывания на факультете восточных языков (1900–1904 гг.) [8]. В дело включены фотография, копия записи о рождении, оригинальное удостоверение об окончании Эчмиадзинской духовной академии и пр.

Отдельная группа документов отражает общественную деятельность Армянской церкви. Здесь стоит упомянуть дело Канцелярии петроградского градоначальника (Ф. 569) «Об организации Съезда представителей армянских обществ, местных армянских комитетов и состоящих в ведении Католикоса всех армян комитетов «Братской помощи», оказывающих помощь армянам беженцам, который состоялся в Петрограде 10–12 мая 1916 г.» [9]. На заседаниях Съезда обсуждались насущные проблемы: расселение беженцев, организация всевозможных видов помощи (продовольственной, врачебной, духовной, материальной, призрения сирот и инвалидов и др.), – и вопросы будущего: возвращение беженцев на родину, восстановление разоренных хозяйств. Проводились всякого рода статистические подсчеты, обсуждались вопросы по розыску пропавших. В деле имеются сведения о личном составе организационного комитета Съезда, программа Съезда.

Особую группу документов составляет хранящаяся в архиве Коллекция метрических книг Армянской церкви Петрограда (Ф. 2296). Фонд состоит из 19 тетрадей с переведенными на русский язык записями о рождении, браке и смерти за 1840–1918 гг.

Также можно выделить документы, отражающие историю Армянского Смоленского кладбища. В фонде Городской исполнительной комиссии устройства городских кладбищ и заведования ими в Санкт-Петербурге (Ф. 800) имеются дело с планами Армянского кладбища за 1846–1903 гг. [10] и дело об отводе земли к кладбищу за 1851–1860 гг. [11]. В этих делах содержатся сведения о территориальных границах кладбища в разное время. Также отдельные дела об изменении площади земельного участка кладбища, строительных работах, проводимых на его территории, имеются в фондах Канцелярии Петроградского губернатора (Ф. 253) и Строительного отделения Петроградского губернского правления (Ф. 256).

В заключение хотелось бы сказать о двух делах, которые стоят особняком, но представляют, с точки зрения автора, большой интерес. Это дела фонда Петроградского общества архитекторов (Ф. 528). Петербургское Императорское общества архитекторов было учреждено в 1870 г. и занималось организацией чтений, бесед, конкурсов и публичных лекций, посвященных архитектуре, распространением научных и практических знаний, обсуждением и исследованием открытий и изобретений в области строительного искусства. Устраиваемые обществом конкурсы имели успех: в них участвовало большое количество проектов как петербургских зданий, так и зданий по всей Российской империи.

Первое дело – «О конкурсе на проект здания армянской церкви в Баку» за 1907 г. [12]. На конкурс анонимно, под девизами, были представлены 5 проектов: «Ноты», «Вагаршапат», «Три концентрических круга», «Старый Ани» и «Герб Баку». В деле имеется описание этих проектов. При голосовании были выбраны два победителя – «Герб Баку» архитектора Владимира Александровича Покровского и «Вагаршапат» гражданского инженера Гавриила Михайловича Тер-Микелова.

Второе дело – «О конкурсе на проект нового здания для Армянской духовной семинарии Нерсесян в Тифлисе» за 1908–1910 гг. [13]. В деле также имеются подробные описания представленных на конкурс проектов и сведения о победителе гражданском инженеру Сигизмунде Антоновиче Моравицком.

По разным причинам не один из этих проектов не был реализован: Будаговский собор во имя св. апп. Фаддея и Варфоломея в Баку был построен в 1914 г. по проекту архитектора Ованеса Матевосовича Качазнуни и разрушен в начале 1930-х гг., а здание семинарии в Тифлисе – архитекторами Погосом Александровичем Зурабянцем и Михаилом Николаевичем Непринцевым.

Таковы, в основном, документы, связанные с историей Армянской апостольской церкви, которыми располагает Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга» (далее – ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 1. Д. 2015, 7795.
2. Там же. Ф. 513. Оп. 102. Д. 9809.
3. Там же. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2201.
4. Там же. Ф. 1026. Оп. 1. Д. 338.
5. Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 397.
6. Там же. Ф. 569. Оп. 12. Д. 388.
7. Там же. Ф. 239. Оп. 1. Д. 7632.
8. Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 38077.
9. Там же. Ф. 569. Оп. 13. Д. 1612.
10. Там же. Ф. 800. Оп. 1. Д. 5.
11. Там же. Оп. 2. Д. 6.
12. Там же. Ф. 528. Оп. 1. Д. 284.
13. Там же. Д. 294.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
АСТРАХАНСКОЙ АРМЯНСКОЙ ЕПАРХИИ В РОССИИ
В КАЧЕСТВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ АРМЯНСКОЙ
АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ
(конец XVIII в.)**

Амирджанян Асмик Овиковна

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории
Национальная академия наук Республики Армения
г. Ереван, Армения
e-mail: amirjanyan.hasmik@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена деятельности епархиального предводителя армянской церкви в России, сторонника русской ориентации – Иосифа Аргутинского. Сегодня, в условиях повышенного интереса к истории Армянской Апостольской Церкви в России, возникает необходимость исследования и оценки исторической роли армянской церкви в армяно-русских политических, экономических и культурных отношениях.

Ключевые слова: архиепископ; епархиальный предводитель; Апостольская Церковь; политические отношения; Католикос; русское командование.

**THE ACTIVITIES OF RUSSIAN ARMENIAN DIOCESE
IN ASTRAKHAN AS A REPRESENTATIVE
OF THE ARMENIAN APOSTOLIC CHURCH OF RUSSIA
(The end of the 18th century)**

Hasmik O. Amirjanyan

candidate of historical sciences, scientific researcher Institute of History
National Academy of Sciences of Republic of Armenia
Yerevan, Armenia
e-mail: amirjanyan.hasmik@rambler.ru

Abstract. The article presents the activities of the leader of Armenian Diocese in Russia, the Russian-oriented Archbishop Hovsep Arghutinsky. Today, in the conditions of keen interest in history of Armenian Apostolic Church of Russia,

there is also a need of research and estimation of historical role of Armenian Diocese in Russia to the Armenian – Russian political, economic, and cultural relationships.

Keywords: Archbishop; leader of eparchy; Apostolic Church; political relationships; Catholicos; Russian generals.

Первая епархия Армянской Апостольской церкви в России образовалась в 1717 г. с епархиальным центром в г. Астрахани, потому и называлась Астраханской [1]. Ее формированию во многом способствовали прорусская ориентация армянского народа и внешняя политика России на Востоке, начатая Петром I.

Начиная с этого времени до середины XVIII в. армяне, проживающие в России, духовно подчинялись власти армянского духовного центра – Эчмиадзина. Огромную роль в общественно-политической и культурной жизни астраханских армян играла Армянская Апостольская Церковь. Этот порядок нарушился в 1749 г., когда армянская епархия России стала подчиняться Гандзасарскому патриаршеству и Первопрестольная как будто потеряла свое влияние на армянские епархии России (в Карабахе (древнеармянский провинция Арцах) имелась особая церковная организация. Во главе местной армянской церкви стоял агванский или албанский католикос, которому подчинялось и армянское духовенство соседних областей. Он проживал в монастыре Гандзасаре и поэтому назывался гандзасарским). Встревоженный этим, армянский католикос Симеон Ереванци (1763–1780) в 1766 г. специальным письмом знакомит императрицу Екатерину II (1762–1796) с существующей ситуацией. Он пишет, что несмотря на то, что Армения находится под властью Турции и Персии, однако в обоих государствах армяне духовно подчиняются Первопрестольному св. Эчмиадзину. Следовательно, он просит в подобное положение поставить также армян, проживающих в России, духовную власть которых будет осуществлять епископ, назначенный им [2].

Екатерина II 30-го июня 1768 г. своим посланием переутвердила духовную власть Эчмиадзинского престола над армянами, проживающими в Российской империи, и их право назначать епархиальных предводителей. Католикос в 1773 г. предводителем армянской епархии в России назначает архиепископа Иосифа Аргутинского. Этот шаг имел свои политические причины. Известно, что в деле освобождения родины от турецко-персидского ига Симеон Ереванци надеялся только на Россию. Армяне были лишены государственности, и по этой причине деятельность армяно-григорианской церкви зачастую принимала ярко выраженный политический характер.

Иосиф Аргутинский должен был стать носителем и продолжателем политических взглядов армянского католикоса в России. Католикос письмами

уверяет российских высокопоставленных чиновников и городскую управу Астрахани, чтобы Иосиф был принят в качестве своего, чтобы легко приспособился к новой среде [3]. С этого момента и после этого роль и вес армянской епархии России в жизни армян, проживающих в России, растет. С Иосифом Аргутинским связано решение многочисленных и духовных, и социально-экономических, и политических проблем русскоподданных армян. И. Аргутинский – чрезвычайно энергичный и деятельный, не ограничивался только церковными делами, а посвящал много времени и сил также национальным вопросам. Став епархиальным предводителем армянского населения России, И. Аргутинский часто бывал в С.-Петербурге и Москве, сумел приобрести большой авторитет и вес в кругах высших чинов русской администрации, установил контакты со многими влиятельными представителями царского правительства, в том числе с князем Г.А. Потемкиным, прославленным полководцем А.В. Суворовым, был лично знаком с императрицей Екатериной II, имел связи со многими высокопоставленными лицами.

Будучи убежденным сторонником русской ориентации, он считал, что Армения может освободиться от господства чужеземных захватчиков лишь при помощи России, и старался с помощью России и под ее покровительством создать армянское государство.

Архиепископ, в результате встреч с русским командованием, обсуждал вопросы освобождения Армении от турецко-персидского ига. За годы Русско-турецкой войны (1787–1791) отправил множество рапортов и писем руководству русского военного ведомства, особенно главнокомандующему Северо-кавказской армией генералу П.С. Потемкину. Эти письма представляют интерес для тех, кто изучает историю армяно-русских отношений.

Армянская церковная епархия России в ходе духовной власти И. Аргутинского внесла самый эффективный вклад в развитии внешней политики России, так как, например, активно способствовала процессам перехода Грузии под покровительство (1783 г.), а затем и под власть России (1801 г.) [4]. Он был уверен, что эти шаги откроют новые перспективы, и что Армения также перейдет под покровительство России. Кроме этого, Аргутинский в составе штаба российских войск лично участвовал в Закавказских походах, как во время русско-персидской войны, так и впоследствии. Он старался всеми силами создать благоприятные условия, начиная с организации обеспечения российской армии продуктами питания и прочими средствами, до убеждения местных религиозных, национальных деятелей и народа придерживаться пророссийской ориентации [5]. Во время походов 1796 г. И. Аргутинский обратился к армянскому народу с призывом помочь русской армии. «Армянскій архієпископъ Іосифъ кинулся самъ въ селенія армянскія владенія Селимъ-Хана шекійскаго, и успель доставитъ толико нужное для корпуса подкрепленіе» [6]. Русские генералы П.С. Потемкин, П.А. и В.А. Зубовы, А.М. Римский-Корсаков и другие выражали ему искреннюю благодарность за

большие труды в пользу России [7]. Они обращались к И. Аргутинскому как к посреднику в отношениях с представителями местного населения, через него царское правительство вело переговоры с армянским народом, а последние, в свою очередь, обращались к И. Аргутинскому как к доверенному лицу русской стороны, который пользовался вниманием русского правительства и особым доверием князя Г. Потемкина [8]. Последний при посредничестве Иосифа поддерживал постоянные отношения с армянами.

С другой стороны, Аргутинский стремился преисполнить армянских общественных и духовных деятелей своими прорусскими планами. Его предложения по освобождению Армении и восстановлению армянской государственности под покровительством России поддерживали многие армянские политические и общественные деятели, многие из которых переписывались с Аргутинским [9]. 4-го сентября 1786 г. в письме армянскому патриоту Мадраса Ш. Шахамирану он советует лично установить связь с русскими политическими деятелями, предложить свою программу [10]. Иосиф предпринял большие усилия, пытаясь убедить армянского католика Гукаса Карнеци (1780–1799) в важности заключения армяно-российского союза, побуждая его от имени армянской церкви представить российскому правительству проект договора [11]. Католикос рассматривался в то время не только как религиозный, но и как своего рода политический глава армянского народа. Архиепископ сознавал, что авторитет католика в качестве духовного предводителя армянского народа будет иметь большое воздействие в вопросе углубления армяно-российских отношений [12]. А в июльских письмах 1786 г. настаивал, чтобы Гукас написал письмо управляющему южной частью России князю Григорию Потемкину и специальное обращение – императрице Екатерине. Усилия Аргутинского не прошли даром: Католикос 30-го января 1782 г., 10-го апреля, 28-го июня 1783 г. и в дальнейшем отправляет письма благодарственного содержания главнокомандующему Северо-кавказской армией генералу Павлу Потемкину [13].

Армянский архиепископ оказал важное содействие русскому командованию, в частности, в деле организации переселения бессарабских и херсонских армян в пределы России, и в деле основания городов Новой Нахичевани и Григориополя. В дальнейшем также постоянно в центре его внимания находились проблемы улучшения социально-экономической и духовно-культурной жизни переселенцев. В письмах, адресованных российским высокопоставленным чиновникам, он от имени армянской епархии России просит льгот и привилегий для переселенцев. 12-го сентября 1793 г. в письме, отправленном главнокомандующему Закавказской русской армией Платону Зубову, он отмечает, что развитие экономики в крае будет выгодным для государства, и с целью поощрения этого было бы желательно предоставить переселенцам земли, право свободной торговли, за счет государства обеспечить их хлебом, зерновыми, скотом. Обращаясь к Сенату относительно решения этих вопросов, он пишет, что все это будет способствовать переходу остальных армян

под российское покровительство [14]. Усилиями епархии армяне Новой Нахичевани и Григориополя получили временные льготы: внутреннее самоуправление, торгово-экономические привилегии и т.д.

Аргутинский предпринимал любые шаги, чтобы новые переселенцы не теряли связь с корнями армянской апостольской церкви. С этой целью он для новых переселенцев Нахичевани, а также других местностей, где армяне составляли большинство, неоднократно просил благословления у армянского католикоса. Просил поздравить армянское население Астрахани, Кизляра, Моздока с приобретенными льготами (имея в виду экономические привилегии и налоговые свободы, предоставленные Екатериной II указанным городам) [15]. Кроме этого, он просил отправить поздравительные послания многочисленным лицам, проживающим в России, указывая имена их всех, которые содействовали Аргутинскому в деле восстановления государственности Армении во время встреч с русскими деятелями, а также в ходе решения проблем, имеющихся в его епархии [16].

Иосиф Аргутинский с большим энтузиазмом занимался также вопросами благосостояния своей епархии. В самой Астрахани с именем Аргутинского связана разработка армянского духовного суда, армянской духовной консистории, специального духовного законодательства. Он в Новой Нахичевани учредил духовный суд, написав для него Свод церковных канонов, с приложением политических законов. Астраханской епархией армянскому населению Москвы и других городов России, где армяне составляли большинство, неоднократно отправлялись кондаки (послания) с призывом жить дружно, помогать друг другу, осуществлять благотворительность, не удаляться от корней армянской апостольской церкви, нерушимо хранить традиции армянской церкви и т.д. В марте-апреле 1780 г. он обращается Г. Потемкину с просьбой, чтобы в армянских церквях молитва проводилась на армянском языке, предупредив его об опасности католицизма [17]. Эти шаги больше укрепили духовное единение армян, проживающих в России, и их связь с Первопрестольной.

Во время епархианства Аргутинского его усилиями в Астрахани была открыта типография, сыгравшая выдающуюся роль в развитии русско-армянских культурных связей. Эта была первая армянская типография в России. В ней в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. было напечатано около двадцати изданий, необходимых для практической деятельности населения (учебники, молитвенники, календари), которые рассылались в другие армянские общины России и Армении [18]. Целью изданий, относящихся к ритуалам армянской церкви и прочим вопросам армянского вероисповедания, было распространение обрядов Армянской Апостольской Церкви среди армян, проживающих в России. А с целью укрепления пророссийской ориентации издаются книги, посвященные блистательным эпизодам истории России.

Таким образом, епархия Армянской Апостольской Церкви в России своей деятельностью всячески способствовала не только военно-политическому

и духовно-культурному развитию русско-армянских отношений, но и повышению авторитета и роли Астраханской армянской епархии в жизни как Российского правительства, так и политической и общественной жизни армянского народа. Армянская Апостольская Церковь Астрахани играла важнейшую общественную, культурную и политическую роль в жизни армянской общины не только Астрахани, но во всей России. Благодаря деятелям армянской церкви сохранялась и обогащалась духовная культура не только астраханских армян, но и всего армянского народа, расширялись права астраханских армян, крепились русско-армянские связи [19].

Благодаря усилиям армянской епархии России и армянских общественно-политических деятелей взошедший на трон император Павел 26-го февраля 1798 г. своим посланием выразил свое расположение и благодарность всему армянскому народу, отметив, что, следуя примеру Петра Великого и Екатерины, он будет покровительствовать всему армянскому народу [20].

За большие заслуги перед Российским государством, при посредничестве царского правительства, летом 1801 г. предводитель армянской епархии России архиепископ Иосиф был избран новым армянским патриархом-католикосом всех армян: «Зная лично Иосифа и будучи расположенъ къ нему, императоръ Павелъ I поручилъ Тамаре стараться склонить константинопольское духовенство и армянъ въ пользу Иосифа и сходатайствовать фирманъ на утверждение его патриархомъ армянскаго народа» [21].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ново-Нахичеванская и Российская епархия Армянской Апостольской Церкви. – URL: <http://surb-reshtakapetac.org/6-istoriya-armyanskoj-cerkvi.html>. – URL: <http://www.patriarchia.ru>.
2. Арутюнян С.А. Взаимоотношения Св. Эчмиадзина с царским правительством при Екатерине II // Эчмиадзин. – 2012. – № 7. – С. 120–126.
3. Армяно-русские отношения в XVIII веке: сборник документов [под ред. М.Г. Нерсисяна]. – Т. IV. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1990, Док. 117. – С. 196, Док. 179. – С. 281–282; Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. – Ереван, 1990. – С. 56.
4. Маркова О.А. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. – М., 1966. – С. 168–169.
5. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. – Ч. 2 – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1869. – С. 399–411.
6. Бутков П.Г. Указ. соч. – С. 412.
7. Армяно-русские отношения в XVIII веке. – Т. IV. Док. 197. – С. 302. Док. 275. – С. 408; Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа. – Ч. 2. – М.: Типография Лазаревского Института восточных языков, 1838. – С. 335.

8. Амирджян А.О. Иосиф Аргутян и армяно-русские отношения // История и культура. – 2015. – № 1. – С. 32–44.
9. Армяно-русские отношения в XVIII веке. – Т. IV. Док. 117. – С. 278–279.
10. Институт древних рукописей Матенадаран имени св. Месропа Маштоца /РА/. Рукопись 2699. Л. 106.
11. Институт древних рукописей Матенадаран имени св. Месропа Маштоца. Рукопись 2803. Л. 254.
12. Иоаннисян А.Р. Указ. соч. – С. 92–93.
13. Армяно-русские отношения в XVIII веке. – Т. IV. Док. 117. – С. 194–196; Док. 147. – С. 239–240; Док. 153. – С. 244–245.
14. Там же. Док. 267. – С. 399.
15. Институт древних рукописей Матенадаран имени св. Месропа Маштоца. Рукопись 2699. Л. 110, 156.
16. Там же. Л. 152–153, 167, 173; Фонд «Диван католикоса». Пап. 5. Док. 26. Л. 8–9.
17. Армяно-русские отношения в XVIII веке. – Т. IV. Док. 95. – С. 157–158.
18. Аветикян А.С. Армянская община Астрахани и ее роль в социально-экономической и культурной жизни региона в XVIII – нач. XX вв. . – URL: <http://www.nashasreda.ru>.
19. Там же.
20. Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа. – С. 194–196.
21. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – Т. IV. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1886. – С. 220.

АРХИЕПИСКОП ИОСИФ АРГУТИНСКИЙ НА «СЛУЖБЕ» РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Арсенян Гаяне Граати

ведущий научный сотрудник

Государственное казенное учреждение Московской области
«Центральный государственный архив Московской области»

г. Москва, Россия

e-mail: gevorkyan11@yandex.ru

Аннотация. В статье автор раскрывает личность архиепископа Иосифа Аргутинского с точки зрения служения русскому престолу. Приводятся факты участия архиепископа по заселению юга России переселенцами – армянами, о его присутствии при русских войсках во время второй Русско-турецкой войны и персидском походе. А также показывается отношение к нему первых лиц государства, таких как Потемкина, Зубова, Суворова и, конечно же, императрицы Екатерины II и императора Павла I. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ международного научно-исследовательского проекта № 16-21-20003 «Армяне в составе российской и советской элиты XVIII–XX вв.».

Ключевые слова: архиепископ; русско-армянские отношения; дипломатия; общественно-политические движения; Русско-турецкая война; персидский поход.

ARCHBISHOP JOSEPH ARGUTINSKY «IN THE SERVICE» OF THE RUSSIAN STATE

Gayane G. Arsenyan

Leading researcher

Moscow Oblast state public institution
«Moscow Oblast Central State Archive»

Moscow, Russia

e-mail: gevorkyan11@yandex.ru

Abstract. The author reveals the personality of Archbishop Joseph Argutinsky terms of service to the Russian throne, shows out facts of Archbishop's participation in the placement of displaced Armenians in the south of Russia,

shows his presence next to the Russian troops during the second Russian-Turkish War and the Persian campaign. As well as, it describes the attitude of top officials such as Potemkin, Zubov, Suvorov and of course the Empress Catherine II and Pavel I.

Keywords: Archbishop; Russian-Armenian relations; diplomacy; social and political movements; Russian-Turkish War; the Persian campaign.

Армянская Апостольская Церковь на протяжении долгих столетий являлась для армянского народа спасительным кругом в круговороте общественно-политических событий XVIII–XIX вв. Она взяла на себя обязательства защищать и представлять интересы своих соотечественников. Во многом благодаря Армянской Апостольской Церкви армянский народ сумел в условиях отсутствия независимого государства сохранить свою национальную самоидентификацию и самобытность. Кроме того, что она взяла на себя заботу о народном образовании, общественном признании, культурно-просветительском развитии и о многом другом, она объединяла вокруг себя всех армян, рассеявшихся за пределами родины.

В связи с усилением могущества русского государства первоочередной задачей, ставшей перед армянскими духовными, общественно-политическими кругами, стало развитие и укрепление дружеских взаимоотношений двух народов.

Начало официальных сношений Эчмиадзинского патриаршего престола всех армян с русским правительством относится ко второй половине XVIII столетия, к царствованию императрицы Екатерины II. Бывшие до того времени взаимоотношения Петра Великого с иерархами армянской церкви, ввиду тех целей, которые преследовал Петр на Востоке (приобретение побережья Каспийского моря), происходили не с Эчмиадзинскими католикосами, облеченными высшей духовной властью, а с Гандзасарскими, пребывавшими в Гандзасарском монастыре, близ Шуши (Елисаветпольской губ.) [1].

В 1763 г. на патриарший престол в Эчмиадзине восходит один из выдающихся иерархов армянской церкви – святейший Симеон. Именно он заложил фундамент прорусской политической ориентации армянского народа на долгие столетия вплоть до сегодняшнего дня. От России он ожидал действенной помощи в восстановлении армянской государственности. Русское правительство назначило Симеона духовным главой всех армян, проживающих в России, и предоставило ему право назначать для них епископов.

В 1773 г., в период переговоров по итогам Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Симеон назначает армянским архиепископом в России князя Иосифа Аргутинского-Долгорукова. Вот что об этом пишет историк-литератор

Лео: «В этот серьезный момент, когда одним из условий русских было освобождение грузин, греков и других христианских народов, католикос Симеон назначает предводителем армян в России Иосифа Аргутинского. Необходимо было иметь в России знающего человека, в той России, которая взялась за вопрос освобождения христианского народа.

Наилучшего выбора Симеон не мог сделать. Архиепископ Иосиф именно тот человек, который нужен был в то время в России. Нельзя сказать, что Иосиф был особо подготовлен к подобной миссии. Нет, он даже не знал ни единого слова по-русски. Но природный ум, способный восполнить все другие недостатки, превратили Иосифа в одного из самых известных людей России» [2].

В основном, в научной литературе архиепископа Иосифа Аргутинского изображают в качестве выдающегося сына армянского народа, служившего в интересах армян. С одной стороны, это, конечно же, так. Однако не менее важную роль он сыграл на «службе» русскому государству. Прирожденный дипломат по своей природе, он сумел внести важный вклад в историю двух народов, о чем нельзя забывать.

«Первый опыт своей приверженности к России оказал он, способствуя переселению из Крыма множества армянских семей, которые утвердились в Нахичевани, устроенном и украшенном попечением сего архиепископа, соорудившего в нем богатую церковь и монастырь» [3].

Особо следует отметить отношения Аргутинского с Иваном (Ованесом) Лазаревым, крупным предпринимателем и государственным деятелем своего времени. Именно Лазарев ввел духовного предводителя армян в высшие слои той эпохи. Благодаря ему Аргутинский познакомился и породнился со многими государственными деятелями, был принят при Императорском дворе, удостоился особой благосклонности и внимания Екатерины. «Особой удачей для Иосифа было иметь среди своих последователей такого видного деятеля и патриота, как Ованеса Лазарева. Без его помощи он не смог бы так продвинуться, занять такое значимое место. Конечно, если бы Аргутинский не обладал внутренней позицией, способностями знакомства Лазарева не могли бы иметь значения. Аргутинскому нужны были ряд благоприятствующих обстоятельств, после он уже сам все знал, нужно отметить, что Лазарев во всем был рядом с ним» [4].

Лазарев и Аргутинский и были теми армянами, с которыми русские савонники вступили в переговоры, когда к 1780 г. армянский вопрос стал в повестку дня [5]. Обширные знания, тонкий пронизательный ум, врожденный такт, глубокие познания жизни восточных стран дали ему возможность приблизиться и расположить к себе выдающихся людей той эпохи, таких как Г.А. Потемкин, А.В. Суворов, Н.И. Панин и В.А. Зубов и многих других. Известно, что 1 января 1780 г. к Аргутинскому явился Иван Петрович Горич [6]. Он сообщил ему, что русские намерены предпринять поход с целью

овладения прикаспийскими областями. В связи с этим он стал расспрашивать его о персидских землях, о расстоянии между отдельными городами, о силе персов, о количестве армянского войска и войска магометанского между Дербентом, Тавризом, Ереваном, Карабахом и Ширваном. Аргутинский дал ему необходимые сведения, которые тот записал. После этого визита последовал ряд встреч Лазарева и Аргутинского с Суворовым и Потемкиным. Рассуждения архиепископа Иосифа Аргутинского по вопросам восточной политики представлялись настолько ценными в глазах князя Г.А. Потемкина, А.В. Суворова, Н.И. Панина, П. и В. Зубовых и других, что присутствие его на месте военных действий на второй Русско-турецкой и русско-персидской войнах признавалось совершенно необходимым, и он с удовольствием сопровождал русскую армию в этих походах.

В русской армии армянский архиепископ был почетным гостем Потемкина и жил в его палатке. Князь ничего не жалел для Аргутинского. Потемкин назначил его пастырем армян Бессарабии, Молдавии и Валахии (ныне Румыния), а также написал Екатерине, чтобы ему вручили крест и присвоили мантию.

В ноябре 1789 г. Потемкин взял Бендерскую крепость. Одну из мечетей крепости, именуемую Ахаджамисом, Иосиф превратил в христианскую церковь. «Пострадавших и измученных войной армян он собрал, обустроил вокруг церкви Лусаворича и купил дома, кофейни, бани и сдал их в аренду, прибыль с которых пустил на нужды народа» [7].

Иосиф, находясь в русской армии, не только читал проповеди русским солдатам и помогал армянам; он нужен был Потемкину как человек, который прекрасно был осведомлен об обстановке в Турции и мог сослужить хорошую службу России. И для армян, проживавших на территории Турции, большую роль должно было сыграть то обстоятельство, что в русской армии находится армянский архиепископ, имевший благосклонность самой русской императрицы.

Армяне городов Ботошань и Сучавы, услышав о пребывании в русской армии армянского архиепископа, отправили к нему посланников с просьбой посетить их города. Аргутинский отправился к ним, и в обоих городах был принят с большими почестями. Интересен тот факт, что солдаты австрийской армии давали приемы в его честь, и всегда возле его палатки стояла почетная охрана.

Как тонкий политик, Аргутинский не упускал ни малейшей возможности укрепить государственные и личные связи. Так, в марте 1790 г., когда пришло известие о смерти императора Иосифа II, он отслужил торжественную панихиду. Со слезами он прочитал такую проповедь, что присутствующие в церкви австрийские генералы прослезились [8].

Турецкие крепости одна за другой переходили в руки к русским. Архиепископ Аргутинский, имея при себе приказ Потемкина, спешил на помощь к соотечественникам. Он собирал обездоленных армян, на церковные средства покупал хлеб и раздавал голодающим. Русские князья всячески ему способствовали. В начале ноября Аргутинский переселяет 668 душ армян в Бендеры.

Еще больший ужас ожидал армян, живущих в крепости Измаил. В начале декабря взятие Измаила было передано Суворову. Русские войска напали на крепость и прорвались внутрь. После взятия крепости Суворов, согласно своему обещанию, позволил своим войскам грабить крепость в течение трех дней. В этой ужасной резне и грабежах немалые потери понесли и армяне. Было убито 60 человек. Взяв крепость, русские 6 дней хоронили убитых и убрали улицы. Через 12 дней после взятия крепости туда приехал Аргутинский. Перед ним встала задача – обустроить и накормить эту обездоленную толпу. Он немедленно начинает собирать средства, пишет письма армянам Молдавии и Валахии, призывая помочь своим обездоленным братьям. Помощь начала поступать со всех сторон. Затем архиепископ Иосиф отправляет в Нор-Нахичевань 30 юношей из Измаила для получения образования в открытой им школе при монастыре Сурб Хач.

Русско-турецкая война была на исходе, уже шли разговоры о подписании мира. Потемкин, зная, какие территории будут возвращены туркам, поручил Аргутинскому переселить армян из взятых русскими городов поближе к границам России. Он уже решил, где должен быть основан новый город для этих переселенцев, указав им переселяться в направлении города Дубоссар на Днестре. Там и должны были обосноваться переселенцы. Аргутинский взялся за это дело, но заранее испросив для переселенцев ряд привилегий. Когда 5 октября 1791 г. умер Потемкин, Иосиф в своих воспоминаниях написал: «Мы потеряли нашего бесценного покровителя и главного благодетеля...».

Неугомонный, энергичный архиепископ возобновляет свои действия. Армяне из Измаила и других селений собрались в городе Дубоссары, где их возглавил Степан Давтян, прозванный «Араратским послом». Для переселенцев Аргутинский просил отдельное место под новый город, который должен был именоваться Григориополем, в честь Григория Просветителя и Григория Потемкина. В 1792 г. он уже начал размещать армянских переселенцев.

В 12 верстах от города Дубоссар Аргутинский вместе с местным наместником выбрал прекрасное место для армянского города. Однако армяне не желали уезжать из Дубоссар и по новой строиться и обустраиваться. Но Аргутинский сумел их переубедить. На Пасху он собрал армян во временной армянской церкви, отслужил мессу и прочитал одну из самых своих трогательных проповедей, благословил вступление армян под покровительство России, сам заплакал и многих заставил заплакать. Последние сомнения были развеяны.

Приказ императрицы от 17 июня 1792 г. попал к Аргутинскому 17 июля. Не теряя времени, уже 25 числа того же месяца, он торжественно благословил основание нового города, с этого дня появился армянский город Григориополь. Но нелегко было создавать целый город, особенно когда народ полностью обездолен и живет за счет подаяний со стороны. Благодаря его посредничеству русское правительство взяло на себя траты на строительство и расходы на приобретение провизии.

Государственная казна выделила 46 781 руб. 72 коп. на строительство 325 домов, 37 000 руб. на церковь и храм, 15 000 руб. на дом управы, кроме этого на 10 лет были даны 10 000 руб. на строительство магазинов и рынка, 2000 руб. на кофейни и бани, 25000 руб. – на скот и другие необходимые нужды и 50000 руб. на развитие торговли [9]. Кроме города Григориополя он основал и села, одно из которых получило название Иосифка, другое – Васильевка, по имени его брата.

В 1792 г. Императорское Вольное экономическое общество, «высоко оценив деятельность Аргутинского в деле обогащения страны, приняло его в свой состав, что считалось очень почетным» [10]. Но его ожидали еще большие почести. Екатерина II удивила всех своей щедростью и вниманием. Она удостоила Иосифа бриллиантовым крестом и перстнем, предназначенным только для высокопоставленных русских духовников. О том, какое значение имели эти подарки, можно судить по тому, что по всей империи в это время только три священнослужителя носили подобные кресты. Удивленный и восторженный архиепископ на следующий день предстал перед Екатериной, поцеловал ей руку и направился к наследнику трона Павлу и его сыновьям. Впоследствии император Павел неоднократно его принимал на частных аудиенциях и осыпал монаршими милостями, пожаловав ему орден Св. Анны I степени, и «возвел со всею фамилиею в княжеское достоинство Российской Империи, так как до тех пор он был лишь грузинским князем» [11].

Иосиф Аргутинский, видный деятель армянского освободительного движения, проявил большое усердие и максимум энергии, чтобы выработанный план русского двора был бы реализован [12]. С этой целью он поддерживал тесные связи с В. Зубовым, давал ему сведения историко-географического характера об Армении и сопредельных странах. И весьма естественно, что Платон Зубов, учитывая обширную информированность и знания Иосифа Аргутинского, просил его показать новый пример усердия и направиться в Моздок для встречи с В. Зубовым. По данным Г.А. Эзова, И. Аргутинский действительно встретился с В.А. Зубовым, который принял его с большими почестями, о чем последний сообщил Лазареву в своем письме от 1-го апреля 1796 г. [13]. Не менее важно и то, что Аргутинский ради освобождения своего народа и восстановления его государственности с помощью России выражал готовность принять самое активное участие в персидском походе русских войск. Г.А. Эзов свидетельствует, что Аргутинский имел тесные связи также с генералами Волынским, Римским-Корсаковым, царем Ираклием, неоднократно обращался к армянам, призывая их вновь проявлять верность и преданность России. Это не могло не остаться незамеченным как В. Зубовым, так и другими высшими сановниками страны. Вот почему граф П. Зубов выражал ему свою искреннюю благодарность, прося его «продолжать ревностные старания на общую пользу дел» [14].

«В 1796 году, по Высочайшему повелению, архиепископ Иосиф отправился вместе с Российскими войсками в Персидский поход и находился в армии во

все время пребывания оной за границей. Здесь то оказал он России величайшие услуги, в которых участвовал весь армянский народ, издревле преданный Российской монархии» [15].

Мы также узнаем, что Шамаханский хан Мустафа в то время замыслил неожиданное нападение на корпус русской армии. Исход этого мог бы быть плачевным. Однако Иосиф Аргутинский раскрыл этот умысел и «не только успел отклонить его от приведения оного в действие, но даже убедил сего врага России сделаться ее другом и союзником, обязав к тому торжественною присягою» [16]. По убеждению архиепископа, город и крепость Гянджа сдались русским войскам без кровопролития, а Джагаш Хан объявил себя покорным России. Вскоре и другие последовали его примеру. Так, Шушинский хан по настоянию Аргутинского не только «сделался другом России, но даже присоединил войска свои к Российской армии» [17].

Таким образом, архиепископ Иосиф Аргутинский, достойный сын армянского народа, являясь тонким политиком, великим дипломатом, обладая невероятным даром убеждения в условиях, когда вокруг него бурлила общественно-политическая жизнь и многие исторические события имели место только при его непосредственном участии, сослужил верную службу, как армянскому народу, так и российскому государству. Благодаря его усилиям был заселен Юг России, образованы ряд крупных городов, таких как Нахичевань-на-Дону, Григориополь, Святой Крест и много других поселений, ставших вскоре крупными торговыми центрами. Тем самым основные задачи, поставленные Екатериной II, были выполнены. Как пишет Лео: «Современники, смотря на этого на редкость продвинутого верующего князя, с уверенностью могли сказать, что тот родился под счастливой звездой» [18].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эзов Г.А. Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством. – Тифлис, 1901. – С. 3.
2. Лео. Католикос Овсеп Архутеан. – Тифлис, 1902 (на арм. яз). – С. 38–39.
3. Северный Архив. – 1823. – Май, № 10 – С. 222.
4. Лео. Указ. соч. – С. 61.
5. Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. – Ереван, 1990. – С. 17.
6. Там же. – С. 18.
7. Лео. Указ. соч. – С. 76.
8. Там же. – С. 77.
9. Там же. – С. 90.
10. Там же.

11. Эзов Г.А. Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством. – С. 11.
12. Мурадян М.А. Восточная Армения в русской историографии XIX в. – Ереван, 1990. – С. 120.
13. Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. – СПб., 1898. – С. CV.
14. Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. – С. CVI.
15. Северный Архив. – 1823. -май, № 10 – С. 222–223.
16. Там же. – С. 224.
17. Там же. – С. 225.
18. Лео. Указ. соч. – С. 19.

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АРМЯНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ
ЦЕРКВИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ
ПРЕДСТОЯТЕЛЬСТВА СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО АЛЕКСИЯ I (1945–1970 гг.)
(по страницам «Журнала Московской Патриархии»)**

Казакевич Александр Николаевич

ведущий научный сотрудник отдела комплектования, работы с архивами
и делопроизводством организаций
Государственное казенное учреждение Московской области
«Центральный государственный архив Московской области»
г. Москва, Россия
e-mail: kazzak6@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются взаимоотношения Русской Православной Церкви и Армянской Апостольской в годы предстоятельства Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (1945–1970).

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; Армянская Апостольская Церковь; Патриарх; Католикос; Эчмиадзин; Лавра; Патриарх Алексий; Католикос Вазген; литургия; Григорий; Просветитель Армении и его рука.

**RELATIONS BETWEEN ARMENIAN APOSTOLIC CHURCH
AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH DURING THE YEARS
OF PRESIDENCY OF PATRIARCH OF MOSCOW ALEXY I
(1945–1970)**

(Based on the pages «Journal of the Moscow Patriarchate»)

Alexander N. Kazakevich

Leading Researcher acquisition department, working with archives
and records management organizations State-Funded Institution of Moscow region
«Central State Archive of the Moscow region»
Moscow, Russia
e-mail: kazzak6@yandex.ru

Abstract. The article describes the relationship between the Russian Orthodox Church and the Armenian Apostolic during the years of presidency of Patriarch of Moscow and All Russia Alexy I (1945–1970).

Keywords: Russian Orthodox Church; The Armenian Apostolic Church; Patriarch; Catholicos; Echmiadzin; Laurel; Patriarch Alexy I; Catholicos Vazgen; liturgy; Gregory; armenian enlightener and his hand.

Контакты православной Москвы, ее священноначалия, пастырей и мирян Русской Православной Церкви с Армянкой Апостольской Церковью начались после Великой Отечественной войны, и во многом это связано с личностью и трудами Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, правящего архипастыря великой державы. На долю этого выдающегося Предстоятеля Русской Православной Церкви выпало возродить Церковь в послевоенные годы после большевистских гонений 1920–1930-х гг., а затем вновь отстаивать ее от посягательств власти в период хрущевской «оттепели». Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что именно мудрая позиция Патриарха, его исключительно высокий в глазах всего общества авторитет сыграли важнейшую роль в деле сохранения и последующего возрождения церковной жизни в России, укрепления дружественных связей православной Москвы с Армянской Апостольской Церковью. Думается, что внимание Святейшего Патриарха по отношению к Армянской Церкви было обусловлено тем, что он не только по книгам знал армянский народ – он узнал его представителей, когда в течение трех лет, с 1888 по 1891 г. учился в гимназических классах Лазаревского института – обители духовного просвещения двух братских народов.

Контакты Армянской Церкви в советское время с Москвой начались в годы патриаршества верховного Патриарха-Католикоса всех армян Геворка VI Чорекчяна (1868–1954). Время его патриаршего местоблюстительства, после кончины Католикоса Хорена I в 1938 г. было самым трудным в истории Армянской Церкви и армянского народа. Вместе с другими народами СССР он напрягал все свои силы в Великой Отечественной войне против фашистской Германии. Геворг VI – в то время архиепископ и как патриарший местоблюститель, – обратился тогда к армянскому народу с призывом пожертвовать на танковую колонну имени Давида Сасунского, и действительно, многие армяне откликнулись на его призыв; в 1943 г. колонна была направлена на фронт. Вспомним, что и Русская Церковь в ту пору также много жертвовала на танковую колонну «Дмитрий Донской». В апреле 1945 г. владыка был на приеме в Москве у главы Советского правительства И.В. Сталина, на котором изложил все основные нужды и чаяния Армянской Церкви. Вспомним, что в сентябре 1943 г. архипастыри Православной Церкви также встречались в Кремле с И.В. Сталиным, после чего последовали перемены к лучшему по отношению к Церкви. Владыка Геворг по возвращении из Москвы в Эчмиадзин обратился с посланием ко всем армянам в СССР и за границей, в котором говорил о необходимости избрания Патриарха-Католикоса Армянской Церкви

и тогда же, не медля, созвал Собор епископов, духовенства и мирян. На этот Национальный Церковный Собор съехались делегации из всех стран, где проживали армяне. Решив ряд вопросов, касавшихся устройства Армянской Церкви, он единодушно избрал верховным Католикосом всех армян местоблюстителя архиепископа Геворга VI.

Весьма значительны были заслуги Католикоса в деле сближения Армянской и Русской Церквей. Именно с самого начала предстоятельства Святейшего Геворга, с 1946 г. начались оживленные сношения Эчмиадзина с Московской Патриархией. Для празднования 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви владыка Геворг прибыл по приглашению святейшего патриарха Алексия на торжества, связанные с этим знаменательным событием, в сопровождении епископа Нахичеванского Карапета и других лиц. Открылись юбилейные торжества в храме Воскресения Христова в Сокольниках, на котором Святейший Католикос восседал вместе со Святейшим Патриархом Алексием и главами делегаций православных Церквей Востока. В своей речи Первосвятитель Армянской Церкви вспомнил великих печальников Святой Руси: святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, священномученика патриарха Гермогена. «Хвала и честь Великой и Святой Русской Православной Церкви, – сказал он тогда, – которая никогда не покушалась на религиозную совесть и национально-церковную независимость армянского народа и на его многовековое святая святых – Эчмиадзин. На этом святом, взаимном доверии, уважении и любви основано, развивается и укрепляется истинно христианское, молитвенно-духовное общение двух правоверных Церквей и братское евангельское содружество верующих христианских наших чад» [1]. Впоследствии, если и вспоминали на страницах «Журнала Московской Патриархии» – печатного органа Русской Православной Церкви – Халкидонский собор 451 г., зафиксировавший разделение Церквей, то лишь в связи с ролью Ватикана, который выступал против репатриации армян на их историческую Родину. Ректор Московской Духовной академии архиепископ Гермоген (Кожин) в своей статье напомнил, что важное значение Халкидонского собора заключается, прежде всего, в том, что он указал Римскому папе его место в ряду автокефальных иерархов, предоставляя ему первенство чести – но не власти. Критика архиепископа Гермогена была направлена в основном против пап, но не против Армянской Церкви.

9 мая 1952 г. в Московской духовной академии открылось совещание представителей церквей и религиозных объединений в защиту мира, на котором присутствовал и Святейший Католикос Геворг VI. В своей речи он убежденно отстаивал принцип свободы и самоопределения народов, выступая против грубой силы и насилия, призывая созвать всемирную конференцию религиозных деятелей для обсуждения вопроса о защите мира. В ту пору советское правительство вело борьбу за мир и привлекало к этой борьбе Церковь. Но Церкви, и прежде всего братские Армянская и Русская, – использовали

трибуну этой «борьбы» для того, чтобы свидетельствовать миру и людям правду Евангелия Христова. «Церковь – говорил тогда Католикос, – должна употребить все свое влияние на воспитание человеческой души и сделать в ней господствующими чувствами любовь и братство» [2]. Через несколько месяцев он приехал в Москву, чтобы поздравить Святейшего Патриарха Алексия с 75-летием. «Русские люди религиозны, отличаются терпимостью, они любят свою нацию и Отчизну, человеколюбивы, – сказал он, – Это отражено и в юбиляре. Вследствие благородства в такте и мудрого руководства Святейшего юбиляра изменились и взаимоотношения Церквей. Существовавший ранее холодок заменился горячей благожелательностью, которую мы бы назвали дружбой». Юбиляру он подарил дивно изготовленный ковер с его изображением. В Богоявленском Елоховском соборе на торжественном богослужении 9 ноября Святейший Католикос молился в алтаре вместе с православными иерархами. В 1952/1953 учебном году Католикос командировал восемь архиереев, только что окончивших Эчмиадзинскую академию, в Московскую духовную академию для изучения православного богословия и русского языка. Архиереи посещали все богослужения, участвовали в хоре, подчинялись всем правилам академического порядка, жили вместе с русскими учащимися и подружились с ними.

9 мая 1954 г. Верховный Католикос всех армян Геворг VI почил в Бозе. Святейший Патриарх Алексий направил на погребение почившего Католикоса представительную делегацию в составе архиепископа Минского и Белорусского Питирима (глава делегации), епископа Иеронима и московского протоиерея Михаила Зернова. 21 мая делегация прибыла в Ереван, где на аэродроме ее встречали епископ Саак Тер-Ованесьян, верховный архимандрит Георгин Тер-Акопян и верховный архимандрит Геворг Ватьян. Отец Михаил Зернов, в ту пору настоятель московского храма во имя иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость, оставил воспоминания о пребывании московской делегации в Эчмиадзине на похоронах святителя Армянской Церкви, фрагмент из которых вполне будет уместно привести.

«22 мая делегация выехала в Эчмиадзин – монастырь, являющийся величайшей святыней для всего армянского народа. Где бы ни жили армяне, их взоры устремлены к этому святому месту, являющемуся издавна резиденцией армянских Католикосов.

Прекрасное шоссе, в некоторых местах обсаженное деревьями, соединяет столицу Армянской ССР с древним Эчмиадзином. По пути попадаются селения; часто это – новые поселки возвратившихся на родину зарубежных армян. Однако взоры путников приковывает прежде всего библейская гора Арарат, высоко к небу подносящая свою серебряную главу. Рядом с ней виден Мальй Арарат. Обе вершины отчетливо вырисовываются на голубом небе и кажутся совсем близкими. <...> При взгляде на Арарат в памяти оживает святое библейское сказание о праотце Ное. На минуту забываешь об окружающем

и представляешь себе бескрайнюю водную стихию, среди которой, как символ возрождающейся жизни, высится глава могучего Арарата.

Перед самым въездом в городок, окружающий монастырь, находится старинный храм, а далее виден и самый Эчмиадзин. В центре монастыря – кафедральный собор; его стены воздвигнуты 1300 лет тому назад. Сейчас собор и монастырь ремонтируются.

По прибытии в Эчмиадзин делегация и сопровождавшие ее лица вошли в скромные покои архиепископа Вагана, который до назначения местоблестителя возглавляет Армянскую Церковь. Высокопреосвященный Питирим от имени Святейшего Патриарха Алексия выразил сочувствие Русской Церкви горю, постигшему верующих армян. Архиепископ Ваган поблагодарил за выраженное сочувствие и стал вспоминать о дружественных отношениях, которые существовали между Патриархом-Католикосом Георгом VI и Святейшим Патриархом Алексием. Вспомнил он и их совместную деятельность в борьбе за мир.

После этого визита делегация направилась в собор. В центре собора – открытый алтарь. Говорят, что в армянских церквях бывают и иконостасы; действительно, следы иконостаса имеются и в главном алтаре собора, но вообще в Армянской Церкви алтари открытые. Однако они отличаются от католических; престол приставлен не вплотную к восточной стене, а находится на середине алтарного возвышения и его можно обойти кругом. Центральный алтарь собора построен на месте, указанном Самим Спасителем святому Григорию, Просветителю армян.

Перед этим алтарем стоял стол, на котором лежали тиара, крест, Евангелие и знаки патриаршего достоинства. У стола все время совершались панихиды по усопшему Патриарху-Католикосу, тело которого бальзамировалось и поэтому не было внесено в собор.

Осматривая величественный главный алтарь, делегация обратила внимание на украшение алтарного возвышения. На мраморе изображены святые апостолы; краски таковы, как будто они положены несколько дней тому назад, а между тем им сотни лет. В алтаре, в стенной нише, находится жертвенник, который закрывается занавесочкой. Дверь в ризницу сделана не на алтарном возвышении, а справа. Выходя из ризницы для совершения литургии, священнослужители идут мимо алтарного возвышения и поднимаются на алтарь слева. Перед алтарным возвышением – пространство, огороженное решеткой, куда миряне не допускаются, но это соблюдается не очень строго. Зато на алтарное возвышение поднимаются только священнослужители, притом обязательно в облачении и в специальных, расшитых шелками, туфлях.

В ризнице собора оказались чудесные облачения, красивые тиары и митры. Здесь же хранится великая святыня Армянской Церкви – рука святого Григория Просветителя в серебряной раке. <...>

В воскресенье 23 мая делегация вновь прибыла в Эчмиадзин и присутствовала за литургией. По правилам Армянской Церкви литургию совершает только один епископ или же один священник. Другие лишь диаконствуют во время богослужений. В это воскресенье литургию совершал архимандрит, облаченный в подризник, епитрахиль, пояс, поручи, фелонь. Сверху фелони был одет особый воротник. Диаконствовал в этот день протоиерей. Он был в стихаре и епитрахили. В день отпевания 27 мая (по новому стилю это было Вознесение) литургию совершал архиепископ Хад Аджакаян, местоблюститель Киликийского Католикоса. Его облачение отличалось тем, что сверх фелони был возложен омофор. На голове у него была тиара. Диаконствовали два архимандрита в стихарях, епитрахильях, поясах и поручах, но без фелоней, оба в митрах. В богослужении принимали участие и диаконы в стихарях и орарях, участие их выражалось преимущественно в каждении. Интересно, что в день отпевания помимо архимандритов в службе принимали участие два священника, но в стихарях и орарях, подобно нашим протодиаконским орарям. Кроме восходящих на алтарь, за алтарной решеткой за обеими литургиями находилось много священников в фелонях, которые отличаются от наших тем, что надеваются на плечи и застегиваются застёжкой. Священники принимали некоторое участие в службе, иногда пели, а старейший из всех присутствующих делал возгласы. В тот момент, когда за нашей литургией служащие иереи лобызуют друг друга со словами “Христос посреде нас”, здесь старейший вышел на средину предалтарного пространства, по обеим сторонам от него выстроились священники и все совершили друг другу два поклона. Во время совершения проскомидии и во время Причащения священнослужителя весь алтарь закрывается завесой. В важные моменты литургии диаконствующие и прислуживающие потрясали рипидами, которые имели при себе звонки. Прекрасно пел хор. <...>

К вечеру 25 мая в главном зале патриарших покоев было выставлено тело покойного Патриарха-Католикоса в полном облачении и тиаре, но его лицо закрыто не было. Архиепископ Хад и архиепископ Ваган возглавляли служение. Оно началось в покоях, продолжалось в саду и на всем пути от покоев в собор. Процессия представляла величественную картину. Во дворе монастыря собралось так много народа, что число остановок, полагающихся по ритуалу, было сокращено. Когда тело Католикоса поставили перед центральным алтарем, была совершена панихида, а затем вечерня.

27 мая состоялось отпевание и погребение покойного Верховного Патриарха-Католикоса всех армян Георга VI. <...> Несмотря на большое стечение народа, порядок был безукоризненный. Ко времени отпевания тело покойного перенесли за алтарную решетку главного алтаря. У изголовья, в ногах и по обе стороны гроба стояли четыре священника в фелонях, которые держали в руках евангелия и про себя их читали.

Затем началась литургия, которую совершал епископ Хад. После чтения Евангелии из ризницы торжественно вышел архиепископ Ваган в полном облачении и с соответствующей свитой. Он совершил чин миропомазания покойного, совершаемый по правилам Армянской Церкви над каждым умершим епископом. Этот чин совершался следующим образом. Архимандриты подняли гроб и поставили на алтарное возвышение. После молитв, прочитанных архиепископом Ваганом, появилась процессия во главе с епископом Сионом, который нес святое миро в сосуде в виде голубя. Процессия торжественно поднялась на алтарное возвышение. Гроб был поднят и трижды обнесен вокруг алтаря. После этого архиепископ Ваган помазал святым миром чело и руку почившего, а затем произнес вдохновенное слово. Затем гроб вновь был поставлен на прежнем месте, и архиепископ Хад продолжал совершать литургию, в конце которой сказал слово.

По окончании литургии архиепископ Ваган, вместе со всеми архиереями, архимандритами, священниками, архидиаконами и диаконами начал чин отпевания. В это время православные архиереи возложили на себя мантии. Пока совершался чин отпевания, гроб четырежды переставляли так, чтобы лицо покойного было обращено попеременно ко всем сторонам света. Затем гроб был обнесен вокруг храма, причем шествие совершалось по солнцу. У каждой из четырех сторон храма были длительные остановки и совершались богослужения. Наконец, гроб был поднесен к могиле. Здесь глава делегации Русской Православной Церкви архиепископ Питирим первым произнес следующее надгробное слово.

“Тяжело горе постигло Армянскую Церковь. Волею Всемогущего Бога в глубокой старости закончив свое земное существование, отошел в вечность Святейший Патриарх-Католикос всех армян Георг VI, гроб которого мы сейчас окружаем.

Мы знаем, что каждому из нас предстоит умереть, покинуть эту временную земную жизнь; и целью своей жизни земной мы полагаем приготовление себя к жизни вечной, к Царству Божией славы, где, мы веруем, теперь обитает светлый дух почившего... Но по человеческому естеству мы скорбим при разлуке с любимым человеком. Вот и ныне великую скорбь, неутешную печаль переживают архипастыри, пастыри и верующие Армянской Церкви, провожая в загробный мир своего горячо любимого, мудрого Первосвятителя – Отца.

Эту скорбь Армянской Церкви в полной мере разделяет и наша Русская Православная Церковь, и я уполномочен от ее имени и от имени Главы ее Святейшего Патриарха Алексия выразить духовенству и верующим Армянской Церкви глубокое соболезнование в постигшем их горе.

Наша Русская Православная Церковь всегда глубоко чтит Святейшего Патриарха-Католикоса Геворка VI, как выдающегося церковного деятеля. Она скорбит о нем, как о своем большом и искреннем друге. Он живо интересовался жизнью нашей Русской Церкви. Мы не раз видели его в нашей

гостеприимной Москве. Он был и гостем Святейшего Патриарха Алексия и поддерживал с ним самые тесные, дружественные связи. <...>

Дорогие отцы и братья Армянской Церкви! В молитвенной скорби окружаете вы сейчас дорогие останки Первосвятителя вашего, тяжела для вас разлука с ним, но твердо уповайте, что любимый Святейший Отец ваш, порвавший с вами земные сношения, закрывший уста для речи и молитвы, возглаголет о вас пред Всевышним на небе устами духовными на языке той любви, которой он был избранным сосудом. И я верю, что такое ваше упование не посрамит вас. Порукой тому вся жизнь покойного, исполненная любви и кротости от дней юности его.

Гряди же с миром, добрый подвижник вертограда Христова, в последний твой путь! Светлое имя твое будет жить вечно в памяти армянского народа и в памяти всех твоих многочисленных друзей. А от Русской Православной Церкви и Святейшего Отца нашего Патриарха Алексия, прими, святейший Католикос-Патриарх, последнее целование”. <...>

Когда речи окончились, гроб, при торжественном печальном пении, был закрыт и тихо опущен в могилу. Затем священники подняли черную шелковую пелену и закрыли ею могилу, воспев новое песнопение. После этого все они вместе опустили пелену, и она, колыхаясь, медленно опустилась на гроб. Тотчас принесли цементные плиты, которыми могила была закрыта, а щели залиты цементом. Среди множества венков, возложенных на новую могилу, красовался большой венок из живых цветов от Русской Православной Церкви» [3].

10 июня того же года Святейший Патриарх Алексий в присутствии его ближайшего сподвижника митрополита Крутицкого и Коломенского Николая принимал деятелей Армянской Церкви, возвращавшихся с погребения Католикоса Георга VI – местоблюстителя Киликийского Католикоса архиепископа Хад Аджапагына, архиепископа Мамбре Галфаяна из Северо-Американской епархии, епископа Сион Манукяна из Южно-Американской епархии, архимандрита Шаварш Гуюмджана из Дамасской епархии и архимандрита Айказун Абрамяна из Иерусалимской Патриархии. На следующий день деятели Армянской Церкви посетили Троице-Сергиеву Лавру и Московскую духовную академию. После осмотра лаврских храмов и зданий гости были приглашены на обед, который прошел в оживленной сердечной беседе. В книге посетителей Лавры гости оставили следующую надпись: «Делегация Армянской Церкви посетила Троице-Сергиеву Лавру. Мы все изумлены архитектурой древних храмов. Выражаем свою благодарность. Пусть Бог сделает незабываемой Русскую Православную Церковь, во главе которой стоит Его Святейшество Патриарх Алексий» [4].

26 сентября 1955 г. на торжества в связи с избранием и интронизацией нового верховного Патриарха-Католикоса всех армян из Москвы в Ереван вылетела делегация РПЦ во главе с упомянутым выше Питиримом, уже митрополитом Минским. Гостей поместили в лучшей гостинице города и в

их распоряжение предоставили автомобиль ЗИМ, а попечение о них вверили верховному архимандриту Георгу Ватану, который и стал переводчиком делегации. На следующий день ее принимал у себя председатель Верховного Духовного Совета Армянской Церкви архиепископ Ваган. В своем приветствии он указал на традиционную, установившуюся с незапамятных времен дружбу между обеими Церквями и особо отметил заслуги русского народа в деле освобождения армян от мусульманского ига.

Открытие собора состоялось 29 сентября. Со вниманием и в торжественном безмолвии участники его выслушали оглашенное митрополитом Питиримом Приветственное послание Святейшего Патриарха Алексия: «Русская Православная Церковь с чувством христианской любви приветствует древнейшую Церковь Армянскую по случаю ее церковного торжества. <...> Да будет избранный ею новый Глава по сердцу своей верной пастве! Да снидет благословение Божие на святые подвиги его многотрудного архипастырского служения! Благодать Господня да дарует ему силу и мудрость и да утвердит стопы его в непреткновенном прохождении высокого звания Верховного Пастыря стада Христова. Трудями его и молитвами пред Богом да процветает Церковь Армянская!» [5].

Интронизация Святейшего Вазгена I состоялась 2 октября. Нового Католикоса приветствовал митрополит Питирим и вручил Предстоятелю панагию с изображением Богоматери. Утром 7 октября Католикос побывал у представителей Русской Церкви с визитом; в тот же день делегация ее устроила прием для высшего духовенства Армянской Церкви во главе с Католикосом. Владыка тогда поделился воспоминаниями о своих встречах с Патриархом Алексием и просил передать ему, что любовь к нему «он будет хранить в своем сердце, доколе оно не перестанет биться» [6]. Через два года после этого события, 6 февраля 1956 г. Святейший Патриарх Алексий принял Католикоса всех армян Вазгена I и долго беседовал с ним; его сопровождали члены Эчмиадзинского верховного духовного совета епископ Вартан Тер-Саакян и профессор Аракел Аракелян, а также иеромонах Паркев Геворкян.

Весною 1958 г. праздновалось 40-летие восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви, и 9 мая в Москву на этот юбилей прибыла делегация Армянской Апостольской Церкви во главе со Святейшим Католикосом Вазгеном I. В Москве уже был открыт храм Сурб Арутюн на Ваганьковском кладбище, и потому представительную делегацию встречали его настоятель архимандрит Егише, протоиерей того же храма Тер-Хачатур и представитель армянской церковной общины Тер-Паян. Святейший Католикос, как и его предшественник на торжественном богослужении в Богоявленском соборе (11 мая), молился в алтаре. 13 мая Владыка приехал в Троице-Сергиеву Лавру, и направился в зал Московской Духовной Академии, где состоялся акт, посвященный восстановлению патриаршества; пребывая в президиуме собрания,

он сказал свое мудрое слово сразу же после выступлений представителей Православных поместных Церквей.

Памятным для Армянской Апостольской Церкви был визит в Армению Московского Предстоятеля, Святейшего Патриарха Алексия (27–31 октября 1960 г.), который посетил Эчмиадзин и иные святыни Армянской Церкви. А 11 декабря 1960 г. спутники его были приглашены армянской колонией в Бейрут на юбилейное торжество, посвященное 80-летию со дня рождения архиепископа Гарегина Хачатуряна, патриарха в Турции. Юбилей этот по благословению патриарха Вазгена праздновался повсеместно, ибо владыка Гарегин много потрудился в деле перевода Писания на разговорный армянский язык. Запомнилось посещение и предстоятеля Армянской Церкви в Иерусалиме патриарха Егише Дердеряна, который по болезни не принял делегацию, а поручил это своему викарию. Прием происходил в тронном зале Патриархии, который поразил гостей своим размером и убранством. Епископ Хайрик передал наилучшие пожелания Армянской Церкви – Русской Церкви и подчеркнул, что отношения между Церквями будут и впредь улучшаться. Гости из Москвы обратили внимание на святыню армянского собора – могилу Иакова, брата Господня, запомнилась им и часовня, посвященная апостолу Иакову, где хранится его глава.

И в последующие времена не прерывалось братское общение Москвы и Эчмиадзина, предстоятелей братских Церквей. Друг друга поздравляли они с великими праздниками Рождества Христова и Пасхи.

В мае 1963 г. исполнилось 50 лет архиерейского служения Патриарха Алексия. Общецерковные торжества состоялись в Лавре. 17 июля от Армянской Церкви его поздравил архиепископ Саак на акте в храме МДА, были также епископ Паркев и иеромонах Нарек Шакарян. Делегацию сопровождали архиепископ Ивановский и Кинешемский Леонид и протоиерей А. Солертовский. Архиепископ Саак зачитал поздравление Святейшего Вазгена.

Много было иных встреч представителей Русской и Армянских Церквей в 1960-е годы на Московской земле, в том числе и на разных миротворческих конференциях и пленумах. Памятным был день 9 ноября 1967 г., когда Католикос Вазген I поздравил Патриарха Алексия с его 90-летием в Троице-Сергиевой Лавре и вручил ему орден св. Григория Просветителя.

С 1 по 4 июля 1969 г. в Троице-Сергиевой Лавре проходила конференция представителей всех религий в СССР за сотрудничество и мир между народами. Заседание 4 рабочей группы, которая рассматривала проблемы борьбы с колониализмом, расизмом и апартеидом, проходили под председательством епископа Сухумо-Абхазского Илии – будущего патриарха Грузии. Группа заслушала содоклад на эту тему, прочитанный членом Епархиального Совета Араратской Епархии С.К. Аревшатяном. Остановившись на проблемах борьбы с расизмом и апартеидом, докладчик напомнил собранию, что первой в истории жертвой геноцида была не далекая Африка, а многострадальный

армянский народ. С заключительным словом, подводящим итоги в том числе и докладу Аревшатяна, выступил верховный Католикос-Патриарх всех армян Вазген I. Заседание закончилось молитвой его участников и возгласом Католикоса, идущим от глубины его любящего сердца, – «Да будет мир на земле!».

3 октября 1969 г. Святейший Патриарх направил приветствие Святейшему Католикосу Вазгену I в связи с его 60-летием. Алексей не мог сам поехать в Эчмиадзин, и потому направил туда делегацию во главе с митрополитом Таллинским и Эстонским Алексием – будущим Предстоятелем Русской Церкви.

Празднование юбилея совпало с торжественным обрядом – освящением св. миро, которое происходит раз в семь лет. В храме Эчмиадзина пел большой великолепный хор; среди исполнителей были такие мастера вокала как Гоар Гаспарян – народная артистка СССР, Лусинэ Закарян – заслуженная артистка Армянской ССР. Перед патриархом благоговейно несли серебряный птицеобразный сосуд со св. миро св. Григория Просветителя, его десницу, руки св. апостолов Варфоломея и Фаддея, копьё, которым, по преданию, один из воинов пронзил ребра Спасителя, и напрестольный крест, хранящий частицу Животворящего Древа Креста. Святейший Вазген, произнеся несколько молитв, снял прозрачное покрывало и крышку с сосуда, стоявшего перед ним, взял в руки сосуд с благовониями, составленными из сорока видов индийских трав, и другой сосуд с янтарными маслами и влил все последовательно в большой – освящаемый сосуд. Затем он взял птицеобразный сосуд и трижды излил из него первоблагодатное древнее миро. По верованиям Армянской Апостольской Церкви – это именно то самое миро, которое было освящено самим Господом и принесено в Армению апостолами! И оно же освящалось св. Григорием, передавалось из поколения в поколение на протяжении всей истории Церкви...

Освящаемый сосуд начинают нагревать, и над ним поднимаются струи пара. Католикос совершает чтение Евангелия, произносит молитвы на освящение мира, евангельские чтения и молитвы затем их произносят поочередно архиереи. По окончании этих молитв Католикос трижды крестообразно погружает десницу св. Григория в благоухающий состав в знак того, что миро освящается самим св. Григорием, затем троекратно погружает в сосуд копьё и крест с Живоносным Древом.

Юбилей Католикоса всех армян совпал не только с освящением мира, но и с юбилеями двух великих сынов армянского народа – тогда праздновали 100-летие со дня рождения поэта Ованеса Туманяна и 100-летие со дня рождения великого песнотворца архимандрита Комитаса.

7 октября в просторном зале резиденции состоялся праздничный акт. Советское государство удостоило Вазгена I орденом «Знак Почета», который и был вручен его представителями. Митрополит Алексей вручил же

Католику образ Спасителя как знак любви и молитвенной памяти, единства во Христе. «Многая лета Вашему святейшеству! – произносит митрополит по-армянски. Зал наполняется аплодисментами. Наконец аплодисменты умолкли. Все со вниманием обратили свои взоры на Святейшего Вазгена I, который выступил с ответным словом.

Делегация Русской Церкви в ходе визита посетила памятник армянам, погибшим во время резни; запомнилось, как трогательно и впечатляюще звучала траурная музыка Комитаса – будто камни вопиют к небу о неповинно пролитой крови тысяч мирных жителей Армении.

Из Москвы в те годы прозвучал не только абстрактный призыв к миру во всем мире. И Московская Патриархия, и святой Эчмиадзин сделали все возможное для того, чтобы установить контакты с далекой церковью в Индии и с Церковью Эфиопии. В январе 1965 г. состоялась по инициативе императора Эфиопии Хайле-Селассие в Аддис-Абебе конференция пяти патриархов так называемых нехалкидонских церквей, в том числе и Армянской Церкви. Постоянство стремлений Русской Православной Церкви к единству всего христианства и ее уважение к Церквам древней апостольской традиции выразил патриарх Алексий, когда в день 50-летия своего епископского служения приветствовал представителей Армянской и Индийской Церквей. В 1965 г. патриарх Алексий поздравляет патриарха-Католика Сирийской Церкви Василия Оугена I по случаю открытия 150-летия Богословской семинарии в Коттаме – (Индия, штат Керала). Поздравил и председатель Учебного комитета архиепископ Таллинский и Эстонский Алексий, будущий патриарх. С 25 декабря по 5 января 1966 г. в Индии находилась делегация Русской Церкви, которая нанесла визит Василию Оугену, была с нею и делегация Армянской Церкви, которая молилась за богослужением в храме семинарии; 28 декабря открылся Поместный Собор Сирийской Церкви, на который собралось до трех тысяч человек. И еще один штрих. С 23 по 26 октября 1966 г. делегация Эфиопской Церкви была в гостях у Армянской Церкви в Эчмиадзине. Эта встреча с участием представителей Русской Православной Церкви явила собою подлинно христианскую семью, объединенную любовью к Богу и людям во Христе Иисусе – об этом говорил Католикос Вазген, об этом говорил и бывший на приеме у него архиепископ Минский Антоний (Мельников). Знакомясь с жизнью Армянской Церкви, гости убедились, какой богатый вклад она внесла в развитие многовековой культуры своего народа и как бережно хранит ныне свое наследие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шаповалова А. Празднование 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – Специальный номер. – С. 52.

2. Шаповалова А. Защита мира – дело всех людей мира // Журнал Московской Патриархии. – 1954. – № 7. – С. 19.
3. Зернов М. Протоиерей. Погребение Верховного Патриарха-Каталикоса всех армян Георга VI // Журнал Московской Патриархии. – 1954. – № 7. – С. 67–75.
4. Хроника // Журнал Московской Патриархии. – 1954. – № 9. – С. 74.
5. Великий праздник Армянской Церкви. Описание торжества интронизации Патриарха-Католикоса всех армян Вазгена I в 1955 году // Журнал Московской Патриархии. – 1955. – № 12. – URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1682>.
6. Там же.

АРМЯНСКАЯ ЦЕРКОВЬ СУРЬ ТАРГМАНЧАЦ ГОРОДА ПЯТИГОРСКА И ЕЕ НАСТОЯТЕЛИ

Акопян Виктор Завенович

кандидат исторических наук

доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»

г. Пятигорск, Россия

e-mail: zaven2005@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы становления и развития Армянской Апостольской Церкви в городе Пятигорске в XIX–XX веках. Анализируется роль духовенства по сплочению общины и сохранению национальной культуры армянского населения. Показывается трагическое состояние церкви в советский период. Атеистический режим, разрушив церковь, не смог убить веру, принятую предками российских армян на заре христианской эпохи.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ международного научно-исследовательского проекта № 16-21-20003 «Армяне в составе российской и советской элиты XVIII–XX вв.».

Ключевые слова: Армянская Апостольская Церковь; Северный Кавказ; духовенство; религиозная община; ктитор.

ARMENIAN CHURCH OF SURB TARGMANCHATS THE CITY OF PYATIGORSK AND ITS ABBOTS

Victor Z. Akopyan

candidate of Historical sciences, Associate Professor

Pyatigorsk State University

Pyatigorsk, Russia

e-mail: zaven2005@yandex.ru

Abstract. The article considers the main stages of formation and development of the Armenian Apostolic Church in Pyatigorsk in the XIX–XX centuries. Moreover, it examines the role of the clergy in community building and preserving the national culture of the Armenian population, shows the tragic

state of the Church in the Soviet period. The atheistic regime, destroying the Church, failed to kill the Christian faith adopted by the ancestors of the Armenians at the dawn of the Christian era.

Keywords: Armenian Apostolic Church; the North Caucasus; the clergy; the religious community; ktetor.

Где бы ни возникали армянские поселения и общины, там сразу же стремились возвести церкви, становившиеся очагами культуры и просвещения. Одним из таких очагов национальной культуры стала церковь Святых Переводчиков (Сурб Таргманчац), возведенная 130 лет назад в г. Пятигорске.

Первые армянские поселенцы в долине р. Подкумок начали обосновываться с началом эксплуатации целебных минеральных вод. К юго-востоку от ст. Горячеводской, в районе рощи, за которой надолго утвердилось название «Армянский лес», находилась небольшая деревня черкесогоаев (черкесских армян) – Армянский аул. А после основания Константиногорского укрепления (1780) и поселка Горячие Воды (1803) здесь появились купцы-армяне из Георгиевска и особенно Новой Нахичевани (Нахичевань-на-Дону), одного из крупных городов на Юге России [1].

На Горячих Водах строили свои особняки отставные армяне-офицеры. В их числе был и дом предводителя кизлярского уездного дворянства Варлаама Карповича Арешева (Арешьяна), построенный в числе первых в курортном поселке, напротив позже выстроенной знаменитой Ресторации. В настоящее время на месте дома Арешева располагается санаторий «Руно» [2].

Ежегодно в курортном поселке отдыхали офицеры-армяне, служившие на Кавказской Линии. Так, в «Ведомостях посетителей Горячих вод» в сезон 1818 г. и следующие годы мы встречаем фамилии военачальников Лалаева, Мадатова и др. [3].

В начальный период становления курорта на Горячих Водах обосновалась семья сподвижника А.В. Суворова генерала Акима Васильевича Хастатова. Его предки – наследники армянского предпринимателя Сафара Васильева из Астрахани, который в 1710 г. получил от императора Петра I право построить на берегу Терека первый в России шелковый завод. Усадьба Хастатовых на Горячих Водах находилась в глубине ущелья между двумя отрогами Машука, там, где теперь располагаются Пушкинские ванны [4]. Женой А.В. Хастатова была сестра бабушки М.Ю. Лермонтова. Знакомство с Кавказом юного поэта начиналось именно в доме Хастатова.

В 1830-е гг. в Пятигорск начинают переселяться георгиевские армяне. В официальном послании барона Григория Розена министру финансов Е.Ф. Канкрину от 27 августа 1836 г. предлагалось закрепить на длительный срок

экономические и финансовые льготы «мещанам, переселяющимся в Пятигорск из Георгиевска» [5].

Война с кавказскими горцами привела к расстройству городов Кизляра, Моздока и окрестных армянских сел. Часть из них также поселилась в Пятигорске. К началу XX в. армянская община города возросла за счет выходцев из Закавказья и спасшихся от преследований османского правительства жителей Западной Армении. В 1911 г. население Пятигорска составляло 31 800 человек, в т.ч. более 27 тыс. русских и 1733 армянина [6].

Хорошо понимая значительную роль церкви в самоорганизации армянской общины, ее видные представители уже в середине 30-х гг. XIX в. обратились к наместнику Кавказа с просьбой выделить участок под строительство церкви. В 1834–1835 гг. было разработано два варианта небольшой каменной церкви с колокольной. Первый был составлен местным батальонным архитектором 15 августа 1834 г., другой – в Петербурге. Они мало чем отличались друг от друга, хотя столичный вариант имел более «нарядный вид». По неизвестным причинам ни один из указанных проектов осуществлен не был.

По распоряжению наместника Кавказа генерала М.С. Воронцова армянской общине для строительства церкви в 1845 г. выделили земельный участок в «16-м квартале» города. Место оказалось абсолютно неудобным. В 1848 г. Воронцов подписал новый указ, по которому выделялся участок на углу улиц Базарной и Угловой, т.е. там, где располагались торговые ряды [7]. Однако против строительства церкви в указанном месте выступили торговцы.

В 1840-е гг., несмотря на отсутствие церкви, армянская община уже имела своего священника. Первым известным пятигорским армянским священником был Тер-Арутюн, прибывший в 1840-е гг. в Пятигорск из Екатеринодара. После него службу нес георгиевский священник Саркис Тер-Погосян.

Во второй половине 1840-х гг. община начинает собирать деньги на строительство церкви. По предложению Тер-Арутюна и Карапета Хазизяна, с каждого владельческого магазина полагалось вносить 5 коп. в неделю. Эту инициативу поддержали все предприниматели. Сбор средств способствовал сплочению местного армянского населения.

В общине сложилась традиция, в соответствии с которой кандидатуру священника предлагал приход, возглавляемый ктиторм – церковным старостой. Ктиторами становились наиболее влиятельные и, как правило, весьма состоятельные члены общины, бравшие на себя значительную часть материальной нагрузки по функционированию прихода. Община предъявляла достаточно высокие требования к репутации ктиторов, так как им доверяли значительные средства, собираемые для строительства церкви и проведения различных мероприятий. Ктитору выступали посредниками между общиной и властями. В разный период ими избирались К. Хазизян, М. Мурадян, Г. Атабекян, Б. Ходжаян (неоднократно переизбирался), Г. Свешникян, О. Свешникян, К. Шаламян, Д. Гюрджян и др. [8].

В период Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. наступает относительно либеральная эпоха. Глава Армянской Церкви католикос Геворг IV добился от правительства Александра II подтверждения указов прежних императоров, допуская беспрепятственно возводить храмы.

В 1860–1870-х гг. деятельность прихода приобретает организованные формы. Приходской совет состоял из председателя (священника), ктитора и пяти членов. Работа совета строилась на демократических началах. В приходе регулярно проводились собрания, а на итоговых избирали ктиторов и членов совета. Результаты выборов вызывали огромный интерес у общины, которая видела в приходском совете свою руководящую структуру.

В начале 60-х гг. XIX в. армянская община Пятигорска, опираясь на поддержку главы Астраханской епархии (консистерии) архиепископа Матевоса Вегапетяна, обратилась к администрации с просьбой окончательно решить вопрос о выделении места под строительство церкви. В конце концов, для строительства храма отвели удобное место на углу улиц Базарной и Царской (сейчас это угол улиц Крайнего и Кирова).

Возведение церкви Сурб Таргманчац началось в 1870 г. с заложения и освящения фундамента. В период строительства храма приход довольствовался помещением, приспособленным под молельный дом, которое выделил церковный староста Багдасар Эммануилович Ходжаян (ок. 1825–1904 гг.).

Летом 1877 г. приходской совет обратится в епархию с просьбой прислать в Пятигорск опытного священника. Вопрос был решен положительно, и духовным пастырем пятигорских армян стал Стефан Тер-Григорян из Астапата (Старый Нахичеван). Он пользовался большим авторитетом в общине, занимался просветительской деятельностью. Одну из комнат в молельном доме он приспособил под учебный класс. Тяжелая болезнь Тер-Стефана стала причиной его отъезда из Пятигорска. Паства очень сожалела об этом и чувствовала себя осиротевшей.

Отсутствие священнослужителя отрицательно повлияло на ход строительных работ. По поручению епархии в Пятигорск, преимущественно на Рождество и Пасху, приезжали священники из других городов.

9 августа 1884 г. возглавлявший епархию епископ Сукиас Парзянц предложил кандидатуры двух священников. После долгого обсуждения приходской совет 6 сентября этого же года предложил кандидатуру выпускника духовной школы кизлярца Абраама Шхинянца. Такая позиция прихода могла вызвать отрицательную реакцию со стороны епархии. Но когда епископ Сукиас лично познакомился с молодым Абраамом и убедился в его образованности, скромности, высокой нравственности и набожности, великолепном владении несколькими языками, он проникся к нему симпатией и согласился с мнением прихода. Через год, 7 апреля 1885 г., Абраам был рукоположен в священники. Выбор, сделанный паствой, оказался удачным. В течение долгих лет Тер-Абраам являлся настоящим духовным предводителем армян Пятигорска.

Усилиями прихожан и нового предводителя в 1885 г. завершилось возведение церкви Сурб Таргманчац. В том же году ее освятили, и началась регулярная служба. Законченный вид храм приобрел после постройки в 1897 г. двухъярусной колокольни. Самую большую сумму для ее строительства выделил Микаел Наджарян. На северной стене церкви была сделана запись, сообщающая, что строительство колокольни осуществил житель Баку, шемахинец по происхождению, Микаел Аваг Наджарян.

23 августа 1901 г. впервые раздался колокольный звон, призвавший прихожан на службу и возвестивший наступление нового столетия!

До сих пор точно неизвестно об авторе проекта армянской церкви. Краевед П.Н. Никитин в своем рукописном очерке «История церкви города Пятигорска» высказал предположение, что церковь спроектировал архитектор Эммануил Балтазарович Ходжаев [9].

Армянская церковь представляла собой большое кирпичное здание, ориентированное с запада на восток. Два островерхих купола – над центральной частью и колокольной – сооружены в соответствии с архитектурной традицией, характерной для армянского церковного зодчества. В отличие от русских храмов купол колокольни армянской церкви был несколько ниже купола основной части церкви. Храм представлял собой крестово-купольное сооружение. Он имел форму креста с удлиненным западным рукавом. Церковь покоилась на высоком фундаменте. Цокольное помещение служило подвалом, где хранились хозяйственный инвентарь и топливо для печей, которыми обогревался храм. К высоко расположенным входам в северной и южной стенах храма вели широкие каменные ступени; третий вход имелся в западной стене. У этого входа было высокое крыльцо с навесом над ним. К паперти с севера на юг вели каменные ступени с железными перилами. Все три входа имели двухстворчатые двойные двери, что обеспечивало сохранение тепла в зимний период и прохладу летом. Двери северной и южной сторон были до половины остеклены; западные же двери – наружная сплошная, обитая железом, внутренняя – на половину остекленная.

Вход на колокольню – винтовая лестница – начинался изнутри церкви, в проеме между двухстворчатыми дверьми. Внутри храма, на всю длину восточной стены, протянулась алтарная часть, поднятая от уровня пола на высоту полтора метра. Она отделялась от центральной части занавесом. В центре алтарной части размещался престол, на котором совершалось богослужение. Центральная часть храма имела высокий барабан, перекрытый плоским потолком, на который опирался островерхий купол, увенчанный крестом. Алтарная часть занимала одну пятую всего пространства храма. Наружные и внутренние стены были побелены, без всякой росписи, но наружные стены отличались фигурностью кирпичной кладки. Внутри храма по стенам были развешаны иконы, а некоторые, крупных размеров, установлены по бокам,

в специальных иконостасах, у которых стояли массивные церковные подсвечники. Таким образом, внутреннее оформление церкви Сурб Таргманчац также соответствовало армянским церковным традициям.

Территория церкви была обнесена металлической решеткой на высоком каменном цоколе. Со стороны Царского проспекта ограда была построена раньше 1902 г. Внутри ограды размещались сторожка, двухэтажный кирпичный дом для священника и учителей приходского училища [10].

Армянская церковь стала настоящим украшением главного проспекта Пятигорска. Нам неизвестно, кому принадлежала идея дать церкви название – Сурб Таргманчац, или полное название Сурб Таргманчац Саак-Месроп – Св. Переводчиков Саака Партева и Месропа Маштоца.

Армянская церковь, где бы она ни находилась, на родине или в диаспоре, объединяла прихожан, направляла их усилия на решение животрепещущих проблем общины. Церковь Сурб Таргманчац полностью соответствовала такой роли. Она стала настоящим национальным центром не только для пятигорских армян. По большим праздникам и даже по воскресеньям собирались в этом храме армяне, проживавшие в других городах Кавказских Минеральных Вод.

Церковь являлась также и главным очагом национального просветительства. Одновременно с возведением церкви велась подготовка к открытию церковно-приходского училища. В первый год своей пастырской деятельности священник Абраам Шхинянец собирал детей в помещении церкви для обучения их слову Божьему и армянскому языку.

В 1880-х гг. намерению создать национальное учебное заведение препятствовала шовинистическая политика, проводившаяся в первые годы правления Александра III. Принятые правительством в 1885 г. «Правила об армяно-григорианских церковно-приходских училищах» предписывали местным властям приостанавливать работу национальных учебных заведений. И в связи с этим 11 марта 1885 г. по приказу начальника Терской области все армянские школы были закрыты [11].

Вскоре, однако, глава Астраханской епархии епископ Геворг Суреняц в 1887 г. добивается разрешения Терского областного руководства на возобновление работы армянских училищ. Летом этого же года во время встречи с прихожанами церкви Сурб Таргманчац епископ Геворг, к общей радости, сообщил о положительном решении вопроса об открытии в Пятигорске одноклассного приходского училища. В 1888 учебном году к занятиям приступили 32 ученика (20 девочек и 12 мальчиков). В связи с открытием училища католикос Макар Техутци 14 января 1888 г. направил приветственное послание [12].

Фундамент специального помещения для церковно-приходского училища был заложен 6 апреля 1890 г. Приехавший из Петербурга в родной город весной 1891 г. на строительную практику молодой архитектор-академик

Эммануил Ходжаев основательно переделал проект здания училища, ранее подготовленный городским архитектором А.М. Кочетовым. По просьбе попечительского совета он сам руководил строительством училища, вплоть до своего отъезда в Петербург, где в следующем году он закончил Императорскую Академию художеств [13].

Некоторое время помещения нового здания сдавали внаем, а вырученные средства являлись важным источником функционирования училища. В 1908 г. в связи с ростом численности учащихся (в 1906/1907 уч. году было принято 75 учеников, а в следующем учебном году – 93), попечительский совет принял решение перенести занятия в новый корпус. Перечень дисциплин был традиционным для всех приходских училищ. Здесь изучались армянский и русский языки, Закон Божий, арифметика, чистописание и пение.

Пятигорскому армянскому приходскому училищу приходилось на деле отстаивать право на свое существование. Так было в середине 1890-х гг., когда по настоянию начальника Терской области армянские учебные заведения стали закрываться под предлогом «слабого преподавания государственного языка империи». Попечители обратились к властям с просьбой провести тщательную проверку системы преподавания русского языка. Инспектор Яновский по результатам проверки констатировал, что обучение русскому языку ведется на достаточно высоком уровне. Таким образом, учебный процесс в армянском училище продолжился [14].

В начале XX в. политика по ликвидации самостоятельности Армянской Церкви приобрела еще более открытый характер. С подачи министра внутренних дел В.К. Плеве и наместника на Кавказе Г.С. Голицына, царское правительство 12 июня 1903 г. приняло дискриминационный закон, посягавший на большую часть имущества Армянской Церкви, включая туда все пожертвования, которые в виде капиталов и недвижимого имущества поступали в пользу «национализированных» правительством церковных заведений [15]. 4 мая 1904 г. Плеве направил руководству губерний и областей на Кавказе секретный циркуляр, в котором давались конкретные указания в отношении армянских церквей [16].

Все сословия армянского общества расценили закон как акт, направленный против нации, всегда преданно отстаивавшей интересы Империи на Кавказе. Так считали и некоторые дальновидные мыслящие российские чиновники (например, С.Ю. Витте), резко выступившие против мер, предложенных Плеве и Голицыным [17].

Власть, нанося удар по Армянской Церкви, рассчитывала на традиционную верноподданность армян российскому императору. Поэтому для нее стала неожиданной резко отрицательная реакция, последовавшая со стороны всей армянской общественности. В Закавказье, чтобы отвлечь армянский народ от выступлений в защиту своей Церкви, была спровоцирована армяно-татарская резня (кавказскими татарами в досоветский период именовали тюркское, ныне азербайджанское население). Этими и другими своими непродуманными

действиями правительство подталкивало страну к революции. Власть стала это осознать с большим опозданием.

1 августа 1905 г. Николай II подписал указ, фактически отменявший закон 12 июня 1903 г. В соответствии с этим нормативным актом конфискованное имущество возвращалось Церкви. Известие об этом было встречено с одобрением в армянских общинах России [18].

Попечительский совет церкви Сурб Таргманчац от имени всей армянской общины приветствовал позитивные изменения, произошедшие в позиции правительства в отношении Армянской Церкви. Совет составил депутацию, которая в числе посланников от других общин посетила 19 августа нового наместника Кавказа И.И. Воронцова-Дашкова, прибывшего в Кисловодск [19].

Мирное сосуществование государства и церкви длилось недолго. Пришедшие к власти в 1917 г. большевики поставили задачу ликвидировать «до основания» всю старую систему ценностей. Помещению армянской церкви г. Пятигорска нашли новое применение. Вначале там организовали городской музей, затем – окружной архив и даже спортивный зал, где проводились соревнования. Добротное здание приходского училища было использовано под городскую поликлинику (в настоящий момент в нем располагается городская станция переливания крови). И все же приход существовал до тех пор, пока над городом возвышались купола церкви и был жив священник Абраам Шхинянц.

В 1930-е годы представители высшего армянского духовенства России оказались репрессированными, а в Пятигорске в этот период скончался горячо любимый прихожанами Абраам Шхинянц. В соответствии с завещанием священника его похоронили у алтарной стены церкви.

В 1930-е гг. власти ждали удобного момента для того, чтобы уничтожить церковное сооружение и тем самым окончательно искоренить память о родной церкви. Однако приближалась Великая Отечественная война и на высоком правительственном уровне произошла «корректировка» политики в отношении к церкви. Полгода (до 11 января 1943 г.) Пятигорск находился под гитлеровской оккупацией. Пытаясь привлечь местное население к сотрудничеству, гитлеровцы разрешили почти всем конфессиям возобновить церковную службу. Армянская Церковь в первые дни войны призвала свою паству встать на защиту Отечества. Значительные средства она направила на военные нужды. Сталин согласился на возобновление деятельности и верховного иерарха Армянской Церкви. Избранный в июне 1945 г. на национально-церковном соборе католикос всех армян Геворг VI обратился к Сталину с просьбой сохранить церковные сооружения там, где их не успели разрушить. В связи с этим величественное сооружение Сурб Таргманчац сохранилось. Однако в конце 50-х гг. церковь все же была варварски разрушена. Епархия Армянской Церкви на Северном Кавказе в тот период фактически отсутствовала [20], и некому было подать голос в защиту этой и многих других армянских храмов, разрушенных во времена «хрущевской оттепели».

Узнав о намерении городских властей разрушить церковь, армянская общественность сформировала группу и делегировала ее в Москву с целью отстоять церковь хотя бы в качестве памятника архитектуры. В высших правительственных инстанциях делегацию заверили, что церковь, представляющая архитектурную ценность, не будет разрушена. Это обещание было даже документально оформлено. Пока это распоряжение дошло до Пятигорска, городские власти, зная о нем, за несколько дней разобрали храм. Прибывшая вскоре делегация с копией решения застала лишь руины церкви.

В начале 60-х гг. на месте армянской церкви было выстроено здание для «Промстройпроекта». Когда начали возводить здание проектного института, архитекторы от имени городской администрации потребовали от родственников священника Абраама перенести его прах на кладбище. Ссылаясь на предсмертную волю покойного, те наотрез отказались выполнить данное требование.

Увы, нужны были неудачи перестройки, невинные жертвы конфликтов, развал грандиозной державы, масса беженцев, чтобы только после этого пришло осознание необходимости возрождения подлинной духовности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Акопян В.З. Армянская Апостольская Церковь на Ставрополье и Тереке. – Пятигорск: Изд-во Епархии Юга России ААЦ, 2000. – 196 с.; Его же. История прихода армянской апостольской церкви г. Пятигорска. – Пятигорск, 2005. – 176 с.
2. Польская Е.Б., Розенфельд Б.М. Дорогие места. Памятные места Кавказских Минеральных Вод. – Ставрополь, 1974. – С. 28, 33.
3. Пятигорск в исторических документах 1803–1917 гг. – Ставрополь, 1985. – С. 57, 64.
4. Польская Е.Б., Розенфельд Б.М. И звезда звездой горит. – Ставрополь, 1980. – С. 76–77.
5. Пятигорск в исторических документах... С. 120–122, 130.
6. Кавказский календарь на 1899 г. – Тифлис, 1898; Кавказские Минеральные Воды. Изд. Управления КМВ. – Пятигорск, 1912.
7. См.: Двадцать пять лет Пятигорскому армянскому церковноприходскому училищу. – Пятигорск, 1913 (на арм. яз.).
8. Там же.
9. См.: Никитин П.Н. История церковью города Пятигорска (рук). – Пятигорск, 1979.
10. Там же.
11. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 4. Д. 1407. Л. 6.

12. Двадцать пять лет Пятигорскому армянскому церковноприходскому училищу.
13. См.: Боглачев С.В., Коваленко А.Н. Из родословной известной архитектурной династии (материалы к биографии) // Северный Кавказ на перекрестке цивилизаций и эпох. Межвузовский сборник научных трудов / ред. В.З. Акопян. – Ростов н/Д – Минеральные Воды, 2004. – Вып. 11.
14. См.: Акопян В.З. История прихода армянской апостольской церкви г. Пятигорска.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXIII, 1903. Отд. 1. – СПб., 1905. – № 23156.
16. ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 2967. Л. 1.
17. Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1991. – С. 32–34.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXV, 1905. Отд. 1. – СПб., 1908. – № 26613.
19. Приазовский край. – 1905. – № 192.
20. Этапы развития деятельности епархии ААЦ на Северном Кавказе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 1. – С. 223–230.

РАЗДЕЛ 2

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
АРМЯНСКОГО НАРОДА В РОССИИ
В ФОНДАХ АРХИВОВ И МУЗЕЕВ**

СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА АРМЕНИИ

Мирзоян Соня Суреновна

кандидат исторических наук, заместитель директора
Национальный архив Армении
г. Ереван, Республика Армения
e-mail: mirzoyan.sonya@gmail.com

Антонова Оксана Евгеньевна

преподаватель кафедры архивоведения Историко-архивного института
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
г. Москва, Россия
e-mail: ksenia_antonova1@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются основные направления использования документов Национального архива Армении, а также рассматривается характеристика целей использования документов Архивного фонда Республики Армения. Дан анализ форм использования документов: исполнение запросов социально-правового характера, предоставление документов в читальный зал, организация информационных мероприятий, организация публикаций документов.

Ключевые слова: архивный документ; Национальный архив Армении; архивные справки; социально-правовые запросы; сборники документов; генеалогические запросы.

MODERN USE OF DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVES OF ARMENIA

Sonya S. Mirzoyan

Candidate of Historical Sciences, Deputy Director
National Archives of Armenia
Yerevan, Republic of Armenia
e-mail: tilovik81@yandex.ru

Oksana E. Antonova

Lecturer at the Department of Archival IAI
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia
e-mail: ksenia_antonova1@mail.ru

Abstract. The article highlights the main directions of use of the National Archives of Armenia documents, as well as it examines the characteristics of intended use of the documents of Republic of Armenia archives. The analysis of the forms of using of documents: Query execution of social and legal nature, the provision of documents in the reading room, the organization of information events, organization of publication.

Keywords: National Archives of Armenia; archival document; archival information; social and legal issues; collections of documents; genealogical inquiries.

Последнее десятилетие XX в. для Республики Армения (далее – РА), как и других стран СНГ, стало временем кардинальных изменений во всех сферах общественной жизни – экономике, политике, структуре управления, правовой системе. Эти изменения, безусловно, отразились на работе архивных учреждений. Перестройка в общественной и экономической жизни общества заставила в значительной степени перестроить работу государственных архивов по использованию документов.

В связи с административной реформой в 1996 г. в стране были ликвидированы 37 районов республики и созданы 10 новых областей (не считая города Еревана, которому был также присужден статус области). Учитывая административно-территориальное разделение РА, а также необходимость в определении статуса Управления архивной службы, было принято Постановление № 536 премьер-министра РА от 26 сентября 1996 г. «Новый устав Управления архивным делом РА и система, обеспечивающая сохранность архивных документов НАФА (Национального архивного фонда Армении)» [1]. Согласно этому Постановлению в системе управления архивным делом начали действовать 6 центральных архивов, государственный архив г. Еревана и 10 областных государственных архивов с их 41 филиалом.

В 2004 г. Национальным собранием был принят новый Закон РА «Об архивном деле» [2]. Соответствующим постановлением исполнительной власти республики от 6 марта 2002 г. управление архивным делом при правительстве РА было реорганизовано в Агентство по архивному делу министерства культуры, спорта и по делам молодежи РА, затем был утвержден устав агентства, согласно которому оно являлось республиканским органом исполнительной власти РА.

Постановлением от 8 августа 2003 г. агентство было реорганизовано в структурное подразделение министерства [3]. 22 августа 2002 г. соответствующим постановлением правительства РА государственные архивы, подведомственные Агентству по архивному делу, были реорганизованы в государственные некоммерческие организации [4], а принятым 20 марта 2003 г. другим правительственным постановлением они (вместе с агентством) путем слияния были реорганизованы в государственную некоммерческую организацию «Национальный архив Армении» [5], подведомственную министерству культуры, спорта и по делам молодежи РА. Тем же постановлением областные государственные архивы были реорганизованы в областные филиалы Национального архива, а бывшие филиалы областных государственных архивов – в его территориальные представительства. 19 мая 2005 г. Постановлениями Правительства РА «Национальный архив Армении» был передан под ведомство вновь созданного Министерства территориального управления РА [6]. Современная система РА имеет следующий вид: государственная некоммерческая организация «Национальный архив Армении» ГНО, подведомственные ему 10 областных филиалов и 24 территориальных представительства, где на 1 января 2016 г. сосредоточено в целом 6051 фонд с 4 248 040 единицами хранения (в том числе 383 961 кинофотофонодокументов) [7] и находится в подчинении Министерства территориального управления и экономического развития.

В настоящее время политические, социально-экономические преобразования, проходившие с конца 1990-х гг. в Республике Армения, способствовали увеличению общественной потребности в ретроспективной документной информации, иначе говоря, постоянная и разносторонняя востребованность архивов обществом, государством и его гражданами значительно возросла. Проявлением этой востребованности является, прежде всего, возрастающая активность информационной деятельности архивных учреждений. Это в полной мере относится и к Национальному архиву Армении. События этого периода показали не только стабильную работу архива, но и ощутимо раскрыли возможности широкого использования информационного потенциала архивного фонда Республики Армения (Законом 2004 г. НАФА переименован в АФРА) [8]. Востребованность архивной информации выражается в значительном увеличении объемов работы, выполняемой архивом по использованию документов, а также в том, что осваиваются совершенно новые виды работ – это реальный ответ архива на вызов времени.

В последние годы значительно усилилась социальная роль архива, свидетельство тому – интенсивное использование архивных документов при проведении пенсионной и иных социальных реформ. В 80-х годах люди разбрелись, многие не брали с собой трудовых книжек, и сейчас им важно добиться правильного начисления пенсии. Здесь сотрудники архива столкнулись с очень большой проблемой. К сожалению, конец 80-х – начало 90-х

годов были страшным временем для архивизации документов по личному составу. При закрытии предприятия документацию могли просто выбросить, не понимая, что завтра от этих документов будет зависеть судьба человека. И теперь сложно выдавать людям справки о том, что они действительно работали. Здесь архивистам приходится прибегать ко всему, начиная от профсоюзной книжки и заканчивая партбилетом, если он сохранился. Обращения граждан по поводу стажа работы имели место всегда, но сейчас они особенно активизировались. Назовем лишь одну цифру: за 2015 г. архив подготовил 29 673 архивные справки социально-правового характера, из них 25 872 положительные, направленные на защиту законных прав, свободы и интересов граждан [9]. Выданные архивные справки и копии документов позволили гражданам оформить пенсии, пересмотреть их размеры, получить компенсации, пользоваться различными льготами, обеспечить свои имущественные и иные законные права. Следует отметить, что социально-правовые запросы граждан страны выполняются бесплатно, кроме срочных и на иностранных языках. Следует также отметить, что запросы социально-правового характера поступают из других стран СНГ, например, из России, Беларуси, Украины и др.

Из-за отсутствия контактов между архивами наших стран возникают трудности при исполнении генеалогических запросов. В архиве сохранились церковные (метрические) книги по двум бывшим армянским епархиям – Астраханской и Ново-Нахичевано-Бессарабской. Центр Кавказского наместничества Российской империи находился в Тифлисе, потом в советское время там находилась столица Закавказья. В 1960-х годах в главное управление архивов СССР было направлено письмо с тем, чтобы Армения могла получить относящуюся к ней часть архивных материалов. Было получено разрешение, и в Армению были переданы материалы по XIX веку. По армянам Грузии имеется достаточный материал, кроме конца XIX и начала XX века. Однако в Грузии до сих пор хранятся метрические книги армянских церквей конца XIX и начала XX века. К сожалению, почти отсутствуют метрические книги по армянским церквям Азербайджана.

Для наиболее качественного и быстрого исполнения не только социально-правовых запросов, но и получения другой информации в архиве осуществляются меры по совершенствованию поисковой системы. С этой целью создаются дополнительные, в том числе автоматизированные справочники о составе и содержании архивных фондов. Проводится такая работа на двух уровнях: на уровне описи, когда вводится научно-справочный аппарат на весь фонд; на уровне дела, когда аннотируются все документы в деле по каталожной карточке, в которой есть 14 характеристик, – в результате по ключевым словам мы легко можем найти и дату, и человека, и событие, и тему. Параллельно сканируются документы, на которые составлена поисковая информация. К 1 января 2016 г. сканировано около 1 млн листов, документов [10].

Общественный аспект востребованности ретроспективной информации характеризуется, прежде всего, созданием условий доступа пользователей к архивным документам, а также полным удовлетворением информационных потребностей органов государственной власти и местного самоуправления, общественных и научных организаций. Исполняются тематические запросы государственных учреждений, организаций, предприятий, а также негосударственных структур по актуальным проблемам их деятельности, проводятся различные информационные мероприятия, организуются совместные с музеем и библиотекой выставки, архивисты систематически выступают в СМИ, обслуживают через читальный зал десятки пользователей. Особенно хотелось бы отметить, что в последние годы возросла востребованность архивной информации по изучению истории населенных пунктов, предприятий, организаций, учреждений, пополнение и создание экспозиций музеев нашей страны. Заметно усилилось значение архива как центра культурно-просветительного, патриотического воспитания. Исходя из этого, мы считаем своей важнейшей задачей разработку краеведческой тематики, изучение архивных документов с позиций исторического краеведения и, как следствие, формирование интереса и уважения к прошлому своего региона. Открытость и общедоступность архивных документов в значительной степени способствуют развитию регионального краеведения, что проявилось в существенном увеличении числа изданий по истории республики.

В 1993 году архив начал и до сих пор продолжает издавать сборники документов по истории нашей Церкви, по армянским церковным деятелям, число объемистых томов уже приближается к 20. Следующий проект – населенные пункты Армении, в рамках которого изданы материалы уже по 50 населенным пунктам [11].

В данный период ведется работа по систематизации материалов по архивным делам жертв политических репрессий в Армении (1921–1952 гг.). Данные документы передавались в несколько этапов из Службы Национальной безопасности РА. К 2015 г. было передано 35 211 ед. хр. на постоянное хранение [12]. По мере распространения автоматизированных технологий в архиве на эти дела создаются автоматизированные системы учета, электронные картотеки, обеспечивающие удобство поиска и оперативного использования информации об объектах учета. Электронная карточка содержит 29 характеристик, в которых следует заполнить следующие поля: поисковые данные, биографические данные, дата ареста, кем арестован, статья обвинения (националист, троцкист и т.д.), приговор и его дата, место отбытия наказания, кем освобожден, реабилитирован и т.д. Желаящие могут ознакомиться с материалами уголовных дел своих родственников, подтвердив свое родство. Сотрудники архива в свою очередь выдают справку о реабилитации родных.

Подготовка сборников документов – одно из элитарных направлений деятельности всех архивных учреждений. И не для кого не секрет, что в этом направлении

обычно бывают задействованы наиболее квалифицированные и подготовленные архивисты. За последние пять лет, 2010–2015 г., было подготовлено и издано 18 сборников и энциклопедия [13]. Выбор темы сборников диктовался несколькими факторами – малоизученностью темы, актуальностью и интересом историков и общественности, обращаемостью пользователей. Исходя из вышеперечисленного, в архиве была выбрана конкретная тематика публикаций – это документы Первой буржуазно-демократической республики и истории Армянской Апостольской Церкви, ну и, конечно, юбилейная тематика.

Закрытые для многих исследователей фонды Первой Армянской республики вызвали большой интерес не только у историков, но и общественности, что вызвало необходимость публикации документов этого периода. Подготовленные наспех в 90-е годы сборники (без соответствующего научно-справочного аппарата, с не всегда полными комментариями) по Первой республике не могли удовлетворить потребности исследователей. В связи с этим архивистами и историками Армении было предпринято издание сборников, включающих исторические источники определенной разновидности. К изданным ранее «Законам Республики Армения» были подготовлены сборники «Журналы заседаний Правительства РА» и «Журналы заседаний Парламента РА», оба сборника достаточно объемны, более чем по 60 печатных листов, с соответствующим научно-справочным аппаратом. В сборники включены фактически все журналы заседаний и, таким образом, исследователи, имея под рукой сборники, могут не обращаться в архив.

Продолжая тему республики, мы нашли целесообразным издание дневников и неизданных трудов политических деятелей эпохи. Были подготовлены и изданы сборники: «Гарегин Нжде: новоявленные письма» (ранее были опубликованы 2 тома о жизни и деятельности Нжде [14]), труд Аствацатура Хачатряна «Турецко-восточно-армянские дипломатические отношения в 1918–1919 гг.», сборник документов о видном общественно-политическом деятеле, военном министре Республики Армения Рубене Тер-Минасяне [15]. Интерес к документам этого сборника объяснялся тем, что они долгие годы хранились в семейном архиве этого деятеля во Франции, и потомки его нашли целесообразным передать весь фонд в Национальный архив Армении. Кстати, сами же потомки финансировали издание сборника объемом более 30 печатных листов.

Были изданы ранее написанные, но не опубликованные работы Микаела Туманяна, представителя Армянской дипломатической миссии в Грузии, «История дипломатии Республики Армения в 1918–1920 гг.» [16] и дневник Консула Республики Армения на Северном Кавказе Акопа Сарикяна, непосредственного участника армянского национально-освободительного движения и дипломатического деятеля.

Таким образом, период Первой Республики был представлен не только официальными документами, но и дневниками и воспоминаниями общественных деятелей, написанными в 20–30-е годы XX столетия.

Вторая, не менее важная тема – это история Армянской Апостольской Церкви. Наиболее объемная обширная работа была проделана при подготовке справочника-энциклопедии «Российская и Ново-Нахичеванская епархия Армянской Апостольской Церкви: Исторический путь» и охватывает период с 1717 по 2012 год. В справочник включены все сведения об армянских религиозных учреждениях, включая приходские школы, всей территории Российской империи (кроме Закавказья) [17]. В сентябре 2015 г. был издан сборник документов об истории мироварения «Благословение Святого Мира». Документы охватывают период с 1806 г. по наши дни и представляют историю события в жизни церкви. 27 сентября 2015 г. состоялась презентация публикации, после чего справочник был роздан всем паломникам в Эчмиадзине.

Подготовленные архивом сборники документов по истории армянской церкви связаны в основном с выдающимися церковными деятелями, благотворителями, теми или иными событиями церковной истории и, чаще всего, координируются с представителями церкви или же ими финансируются.

Следующая тематика подготовленных сборников касается юбилейных дат. В этой связи особое место занимают сборники, изданные к 100-летию печальных событий в истории Армении – Геноциду армян в 1915 г. В 2012 г. был подготовлен и издан трехтомник «Геноцид армян в Османской империи: свидетельства очевидцев», включающий в себя 1400 страниц свидетельств очевидцев. Каждый из томов включает свидетельства выживших одного из районов Западной Армении – Ван (I том), Битлис (II том), Эрзрум, Харберд, Дябекир, Себастья, Трапезунд (III том).

Издание получило большой резонанс общественности, составители получили ежегодную премию Президента Республики. В 2013, 2014, 2015 гг. были изданы краткие в один том сборники на русском, английском и турецком языках.

В этой же серии был подготовлен и издан II том сборника «Погромы армян в Бакинской и Елисаветпольской губерниях» [18], который включил также одну разновидность документов – Ведомости материальных потерь.

К юбилейным датам были приурочены сборники документов – «Между Родиной и диаспорой», к 100-летию Председателя комитета связи с зарубежными странами Вардкеса Амазаспьяна; «Участие армян в Отечественной войне 1812 г.» – к 200-летию войны, «Армяне в Первой мировой войне» [19] – к 100-летию войны, «Миссия преданных армянок» – к юбилею Армянского союза помощи, «Иосиф Орбели» [20].

В задачу архивистов входило не только ознакомление российских коллег с тематикой подготовленных сборников, но и с проблемами, связанными с подбором и выявлением документов, археографическим оформлением, подготовкой научно-справочного аппарата. Публикации сборников документов одной разновидности (журналы, дневники, ведомости, показания очевидцев) не требуют достаточного времени для поисков, поскольку чаще

всего сосредоточены в одном-двух фондах. Однако одновременно они требуют тщательной археографической обработки и объемного научно-справочного аппарата, в частности комментариев. Так, при подготовке трехтомника «Геноцид армян в Османской империи: свидетельства очевидцев» составители не только переживали эмоциональный стресс, читая записанные по свежим следам показания, но должны были иметь достаточные знания диалектов, названий населенных пунктов, понять бессвязную речь напуганного и истерзанного беженца. Сложность в передаче текста документа была также в вкраплениях в повествовании курдских и турецких слов, диалекта не только западно-армянского языка, но и наречия той или иной местности. Составители сборника придерживались принципа невмешательства в текст повествования, объясняя явные ошибки в комментариях. Поэтому каждый том издания имел богатый научно-справочный аппарат – предисловие, комментарии, терминологический словарь, именной и расширенный географический указатель, список публикуемых документов, иллюстрации.

Несложной в таких ситуациях являлась и археографическая обработка документов. Текст каждого документа имел заголовок, в котором изменялись лишь фамилия и место действия. Фактически во всех сборниках сложным и проблемным являлись передача текста документа и подготовка научно-справочного аппарата.

Нужно иметь в виду, что в армянском языке, кроме диалектов, есть два наречия, – это западно-армянское и восточно-армянское, которые отличаются друг от друга как по произношению, так и по написанию. Поэтому для окончательного редактирования сборников на армянском языке привлекаются филологи, чаще извне, знающие лингвистические тонкости.

Документы всех сборников публикуются на языке оригинала. В сборнике «Погромы армян в Бакинской и Елисаветпольской губерниях» почти все документы на русском языке, однако для полного охвата всех прошений и ведомостей в сборник включены также документы на армянском языке, но с заголовком на русском. Всего было отобрано около 4 тысяч ведомостей и прошений. Публикация такого массива документов предполагала бы 2–3 тома, поэтому был выбран оптимальный вариант – в сборники были включены ведомости тех семей, где имелись людские потери, остальные ведомости были даны списком, с указанием поисковых данных. Так, в сборник были включены заявления более чем 500 потерпевших, имевших в семье потери, и около 3 тыс. выживших жителей, с показанием материальных потерь. Таким образом, составители сумели исчерпать массив тех документов, которые были собраны Бюро по установлению потерь армян в мировой войне по региону – Бакинской и Елисаветпольской губерний, а также представить список выживших жителей этих армянских регионов. Издание сборника имело политическое значение, и, кроме того, его материалы могут быть использованы для составления генеалогии.

Интересное решение было принято при подготовке сборника «Участие армян в Отечественной войне 1812 г.» Исходя из малочисленности документов, сохранившихся в Армении, было решено подготовить факсимильное издание, т.е. в сборник вошла репродукция документа со всеми особенностями – цвет бумаги, написание. К документам прилагался заголовок, дата и место написания документа, поисковые данные. В сборник вошли списки армянских священнослужителей, оказавших содействие войскам и получивших памятные медали, а также фрагменты их послужных списков. Подготовка списка потребовала значительного времени, поскольку необходимо было просмотреть все формулярные списки священнослужителей, находящихся на службе в период войны 1812 г. Эта была достаточно кропотливая работа, в ходе которой был составлен список на 59 персон – от католика до сельского приходского священника, с указанием имени, фамилии, отчества, прихода (город, село) и поисковых данных. Второй список включал фамилии офицеров армян с краткой биографией, с указанием наград, и иллюстративный материал (фотографии, изображения орденов и медалей, гербов) и поисковые данные. Всего было включено в сборник 46 офицеров. Издание, по желанию спонсоров, было подготовлено на русском языке, поэтому к документам на армянском языке были даны заголовки на русском. Издание получилось красочно-подарочным и имело научно-популярный характер. К такому же типу издания можно отнести и подготовленный, совместно с Армянским телеграфным агентством, к 70-летию Победы в войне 1941–1945 гг. «Плакатов Арм.ТАГА» [21]. В альбом вошли более 100 плакатов армянских художников, которые в годы войны выставлялись каждую неделю на суд жителей Армении.

Достаточно сложной была работа над сборником документов «Армяне в Первой мировой войне». Он был подготовлен и состоял из двух разделов: I-й – участие армян в Первой мировой войне, в частности Кавказский фронт, добровольческое движение; II-й – армянские гуманитарные организации и их помощь беженцам. Издание готовилось совместно с Институтом социальных и политических исследований Черноморско-Каспийского региона. Было выявлено более 3 тыс. документов, в основном на русском языке. Трудности были как в передаче текста документов, поскольку большая часть документов была военного характера, так и в их археографическом оформлении, особенно с датировкой документов. К сожалению, первоначальный вариант сборника был изменен, сокращен за счет документов II-го раздела, вместо которого был внесен список армян, награжденных Георгиевскими орденами и медалями.

Обобщая работу архива по подготовке сборников документов, необходимо указать, что, к сожалению, архив до сих пор не разработал ни одного методического пособия по подготовке сборников документов, и мы при подготовке публикации руководствуемся «Правилами издания исторических документов» (М., 1990). В архиве задействованы всего несколько сотрудников при подготовке сборников. Несмотря на то, что публикация – это наиболее интересная

работа в архиве, в то же время она требует квалификации, знаний не только по истории, но и филологии, географии. Ни для кого не секрет, что планируя работу над сборником, не всегда можно учесть все нюансы работы, зачастую аврал и даже требования спонсора меняют ритм работы. Еще одна немаловажная деталь. При подготовке сборников выявляется материал чаще всего из архива, без привлечения других источников (музеев, библиотек) и тем более архивов других республик. В советские годы существовала хорошая практика – подготовка сборников документов совместно с Центральными архивами Москвы и Санкт-Петербурга. Необходимо возобновить эту практику, и сборники документов станут богаче, а опыт российских архивистов поможет в преодолении трудностей и проблем.

Еще одно важное условие – финансирование. Для архива в основном существуют два источника финансирования: это бюджет архива и спонсирование. Работник архива, работая над сборником и попросту «выкладываясь», не всегда должным образом награждается. Имя на обложке сборника – это моральная сторона вопроса, которая к настоящему времени не всегда радует, а поощрение, если сборник издается за счет архива, ограничивается небольшими премиальными. Несколько лучше обстоят дела со спонсорами, которые тоже стараются «выложить деньги», но только на издание сборника, а не на ее подготовку. Надо полагать, что все эти вопросы существуют и в других архивах и возникают при подготовке сборников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Национальный архив Армении (НАА). Ф. 113. Оп. 177. Д. 494.
2. Закон РА «Об архивном деле» [6 июня 2004 г.] // Официальные Ведомости РА. – 2004. – № 38.
3. О реорганизации агентства по архивному делу Министерства культуры и по делам молодежи Республики Армения [8 августа 2003 г.]: решение Правительства РА // Официальные Ведомости РА. – 2003. – № 47.
4. О создании государственной некоммерческой организации Армения [22 августа 2002 г.]: решение Правительства РА. – М., 2016. – URL: <http://viparmenia.org/archive/index.php/t-686.html>.
5. О внесении изменений и дополнений в Постановление правительства РА от 22 августа 2002 г. № 1406 и признать утратившим силу Постановление от 12-ого сентября [20 марта 2003 г.]: решение Правительства РА. – М., 2016. – URL: <http://viparmenia.org/archive/index.php/t-686.html>.
6. О передаче организации «Национальный архив Армении» под ведомство новосозданного Министерства территориального управления РА [19 мая 2005 г.]: постановление Правительства РА // Официальные Ведомости РА. – 2005. – № 41.

7. Отчет о работе Национального архива Армении за 2015 г.
8. Национальный архивный фонд Армении в Архивный фонд Республики Армения.
9. Отчет о работе Национального архива Армении за 2015 г.
10. Там же.
11. Национальный архив Армении. Ф. 57. Католикос всех армян
12. Отчет о работе Национального архива Армении за 2015 г.
13. Отчеты о работе Национального архива Армении за 2010–2015 гг.
14. Гарегин Нжде (настоящее имя – Гарегин Егишевич Тер-Арутюнян; 1 января 1886 – 21 декабря 1955) – армянский военный и государственный деятель, основоположник цехакронизма – концепции армянской националистической (по оценкам Каарина Аитамурто и Скот Симпсон) идеологии, сотрудничавший с Третьим рейхом во время Второй мировой войны.
15. Рубен Тер-Минасян (1882, Ахалкалаки Османской империи – 28 ноября 1951, Париж, похоронен на кладбище Пер-Лашез). Офицер, революционер, общественно-политический деятель.
16. Туманян М. История дипломатии Республики Армения, 1918–1920 гг. / Нац. архив Армении, Ин-т истории НАН РА. – Ереван: Нац. архив Армении, 2012. – 471 с.
17. В справочник включено 114 населенных пунктов, где имелись церковь, молитвенные дома и часовни, 149 религиозных учреждений, планы и фасады памятников армянской архитектуры.
18. Национальный архив Армении. Ф. 226. Оп. 1. Ф. 200. Оп. 1.
19. Там же. Ф. 28. Оп. 1.
20. Иосиф Абгарович Орбели (арм., [20] марта 1887, Кутаиси – 2 февраля 1961, Ленинград) – советский востоковед и общественный деятель, академик Академии наук СССР (1935), академик Академии наук Армянской ССР и её первый президент (1943–1947), в 1934–1951 – директор Эрмитажа.
21. Плакаты в 1943 г. были сданы в архив Госхрана. Впервые часть плакатов была продемонстрирована в 2010 г., к 65-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне.

**АРМЯНСКИЕ КУПЦЫ В АСТРАХАНИ В КОНЦЕ XVII в.:
по материалам фонда Астраханской приказной палаты
Архива СПБИИ РАН**

Базарова Татьяна Анатольевна

кандидат исторических наук,
и.о. заведующего Научно-историческим архивом и группой источниковедения
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: tbazarova@yandex.ru

Аннотация. В Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук хранится фонд Астраханской приказной палаты (Ф. 178). По договорам, подписанным в 1667 и 1673 гг. Русским государством и Армянской торговой компанией из Нор Джуги (Иран), армянские купцы получили право свободной торговли на водных путях от Астрахани до Архангельска и транзита товаров в Западную Европу. В Астрахани армянские купцы предъявляли на таможене свои товары, указывали их количество и вес, платили пошлину, а также сообщали о числе сопровождавших груз людей, а затем продолжали свой путь в Москву или Западную Европу.

Ключевые слова: Астрахань; приказная палата; таможня; армянские купцы; торговля шелком; XVII век.

**ARMENIAN MERCHANTS IN ASTRAKHAN CITY
IN LATE XVII CENTURY:**

**Based on materials of Prikaznaya palata archives from St. Petersburg
Institute of History of the Russian Academy of Sciences archives**

Tatiana A. Bazarova

Candidate of Historical Sciences,
acting head of Scientific-historical archive and the group of source study
St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russia
e-mail: tbazarova@yandex.ru

Abstract. Scientific and Historical archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences keeps the archives of Astrakhan's *Prikaznaya palata* (fond 178). According to treaties signed by the Russian government and the Armenian trading company of Nor Jughha (Iran) in 1667 and 1673, the Armenian merchants were granted the right of free trade on waterways from Astrakhan to Arkhangelsk and transit of goods to Western Europe. In the Astrakhan customs Armenian merchants declared their goods, their amount and weight, paid the fees, and also reported on the number of people accompanying the goods, and then they continued on their way to Moscow or Western Europe.

Keywords: Astrakhan; *Prikaznaya palata*; customs; Armenian merchants; silk trade; XVII century.

С 1558 г. Астрахань стала не только южным военным форпостом Русского государства, но и крупным торговым центром. Она являлась частью международного торгового пути, связывающего Западную Европу и государства Азии (через Архангельск, Москву, по Волге и Каспийскому морю). Уже в конце XVI в. в Астрахани существовали Гилянское, Бухарское и Русское торговые подворья [1]. В первые годы после основания в Астрахань из старой ханской столицы переселились и армянские торговые люди. В XVII в. они построили Армянское торговое подворье и здесь также начала формироваться Армянская слобода [2].

Основным товаром, который армянские купцы везли в Россию и Западную Европу, являлся шелк-сырец. В 1667 и 1673 гг. между Русским государством и Армянской торговой компанией из Нор Джуги (Иран) были подписаны договоры, по которым армянские купцы получили право свободной торговли на водных путях от Астрахани до Архангельска и транзита товаров через Россию в Западную Европу. Астрахань стала главным пунктом торговых операций компании, что привело к увеличению объема торговли Армянского гостиного двора, а некоторые из ее служащих стали постоянными жителями города [3].

В Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (далее – Архив СПбИИ РАН) хранятся десятки фондов воеводских изб и приказных палат, в которых в Русском государстве середины XVI–XVII вв. сосредоточивалось все местное управление [4]. Один из самых крупных – это фонд Астраханской приказной палаты (Ф. 178), где отложилось около 16 000 единиц хранения, дающих представление о воеводском управлении краем, взаимоотношениях администрации с местным населением, обороне южных рубежей государства, строительстве города, развитии промыслов, а также о внутренней и международной торговле России в XVI–XVIII вв.

Среди материалов Астраханской приказной палаты сохранились документы о торговле с Арменией, в том числе список подтверждения договора русского правительства с Армянской торговой компанией о торговле шелком и другими товарами в русских городах, а также грамоты астраханским воеводам

о пропуске с персидскими товарами армянских торговых людей и привилегиях армянской компании 1673 г. В фонде отложились многочисленные дела о сделках с недвижимостью армянских жителей Астрахани, а также о приеме на службу в толмачи «новокрещена армянина» Еремея Адамова (1667 г.), прибавке жалования толмачу приказной палаты армянину Василию Иванову (1667–1669 гг.), выдаче поденного корма на дорогу в Москву мастеру сафьянного дела Мартыну Мардьясову (1668 г.) и др.

Для публикации отобраны два документа, свидетельствующие о развитии русско-армянских торговых отношений в конце XVII в. Так, в поданной в денежный стол Астраханской приказной палаты отписке речь идет о предоставлении подвод армянскому купцу Назарету Авединову «с товарищи», а также сопровождавшим их приставу сотнику пеших стрелцов Кузьме Панову и двум солдатам (октябрь 1697 г.).

В другом деле сохранился фрагмент подробной росписи принадлежавших Назарету Авединову и другим армянским торговым людям товаров с указанием веса, цены и уплаченных пошлин. В Астрахани армянские купцы предъявляли свои товары на таможне, указывали количество, вес и уплаченную пошлину, а также сообщали о числе сопровождавших груз людей. Служители таможни сначала составляли роспись товаров каждого из торговых людей, а затем сводили сведения в общий список. Так, осенью 1697 г. семь армянских купцов везли в Москву товар на сумму 14 034 рубля 2 алтына 5 денег и заплатили в астраханской таможне 5 %-ную пошлину в размере 701 рубля 23 алтын 3 денег. Помимо шелка-сырца среди предъявленных на таможне товаров были шелковые и хлопчатобумажные ткани, сафьяновые кожи и др. В тексте документа имеется ссылка на договор 1673 г., по условиям которого пошлину в царскую казну купцы платили только с товара, а «харч и платье» провозили беспошлинно.

***

№ 1.

1697 г., октября 23. – Отписка в денежный стол Астраханской приказной палаты о предоставлении подвод и выдаче прогонных денег направляющемуся в Москву армянскому купцу Назарету Авединову с товарищами.

В нынешнем в 206-м году октября в 23 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и по приказу околничего и воеводы Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина [5] велено отпустить из Астрахани к Москве с шелком сырцом и с ыными заморскими товары армян торговых людей Назарета Авединова с товарищи и дать им и под товар их и под людей девяносто пять подвод да приставу их сотнику пеших стрелцов Кузме Панову две подводы, двум человеком стрелцом по подводе человеку. И на те подводы прогонные денги по дватцети по пяти алтын на подводу, всего семдесят четыре рубли восемь алтын две денги, и в денежном столе о даче тех денег учинить по сему п[ис]му^а.

На нижнем поле другим почерком: Дать денги по указу и записать в расход.
На обороте: Справил Ивашко Кузнецов⁶.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 13565. Сст. 1–1 об. Подлинник.

Примечания: ^а Часть слова утрачена из-за повреждения листа. ^б Выше рукоприкладство армянских купцов.

№ 2.

1697 г., ноября. – Дело Астраханской приказной палаты об отпуске армянских торговых людей в Москву.

(сст. 3) У армянина у жулфинца [6] у Петроса Микиртичева товару.

Сорок тай [7] да узел шелку сырцу ардашу [8] весом налицо двести дватцать девять пуд. Цена три тысячи шестьсот шездесят четыре рубли, пуд по шеснатцати рублев.

Да в узолку три фаты полушелковых. Цена шездесят алтын.

Три пестреди [9] теврских. Цена три рубли восемь алтын.

Дватцетъ сафьянов [10]. Цена шесть рублев.

Дватцать ансырей [11] шолку по цветам. Цена осмнатцать рублев.

Всей цены три тысячи шестьсот девяносто три рубли один алтын две денги.

Пошлин по указу взято сто восемьдесят четыре рубли дватцать один алтын пол-пяты денги с рубля по десяти денег.

А тот шолк сырец да узол с мелочью весом с веревки и с натайники [12] двести // (сст. 4) сорок пуд десеть гривенок.

Вещих пудовых провозных денег по указу взято двести сорок рублев восемь алтын две денги, с пуда по рублю.

У него ж в харчу и в платье дватцетъ четыре пуда.

И по указу великого государя и по договорным армянским статьям с харчу и с платья провозу имать не велено.

Да с ним же работных людей четыре человека. <...> //

(сст. 21) Всего по вышеписанным армянским росписям товаров с веревки и с натайники весу 938 пуд 35 гривенок.

В харчу и в платье 94 пуда 12 гривенок.

Обоего весу 1033 пуда 2 гривенки.

И в том числе шелку сырцу налицо опричь веревок и натайников 647 пуд 28 гривенок.

Всему армянскому товару цена 14 034 рубли 2 алтына 5 денег.

Пошлин взято 701 рубль 23 алтына 3 денги.

Провозных денег взято 939 рублев 3 алтына 4 денги.

Обоего пошлин и провозных денег взято 1640 рублев 27 алтын 1 денга.

Всего по вышеписанным росписям челобитчиков армян 7 человек, братьей 2 человека, детей их 1 человек, прикащиков 1 человек, людей их 22 человека. //

(сст. 22) Всего армян, и детей их, и братьей, и племянников, и людей 33 человека.

И буде великий государь пожалует, велит им, челобитчиком, и под товары их дать подводы против прежних дачь и положить на подводу товару, и харчу, и платья по 15 пуд на подводу, и доведетца дать 62 подводы.

Да под армян, и под детей, и под племянников, и под прикащиков, и под людей их по подводу человеку, итого 33 подводы. Да приставу их сотнику пеших стрельцов Кузме Панову 2 подводы, стрельцам двум человеком по подводу человеку.

Всего 99 подвод. //

(сст. 23) Прогонных денег доведетца дать на те вышписанные подводы от Танбова до Москвы по 25 алтын на подводу, итого 74 рубли 8 алтын 2 денги.

Да подрядчику астраханскому посацкому человеку Ганке Ларионову, которой подрядился их, армян, вести до Царицына в своем стругу из провозу, а провозных денег доведетца ему дать по подряду и по таможенному весу з 938 пуд с 35 гривенок по 3 алтына по 2 денги с пуда, итого 93 рубли 22 алтына 2 денги.

Всего провозных и прогонных денег 167 рублей 30 алтын 4 денги.

Другим почерком на нижнем поле: 206-го ноября в <...>^a день по указу великого государя окольников и воевода Иван Алексеевич Мусин-Пушкин приговорил армян торговых людей Назарета Аведино<ва...>.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 13609. Сст. 1–23 об. (в извлечениях). Подлинник. Начало и окончание документа утрачены.

Примечание: ^a Число не вписано.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гусарова Е.В. Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 58.
2. Хачатурян В.А. Образование армянской колонии в Астрахани // Историко-филологический журнал АН Армении. – 1983. – № 4. – С. 47–49.
3. Там же. – С. 51.
4. См.: Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории АН СССР. – М.; Л., 1958.
5. Иван Алексеевич Мусин-Пушкин (1660–1730) был астраханским воеводой в 1693–1700 гг.
6. Очевидно, выходца из Новой Джульфы (Нор Джуги) – армянского пригорода Исфахана (Иран).
7. Тай (персидск.) – один из парных предметов.
8. Ардаш – шелк низкого сорта.
9. Пестрядь – как правило двухцветная льняная или хлопчатобумажная ткань грубой выделки.
10. Сафьян – тонкая мягкая окрашенная кожа из козлиных или бараньих шкур.
11. Ансырь – мера веса в XVI–XVII вв. равная 96 золотникам.
12. Натайник – чехол или сумка для упаковки тюка с товаром.

ФОНД КНЯЗЯ С.С. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВА В ГАПК КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АРМЯН

Борисов Андрей Александрович

кандидат исторических наук, доцент, директор
Государственное краевое бюджетное учреждение
«Государственный архив Пермского края»
г. Пермь, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются материалы фонда С.С. Абамелек-Лазарева в качестве источника по истории армян. В статье анализируются материалы фонда касательно деятельности всех владельцев пермского имения Лазаревых со всеми заводами, соляными промыслами, земельными угодьями. Раскрываются структура управления имениями, отношения с рабочими, вотчинными крестьянами, социальные программы, которые имели место. Фонд содержит материалы за 1743–1918 гг.

Ключевые слова: армяне; история армян; Абамелек-Лазарев; Пермское имение; заводы.

THE GAPK'S FUND OF PRINCE S.S. ABAMELEK-LAZAREV AS A SOURCE IN ARMENIAN HISTORY

Andrey A. Borisov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Director of the State Regional Budget Institution
«State archive of the Perm Krai»
Perm, Russia

Abstract. The article describes the possibilities of fund's materials of S.S. Abamelek-Lazarev as a source in Armenian history. Fund materials in article are analyzed in relation to the activities of all owners of the Perm Lazarev's manors, with all the factories, salt mines and land. The structure of the management of estates, relations with workers, farmers, patrimonial, social programs that took place are presented in article. The fund contains materials from the years of 1743–1918.

Keywords: Armenians; the Armenian history; Abamelek-Lazarev; Perm estate; factories.

Цель данной статьи – раскрыть возможности материалов фонда князя С.С. Абамелек-Лазарева ГАПК в качестве источника по истории армян. Фонд (280) рассказывает об истории армянского рода промышленников Абамелек-Лазаревых, внесших немалый вклад в развитие экономики Урала и России в целом, который берет свое начало в середине XVIII в.

В 1735 г. вблизи Москвы, в селе Фряново Богородского уезда Лазарем Назаровичем Лазаревым (армянином по происхождению), прибывшим в Россию из Персии, основывается Фряновская шелковая и бумажная мануфактура [1].

Иван Лазаревич Лазарев, старший сын Л.Н. Лазарева, в 1774 г. приобрел одновременно в нескольких губерниях недвижимые имения. 20 апреля 1778 г. И.Л. Лазарев купил у опекунов баронов Строгановых продаваемое с аукциона за долги Пермское имение с заводами, в том числе Чермозским заводом, а в 1784 г. Хохловский завод у М.А. Строгановой [2]. В те же годы Лазаревы начали строительство новых заводов на приобретенных землях. В 1783 г. началось строительство Кизеловского чугуноплавильного и железодельного завода, завершившееся 5 лет спустя, а в 1797 г. была завершена постройка Полазненского завода [3].

Пермское имение владельцев Лазаревых находилось в Пермской губернии и охватывало уезды: Соликамский, Оханский, Верхотурский, Пермский, Чердынский. Имение занимало площадь в 830 тыс. десятин земли, по ревизии 1831 г. на территории имения проживало 35 335 человек [4]. Все земельные владения, лесные угодья, пахотные земли, покосы, выгонные земли, заводские земли Пермского имения делились на дачи. Каждая дача владельцев Лазаревых насчитывала несколько тысяч десятин земли. Дачи делились на единственные, принадлежавшие только Лазаревым, и общие владения, принадлежавшие нескольким владельцам. Общие дачи документы часто называют спорными, т.к. они принадлежали владельцам Лазаревым и соседним с ними владельцам.

Пермское главное правление при Чермозском заводе учреждено 23 августа 1800 г. Выбор места обосновывался тем, что Чермозский завод располагался в самом центре имения Лазаревых. Руководство деятельностью Пермского правления осуществлялось главной Санкт-Петербургской конторой и Московской конторой владельцев Лазаревых.

В Пермское имение владельцев Лазаревых входили заводы: Чермозский, Кизеловский, Хохловский, а также Екатерининская и Мариинская фабрики. Кроме этого, в Пермское имение Лазаревых входили Усольские и Ленвенские соляные промыслы, а также лесные площади. Все имение делилось на лесные дачи во главе с лесничими, подчинявшимися окружному лесничему.

В 1863 г. Христофор Екимович Лазарева, за отсутствием наследников мужского пола, передал управление Пермским имением Семену Давыдовичу Абамелек – зятю Х.Е. Лазарева, женатому на его дочери Елизавете Христофоровне Лазаревой. Елизавета Христофоровна после смерти мужа и прекращения мужского рода Лазаревых продолжила управление Пермским имением и стала носить фамилию Абамелек-Лазарева [5]. Владения Елизаветы Христофоровны унаследовал ее сын

Семен Семенович Абамелек-Лазарев – ученый-востоковед, автор научных трудов по археологии.

Его потомки владели имением вплоть до национализации их владений, последовавшей вскоре после революции 1917 г. Фонд главного управления бывшего имения поступил на государственное хранение в Пермское окружное архивное бюро из Чермоозского металлургического завода Верхне-Камского округа в 1926 г.

Документы фонда всесторонне раскрывают историю имения и условия, в которых проходили развитие и деятельность Пермского вотчинного имения владельцев Лазаревых. В частности, в фонде полно представлена переписка Санкт-Петербургской и Московской домовых контор владельцев Лазаревых с Пермским (Чермоозским) главным правлением.

История, строительство, производительность заводов Пермского имения представлены многочисленными документами. В документах отражена разработка железных ископаемых на каменноугольных, золотых, соляных промыслах, а также условия труда рабочих на предприятиях. Заводы Абамелек-Лазарева были, по понятиям той эпохи, довольно крупными – в частности, на Чермоозском заводе в 1889 г. было занято 3647 человек [6]. Велики были и объемы производства – так, на Кизеловском заводе по плану в 1861 г. предполагалось добыть 800 тысяч пудов железных руд и выплавить 350 тысяч пудов чугуна [7].

В фонде имеются документы о снаряжении и отправке на суда железных и соляных караванов с готовой продукцией на внутренних рынках России, в том числе Нижнем Новгороде.

Большая группа документов характеризует отношения владельцев с вотчинными крестьянами. Помимо полевых работ, они привлекались и к работе промышленных предприятий. Так, на 1861 г. на Кизеловском заводе, согласно плану, предполагалось выделить 55 764 р. на оплату труда вотчинных крестьян. Они выполняли такие работы, как жжение дров на уголь, рубка и возка строевых лесов для потребностей заводов и т.д. [8]. Взимание оброков, податей и других повинностей с вотчинных крестьян также нашло отражение в делах фонда.

В ревизских сказках, содержащихся в фонде, исследователи могут найти сведения о численности вотчинного населения и миграции населения из имения. В фонде хранятся многочисленные дела, отражающие постройку и состояние обучения в заводских, приходских училищах имения, о подготовке учеников к поступлению в Московские и Петербургские горнозаводские школы и школы живописи и рисования. Подготовка грамотных кадров для промышленного производства и искусства Абамелек-Лазаревы уделяли большое внимание. В частности, только в Чермоозе в 1888 г. на жаловании состояло 13 педагогов, преподававших в мужском двухклассном, мужском одноклассном и женском двухклассном училищах [9]. Документы фонда рассказывают и о роли заводов Абамелек-Лазаревых в организации обороны страны в период войн. Предприятия Абамелек-Лазаревых производили как металл, необходимый для изготовления оружия, так и само вооружение. В частности, процесс производства снарядов на Чермоозском заводе

в период Отечественной войны 1812 г. можно проследить в рапорте Якимы Лазарева из Чермоозского заводского вотчинного правления поручику 18-й артиллерийской бригады Древецкому. Сообщалось, что помимо снарядов литейщики отливают бомбы и гранаты. В ведомости указывалось количество снарядов: в июне отливались 5-пудовые (241 шт.), 2-пудовые (404 шт.) и 1-пудовые (604 шт.) бомбы. Гранат 10-фунтовых изготовлено 4470 шт. Всего 5719 бомб и гранат за июнь [10]. Период Первой мировой войны показан документами, отражающими изготовление военной продукции, применение труда военнопленных на работах в Чермоозском и других заводах.

В фонде содержатся формулярные и послужные списки мастеровых – ценный источник по изучению социального положения работников на заводах Абамелек-Лазаревых. Документы фонда показывают, что Абамелек-Лазаревы заботились и о, говоря современным языком, социальном обеспечении людей, работавших в их вотчине. Например, в Полазне существовал приют, предназначенный для нетрудоспособных жителей вотчины, о которых некому было позаботиться. В январе 1864 г. в приюте содержалось 20 человек, из них 11 малолетних и 9 взрослых [11].

Вывод: таким образом, характеристика документов фонда показывает – документальное содержание фонда 280 Государственного архива Пермского края является ценнейшим источником по изучению истории армян в России и, в частности, в Прикамье.

История семьи Абамелек-Лазаревых, их деятельности на территории Пермской губернии – яркий пример вклада армян в развитие и процветание России дореволюционного периода. Благодаря своей энергии и разумному хозяйствованию этот армянский по происхождению род вошел в число наиболее крупных землевладельцев и заводовладельцев Урала, стал одной из тех семей, на которых держалась экономика не только региона, но и России в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственное краевое бюджетное учреждение «Государственный архив Пермского края» (далее – ГКБУ «ГАПК»). Ф. 280. Оп. 1. Предисловие. С. 1.
2. Там же. Д. 36.
3. Там же. Д. 504.
4. Там же. Предисловие. С. 3.
5. Там же. С. 2.
6. Там же. Оп. 2. Д. 86. Л. 139 об.
7. Там же. Оп. 1. Д. 1344. Л. 1.
8. Там же. Д. 1344. Л. 17 об. – 22.
9. Там же. Оп. 2. Д. 75.
10. Там же. Оп. 1. Д. 235. Л. 289.
11. Там же. Д. 1343. Л. 84, 84 об.

**РОД ЛАЗАРЕВЫХ В РОССИИ:
ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ, МЕЦЕНАТЫ
(по архивным материалам
Государственного Исторического музея)**

Катагощина Мария Всеволодовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей»
г. Москва, Россия
e-mail: congress@fromru.com

Аннотация. Статья посвящена обзору документов семьи известных российских промышленников и меценатов армянского происхождения Лазаревых, хранящихся в собрании Государственного исторического музея. Автор характеризует научно-информационную значимость архивного комплекса Лазаревых, который позволяет расширить представления о служебной, предпринимательской и благотворительной деятельности Ивана и Христофора Лазаревых, их семейном окружении, коллекционировании книг и произведений искусства, вкладе семьи Лазаревых в армяно-российский культурный диалог во второй половине XVIII – XIX вв.

Ключевые слова: армянский род Лазаревых; армянская диаспора в России; частное коллекционирование; дворянское предпринимательство; благотворительность; Лазаревский институт восточных языков.

**LAZAREVS IN RUSSIA:
INDUSTRIALISTS, COLLECTOR, PHILANTHROPISTS
(On archival materials of State Historical Museum)**

Maria V. Katagoshchina

PhD (History), senior researcher
State Historical Museum
Moscow, Russia
e-mail: congress@fromru.com

Abstract. Article is devoted to the review of family archive of Lazarevs – the famous Armenian-Russian entrepreneurs and philanthropists, stored in

State Historical Museum in Moscow. The author describes the scientific and informational value of Lazarevs' archive, which helps to expand the knowledge about state service, business activities and charity of Ivan and Christopher Lasarev, their close entourage, collecting books and arts, to characterize the contribution of Lazarevs in the dialogue of Armenian and Russian cultures in the second part of XVIII – XIX centuries.

Keywords: Armenian clan Lasarev; Armenian diaspora in Russia; private collectors; noble enterprise; charity; Lazarev Institute of Oriental languages.

Диалог в сфере культуры и искусства является одной из важнейших основ многостороннего сотрудничества России и Армении, народы которых в течение многих столетий не только взаимодействуют в государственно-политической и экономической сфере, но и цивилизационно обогащают друг друга [1].

На современном этапе эта традиция воплощается в том числе в конкретных проектах – образовательных, выставочных, музыкальных и т.п. Так, например, в ноябре 2014 г. в Ереване состоялся представительный форум «Музеи России и Армении. Диалог культур», проходивший под патронатом президента Республики Армения Сержа Саргсяна и при поддержке армянского и российского национальных комитетов Международного Совета музеев (ИКОМ Армения и ИКОМ Россия) и ставший площадкой для заинтересованного разговора деятелей науки и культуры о проблемах сохранения и популяризации уникального историко-культурного наследия наших стран. В дни форума был заключен договор о сотрудничестве Исторического музея Армении с Государственным историческим музеем в Москве, в рамках которого в марте-июне 2016 г. в ГИМ демонстрировалась выставка «Армения. Легенда бытия», впервые представившая москвичам и гостям столицы уникальные памятники истории, искусства и книжности, древние христианские святыни армянского народа за период с IV по XIX в. (от принятия Арменией христианства до вхождения в состав Российской империи).

Плодотворное творческое взаимодействие с научно-историческим сообществом и музеями Армении явилось в том числе стимулом для углубленного изучения памятников материальной культуры и письменности Армении, а также источников, отражающих тему армяно-российского культурного взаимодействия, из собрания Государственного исторического музея. В частности, в Отделе письменных источников (далее – ОПИ ГИМ) хранится фонд семьи Лазаревых [2], материалы которого имеют существенное значение для формирования объективных научных представлений о развитии армяно-российского диалога культур в рамках сообщества государственно-политической и научной элиты России XVIII – начала XX вв.

История армянского рода Лазаревых составляет одну из ярких страниц в общей книге судеб России и Армении. Три поколения этой семьи во второй половине XVIII – середине XIX вв. занимали видные позиции в придворных, дипломатических и военных кругах, в торговле и промышленности, в образовании и науке Российской империи. Лазаревы внесли существенный вклад в становление армянской диаспоры в России, оказывая организационную и финансовую поддержку своим соотечественникам, создали прославивший их родовое имя Лазаревский Институт восточных языков в Москве, строили армянские и русские православные храмы, издавали книги и т.п. [3].

В современной отечественной историографии наблюдается рост интереса к проблемам, связанным с различными сторонами общественной деятельности и семейной истории Лазаревых. В частности, вышли в свет фундаментальная монография А.С. Грузинова [4] и книга Е.Г. Неклюдова и Е.Г. Поповой-Яцкевич [5]. Роль Х.Е. Лазарева в истории российско-армянских отношений рассматривается в диссертационном исследовании Г.К. Маргаряна [6]; и т.п.

В данном контексте актуализируются задачи дополнительного введения в научный оборот исторических источников, отражающих историю семьи Лазаревых и ее участие в формировании армяно-русского культурного и научного пространства в России XVIII–XIX вв.

Основной массив документального наследия Лазаревых хранится в составе фондов князей Абамелек-Лазаревых в РГАДА (Ф. 1252) и РГИА (Ф. 880). В Исторический музей архивные материалы Лазаревых поступили в составе собрания коллекционера и мецената П.И. Щукина (1853–1912) по его дарственной 1905 года [7].

Основателем династии Лазаревых является Лазарь Назарович (1700–1782), переселившийся в Россию в 1747 г. из Новой Джульфы (Персия), с XVII столетия имевшей постоянные торговые связи с Россией [8]. Его сын Иван (Ованес) Лазарев (1735–1801), создавший в Петербурге крупное предприятие по торговле иранскими драгоценными камнями и ювелирными изделиями, в 1864 г. получил должность гоф-ювелира при дворе Екатерины II. Уникальным центром распространения в России восточной художественной культуры стала созданная И.Л. Лазаревым фабрика шелковых тканей в имении Фряново Богородского уезда Московской губернии. Пожалование Ивану Лазаревичу в 1776 году потомственного российского дворянства и покупка им у А.С. Строганова соляных промыслов и трех металлургических заводов в Пермском крае позволили семье Лазаревых занять прочные позиции в среде российской элиты. При этом и свое влияние при императорском дворе, и значительную часть капиталов Иван Лазаревич направлял на благотворительную деятельность, прежде всего, на помощь армянам, переселявшимся в Россию. После гибели единственного сына Артемия (1768–1791) в одном из сражений Русско-турецкой войны 1787–1792 гг. Иван Лазаревич завещал все свои богатства брату Екиму, выделив часть капитала на создание училища для бедных армянских детей.

Еким (Иоаким) Лазаревич Лазарев (1743–1826), выполняя волю старшего брата, в 1814 г. основал в Москве Армянское училище, позднее преобразованное в Лазаревский Институт восточных языков – первое в нашей стране специализированное образовательное и научное учреждение лингвистического профиля [9]. В XIX в. Лазаревы являлись одной из богатейших фамилий России, что позволяло им выделять значительные средства на благотворительность, а также создавать коллекцию книг, произведений живописи, редких минералов.

Сыновья Екима Лазарева продолжили традиции семейной благотворительности и меценатства, сочетая управление промышленными предприятиями и именными с успешной деятельностью на государственной службе. Тайный советник Иван Екимович Лазарев (1786–1858) являлся попечителем петербургских армянских церквей, занимался делами Лазаревского института и другими благотворительными проектами в Москве. Лазарь (1797–1871) и Христофор (1789–1871). Лазаревы проявили себя также на военном и дипломатическом поприще, в том числе благодаря знанию языков и личным связям в ближневосточном регионе. Так, полковник лейб-гвардии гусарского полка Л.Е. Лазарев занимался организацией переселения армян на территории, отошедшие к России по Туркманчайскому мирному договору с Персией, обеспечивая безопасность переселенцев в пути, снабжая их охранными грамотами, подводами, продовольствием, денежными пособиями.

В 1830–1860-е гг. Л.Е. Лазарев, вступивший в брак с курляндской принцессой Антуанеттой Бирон, проживал главным образом за границей, во Франции и Бельгии. Его братья со своими семьями также часто бывали за границей. Таким образом, Лазаревы и их ближайшее окружение, в которое входили представители ряда других известных в России армянских родов – Деяновых, Абамелек, Арапетовых и др., являлись участниками культурного взаимодействия России и Европы, внося в него неповторимый колорит Востока и непосредственно армянской культуры.

Христофор Лазарев служил в гвардейской кавалерии, участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., находясь сначала при командующем Императорской Главной квартирой А.Х. Бенкендорфе, а затем при Главной квартире 2-й армии. В то же время с 1826 г. он выполнял поручения по сбору сведений о ситуации в Иране, Турции и Закавказье. Важной частью его деятельности в этот период оставалась забота о благе соотечественников-армян. Так, им были составлены записки «Об армянах» и «О мерах по водворению гражданского и церковного порядка в Армении». В 1830–1840-е гг. Христофор Екимович продолжает службу в Министерстве иностранных дел, становится директором департамента, действительным тайным советником, сенатором.

Фрагмент семейного архива Лазаревых, хранящийся в Отделе письменных источников ГИМ, хронологически охватывает период с 1753 по 1884 г.

Его основу составляет делопроизводство Московской конторы Лазаревых, в которой сосредоточивались документы и переписка по деловым и хозяйственным вопросам. Значительная часть материалов этого комплекса связана с организацией производства на принадлежавших Лазаревым рудниках и заводах в Пермском крае, а также с управлением Фряновской шелковой фабрикой и ведением хозяйства в поместьях Лазаревых в Московской, Тульской и Ярославской губерниях. Наиболее ранние документы относятся к первоначальному этапу становления семейного соляного дела – ведомости и отчеты по торговле солью, описание пермских соляных промыслов (1771 г.) и др. Значительный интерес представляют документы Фряновской шелковой фабрики, охватывающие период с 1781 по 1834 г., в том числе «Описание с. Фряново и фабрики» 1803 г. и др.

Документальный комплекс Лазаревых в ОПИ ГИМ включает ценные в информационном отношении материалы биографического характера, в том числе формулярный список о службе статского советника Ивана Екимовича Лазарева (1827 г.). В фонде представлены документы, которые дают возможность воссоздать ряд элементов внутреннего пространства семьи, а также дополнить картину культурно-просветительной и благотворительной деятельности братьев Лазаревых. Так, например, «Опись иконам, картинам и эстампам, присланным в Пермское имение Лазаревых с 1840 по 1855 гг.» и другие аналогичные источники позволяют составить представление о художественных вкусах и коллекционерских интересах Х.Е. Лазарева.

Среди документов по имени Плещеево имеется несколько вариантов рукописного каталога книг на русском, французском и армянском языках [10]. Значительную часть библиотеки составляют иностранные издания по горному делу, естественным и техническим наукам, которые Х.Е. Лазарев приобретал во Франции с целью модернизации производства на уральских заводах. Кроме того, в домашней библиотеке Лазаревых находились сборники историко-правового характера, например, «Высочайшие указы и акты, относящиеся до церквей армяно-григорианского вероисповедания в России» (1842) и т.п., отражающие сферу культурно-просветительной и благотворительной деятельности семьи Лазаревых. В перечне книг на армянском языке, составленном по-русски, значится, в частности, сочинение «Переселение 40 000 армян из Персии в пределы России под распоряжением и начальством полковника г. Лазарева в 1828 и 1829 годах», «Армянский часослов» (1853) и др.

Фрагмент архива Лазаревых в ОПИ ГИМ содержит документы, отражающие финансовую сторону попечения фондообразователей об Армянском училище и Лазаревском институте восточных языков: счета и расписки в получении денег на проведение строительных работ, ведомости жалованья преподавателям и служащим, перечни затрат на издание и приобретение книг для институтской библиотеки и др.

Дополнительного изучения требуют упоминания о Лазаревых в документах других фондов ОПИ ГИМ, возможно, связанные с историей боковых ветвей этой семьи. Так, например, в коллекции планов московских строений, собранной И.Е. Забелиным, имеется план двора Петра Сафаровича Лазарева – «шелковой фабрики содержателя», расположенного в Белом городе, в приходе церкви Николая Чудотворца в Столпах, датируемый 1763 г. (в копии XIX в.) [11].

Таким образом, документы армянского рода Лазаревых, хранящиеся в ОПИ ГИМ, дополняют картину армяно-русского культурного взаимодействия в до-революционный период, включавшую, с одной стороны, распространение в России информации об историческом пути армянского народа, восприятие российским образованным обществом ценностей армянской книжности, духовного наследия и традиционного искусства, с другой – интеграцию представителей армянской диаспоры в дворянскую и торгово-промышленную элиту Российской империи.

Документы семейного архива Лазаревых представляют собой источник-комплекс, изучение которого перспективно с точки зрения более широкого и углубленного исследования истории армянской диаспоры в России, а также для дальнейшего освещения проблематики частной благотворительности и меценатства в России XVIII–XIX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Армения – Россия: диалог культур / Аслиян Г., Михайлова С., Бутырский М. – М.: Московский Дом национальностей, 2006; и др.
2. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 333. 65 ед.хр. 1753–1884 гг.
3. Рштуни Г. Сияние рода Лазаревых. – М., 2015; Бархударян В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга (половина XVIII века – начало XX века) / пер. с арм. Р. Меликян; Национальная Академия наук Республики Армения. Институт истории. – Ереван, 2015; Асадов Ю.А. Армянские офицеры – на царской службе. – М., 1999; и др.
4. Грузинов А.С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. – М.: РОССПЭН, 2009.
5. Неклюдов Е.Г., Попова-Яцкевич Е.Г. Род Лазаревых (У истоков уральского предпринимательства). – Екатеринбург, 2013.
6. Маргарян Г.К. Роль Х.Е. Лазарева в истории русско-армянских отношений: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2015.
7. Любителям русской старины. Великий меценат России Петр Иванович Щукин. К 100-летию передачи в дар Российскому Историческому музею собрания «Российских древностей» П.И. Щукина / Н.В. Горбушина и др. – М., 2005.

8. Хачикян Ш.Л. Армянское купечество Новой Джульфы и его торгово-экономические связи с Россией в XVII–XVIII веках / Академия наук Армянской ССР. Институт истории. – Ереван, 1988.
9. Базианц А.П. Лазаревский институт восточных языков (Исторический очерк). – М., 1959; Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО / Л.Б. Алаев и др.; отв. ред. А.В. Оркунов. – М.: МГИМО университет, 2015; и др.
10. ОПИ ГИМ. Ф. 333. Ед.хр. 7. Л. 222–231.
11. ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед.хр. 942. Л. 273.

**ВОЛОГОДСКАЯ ССЫЛКА АРМЯНСКОГО КНЯЗЯ
АРГУТИНСКОГО-ДОЛГОРУКОВА
(по документам Государственного архива
Вологодской области)**

Ефремова-Антинян Людмила Леонидовна

старший научный сотрудник отдела информационно-поисковых систем

Казенное архивное учреждение Вологодской области

«Государственный архив Вологодской области»

г. Вологда, Россия

e-mail: 9211231856@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется история вологодской политической ссылки конца XIX – начала XX вв. на примере сведений об армянском князе Иосифе Егоровиче Аргутинском-Долгоруком. Документально подтверждается информация о нахождении армянского князя в Вологде. Впервые вводятся в научный оборот некоторые факты биографии князя, которые могут быть интересны исследователям армяно-русских связей.

Ключевые слова: Вологда; армяне; князь; Аргутинский-Долгорукий; политическая ссылка; полицейский надзор.

**THE EXILE OF THE ARMENIAN PRINCE
ARGUTINSKY-DOLGORUKY IN VOLOGDA
(Based on documents of the Vologda oblast State archive)**

Lyudmila L. Yefremova-Antinyan

Senior researcher of the Information Systems Office

Vologda Oblast State Archive

Vologda, Russia

e-mail: 9211231856@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the history of Vologda political exile of the late XIX – early XX centuries based on documents of the Armenian prince Joseph Yegorovich Argutinsky-Dolgoruky. The stay of the prince Argutinsky-Dolgoruky in Vologda was confirmed documentarily. Some biographical facts were introduced into the scientific circulation for the first time, which may be of interest to researchers of the history of Armenian-Russian relations.

Keywords: Vologda; Armenians; prince; Argutinsky-Dolgoruky; political exile; police surveillance.

История политической ссылки, судьбы ссыльных в дореволюционной России привлекали и привлекают внимание многих историков, писателей, философов, литературоведов. Вологодский край – интересный регион для исследователей темы политической ссылки. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что на рубеже XIX–XX вв. Вологда стала местом пребывания тысяч «политически неблагонадежных» лиц. Варлам Шаламов так писал о ссыльной Вологде: «Много столетий этот город – место ссылки или кандалный транзит для многих деятелей сопротивления – от Аввакума до Савинкова, от Сильвестра до Бердяева, от дочери фельдмаршала Шереметева до Марии Ульяновой, от Надеждина до Лаврова, от Луначарского до Германа Лопатина. Нет в русском освободительном движении сколько-нибудь значительного деятеля, который не побывал бы в Вологде хотя бы на три месяца, не регистрировался бы в полицейском участке» [1].

Но уникальность вологодской колонии политических ссыльных заключается, прежде всего, в «качестве» побывавших здесь людей: представителей русской интеллигенции, разных политических настроений и национальностей.

Современному исследователю важна не столько революционно-политическая оценка ссыльного, сколько его самоидентификация, социальный статус, принадлежность к определенной нации многоликого общества Российской империи начала XX в. Если смотреть на социальную принадлежность, то среди политических ссыльных титулованных особ – единицы. В связи с этим в рамках изучения истории вологодской политической ссылки представляется актуальным исследование об армянском князе Иосифе Егоровиче Аргутинском-Долгоруком, проведенное на материале документов, находящихся на хранении в Государственном архиве Вологодской области (далее ГАВО).

Необходимо уточнить, что Аргутинские-Долгорукие – древний армянский род, разветвленное древо которого имеет немало загадок и неясностей. Пожалуй, самым известным представителем рода можно назвать Иосифа Аргутинского (1743–1801) – армянского церковного и политического деятеля, архиепископа (в миру – князя Аргутинского-Долгорукого). Именно с его именем связано признание княжеского титула Аргутинских-Долгоруких в России.

Исследователи княжеского рода, в частности председатель Армянского историко-родословного общества (Москва) Р.М. Абрамян [2], указывают, что подробная генеалогия рода князей Аргутинских-Долгоруких пока не опубликована. Место и значимость князя Иосифа Егоровича Аргутинского-Долгорукова в генеалогическом древе рода историкам и генеалогам еще предстоит определить.

Вопрос о пребывании князя Аргутинского-Долгорукова в Вологде специально не изучался. В ряде статей (например, на странице энциклопедии фонда «Хайазг») имеется указание на период вологодской ссылки князя, но данная информация не подкреплена аргументированными свидетельствами и подробными описаниями [3].

Источниковую базу данного исследования составляют документы ГАВО, сохранившиеся в фондах Канцелярии Вологодского губернатора, Вологодского

городского полицейского управления, Вологодского губернского жандармского управления, Вологодского полицмейстера и Вологодской губернской земской управы. Они содержат сведения биографического характера, информацию о материальном положении поднадзорного, его поведении и роде занятий во время ссылки. Это в большинстве своем переписка, рапорты и донесения полицейских управлений о ссыльных, а также предписания вологодского губернатора, уведомления и извещения Департамента полиции, и ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции. Данные документы в составе Архивного фонда Российской Федерации являются ценными, находятся в категории открытого доступа и в удовлетворительном физическом состоянии.

Необходимо отметить, что все документальные сведения, отложившиеся в фондах архива о князе Аргутинском-Долгоруком, имеют официально-деловой характер, по стилю и содержанию однообразные. Такой формат письменных отношений в этой сфере напрямую связан с положением исследуемой персоны – политический ссыльный.

В архивных документах написание отчества и второй части фамилии князя варьируется: Егорович (наиболее частотное), Георгиевич, Яковлевич и Долгоруков или Долгорукий. Документально зафиксировано личное именование князя как Иосиф Егорович Аргутинский-Долгорукий [4]. Поэтому здесь и далее в статье мы будем приводить именно такие имя, отчество и фамилию князя.

Попробуем восстановить цепочку ранее неизвестных событий вологодской ссылки князя Аргутинского-Долгорукова на основе архивных документов, составленных как на русском, так и на армянском языках.

В уведомлении Департамента полиции вологодскому губернатору от 7 декабря 1898 г. указано, что князь Иосиф Егорович Аргутинский-Долгорукий выслан в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции из г. Астрахани по обвинению в принадлежности к «армянскому тайному сообществу» на 3 года (с 27 ноября 1898 г. по 27 ноября 1901 г.) [5].

В Вологду князь Аргутинский-Долгорукий прибыл 10 июля 1899 г., о чем имеется запись в сведениях о лицах, состоящих под гласным надзором в Вологодской губернии за 1899 г. [6]. Стоит уточнить, что гласный надзор, по Положению о мерах к охранению государственного порядка 1882 г., являлся административной мерой пресечения, которая применялась следственными органами в отношении лиц, подозревавшихся в принадлежности к революционным организациям. Применение гласного надзора влекло существенное ограничение прав поднадзорного: у него отбирался вид на жительство с выдачей взамен особого свидетельства, ему запрещались государственная служба, педагогическая деятельность и т. д.

Согласно архивным документам на русском языке князь Аргутинский-Долгорукий родился в селе Санаин Борчалинского уезда Тифлисской губернии в [1864–1865 г.]. Образование получил в Тифлисской армянской духовной семинарии [7]. Отметим, что данное учебное заведение являлось одним из старейших в Тифлисе, учебная программа которого была направлена на получение не только

духовных, но в большей степени общеобразовательных знаний. Особенно важно, что воспитанники семинарии изучали, наряду с армянским и французским языками, русский. Данная информация позволяет говорить о свободном владении армянского князя русской речью. Это подтверждает и его автограф на этом языке, сохранившийся в архивных документах в форме прошения [8]. Почерк князя разборчивый, письменная речь грамотная. Можно говорить о высоком уровне коммуникативной компетенции Иосифа Егоровича Аргутинского-Долгорукова.

На момент прибытия в Вологду князь был холост, что значится в ведомостях о лицах, состоящих под гласным надзором за 1899, 1900 гг. [9]. Из близких родственников он имел мать Екатерину «около 60 лет от роду, проживающую в селении Санаин» и брата Михаила «34 лет, живет вместе с матерью» [10], что указано в «Списке сведений о состоящем под гласным надзором полиции князе Иосифе Егоровиче Аргутинском-Долгорукове» за 1901 год. Там же сказано, что поднадзорный князь никакого имущества не имеет, но его «мать имеет в Б[о]рчалинском уезде небольшое имение, на доходы с которого и живет». Учитывая официальный характер документации о ссыльном князе, такое «живое» повествование в документах – ценное свидетельство об образе жизни семейства Аргутинских-Долгоруких, исторически достоверно передающее его материальное положение.

По прибытии в Вологду князь Аргутинский-Долгорукий существовал на собственные сбережения, не имея в первое время никакого заработка. Денежное пособие на содержание, в котором он нуждался, не получал, как видно из сведений о гласноподнадзорных 3-го участка г. Вологды за 1900 г. [11]. Справедливо заметить, что осужденные, приговоренные к ссылке на поселение в ту или иную местность Российской империи, передавались в введение губернского правления, которое должно было обеспечивать их «кормовыми» деньгами по 15 коп. в сутки (для высших сословий) и на содержание жилья по 1 руб. 50 коп. в месяц. Об этом красноречиво сообщает в своем рапорте от 3 ноября 1899 г. исполняющий обязанности вологодского полицмейстера В.С. Четыркин [12] вологодскому губернатору, поясняя, что князь «в испрашиваемом пособии действительно нуждается». В конце 1900 г. гласноподнадзорному князю было назначено денежное содержание в установленном размере, о чем указано в ведомостях о поднадзорных за 1900 г. [13]. Следует отметить, что такое своеобразное сочувствие ссыльным было характерно для вологодской губернии. В подтверждение добавим, что ссыльные не ограничивались в праве выбора жилья. Так, князь Аргутинский, приписанный для отбывания наказания к полицейскому участку № 3 г. Вологды (заречная часть города, ныне ул. Чернышевского, д. 33), проживал преимущественно в центральной части города. Сначала князь снимал жилье в доме Чечулиной (точный адрес неизвестен, указано – 1-й участок г. Вологды) [14], затем в доме Бутырина в Свешниковском переулке [15] (также 1-й участок, ныне ул. Пирогова).

Ссылным разрешалось «приискать занятие» для своего содержания. С июля 1900 г. князь Аргутинский-Долгорукий начал службу в Вологодской губернской земской управе, по поручению которой проводил оценочно-статистические исследования в Грязовецком, Вельском и Вологодском уездах [16].

За время пребывания в Вологде князь постоянно находился в поле зрения полиции, и в ежегодных ведомостях о поднадзорных 3-го полицейского участка г. Вологды указывалось: «поведения хорошего, образ жизни ведет правильный», «ведет себя вполне хорошо, посещает исключительно общество поднадзорных», «знаком со всеми поднадзорными», [17] – немногочисленные и почти обезличенные речевые характеристики в документах.

Действительно Аргутинский-Долгорукий имел знакомства со многими политическими ссылными. Тесное общение поднадзорных было характерно для вологодской колонии ссылных. Хотелось бы отметить, что дом князя в 1901 г. нередко посещал будущий философ (на тот момент – бывший студент Киевского университета) Николай Бердяев [18], который находился в вологодской ссылке в 1900–1902 гг. Характер общения князя с поднадзорными на основании изученных документов описать сложно, однако находим: «большими группами сборищ не делают, <...> официальных чтений вредного направления против правительства не бывает» [19]. Подобные характеристики не содержат подробностей о встречах ссылных. Создается впечатление, что жандармский надзор, ограниченный протокольными формулировками, имел только внешнюю оболочку, ничем не опасную для поднадзорных.

Можно предположить, что князь Аргутинский пребывал в комфортной обстановке, находясь в вологодской ссылке: имел круг единомышленников, средства к существованию, содержание жилья. В данном контексте нельзя не упомянуть интересный факт, нашедший свое отражение в архивных документах – сведения о бракосочетании князя Иосифа Егоровича Аргутинского-Долгорукова и Сатеник Гавриловны Матинянц. Известно, что ссылным (не лишенным всех прав состояния) не запрещалось вступать в брак с людьми не осужденными. И здесь необходимо заметить, что в традиции армян (будь они даже ссылными революционерами) предпочтение всегда отдавалось национальному браку.

Уведомлением Департамента полиции от 30 декабря 1900 г. в Вологодскую губернию князь получил разрешение на временную отлучку в Москву для вступления в брак по обряду армяно-григорианской церкви [20]. 16 января 1901 г. князь выбыл в Москву и возвратился обратно в Вологду 24 января [21], имея при себе документы, частично подтверждающие его бракосочетание: два документа на армянском языке – свидетельства о разрешении на вступление в брак. Это так называемые брачные документы, которые выдавались приходским священником накануне венчания. Одно свидетельство выдано причтом церкви св. Карапета г. Тифлиса жениху – народному учителю князю *Овсену Геворгяну Еркайнабазук-Аргутяну* (Հովսեփ Գեվորգյան. Երկայնաբազուկ-Արղուդյան) в том, что он свободен и может вступить в первый законный брак [22]. Второй документ

выдан невесте, Сатеник (она же Амаспюр) Матинян (Սաթենիկ (Համասփյուր) Մատինյան), которая свободна и может вступить в первый законный брак [23]. Свидетельство невесте выдано приходским священником церкви св. Геворга села Мугни. Возраст жениха и невесты не указан. Документы заверены в Тифлисе в августе 1899 г. и, по-видимому, предназначались для последующего венчания (сам князь в это время находился в Вологде).

Интересно, что в ведомостях о лицах, состоящих под гласным надзором полиции, за 1901 г. в графе о семейном положении князя сразу появляется запись «Женат. Имеет жену и дочь» [24]. В «Списке сведений о состоящем под гласным надзором полиции князе Иосифе Егоровиче Аргутинском-Долгорукове», составленном в августе 1901 г., указано, что жена Сатеник (она же Амаспюр) Гавриловна и дочь Сирануш 1-го года проживают в Вологде [25]. Данных о месте и времени рождения дочери князя Аргутинского-Долгорукова не обнаружено. Однако прежде отметим, что возраст девочки не соответствует временному сроку бракосочетания княжеской пары. Возможно, возраст ребенка – это документальная неточность вологодского полицмейстера. Но тогда сам факт ее рождения требует объяснений.

Следуя архивным документам, семья образовалась только в январе 1901 года. Вполне допустимо, что до приезда в Вологду князь уже был женат, возможно, еще в Тифлисе до июля 1899 года. Здесь имеется в виду факт так называемой «домашней свадьбы» с большим количеством родственников и соседей, которые в качестве свидетелей при необходимости подтвердили бы этот союз. Такие случаи известны истории армянской свадебной традиции. Кроме того, уголовное наказание князя могло отодвинуть венчание на неопределенное время, чего, вероятно, и опасались родственники. Поскольку брачный союз пока не был закреплен в церкви, в свидетельствах о разрешении на вступление в брак указано, что и князь Аргутинский-Долгорукий и Сатеник Матинян свободны. К свидетельствам на армянском языке был приложен переводной документ для московского протоиерея Готомянца, также указывавший на отсутствие препятствий к вступлению в брак Иосифа Аргутинского и Сатеник Матинянц [26].

Точную дату венчания установить не представляется возможным (свидетельство о браке в фондах не обнаружено), но, бесспорно, оно состоялось в Москве в январе 1901 года в одном из трех храмов Армянской Апостольской Церкви, которые на тот момент существовали.

Срок трехлетней ссылки князя закончился 27 ноября 1901 г., но ему запрещалось проживать в «столицах и Санкт-Петербургской губернии» [27]. Распоряжением Департамента полиции от 19 декабря 1901 г. за бывшим гласноподнадзорным князем был учрежден негласный надзор [28]. Отметим, что негласный надзор учреждался временно за политически неблагонадежными лицами, освобожденными от гласного надзора полиции, с целью проверки сведений об их деятельности и не подвергал поднадзорных каким-либо стеснениям в свободе передвижения, образе жизни, выборе занятий и т.д.

Известно, что князь оставался с семьей в Вологде до конца июля 1902 года, продолжая служить в губернской земской управе [29]. Его жена, княгиня Сатеник Гавриловна Аргутинская, в мае 1902 г. ходатайствовала в Департамент полиции о разрешении ей также заниматься в оценочно-статистическом отделе земской управы [30].

Князь Иосиф Егорович Аргутинский-Долгорукий выехал из Вологды в Тифлис 25 июля 1902 года, о чем 31 июля того же года было составлено извещение Тифлиского полицмейстера в Вологодскую губернию [31].

Ссылка в Вологду – лишь небольшой этап политической биографии армянского князя Иосифа Егоровича Аргутинского-Долгорукова, ранее не изучавшийся отечественными и зарубежными исследователями. Документы ГАВО фактически расширяют сведения об истории вологодских ссыльных. Армянский князь – это новое имя в истории вологодской политической ссылки, который своим присутствием здесь, возможно, вносил в климат ссыльной Вологды, где «не проходило ни дня без рефератов, диспутов и споров» [32], свои политические настроения. Эту сторону вологодской ссылки князя Аргутинского-Долгорукова еще предстоит более глубоко исследовать.

Следует отметить, что представленные свидетельства о времени пребывания князя Аргутинского-Долгорукова в вологодской ссылке, его службе в Вологодской губернской земской управе могут являться абсолютно точными, так как приводятся на основе архивных документов.

Оценивая биографические сведения о князе Иосифе Егоровиче как источник генеалогической информации, необходимо отметить, что они позволяют исследователям расширить границы поиска и дают новые возможности для проведения генеалогической реконструкции рода армянских князей Аргутинских-Долгоруких. Так, с большой долей вероятности можно утверждать, что место рождения князя Иосифа Аргутинского-Долгорукова – г. Тифлис, а не село Санаин, которое являлось родовым именем. Такое предположение основано на данных предбрачного свидетельства, выдаваемого, как правило, в той же церкви, где человек был крещен (к приходу которой принадлежала семья). В архивных документах нашел отражение факт бракосочетания князя Иосифа Аргутинского и Сатеник Матинян. Сведения о жене и дочери князя впервые вводятся в научный оборот.

Тем не менее данные свидетельства об армянском князе не закрывают полностью всех «белых пятен». На данный момент для нас остается открытым вопрос об отчестве князя Аргутинского-Долгорукова. Овсеп Геворгян (Հովսեփ Գեվորգյան) в документах на армянском языке трансформировалось в русское имя и отчество Иосиф Георгиевич-Егорович, что, вероятно, объясняется желанием российских чиновников вести документацию об армянском ссыльном, используя русскую традицию употребления имени и отчества. Изучение и анализ вариантов именования князя еще следует продолжить в рамках избранной научной темы.

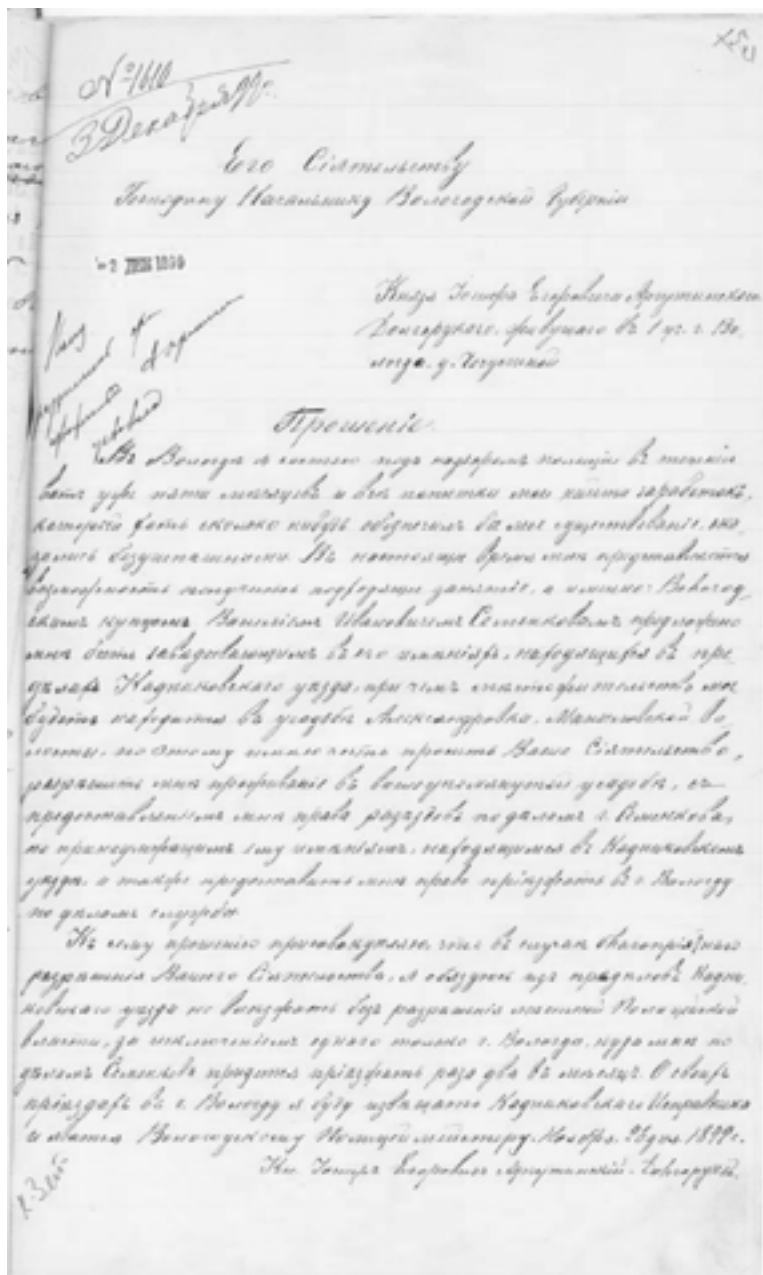
Представленный материал может быть интересен как генеалогам рода князей Аргутинских-Долгоруких, так и всем исследователям армяно-русских связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

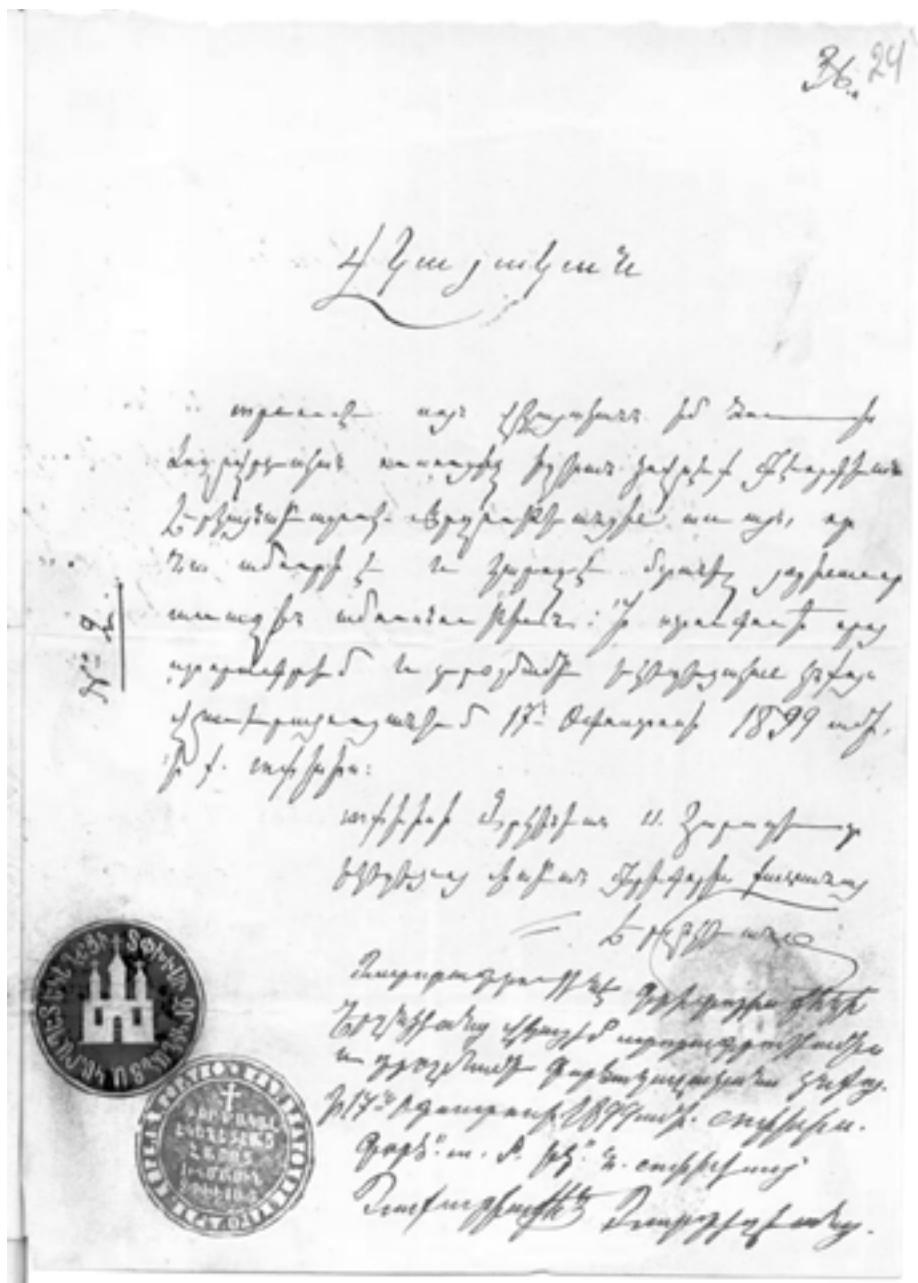
1. Шаламов В.Т. Четвертая Вологда. – Вологда: Грифон, 1994. – С. 10.
2. Абрамян Р.М. К вопросу о происхождении рода Аргутинских-Долго-руких. – URL://Hayazg/info: энциклопедия. – commons.hayazg/info.
3. Аргутян Овсеп Ованесович. – URL://Hayazg info: энциклопедия. – http://ru.hayazg.info_Аргутян_Овсеп_Ованесович
4. Казенное архивное учреждение Вологодской области «Государственный архив Вологодской области» (далее – ГАВО). Ф. 18. Оп. 2. Д. 604. Л. 4., Д. 661. Л. 5а.
5. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 604. Л. 16–16 об.
6. Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 340 (т. 1). Л. 9.
7. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 604. Л. 30.
8. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 604. Л. 4.
9. Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 235. Л. 11., Д. 240. Л. 6.
10. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 604. Л. 30–32 об.
11. Там же. Л. 2–2 об., Ф. 130. Оп. 2. Д. 240. Л. 6.
12. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 604. Л. 2 об.
13. Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 240. Л. 15.
14. Там же. Д. 604. Л. 4.
15. Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 340 (т. 1). Л. 191.
16. Там же. Л. 296., Ф. 18. Оп. 2. Д. 604. Л. 9–9 об., 12, 25, 25., Ф. 129. Оп. 3. Д. 219. Л. 4.
17. Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 244. Л. 13, Ф. 18. Оп. 2. Д. 613. Л. 25. Ф. 108. Оп. 1. Д. 382 (ч. 2). Л. 311.
18. Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 382 (т. 2). Л. 478–481.
19. Там же. Л. 478.
20. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 604. Л. 15.
21. Там же. Л. 19–20.
22. Там же. Л. 24.
23. Там же. Л. 22.
24. Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 244. Л. 13.
25. Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 604. Л. 32–32об.
26. Там же. Л. 23.
27. Там же. Л. 35.
28. Там же. Ф. 129. Оп. 3. Д. 219. Л. 1–2.
29. Там же. Л. 4.
30. Там же. Ф. 34. Оп. 3. Д. 70. Л. 113–114.
31. Там же. Ф. 129. Оп. 3. Д. 219. Л. 7.
32. Шаламов В.Т. Указ. соч. – С. 23.

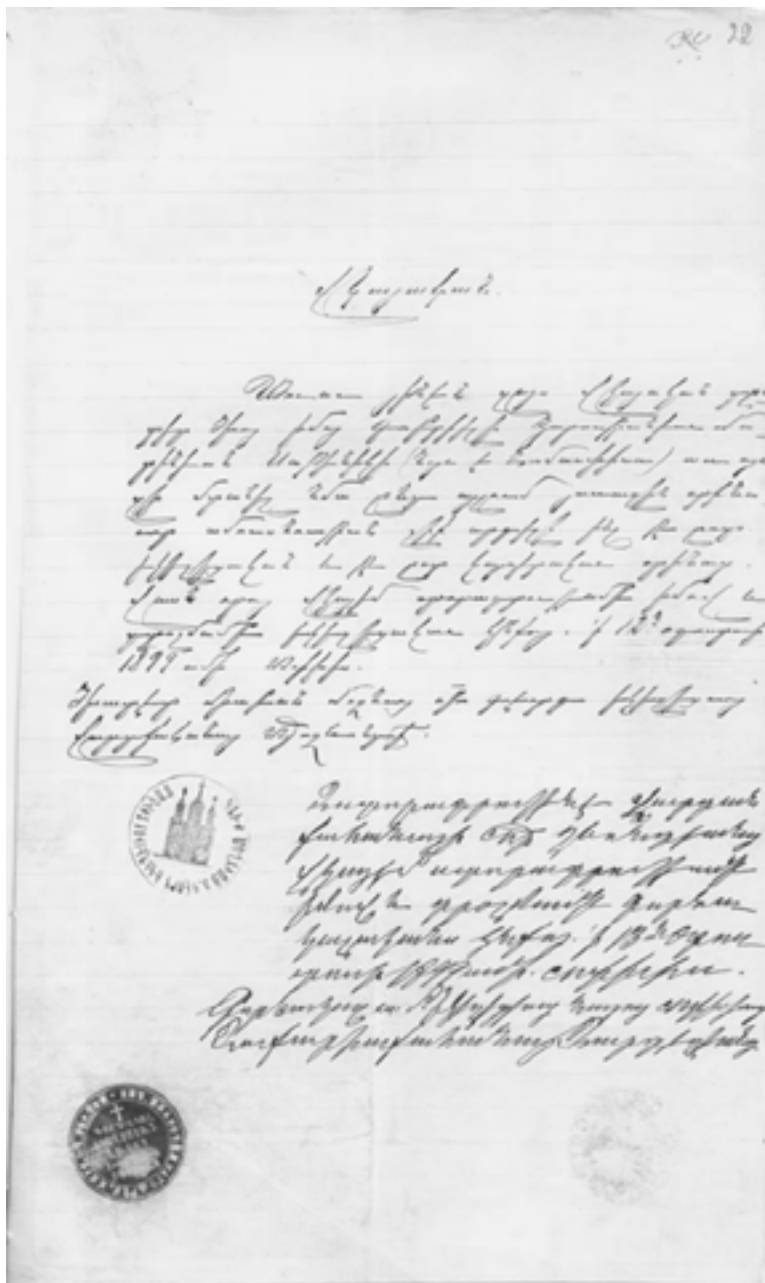
ПРИЛОЖЕНИЕ

Прошение князя Иосифа Егоровича Аргутинского-Долгорукова вологодскому губернатору [А.А. Мусину-Пушкину] о разрешении проживать в Кадниковском уезде Вологодской губернии. Вологда. 26 ноября 1899 г. (ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 604. Л. 4)

Свидетельство о разрешении на вступление в первый брак народному учителю князю Овсепу Геворгяну Еркайнабазук-Аргутяну. Тифлис. 17 августа 1899 г. (ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 604. Л. 24)

Свидетельство о разрешении на вступление в первый брак
Сатеник (Амаспюр) Матинян. с. Мугни. 12 августа 1899 г.
(ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 60)

**О ЛЕОНЕ АБГАРОВИЧЕ ОРБЕЛИ
ПО ДОКУМЕНТАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Терентьева Лариса Михайловна

кандидат физико-математических наук, главный археограф
Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный
государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга»
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: cgantd@cgantd.spbarchives.ru

Аннотация. Представляем относящиеся к Леону Абгаровичу Орбели документы, которыми располагает ЦГАНТД СПб.

Ключевые слова: Леон Абгарович Орбели; российские ученые армянского происхождения; история физиологии.

**ABOUT LEON ABGAROVICH ORBELI
BASED ON DOCUMENTS OF THE SAINT-PETERSBURG
CENTRAL STATE ARCHIVE OF SCIENTIFIC
AND TECHNICAL DOCUMENTATION**

Larisa M. Terenteva

---

candidate of physico-mathematical sciences, chief archaeographer
Saint-Petersburg Central State Archive
of Scientific and Technical Documentation
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: cgantd@cgantd.spbarchives.ru

Abstract. Related with Leon Abgarovich Orbeli TSGANTD SPb: documents are shown.

Keywords: Leon Abgarovich Orbeli; Russian scientists of Armenian origin; history of physiology.

Отвечая на вопрос: кого из армян, составивших славу нашему городу, он знает, образованный и любящий свой город петербуржец, конечно, назовет фамилию Орбели. С нашим городом наиболее связаны два брата: Леон и Иосиф Орбели. Рассказ о директоре Эрмитажа Иосифе Орбели, если угодно, мог бы быть прерогативой Архива литературы и искусства. А для ЦГАНТД СПб, в котором хранятся фонды Государственного естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта (ГЕНИЛ) (фонд 209), и Института экспериментальной медицины (ИЭМ) (фонд 182) естественным будет сообщение о корифее отечественного и мирового естествознания, физиологе Леоне Абгаровиче Орбели. В 2017 году будет отмечаться 135-летие со дня его рождения.

Об Орбели написано немало книг и статей (см., например, [1]). Не ставя задачу дублировать опубликованное ранее, мы представляем обзор относящихся к Леону Абгаровичу Орбели документов, которыми располагает ЦГАНТД СПб.

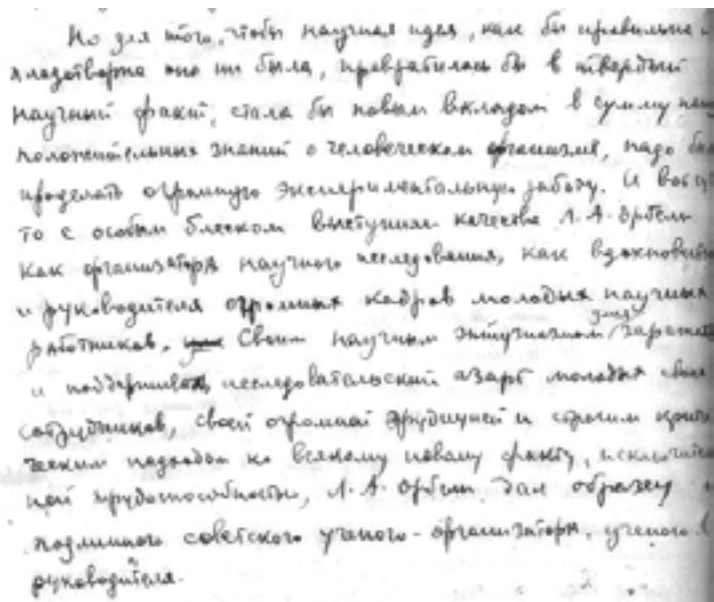

Рис. 1. Фрагмент очерка Е.М. Крепса об Л.А. Орбели

Несколько томов документов фонда 182 хранят материалы состоявшегося в 1935 году в Ленинграде и Москве XV Международного физиологического конгресса. Среди этих документов находится машинописная рукопись написанной к конгрессу статьи Л.А. Орбели «Ведущие проблемы современной физиологии» [2]. В этом деле также – рукописный очерк ученика И.П. Павлова и Л.А. Орбели Евгения Михайловича Крепса об академике Орбели [3]. В 1958 году Е.М. Крепс возглавил (после Л.А. Орбели) Институт эволюционной физиологии им. И.М. Сеченова АН СССР. За серию работ по эволюционной

нейрохимии и нейрофизиологии академик Е.М. Крепс был удостоен премии им. Л.А. Орбели Президиума АН СССР за 1971 год.

В архиве сохранились отчеты о заседаниях секций, написанные специалистами по заданию Пресс-бюро Оргкомитета Конгресса. Про утреннее заседание 10 августа секции «Нервно-гуморальная регуляция», на котором выступил Л.А. Орбели, написал Семён Ильич Гальперин – автор нескольких учебников по физиологии. Он писал, что на заседании присутствовали несколько сотен человек; Орбели выступил с докладом о «рефлекторных воздействиях на тономоторный феномен», который «был заслушан с большим вниманием» [4].

Рукописное письмо Л.А. Орбели директору ИЭМ [5] – ответ на предложение создать в ИЭМ новый Физиологический отдел. По сути, Леон Абгарович в этом письме предложил схему организованного им впоследствии Института эволюционной физиологии. В письме представлена структура отдела и предложен список сотрудников.

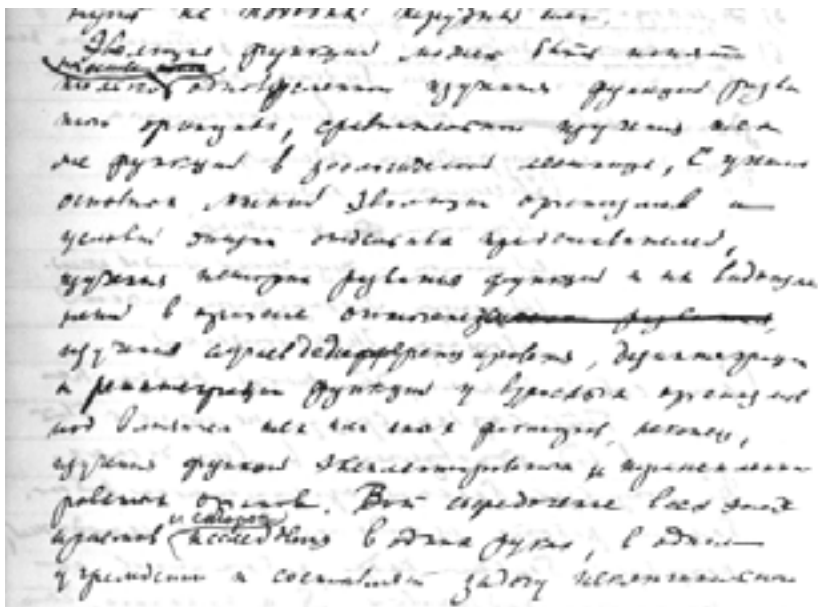

Рис. 2. Фрагмент письма Л.А. Орбели директору ИЭМ

В ГЕНИЛ Леон Абгарович работал с 1913 по 1957 год. В фонде института хранится личное дело академика Л.А. Орбели [6]. В личном деле, как общепринято, находятся автобиографии, позволяющие представить и оценить жизненный путь ученого; естественно есть подписанная Орбели анкета; представлены документы о наградах и ученых званиях; имеется подписанный (10 декабря 1955 г.) Л.А. Орбели список научных работ. В фонде имеется текст Приветственного адреса от института по случаю присуждения Орбели в 1941 году Сталинской премии [7].

Форма № 1 43

1. Прежде чем заполнять анкету, необходимо ознакомиться с вопросами для правильного ответа на них.
 2. Ответы писать подробно, четко и разборчиво, прочерки делать не разрешается.
 3. На вопросы, не предусмотренные анкетой, но имеющие существенное значение, лицо, заполняющее анкету, должно обязательно ответить в конце анкеты.

АНКЕТА

Естественно-Научный Институт им. П. С. Лесгафта.

Наименование учреждения (предприятия) _____
 Занимаемая должность **Заведующий Физиологической Лабораторией**

В О П Р О С Ы	О Т В Е Т Ы
1. Фамилия, имя и отчество. Когда и где изменяли фамилию или имя и отчество, перечислить их и указать причины изменения.	ОРБЕЛИ Леон /Левон/ Абгарович /Имя, отчества и фамилии никогда не изменял/.
2. Год, месяц, число рождения и место рождения (село, деревня, город, район, область) по новому наименованию и административному делению.	7/УП-1882 г. (Дарачичаг Эриванской гу) Цахкадзор близ Бревана.
3. Национальность, родной язык	Армянин. Родной язык армянский.
4. Гражданство (подданство). Если ранее состояли в другом гражданстве или подданстве, указать, в каком именно, когда приняты в гражданство СССР и какими документами оформлено.	С.С.С.Р.
5. Социальное происхождение, социальное положение и Ваша основная профессия (специальность).	Личное дворянство /по высшему образованию/ Физиология.
6. Состоите ли членом или кандидатом ВКП(б), членом ВЛКСМ, с какого времени, какой организацией приняты и № билета.	Н е т.
7. Состояли ли ранее в ВКП(б), ВЛКСМ, сколько времени, где, когда и по какой причине были.	Не состоял.
8. Подвергались ли партийным, комсомольским изысканиям за время пребывания в ВКП(б), ВЛКСМ, когда и за что. Если партийно-комсомольские изыскания сняты, то указать, когда, где и кем.	-
9. Были ли колебания в проведении линии ВКП(б), участвовали ли в оппозициях, в антипартийных группировках, когда, где и в каких.	-
10. Состояли ли в других партиях, в каких именно, с какого и по какое время, где.	Никогда ни в каких партиях не состоял.
11. Образование: общее, специальное, партийное, военное.	Высшее медицинское.
12. Имеете ли научные труды, изобретения, какие, время издания, ученая степень.	Имею научные труды. Имею ученую степень доктора биологических и медицинских наук.

Рис. 3. Фрагмент анкеты академика Л.А. Орбели

Деятельность Л.А. Орбели и его научное видение представлены в архиве, например, застенографированными выступлениями разных лет [8], тезисами докладов сотрудников руководимой Л.А. Орбели лаборатории [9]. О работе Лаборатории физиологии рассказывает Историческая справка о деятельности института 1937 года [10]. Отчет о работе лаборатории Орбели за 30 лет написан Марией Борисовной Тетяевой [11].

Тяжелый период жизни академика Л.А. Орбели после объединенной сессии АН СССР и АМН СССР 1950 года также отражен архивными документами. В фонде ГЕНИЛ находится подписанный К.М. Быковым текст Постановления Научного совета по проблемам физиологического учения академика Павлова от 8 июня 1951 года, выступления сотрудников института, выступление Л.А. Орбели в свою защиту [12]. Увы, руководству института, да и некоторым его сотрудникам была свойственна откровенная флюгерность после вышеуказанной сессии...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Орбели Е.И. Воспоминания о Леоне Абгаровиче Орбели. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1972. – 102 с.; Карапетян С.К. Л.А. Орбели: жизнь и научно-педагогическая деятельность. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1973. – 56 с.; Григорьян Н.А. Л.А. Орбели и развитие советской физиологии. – М.: Медицина, 1985; Лейбсон Л.Г. Академик Л.А. Орбели: Неопубликованные главы биографии. – Л.: Наука, 1990. – 192 с.; Шноль С.Э. Герои и злодеи российской науки. – М.: Крон-пресс, 1997. – 463 с.; Пастухов В.А. Академик Л.А. Орбели в Павловских Колтушах. – СПб.: Институт физиологии, 2005. – 141 с.
2. Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга» (далее – ЦГАНТД СПб). Ф. 182. Оп. 1–1. Ед. хр. 491. Л. 157–167.
3. Там же. Л. 184–185.
4. Там же. Ед. хр. 492. Л. 101–103.
5. Там же. Ед. хр. 364. Л. 5–9.
6. Там же. Ф. 209. Оп. 1–1. Ед. хр. 205.
7. Там же. Ед. хр. 155. Л. 32–35.
8. Там же. Ед. хр. 90. Л. 15–32; Ед. хр. 308. Л. 4–9, 105–106, 150–156.
9. Там же. Ед. хр. 107, 309, 310.
10. Там же. Ед. хр. 77. Л. 31–32.
11. Там же. Ед. хр. 159.
12. Там же. Ед. хр. 218, 225.

РАЗДЕЛ 3

**АРМЯНСКИЙ НАРОД
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
И ДИАЛОГ КУЛЬТУР**

ВИЗАНТИЙСКИЕ ВАСИЛЕВСЫ АРМЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РУСИ: У ИСТОКОВ РУССКО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Реснянский Сергей Иванович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов»
г. Москва, Россия
e-mail: s-r44@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается значительный вклад византийских императоров армянского происхождения в процесс христианизации Руси. Проанализирован комплекс идей конфессиональной модели византийской христианской онтологии, непосредственными авторами которой они были, и ее практическая реализация в духовном пространстве Руси, кардинально преобразившая славянское языческое бытие и практическое влияние византийских императоров армян на этот процесс.

Ключевые слова: Византия; император; Преображение; христианизация; духовность.

BYZANTINE BASILEUS OF THE ARMENIAN ORIGIN AND CHRISTIANIZATION OF RUSSIA: AT SOURCES OF THE RUSSIAN-ARMENIAN RELATIONS

Sergey I. Resnyansky

Doctor of Historical sciences, Professor of the history of Russia
RUDN University
Moscow, Russia
e-mail: s-r44@yandex.ru

Abstract. The article discusses the significant contribution of the Byzantine Emperors of the Armenian origin to the process of Christianization of Russia. Authors have been analyzed the complex of own religious ideas of the model of the Byzantine Christian ontology and its practical implementation in the spiritual space of Russia, which radically transformed the Slavic pagan existence and the practical impact of the Byzantine emperors of Armenians to this process.

Keywords: Byzantine; emperor; Transfiguration; Christianization; spirituality.

Согласно концепции Л.Н. Гумилёва, Византийская империя – «суперэтнос ... состоял из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян, славян и просуществовал до XV в.» [1]. Действительно, полиэтничность Византийской империи общеизвестна. Однако на протяжении многовековой византийской истории именно армянский этнос составлял наиболее значительную часть властвующей элиты страны, занимая доминирующие позиции в политике, экономике, культуре и, прежде всего, в формировании того неповторимого религиозного ландшафта, который называется Великой восточной православной онтологией. В этой связи следует подчеркнуть, что ключевую роль в формировании этой религиозной матрицы играли многие византийские императоры, Патриархи, творческая церковная интеллигенция, имевшие армянское происхождение. Согласно значительным научным изысканиям византологов, известно, что от императора Ираклия I, основателя Ираклиевской династии, императоры всех последующих династий: Исаврийской, Аморийской, Македонской, Дук, Комнинов и Ангелов, – вплоть до императора Александра V имели армянские корни. То же самое можно сказать и о византийских иерархах: Патриархи Игнатий, Фотий, Николай Мистик, Феофилакт, Иоанн Калека и многие другие, церковные писатели Михаил Псёл, Лев Диакон, Никита Григора. Историк Р. Тер-Газарян в своей книге «Армяне на византийском престоле» (М., 2002) говорит, что император Юстиниан I и император Иоанн Кантакузин, жившие в разные исторические эпохи, но оба сыгравшие важную роль в истории Византийской империи (чего стоит один только «Кодекс» императора Юстиниана и участие императора Иоанна Кантакузина в исихастских спорах), имели также армянское происхождение. Деятельность всей этой властвующей элиты в сфере церковной жизни Византийской империи напрямую или опосредовано была связана с Русью.

Русь, входившая в состав стран Византийского круга, в полной мере впитала эту Византийско-православную ортодоксию. Весь комплекс идей этой конфессиональной модели Византийской православной онтологии, значительный вклад в которую внесли византийские Василевсы и Патриархи, имевшие армянское происхождение, Русь органически впитала в свое духовное пространство. Новые формы религиозного сознания, близкие по психологическому складу и ментальности славянскому этносу, обрядовое поведение и многое другое кардинально преобразовали славянское языческое бытие. Действительно, эта новая реальность была тем основанием поиска духовно-нравственного совершенства и формирования на этой базе образа русского мира в народном менталитете, который стал главным мотивом всей многогранной деятельности Русской Православной Церкви. Тем самым, на протяжении

многовековой российской истории Восточно-христианская онтология являлась основой коренных духовно-нравственных ценностей русского духовного пространства. «...Византийской культуре, – писал К.Н. Леонтьев в письме Вл.С. Соловьёву, – вообще принадлежат все главные типы той Святости, которой пользовались русские люди... наконец, культурной самобытности нашей мы должны по-прежнему искать в греко-российских древних корнях наших» [2]. Тем и сильна была российская Держава. Это прежде всего касается византийской модели церковно-государственных отношений, которая стала дискурсивной основой взаимоотношений «Священства и Царства» в духовном космосе российской истории. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии И.И. Соколов, анализируя правовую систему Византийской империи времен императора Юстиниана, который, как известно, был непосредственным автором Византийского законодательства, отмечал, что в Византии была сформулирована идеальная модель церковно-государственных отношений, симфонии властей, «Священства и Царства», духовности и власти, не имевшая аналогов на Западе. Шестая новелла правового кодекса императора Юстиниана гласила: «два величайших Божьих дара даны людям от всевышней благости – священство и государственная власть; одно имеет попечение о предметах Божественных, другое управляет и заботится о делах человеческих. Но оба, происходя из одного и того же начала, совместно обустроивают человеческую жизнь» [3]. При этом подчеркивалось, что император Ромеев должен проявлять «заботливость о сохранении истинных догматов и почитать Священство» [4], а церковные постановления соблюдать, как государственные законы» [5]. Это было очень важным пояснением, ибо, как пишет церковный писатель И. Мейендорф: византийское христианство никогда не присваивало императору абсолютной власти в вопросах веры и нравственности. Любые политические решения императора и Патриархов подлежали «рецепции» всей церкви. Не было цезарепапизма в противопоставлении власти императора церковной власти, но отнесение всей власти к Богу» [6].

Такая византийская модель церковно-государственных отношений, органически воспринятая на Руси, основывалась на том факте, что идеалом Православия является «теозис» – Обожение, Преображение всего нашего природного бытия, и ни одна сфера человеческого существования не может быть оставлена вне этого идеала. И, прежде всего, здесь речь идет о человеке как Образе и Подобии Божия, о его Преображении. Отсюда и тот идеал, который Православие сформулировало для славянского этноса – Святая Русь – прежде всего как идеи Преображения человека от ветхого Адама к Иисусу Христу, а значит и всего общества и государства, а это предполагало симфонию духовной и светской власти. Такой принцип гармонии властей был окончательно выкристаллизован в Византийской империи в эпоху правления армянских императоров Македонской династии в официальном правовом акте Византийской империи IX века Эпинагоге, являвшемся плодом совместного

творчества Св. Патриарха Фотия и императора Василия I. В нем говорилось, что «государство составляется из частей и членов подобно отдельному человеку. Величайшие и необходимейшие части – царь и Патриарх. Потому единомыслие во всем и согласие Царства и Священства составляет душевный и телесный мир и благоденствие подданных» [7]. Церковь не берет на себя земной власти, земной организации человеческой жизни, как в католичестве, но дает и государственной власти, и земной жизни духовно-нравственную основу, становясь этической основой российской государственности.

Как известно, главным источником Древнерусского законодательства, обнимавшем все стороны жизни Древнерусского государства, был тот, что и в самой Византийской империи, – Юридический сборник Номоканон, известный на Руси как «Кормчая книга» – свод церковно-государственных законов, в него органично вошли и шестая новелла императора Юстиниана, и Эпинагога армян: императора Василия I и Патриарха Фотия. Принятие Русью такой модели церковно-государственных отношений было особенно важно еще и потому, что эта религиозно-государственная матрица Византийского законодательства стала надежной духовной и идеологической преградой в навязывании Руси агрессивной западной идеологической модели как сколка юрисдикции античного Рима, где на государство смотрели, прежде всего, как на юридический порядок, связующим фактором которого являлась общность внешнего интереса. Церковь там мыслилась в этой связи как религиозная проекция самого государства. Такая модель инвариантна в западной духовной традиции, особенно в протестантизме. Этот путь является, по-видимому, тупиковым, ибо его основание – голый практицизм и рационалистический дискурс.

Следует упомянуть еще один очень важный аспект византийского опыта, воспринятый Русью. Константинопольские Патриархи были гарантами и хранителями церковно-государственной законности в Византийской империи и автоматически становились Регентами в государстве, когда это было необходимо. К примеру, Патриархи Сергей I, Николай Мистик, Арсений Авториан, Иоанн Калека. Эти факты византийской истории лишней раз доказывают неразрывность гармонии Царства и Священства в Византийском государстве. Эта византийская традиция была органически воспринята и в русском социуме. Мы знаем наглядный пример этого, когда митрополит Алексей по сути управлял государством при малолетнем князе Дмитрие Донском.

Еще одна проблема, вытекавшая из византийского церковно-государственного опыта, была чрезвычайно актуальна и для государства российского. Как уже было упомянуто в данной статье, Византийская империя была полиэтническим государством (к примеру, ею на протяжении нескольких столетий руководили армянские императоры). Эллинизация империи в последний период ее исторического бытия стала важнейшим разрушительным фактором ее дезинтеграции. Российское государство – это православно-славянское ядро в евразийском ареале. И задача государственной идеологии во все времена существования

государства российского вплоть до настоящего времени, – найти через диалог с разными этносами, населявшими евразийский ареал, общий духовный смысл для всего полиэтнического российского пространства. Об этой проблеме, вытекавшей из византийского опыта, неустанно говорил выдающийся русский мыслитель К.Н. Леонтьев. В статье «Панславизм и греки» он писал, что: «Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее Всемирного духа».

Византийские россыпи духовности, Ренессанс которых пришелся на XI век в Правление Македонской армянской династии, а его начало как раз совпало с моментом Крещения Руси, кардинально преобразовали славянский языческий социум. Прежняя связь человека с природой, осмыслявшаяся по горизонтали в традициях языческой архаики, приобрела иное направление – вертикальное, как устремленности человека в трансцендентный духовный мир. Изменение духовной парадигмы влекло за собой кардинальные изменения онтологической перспективы, внерациональный способ мышления. Византийское православие принесло в славянский мир идею движения как исторического (идею линейного развертывания истории вместо циклического воспроизведения), так и онтологического: человек должен превзойти то состояние, в котором он вошел в этот мир (позднее, во второй половине XIII в., об этой идее Преображения, о созидаании в себе «внутреннего человека» будут говорить Григорий Палама и его царствующий покровитель, император Иоанн Кантакузен, армянин по происхождению). Это была исключительно высокая духовная миссия Православия по духовному Преображению славянского этноса, погруженного в парадигмы языческого мышления, всецело подчиненному видимой действительности, которая дана ему в его эмпирическом опыте, ибо новизна Богочеловека была неместима и невыразима языческой мыслью и ее инструментарием.

Церковь с ее новой идеологией, с сильной эсхатологической составляющей, с чутким различением добра и зла несла в славянский социум православные ценности и идеалы: смирение, благочестие, соборность, чувство справедливости, преданность вере, следование истине.

Ещё следует подчеркнуть очень важную мысль византийской патристики, всецело воспринятой Русью: извечную амбивалентность византийского мышления: две, казалось бы несовместимые идеи – Божественного Провидения и свободной воли человека, которые тем не менее органически сочетались в представлении византийских хронистов, на Руси став также стержнем русского православного сознания.

Что касается религиозных связей Византийской империи с Русью, то здесь важную роль сыграли императоры Македонской династии, которые стояли непосредственно у истоков этих практических русско-армянских церковных контактов. По крайней мере, митрополит Макарий (Булгаков) в своей многотомной «Истории Русской Церкви» отмечает, что в 867 г. в Византийской империи была учреждена для славян епископия. Это

произошло сразу же по приходу к власти императора Василия I и тогда же Патриарх Фотий крестил некоторое количество славян. Об этом же пишет в своем Послании сам Патриарх Фотий: «Россы, еще недавно бывшие нашими врагами, ныне сделались христианами» [8]. Об этом факте говорит и император Константин VII Порфирогенет спустя семьдесят лет со времени данного события, описывая биографию своего деда императора Василия I, ставя ему в заслугу крещение славян [9]. Этот же эпизод упоминает и историк А. Нечволодов, ссылаясь на русские летописи. Он приводит слова Патриарха Фотия: «... не только болгарский народ переменял прежнее нечестие, но и тот народ ... глаголемый Росс ... ныне переменял языческое и безбожное учение ... на чистую и правую христианскую веру» [10]. Однако ряд источников свидетельствуют, что некоторые славянские князья приняли Православие гораздо раньше, еще в самом начале IX в. Такой источник, в частности, привёл историк С.М. Соловьёв, ссылаясь на Житие Св. Стефана Сурожского, где Св. Стефан говорил о том, что в Суроже в то время был крещен русский князь Бравлин [11]. Археологические данные также красноречиво говорят об интенсивных церковных связях Руси с Византийской империей. Так, например, археологическими экспедициями при раскопках на местах древнерусских городов было найдено множество православных нательных крестиков и иных предметов православного культа [12].

Важным шагом по пути христианизации Руси было крещение княгини Ольги в 957 г. в Константинополе имевшим армянское происхождение византийским императором Константином VII Порфирогенетом. Мудрый Василевс Ромейской державы, автор ряда трактатов «Об управлении империей», «О церемониях», понимая необходимость дружбы с сильным славянским государством, сумел убедить правительницу Руси княгиню Ольгу в преимуществе Православной веры. Она становится православной княгиней с именем матери первого византийского императора Константина Великого Елены. Впоследствии это событие сыграло значительную роль при выборе веры ее внуком князем Владимиром Святым. Как известно, князь ссылался при выборе Православия на свою бабу, княгиню Ольгу, принявшую Православие, а она не могла ошибаться, говорил князь Владимир Святой, как об этом свидетельствует летописец Нестор. Бифуркационной точкой христианизации Руси был, как известно, 988 г., год принятия князем Владимиром Святым крещения, и произошло это судьбоносное для Руси событие при самом активном содействии византийского императора Василия II, имевшего армянское происхождение, как и все Василевсы Македонской династии, как уже было отмечено ранее. При крещении князь Владимир Святой получил имя своего шурина – Василия. (Как известно, князь Владимир женился на родной сестре императора Василия II принцессе Анне). Таким образом, первые русские Святые, князья Борис и Глеб, сыновья Владимира Святого, имели по матери византийской принцессы Анны армянские корни.

Еще очень важный аспект, который нельзя не упомянуть в контексте русско-армянских связей: духовный вклад армянских императоров на Византийском престоле в христианизацию Руси. Это исихастские споры в Византийской империи во второй половине XIII века. Легитимировал победу Григория Паламы на Церковном Соборе в Константинополе, тем самым, утвердив исихазм в качестве официальной религиозной модели византийского Православия, император Иоанн Кантакузин, сам впоследствии ставший афонским «царствующим» монахом. По исследованию ряда византологов, Кантакузины имели армянское происхождение. Как известно, учение Григория Паламы было чрезвычайно распространено на Руси. Исихастами были русские митрополиты Феогност, Алексей, Киприан, «игумен земли русской» Сергей Радонежский. Их деятельность консолидировала славянский этнос, сыграв решающую роль в победе на Куликовом поле и в создании впоследствии Московского царства с его концепцией «Москва – Третий Рим». Это было время русского религиозного Ренессанса. И в этом процессе знаковую роль, хотя и опосредовано сыграл византийский император Иоанн Кантакузин.

Таким образом, прямые и косвенные связи Византийских императоров в рассматриваемое время с Русью были постоянными, что в большей степени способствовало выбору правящей славянской элитой православного пути развития государства российского, создавая тем самым мощное духовное основание Великой славянской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гумилёв Л.Н. От Руси к России. – М., 2013. – С. 17.
2. Леонтьев К.Н. Собр. соч. – Т. 6. Письма к Вл. Соловьёву. – М., 1902. – С. 332.
3. Соколов И.И. Лекции по истории греко-восточной церкви. – СПб., 2005. – Т. 1. – С. 14.
4. Кормчая (Номоканон). Репринт. – СПб., 1997. – С. 748–749.
5. Курганов Ф. Отношение между Церковью и гражданской властью в Византийской империи. – Казань, 1880. – С. 74.
6. Мейендорф И. Византийское богословие. – М., 2001. – С. 378.
7. Реснянский С.И. Церковно-государственная реформа Петра I: протестантская модель или византийское преемство. – М., 2009. – С. 7.
8. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. – М., 1994. – Т. 1. – С. 201.
9. Макарий (Булгаков). Указ. соч. – С. 201.
10. Нечволодов А. Сказания о Русской земле. – М., 1992. – Кн. 1. – С. 96.
11. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. – Т. 1. – С. 100.
12. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. – СПб., 2008. – С. 36.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В РОССИИ

Степанян Араик Оганесович

кандидат философских наук
ответственный секретарь, член Президиума
Академия геополитических проблем
г. Москва, Россия
e-mail: academiagp@yandex.ru

Аннотация. В статье сделан обзор источников XVII–XX вв., описывающих культурные, торговые, военно-политические связи армянского народа с народами России и ее исторических предшественников в период с X по XIX в. Проведен анализ особенностей формирования армянской диаспоры в России и других русско-армянских связей, составивших базис для длительного взаимопроникновения культур. Показан качественный переход от периодических и точечных дружественных контактов к глубокому геополитическому и духовному единству народов Армении и России.

Ключевые слова: история армян; геополитика; Москва – третий Рим; армянская диаспора в России; национальная политика России; межнациональные отношения.

HISTORY OF FORMATION OF ARMENIAN COMMUNITY IN RUSSIA

Arayik H. Stepanyan

Candidate of Philosophical Sciences
executive Secretary, member of the Presidium
Academy of Geopolitical Problems
Moscow, Russia
e-mail: academiagp@yandex.ru

Abstract. The article overviews the 17–20th centuries sources devoted to Russian-Armenian cultural, trade, military and political ties of the 10th–19th centuries. The features of the Armenian diaspora formation in Russia are analysed. Relations that constitute the basis for Russian-Armenian long-term cultural interaction are observed. The qualitative shift from chaotic contacts to two countries peoples' geopolitical and spiritual unity is revealed.

Keywords: Armenian history; geopolitics; Moscow – the third Rome; Armenian diaspora in Russia; Russia's national policy; interethnic relations.

История армяно-русских отношений интересовала ученых еще в XVII веке. Пытливые умы того периода накопили ценную информацию, с которой можно работать сегодня и на основе этих данных создать мозаику отношений двух великих народов. Говоря о генезисе армянской диаспоры в России, мы, естественно, Киевскую Русь считаем частью русской истории.

Армяно-русские отношения настолько глубокие и древние, что их истоки теряются даже в древних сказаниях [1] и былинах [2]. Так, русско-советские историки [3, 83; 4, 62; 5, 36–42; 6; 7, 182] обратили внимание на схожесть русской легенды Нестора [8] об основании трех городищ тремя братьями Кием, Щеком и Хоривом и более древней армянской легенды об основании поселка Куара в Армении. В то же время русская былина о Святогоре почему-то не попала в поле зрения как русских, так и армянских ученых советского периода, хотя оснований для исследования было более чем достаточно. Должно было заинтриговать хотя бы то, что родиной Святогора являются Святые Арагатские горы [2, 21; 9].

Начиная с XVII века ученые старались ответить на вопрос о времени появления армянских колоний на территории Руси. К примеру, историк XVII века Пиду (Луи-Мари Пиду де Сент-Олон), монах-теитинец, парижанин по происхождению, первый высказал развернутую мысль о том, что армянские поселения появились в Крыму, а затем и на территории Руси в XI веке после падения города Ани в 1065 году.

В XVII–XVIII веках был заложен фундамент научных исследований этого периода и установлены основные факты из истории армянских колоний, собран обширный документальный материал, особенно по истории больших колоний во Львове и Каменец-Подольском. Инициатива исследований исходила от самих армян-колонистов (Степанос Росика, И.Ф. Юзефовича, И.Э. Минасовича, М. Бжишкян и др.), из среды которых и вышел известный историк второй половины XIX века Садок Баронч в 1814–1892 годах.

С.Н. Глинка составил «Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи» в двух частях. Книга была издана в Москве в 1832–1833 годах. В это же время были сделаны первые попытки собрать воедино документы, освещающие историю армянских колоний [10].

В 1901 году на первом заседании Кавказского отдела Императорского археологического общества А.Д. Ерицовым был прочитан доклад на тему «Первоначальное знакомство армян с северо-восточной Русью до воцарения Дома Романовых в 1613 году». В своем докладе он отметил сходство армянских и русских церквей (Хутынская церковь – церковь в Ани и Санаине), указал, что в «Иконописных подлинниках» новгородской редакции XVI века дается

наставление, как писать икону Григория Просветителя. Ерицов впервые обратил внимание на связь армян с волжскими булгарами, где в XI–XV веках уже процветала армянская торговая колония, имевшая свою церковь и духовенство и пользовавшаяся свободой вероисповедания [11, 49–50].

Об армянских колониях в юго-западной Руси пишет Е. Кирион в своей книге «Колонизация армян в юго-западной России» [12].

Свидетельство об армянской колонии в Крыму мы находим у Ю. Кулаковского, который отмечает, что армянские колонии там были еще до нашествия монголов; об этом свидетельствуют надписи на церквах, монастырях, кладбищах, надгробных камнях, которые относятся к началу XI века [13].

Бывший Константинопольский Патриарх Малахия Орманиан в своей работе останавливается на таком факте из истории армянского народа как вынужденное переселение армян в чужие страны, в числе которых указывает и Россию [14]. Он отметил и то обстоятельство, что армяне, в каком бы государстве они ни жили, в высшей степени способствовали его процветанию, принимали активное участие в его культурной жизни, в частности, вносили ощутимый вклад в развитие архитектуры.

Исторические исследования начала XX века привели к заполнению некоторых пробелов, к выдвижению и разработке новых проблем по истории армянских колоний. Эта работа была успешно продолжена советскими учеными. Ряд ценных документов в 1921 году опубликовал А.Г. Ованесян [15]. В 1953 году вышел сборник «Армяно-русские отношения 17 века» под редакцией В.А. Парсамяна.

Из современных исследований необходимо отметить книгу И.А. Атаджаняна «Из истории русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII век», в которой приводится достаточно большое количество источников и в результате глубокого анализа исторических документов отделяются факты от вымыслов [16].

Первые упоминания об армяно-русских связях дает Ахмед ибн Абдала Винам [17, 103, 384]. Как отмечают историки-византисты, со второй половины X века сношения Киевской Руси с Византией развивались и укреплялись. Это было «наивысшее время владычества Восточно-Римской империи», когда там правила «Армянская династия» (в 867–1057 годах) [18, 248]. В 988 году византийский император Василий II, армянин по происхождению, получил от киевского великого князя для подавления феодальных восстаний войско в 6000 наемников; за это Владимир потребовал руки византийской принцессы и, чтобы покончить с колебаниями императорского двора, овладел Херсонесом. Василий II уступил настояниям русского государя, но при этом убедил его принять крещение. С Анной на Русь поехали и армяне – священники, архитекторы, художники, строители.

С этого момента в русско-армянских отношениях происходит сдвиг от политического и прагматического сотрудничества в сторону духовного и кровного союза. Этот исторический факт оказал существенное влияние на сознание армян, определил их поведение в последующие десять веков.

Впервые армяне были приглашены в Киевскую Русь в 1009 году для борьбы с Болеславом Храбрым (992–1025 годы). По более поздним свидетельствам, в 1062 году армяне Великокняжескими грамотами были призваны оказывать помощь Киеву в отражении полян, с тем чтобы по истечении трехгодичного срока представить им отпуска и свободу селиться на Руси по произволу своему. Об этом пишет известный историк XIX века Дмитрий Тан [19, 3]. Известный историк польско-украинских армян, прекрасный знаток первоисточников Садок Баронч писал: «Изяслав, услышав много хорошего о благородном мужестве армян, отправил к ним посланцев с просьбой прийти к нему на помощь, чтобы дать отпор многим недругам его княжества» [20, 60]. Но стоит отметить, что такой исход армянских войск сильно ослабил Армению. Спустя два года, в 1064 году, турки-сельджуки захватили столицу Армении – Ани.

В конце X и начале XI века русское войско из 6000 человек находилось в Армении. Об этом свидетельствует историк XI века Степанос Таронский по прозванию Асохик. Русское войско входило в состав Византийской армии, которую возглавлял полководец Барсег в 1000 году в Тайке (Армения) [21].

Армянские поселения образовывались в пределах русских княжеств из армянских купцов, которых привлекала торговая выгода. Постепенно стали организовываться армянские колонии, первоначально состоящие из купцов. Они ширились, пополняясь ремесленниками и мастерами. Это не могло не способствовать развитию культурных взаимоотношений между русскими и армянами.

Из Киева армяне рассеялись по юго-западным провинциям Руси и, получив плодородные земли, утвердились во Львове и в Луцке [12]. Многие из них, призванные для борьбы с врагами русских князей, остались в русских городах на постоянное жительство, в частности, в уже имеющихся армянских поселениях, составленных из торговцев. Благодаря этому множилась Киевская армянская колония, которая к концу XI века выросла настолько, что получила разрешение на постройку церкви [10, 2]. В период княжения Владимира Мономаха (1113–1125) в Киеве поселились армяне, многие из которых были близки княжескому двору. Среди них были врачи; самый популярный из них – Агапит, «хитр зело во врачевании» [22, 35].

В 1280 году армянские войска были приглашены в Галицию князем Львом Даниловичем. Они оказали действенную помощь, в благодарность за это князь разрешил армянам обосноваться в Галиции [12, 2]. В результате Львовская армянская колония, основанная в XII веке, разрослась и получила ряд привилегий. В частности, армянская колония получила право самоуправления, право иметь свой суд, который мог руководствоваться древними армянскими законами. Было разрешено иметь свою церковь и вести службу на армянском языке. По сведениям путешественников, первая армянская церковь была построена во Львове в 1183 году; поначалу она была деревянной, но уже в XIV веке построили каменную.

Первоначально в торговых связях армян с Киевской Русью важную роль сыграли армяне Крымской колонии. Там они селились с древнейших времен. Есть данные о первых казаках в Крыму, доказывающие существование казаков-армян, притом в большом количестве [23]. Об этом свидетельствуют письменные источники, в частности, нотариальные акты, относящиеся к армянским и итальянским торговцам Кафы и Перы. О наличии армянского населения в Крыму в XI веке свидетельствует и надпись, относящаяся к 1047 году. В ней сказано: «Сей святой крест есть предстатель мальчика Манука, который утонул в море в начале 496 (1047) года». О наличии армянской колонии в Крыму свидетельствуют армянские церкви X и XIII веков. Крымская армянская колония со временем становится сильной и экономически признанной, а армянские поселения в Крыму называют «Приморской Арменией». Устанавливаются тесные торговые связи с Тьмутараканью (Тамань), Киевом и другими русскими городами [24]. Несмотря на войны с кочевниками, в частности, половцами, Киевские князья с большой любовью и гостеприимством принимали армян, прибывавших в Киев, создавали им благоприятные условия для торговли [25].

Н.М. Карамзин, ссылаясь на «Путешествие» Палласа, отмечает: «Болгары, в случае неурожая перепитая хлебом Суздальское Великое Княжение, могли доставлять нам ремесленные произведения образованного Востока. В развалинах города Болгарского, в 90 верстах от Казани и 9 от Волги, нашлись армянские надписи 12 века: вероятно, что армяне, издавна славные купечеством, выменивали там Русские меха и кожу на товары Персидские и другие» [17, 175].

Арабский историк Ибн-Фадлан, путешествовавший в X веке к волжским булгарам, писал о том, что он встретил в быту булгарской аристократии привозные армянские вещи, в частности, ковры [26, 73]. Тогда же, в X веке, армянские купцы организовали колонии в Булгаре, Новгороде Великом и Киеве. К концу XIII века Русь стала заветной страной, куда устремились многие армяне. Эмиграция усилилась в XIII–XIV веках, когда проживание в Армении стало невыносимым из-за произвола, насилия и жестокостей поработителей-монголов.

Армянская колония в Булгаро-Казанском крае формировалась до эпохи монгольских завоеваний [27, 59–60]. А.П. Смирнов указывает, что в Волжских Булгарах наряду с армянами-торговцами были и армяне-ремесленники, мастера, строители, каменотесы. Они принимали непосредственное участие в строительстве архитектурных памятников.

Массовый исход армян произошел после завоевания монголами Армении. Об этом пишет М.Н. Карамзин, ссылаясь на записки Иосифа Аргунского-Долгорукого: «Татары, завоевав Армению в 1262 году, перевели многих жителей в нынешнюю Астраханскую и Казанскую губернию, некоторые из них ушли в Тавриду и поселились отчасти в Кафе, отчасти в Старом Крыму и близ Судака» [17, т. 4.].

К числу древних армянских колоний на территории России относится Астрахань. Особенно усилился приток армян в этот город после 1554 года,

когда он был завоеван русскими и присоединен к Московскому государству, став одним из важнейших пунктов сношений с Востоком.

Во время похода Ивана Грозного на Казань армяне, проживающие в этом городе, отказались воевать против русских и просили хана отпустить их из города. Казанцы организовали оборону города, а иностранных купцов–бухар, турчан, армян – не выпустили из осажденного города. При этом казанцы решили использовать их в борьбе против русских. Они принуждали армян нанести удары по русскому войску, но те отказались. И тогда, как пишет летописец, казанцы привязали армян железными цепями к пушкам, поставили сзади них татарских солдат с обнаженными мечами и под угрозой смерти заставили стрелять по русским полкам. Тогда хитрые артиллеристы начали стрелять куда попало, но только не по армии Ивана Грозного [28, 130].

О поведении армянских купцов узнал Иван Грозный, который не только отпустил их, но и разрешил им селиться в Москве. Во время победоносного въезда русского царя в Москву в числе инородцев были и армяне. В официальном документе второй половины XVI века говорится о гостинице «Арменском дворе». Армянский посад сгорел в 1570 году вместе с большей частью Москвы во время нашествия крымского хана Дивлет Гирея [10; 31, 127]: Однако армянская колония продолжала существовать и была «прочною и постоянною» [29, 50].

После взятия Константинополя в 1453 году турками часть византийской элиты ушла в Рим, часть – предпочла кипе чалму, а та часть, которая не захотела предать веру православную, – перешла на службу к русским государям и включилась в эпохальное строительство «третьего Рима» (хотя в то время такого понятия еще не существовало). Все свои знания в строительстве, все торговые связи и агентурную сеть армяне предоставили в распоряжение русским царям и за этого пользовались всеми благами и льготами. Во второй половине XVII века русские цари всячески поощряли деятельность иноземных купцов, особенно армянских, роль которых не ограничивалась торговыми операциями. Они одновременно выполняли и определенные государственные задачи – занимались разведкой [30, 390–391].

При царе Алексее Михайловиче, вступившем на престол в 1645 году, из Персии чаще стали приезжать «промышленные армяне», доставлявшие русскому царю «великолепнейшие украшения», за что многие из них получали жалованные грамоты, «позволяющие приезжать в Москву и в другие города с узорочными товарами, и беспошлинно продавать оные» [31, 30–31].

Во второй половине XVII века культурные связи армян с Россией развивались особенно интенсивно. В «Исторической записке о первоначальных и последующих сношениях армянского народа с Российским государством» говорится: «Из сношений 1671 года видно, что в Москве был тогда весьма искусный живописец Пеакуцира, и находились другие художники из армянской нации» [32, 18 и сл.].

Широко известен живописец из армян Богдан Салтанов, который своим искусством и деятельностью далеко превзошел всех своих предшественников [33, 31], который прибыл в Москву в 1666 г. Изготавливаемая им олифа была отменного качества [34, 494, 502, 507]. Салтанов среди живописцев занимал такое же положение, как Симон Ушаков среди иконописцев [35, 390]. Он не был одиноким, вместе с ним работали и другие армянские художники, мастера-каменщики, гранильщики, чеканных дел мастера.

Армянские купцы часто выполняли роль культурных посредников, через которых приглашались в Россию не только разные мастерские люди, но и чеканных дел мастера. В Петровскую эпоху в протоколах Верховного тайного совета упоминаются: вотчинной коллегии вице-президент в Астрахани Феодосий Мануков, толмач Павел Ормянин, а также Карапет Ширванов, выполнявший в Персии специальные задания.

2 марта 1711 года вышел Сенатский указ, который гласил: «Армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда» [36, 257]. 2 мая того же года очередным приказом за армянами были закреплены все права и привилегии, которыми они пользовались еще в допетровские времена [36, 662].

Российские посланники за рубежом получили приказы от Петра I найти знатных армян и пригласить в Россию. Такой приказ получил русский посланник в Персии А.П. Волинский: «Разведав об армянском народе, много ли его и в которых местах живет, и есть ли из них какие знатные люди из шляхетства или из купцов, и каковы они к стороне царского величества, обходиться с ними ласково и склонять к приязни» [30, 644]. Петр Великий принимал решительные меры для укрепления русского влияния в Прикаспийском крае и в этом деле он большую роль отводил армянам. В указе на имя генерал-майора Кропотова русский царь писал: «Понеже мы оной армянский народ в особливую нашу императорскую милость и протекцию приняли» [30, 644].

В 1734 году в русской армии появляются первые генералы, которые получают это звание за «службу и верность к России» – Лазарь Христофоров и Иван Юз-Баша. Впоследствии чины получают: Иван Сумбатов, Иван Петрович Каспаров, Мина Лазарев, Артемий Лазарев, Абрамов, Хастатов, Манеев, Лалаев.

Необходимо отметить, что именно в этот период армянский народ, после долгих безрезультатных попыток получить протекцию западных стран, окончательно повернулся к России и связал с нею свои надежды об освобождении Армении. Большую роль в завязывании указанных стратегических связей сыграл армянский национальный деятель Исраля Ори, настойчиво работавший в этом направлении. Он явился к министру Головину со своим планом освобождения Армении и Грузии.

Ори предложил России для освобождения Грузии и Армении послать в Закавказье 25-тысячную русскую армию из 15 тысяч казаков и 10 тысяч пехоты. Казаки должны пройти через Дарьяльское ущелье, а пехота – отплыть

по Каспийскому морю из Астрахани. На месте русские войска должны будут получить поддержку вооруженных сил грузин и армян [37, 57]. Таким образом, у России в Закавказье появились союзники; это усилило желание Москвы закрепиться на Кавказе. В 1707 году, после всех необходимых приготовлений, Ори в ранге полковника русской армии с большим отрядом выступил в поход. В Шамахе и Куба он встретился с местными лидерами грузин и армян, поддержав их пророссийскую ориентацию. Имея полную картину политической ситуации в Закавказье, он предложил Петру I начать южную кампанию. Получив согласие в 1711 году, он проследовал с особой миссией в Армению из Санкт-Петербурга, сделал остановку в Астрахани, но здесь скоропостижно скончался.

Политику Петра I по отношению к армянскому народу продолжила Екатерина II. Именно при ее содействии были построены города Нор-Нахичевань и Григориополь. Екатерина дарует армянам особые права и привилегии, закрепившиеся высочайшими грамотами.

Армяне присутствовали в Санкт-Петербурге с момента его основания. В 1710 году, спустя 7 лет со дня его основания, там уже возникла армянская колония. К концу 1730-х годов уже существовала армянская целая улица. Серьезное пополнение армянская община получила в лице Кизлярского армянского эскадрона, который появился в Санкт-Петербурге в 1736 году. В это время армянский приход вырос настолько, что появилась необходимость иметь постоянного священника. В 1714 и 1740 годах армяне просили разрешения строить каменную церковь. После третьего обращения в 1750 году через ювелира Русского двора Ивана Лазарева с челобитной о разрешении построить каменную церковь последовало устное повеление Екатерины II о дозволении армянам строить церковь в северной столице. Благодаря семейству Лазаревых, кроме сооружения церкви, ими было обустроена типография, а также был учрежден Институт Восточных языков, «принимающий в недра свои и питомцев Азии и Русских воспитанников» [38, 17]. Григорий Халдарян, уроженец новой Джулфы, приехал из Лондона и, преодолев большие трудности, в 1783 году в Санкт-Петербурге открыл армянскую типографию. Армянские шрифты он заказал в Голландии в 1779 году. В 1805 году в Астрахани было открыто первое армянское учебное заведение – Агабабовское училище.

Особый эмоциональный подъем испытали армяне в период царствования Николая I. По его поручению армянские разведчики вербовали своих соотечественников, проживающих в Персии, перейти на постоянное место жительства в Россию. По этому поводу Персидский шах заявил особый протест. Мало того, он армян освободил от всех налогов и просил не покидать страну, но армяне были непреклонны.

В 1828 году русская армия взяла Эривань. Это событие произвело на армян очень сильное впечатление. Современник тех событий писал: «Пред знаменами Николая и пред духом преобразователя России, как будто бы при звуках труб Израильских под Ерихоном, пали стены Эриванские, пали без защиты по тому,

что сердца Армян передали их сердцам Россиян, вековым друзьям своим» [38, 18]. Роль армян в русско-персидской войне была оценена Николаем I по достоинству. В русской армии действовало более 1000 армян [39]. Особо отличился архиепископ Нерсес. Несмотря на свой духовный сан, он находился в рядах русских войск, сопровождал их и проявлял личную инициативу в сложных ситуациях. Об этом свидетельствуют слова из Высочайшего рескрипта, данного Нерсесу при пожаловании ему ордена Св. Александра Невского: «Преосвященный Нерсес, Архиепископ Армянский! С данного времени и при многих случаях вы оказывали отличную привязанность вашу к России, в особенности же вы нынешнюю войну с Персиянами» [38, 35]. С. Глинка, свидетель тех событий, воодушевленно писал, что переселение армян из Персии в Россию было «не переселением одной личности людей, но переселение душ и сердец» [38, 49].

Нельзя не отметить выдающихся заслуг перед российской империей великого сына армянского народа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова. Его неоценимый вклад в русско-турецкую кампанию 1853–1855 и 1877–1878 годов был по достоинству оценен императором Александром II. 12 февраля 1880 г. он получил диктаторские полномочия и фактически стал вторым лицом в государстве [40, 63–64].

Положение армян в России в первой половине XIX века было почти идиллическими. Армянский писатель Х. Абовян писал тогда: «Русские восстановили Армению, грубым, зверским народам Азии сообщили человеколюбие и новый дух (...) Как армянам, пока дышат они, забыть деяния русских?» [41, 266]. Так писал человек, находившийся в конфронтации к Российскому правительству и побывавший в сибирской ссылке. И это не было данью официозу.

Совпадение интересов русских и армян было настолько полностью гармоничным, что Россия не проводила разницу между русскими и армянами, например, для укрепления и защиты своих южных рубежей она заселяла их армянами [42]. Российская империя, согласно своему собственному идеальному образу, хотела стать Великим Христианским царством, которое бы заменило погибшую Византию. Появление концепции «Москва – третий Рим», выдвинутой монахом Филофеем, стало идеологическим толчком не только для русских, но и для армян. Они были вторым народом (после греков) в Византийской империи и в деле построения и укрепления ее могущества не жалели ни сил, ни средств и даже свою историческую родину – Армению. Этот идеал был близок и армянам, их стремление войти в состав Российской империи не могло объясняться одними прагматическими причинами: они видели перед собой империю, в которой хотели бы жить, близкую им по духу.

Таким образом, русско-армянские отношения имеют длительную историю. Датировать появление армянских общин на Руси весьма сложно. Исторические факты позволяют говорить об XI веке, однако некоторые подробности сказаний и былин свидетельствуют о более древних связях двух народов. До конца XIX века эти контакты развиваются в дружественном ключе военного и культурного сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Еремян С.Т. О некоторых историко-географических параллелях в «Повести временных лет» и «Истории Тарона» Иоанна Мамиконяна // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – Вып. 2. – Киев, 1965.
2. Былины. – М.: Правда, 1987.
3. Марр Н. Я. Армянская культура, ее корни и доисторические связи по данным языкознания // Язык и история. – Т. I. – Л., 1963.
4. Рыбаков Б.А. Начало русского государства // Вестник МГУ. – 1955. – № 4–5. – С. 62.
5. Рыбаков Б.А. «...Кто в Киеве нача первее княжети...» // Наука и жизнь. – 1982. – № 4. – С. 36–42.
6. URL: <http://nashasreda.ru/drevnyaya-rus-i-armeniya>.
7. Еремян С.Т. Европейская Сарматия по Птолемию и «Ашхарацуйцу» (Армянской географии VII в.) // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – Вып. 3. – Ереван, 1971.
8. Повесть временных лет [Текст] / древнерус. текст и пер. Д.С. Лихачева // Русская литература XI–XVIII вв. – М.: Худож. лит., 1988.
9. Былины / сост. В.И. Калугин. – М., 1986.
10. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. – М., 1833–38.
11. Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – № 12.
12. Кирион Е. Колонизация армян в юго-западной России. – Коменецк-Подольск, 1903.
13. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. – Киев, 1914.
14. Малахия Орманиан. Армянская церковь: ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее. – М., 1913.
15. Ованесян А.Г. Задача возникновения русско-армянской ориентации. – М., 1921.
16. Атаджанян И.А. Из истории русско-армянских взаимоотношений с 10 по 18 века. – Ереван, 2006.
17. Карамзин Н.М. История государства российского. – Т. III. – СПб., 1894.
18. Гельцер Г. Краткая история византийских императоров. – Вагаршапат, 1901. – С. 248 (на арм. яз.).
19. Тан Д. Восточные армяне в Буковине. – Вена, 1891. – С. 3.
20. Боронч С. Очерки истории армян. – Тернополь, 1869. – С. 60 (на польском языке).
21. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию / пер. Н.О. Эмина. – М., 1864.
22. Абрамович Д.И. Киево-Печерский Патерик. – Киев, 1931.
23. Видеолекция на канале «Культура» // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-ow7J9vzcNM>.

24. Краткое историческое описание древнего Армянского государства / под ред. С.Н. Глинки. – М., 1838. – Ч. 2. Гл. 2.
25. Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие местности, обитаемые армянами, потомками жителей города Ани (на армян. яз). – Венеция, 1830.
26. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Изд. Академии наук СССР. – М.; Л., 1939.
27. Смирнов А.П. Волжские булгары // Труды государственного исторического музея. – Вып. 19. – М., 1951.
28. История о Казанском царстве. – СПб., 1903.
29. Ерицов А.Д. Первоначальное знакомство армян с северо-восточной Русью // Кавказский вестник. – 1901. – № 12.
30. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Кн. 2. – СПб., 1893.
31. Малиновский А.Е. Историческое описание древнего русского музеума, под названием мастерской и оружейной палаты, в Москве обретающегося. – Ч. 1. – М., 1807.
32. Бертольд В. История изучения Востока в Европе и России. – Л., 1925. – С. 180–181.
33. Филимонов Г. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи. – М., 1873. – С. 31.
34. Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы 17 века. – Т. 4. – М., 1916.
35. Новицкий А. Парсунное письмо в Московской Руси // Старые годы. – 1909. – Июль-сентябрь. – С. 390.
36. Грамоты Петра Первого об армянах // Полное собрание законов. – Т. 7. – СПб., 1830.
37. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. – Ч. 1. – СПб., 1869.
38. Глинка С.Н. Описание переселение армян аддербиджанских в пределы России с кратким предварительным изложением исторических времен Армении. – Ростов-на-Дону: Донской изд. дом, 2003.
39. Григорян З.Г. Присоединение Восточной Армении к России в начале 19-го века. – М., 1959.
40. Костанян Ю. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. – СПб., 2004.
41. Абовян Х. Раны Армении. – Ереван, 1977.
42. Кастальский Л. Формы национальных движений в современных государствах. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1910.

АРМЯНСКИЙ НАРОД НА РАЗВИЛКЕ БОЛЬШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ

Багдасарян Вардан Эрнестович

доктор исторических наук, профессор

декан факультета истории, политологии и права

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

г. Москва, Россия

e-mail: vardanb@mail.ru

Аннотация. В статье представлен разбор путей исторического самоопределения армянского народа в рамках выбора больших идеологических проектов. Рассматривается проблема соотношения армянской идентичности с глобальным социальным проектированием в мировой политике. Проанализирован опыт соучастия армян в реализации различных цивилизационных проектов. Делается вывод о наибольшей комплиментарности армянской идентичности российского цивилизационного проекта. В перспективе современного идеологического самоопределения раскрывается содержание неовизантийского проекта, его потенциалы для России и Армении.

Ключевые слова: исторический проект; армяне; армянский вопрос; идентичность; идеология.

THE ARMENIAN PEOPLE ON THE FORK OF THE BIG HISTORICAL PROJECTS

Vardan E. Bagdasaryan

Doctor of Historical Sciences, Professor

Dean of the Faculty of History, Political Science and Law

Moscow State Regional University

Moscow, Russia

e-mail: vardanb@mail.ru

Abstract. Analysis of the ways of historical self-determination of the Armenian people within the choice of big ideological projects is presented in article. The problem of correlation of the Armenian identity with global social design in world politics is considered. Experience of partnership of Armenians in implementation of various civilization projects is analyzed. The conclusion

about the greatest complementarity of the Armenian identity of the Russian civilization project is drawn. In the long term modern ideological self-determination contents of the neo-byzantine project, its potentials for Russia and Armenia reveal.

Keywords: historical project; armenians; Armenian question; identity; ideology.

Популярностью в философии истории девятнадцатого столетия пользовалось понятие «исторические народы». Его, как известно, применял, в частности, Гегель [1]. Под историческими народами понимались этносы, которые оказывали влияние на ход мировой истории, выступали субъектом исторического процесса. В современном мире насчитывается несколько тысяч народов, около двухсот государств и всего с десятков цивилизаций. Это означает, что далеко не все народы выступают в качестве государствообразующих и тем более цивилизационнообразующих. Речь, конечно, не идет об этнической или расовой иерархии. Историческими народами чаще всего оказывалась общности, консолидированные не на генетической, а мировоззренческо-ценностной основе. Субъектность в истории определялась способностью генерировать и реализовывать «большой проект». Тот, кто не имел собственного проекта, становился объектом внешнего проектирования. Мировая история может быть рассмотрена в ракурсе борьбы различных проектов. И сегодня вопрос о проектировщике является ключевым в глобальной политике. Проекты Pax Americana, Великого Китая, нового исламского халифатостроительства, неоосманизма и другие формируют современную политическую повестку развития мира.

Однако принятие глобального проекта содержит для реализующего его народа и угрозы. Это угроза утраты национальной идентичности, растворения во всечеловечестве в проектируемой версии мирового строительства. Утрата национальной идентичности народами, принявшими парадигму либеральной глобализации, сегодня очевидна. Потеря национальных традиций и деидентификация русского народа, являвшегося носителем глобального советского проекта – еще один пример проявления такого рода угроз.

Задачи, стоящие перед народами, в мегахременной перспективе имеют амбивалентный характер. С одной стороны, обрести историческую субъектность, достигаемую через генерирование и реализацию «большого проекта». Политически это выражается в принятии бремени имперостроительства. Империи, в отличие от государств-наций, не возможны без выдвигания собственной идеологии. Другая сторона – это сохранение этнической идентичности. Для того чтобы она была сохранена, требуется уже не универсализация, а партикуляция, продвижение идей специфичности народа, отделение

его от иноплеменников. Зачастую в целях самосохранения, противостояния тенденциям ассимиляции народ поднимает знамя национализма. Национализм оказывается «запрещенным приемом», используемым как средство для того чтобы выжить в инонациональном окружении.

Имперская идеология «большого проекта» и этническая идентичность народа есть ценностно различные ориентиры. Часто они вступают в противоречие. Оптимальным являлось бы сочетание, при котором и сохранялась бы этническая идентичность народов и выдвигалась идеократическая имперская перспектива.

Обозначенные проблемы имеют прямое отношение к теме армянского позиционирования. Исторически Армения оказалась зажата в тисках геополитических и религиозных противников. Дамоклов меч уничтожения на протяжении веков нависал над армянским народом. В шестнадцатом веке прекратило свое существование Киликийское армянское государство, а Закавказская Армения была поделена между Османской и Персидской империей. Сотни тысяч армян, спасаясь от перманентного этноцида, оказались расселены по всему миру. Чтобы выжить в сложившихся условиях как этносу требовалось сохранить любыми средствами армянскую идентичность. В религиозном плане это достигалось акцентировкой специфичности догматики и обрядов Армянской Апостольской Церкви, как института консолидации армян, несмешиваемых в силу этого ни с православным, ни с католическим миром. Секулярным путем самосохранения явилось формирование идеологии национализма, в рамках которого в завуалированной форме или открыто провозглашались идеи особой силы армянской крови. Теория цехакронизма, связанная, прежде всего, с именем Гарегина Нжде, стала классическим выражением националистического дискурса в армянской диаспоре. И здесь важно не столько содержание идеологемы, сколько контекст. Концепт о факторе крови был сформулирован именно тогда, когда после геноцида армяне, расселившиеся по всему миру, скрывают свою этничность, стремятся ассимилироваться с другими народами, продолжают подвергаться преследованиям и дискриминации. Сказать в тех условиях, что армяне есть особый народ, являлось для них спасительной инъекцией [2].

Но для того чтобы одержать победу над численно превосходящими противниками, идеи армянской этничности недостаточно. Несмотря на наличие крупной диаспоры, по потенциальным людским ресурсам Армения уступает любому из соседей. В этой ситуации логичным был бы экспорт идей, объединение под знаменем выдвигаемой идеологии других народов. Но такого объединения под знаменем этнической идеи армянства объективно произойти не может. Следовательно, помимо идеи национальной идентичности армянский народ нуждается в выдвигании надэтнического «большого проекта».

Опыт работы на «большие проекты» накоплен за историю армянского народа значительный. Однако эти проекты не были проектами идентичными. Представители армянской элиты, проживавшие за пределами Армении, часто

включались в генерирование и реализацию имперских проектов государств проживания. Но это были чужие проекты.

Немалую роль сыграли армяне, к примеру, в обеспечении развития Османской империи. Уже на излете ее существования министерские посты в ней в разные годы занимал целый ряд лиц армянского происхождения – министра внутренних дел, министра финансов, министра иностранных дел, министра коммуникаций. Армяне были послами Османской империи в Англии, Австрии, Бельгии, Италии. Премьер-министром в полузависимом от Стамбула Египте являлся армянин Нубар Меликян (Нубар-паша). Именно он сыграл ключевую роль в том, чтобы добиться от султана разрешения на строительство Суэцкого канала. Армянские предприниматели сыграли важнейшую роль в становлении промышленности Османской империи. «Все отрасли, не связанные напрямую с товарами первой необходимости, но представляющие собой достижения цивилизации, – указывалось в отчете немецкого чиновника 1912 года о положении дел в Османской империи, – почти полностью контролируются армянами; в их руках находятся крупные текстильные фабрики, промышленное производство стали, олова и цинка, а также производство и торговля строительными материалами» [3]. По свидетельству Г.С. Гюльбенкяна, 16 из 18 наиболее влиятельных финансистов государства были армянами [4]. В преддверии Первой мировой войны армянские предприниматели обеспечивали 23 % объема ВВП в сфере внутренней торговли, 30 % в промышленности и ремеслах, 22 % – в непродовольственных отраслях [5]. Но усиление роли армянских представителей в элитарных кругах Османской империи только усиливало внутреннюю конфронтацию. Системная причина ее состояла в расхождении панисламского, а затем пантюркистского проекта османско-турецкого государства с армянской национальной идентичностью.

Итог соучастия в османском проекте хорошо известен – геноцид. Геноцид армян осуществлялся и при Абдул Гамиде II, и при младотурках, несмотря на идеологические различия представляемых ими проектов. Панисламитизм являлся идеологией Османской империи при Абдул Гамиде II, пантюркизм – при младотурках [6]. И в рамках панисламистского, и в рамках пантюркистского проектов армяне оказывались представителями враждебной идентичности. Оба проектных ориентира присутствуют в настоящее время в политике турецкого президента Р. Эрдогана. Его антиармянские высказывания также хорошо известны и контекстны общей неоосманской идеологической линии [7]. Отсюда, как неприемлемые для армян могут быть расценены предложения А.Г. Дугина о примирении современной Армении с Турцией ради большого евразийского проекта. Под впечатлением деэскалации напряженности в отношении между Москвой и Анкарой летом 2016 года, им в отношении перспектив армянской политики было высказано следующее рассуждение: «Как и любая этноцентрическая общность армяне утрачивают пропорции. Великая держава не может идти на поводу у младшего партнера, позволять

ему диктовать условия и выставлять требования. Напротив, это Еревану надо встраиваться в большую евразийскую геополитику, стремясь обеспечить свои интересы. И мы эти интересы, безусловно, учитываем и принимаем в расчет. Но дружба с армянами, какой бы крепкой она ни была, не отрицает осей Москва – Баку или Москва – Анкара... Сегодня большая геополитика России диктует необходимость оси Москва – Баку – Анкара. Что не исключает оси Москва – Ереван и даже Москва – Ереван – Тегеран... Ответственные политики Армении, для которых важна именно Армения, а не подачки американских кураторов, должны возвыситься над локальными горизонтами и мыслить более масштабно. Поэтому Армения должна согласиться на план Лаврова о передаче Баку пяти районов, не требуя за это слишком высокой и нереалистичной цены... Если Ереван согласится с планом Лаврова, построение новой геополитики будет завершено» [8]. Не учитывается в данном рассуждении, что у Анкары есть собственный идеологический проект, отличающийся от проекта евразийской реинтеграции, противоречащий не только интересам Армении, но и интересам и территориальной целостности России.

Существовало в армянском мировом движении и определенное течение, ориентированное на поддержку персидского проекта. Основанием для сближения указывались общие индоарийские корни персов и армян. К этому доводу после геноцида армян в Османской империи добавились еще и персо-турецкие противоречия, многовековое соперничество Ирана и Турана. Армяне в Иране, равно как и в Османской империи, выступили исторически в качестве особого делового класса в его широком понимании. Мухаммед-бек, армянин по происхождению, достигнет при шахском дворце даже положения первого визиря [9].

Но иранский проект был в первую очередь проектом религиозным и только в гораздо меньшей степени, и далеко не во все периоды истории – этническим. Для государства, выстраиваемого на идеологии шиитского ислама, армяне оказывались неидентичным, а потому и ненадежным общественным элементом. Отсюда, уже при Сефевидях в отношении армян использовалась практика депортации, приобретающей жесткие этноцидные формы. При сменившей Сефевидов тюркской и происходившей к тому с территории Армении династии Каджаров положение армян еще более ухудшается. Происходит системная тюркизация Восточной Армении [10]. Эта политика заставляет армян Персидской империи искать помощи у России, что вполне определенно проявилось во время Русско-турецких войн девятнадцатого столетия. На основании условий Туркманчайского мира около 40 тысяч армян репатриировались из Персии в присоединенную к Российской империи часть Армении [11]. Армяне впоследствии принимали активное участие в Персидской конституционной революции 1905–1911 годов, что само по себе указывало на их неудовлетворенность тем положением, которое они занимали в каджарском государстве.

Конечно, положение армян в Иране в двадцатом столетии было несравненно более благополучным, чем положение их в соседней Турции. Но

исламизационный вектор развития иранского общества лишил перспективы идентификации армян с новым персидским цивилизационным проектом. Показательно, что во время армянских погромов в Баку в 1988 году азербайджанцы несли, по свидетельству очевидцев, портреты духовного лидера исламской революции Хомейни [12]. Хотя непосредственных антиармянских кампаний в хомейнистском Иране не проводилось, но сама идеология исламизации объективно выдавливала иранских христиан на периферию общественного строительства. После Исламской революции армянская община Ирана существенно сократилась. Ее численность в иранской столице Тегеране уменьшилась вдвое.

Сегодня между Ираном и Арменией развивается конструктивное экономическое сотрудничество. Фиксируется совпадение позиций по ряду международных вопросов. Отдельные эксперты заговорили о формировании геополитической оси Москва – Ереван – Тегеран [13]. Но в отношении стратегических перспектив армяно-иранского сотрудничества в качестве общего проекта не должно быть иллюзий. Они развеиваются, в частности, при ознакомлении с позицией нынешнего духовного лидера Ирана азербайджанца по происхождению Али Хаменеи по Нагорному Карабаху. Его официальный представитель Сейид Гасан Амили изложил позицию аятоллы следующим образом: «Это часть Исламского мира, которая должна быть возвращена Азербайджану. Как сказал верховный духовный лидер Ирана, Карабах – Исламский край, и сложившие головы за него считаются шехидами. Лично я при первой представившейся возможности готов поехать в Карабах, чтобы выполнить свой долг. Истоки сегодняшних событий в Карабахе восходят к т.н. плану Сталина. На самом деле, границы, которые были изменены Сталиным, чтобы посеять рознь между народами, должны быть изменены, и не только в Карабахе» [14].

Представители армянской диаспоры сыграли немалую роль и в развитии науки, культуры и экономики Западной Европы и США. Часть армян приняла католичество, учредив Армянскую Католическую Церковь. Через переход в католичество они рассчитывали заручиться помощью Запада в освобождении Армении от турок и персов.

Часть армян нашла панацею для национального спасения в принятии большой европейской идентичности. Формулируется идея армянского соучастия в западном цивилизационном проекте. Создаются объединения армян-католиков. По инициативе Мхитара Севастийского под Венецией в начале восемнадцатого столетия учреждается армянский католический орден. Мхитаристы надеялись, что Запад освободит армян от турок и персов [15].

Угроза обращения армянской диаспоры в католичество актуализируется и сегодня. Об этом свидетельствуют цифры членства в Армянской Католической Церкви: 1990 г. – 142 853 чел., 2000 г. – 362047 чел., 2010 г. – 593 459 чел., 2015 г. – 736 956 чел. [16]. Проект окатоличивания армян

и принятие через католицизм западной идентичности возродился за последние четверть столетия фактически из исторического небытия.

Несостоятельность надежд на помощь Запада обнаружилась уже в восемнадцатом веке. Исраэль Ори, пытавшийся найти помощь со стороны европейских государств (встречи с политическим руководством Франции, Венеции, Австрии, германских государств), столкнулся первоначально с европейской волокитой. Прямо от разыгрывания армянской карты Европа не отказывалась. Но от Ори требовались гарантии консолидированной поддержки его позиции со стороны армян и готовности их к восстанию. Гарантии со стороны армянской знати были даны, что создавало для нее известные угрозы. Но и этих гарантий не было достаточно. Со стороны Франции и вовсе будет оказываться прямое противодействие попыткам Ори по организации армянского освободительного движения в Персии. Разочаровавшись в Европе, Ори переориентируется на Россию и поступает на службу к Петру I [17].

И в дальнейшем во время всех многочисленных политических кризисов Османской и Персидской империй Запад не сделал ничего для освобождения армян. Напротив, его позиция вплоть до Первой мировой войны состояла в поддержании целостности данных имперских государств. Позиция Запада состояла в том, что если было бы создано Армянское государство, то оно оказалось бы неизбежно в фарватере политики Российской империи. Эта позиция была сохранена и тогда, когда Османская империя по итогам Первой мировой войны прекратила свое существование. Ни Западная, ни Киликийская Армения, в отличие от большинства нетурецких земель бывшей Османской империи, несмотря на первоначальные планы и декларации (в частности, условия Севрского мира), так и не получили независимости. Важное признание о мотивах политики Запада по армянскому вопросу сделал премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж: «По Сан-Стефанскому миру русские войска должны были оккупировать Армению пока не будут проведены необходимые реформы. Это постановление было отменено Берлинским трактатом 1878 года, который явился всецело результатом нашего угрожающего нажима и прославлялся нами как величайший триумф Англии, принесший “почетный мир”. Армения была принесена в жертву на воздвигнутый нами триумфальный алтарь. Русские вынуждены были уйти; несчастные армяне снова были придавлены пятой своих старых угнетателей, обязавшихся “провести улучшения и реформы в провинциях, населенных армянами”. Всем нам известно, как нарушались эти обязательства в течение сорока лет, несмотря на неоднократные протесты страны, которая была главной виновницей возвращения Армении под владычество турок. Политика британского правительства с роковой неизбежностью привела к ужасающим бойням 1895–1897 и 1909 годов и к страшнейшей резне 1915 года. В результате этих злодеяний, беспрецедентных даже в истории турецкого деспотизма, численность армянского населения в Турции сократилась больше чем на миллион» [18].

В отношении к теме геноцида армян на Западе преобладала в целом установка забвения. Тема была неудобна. Признание необходимости ответственности за геноцид предполагало бы, во-первых, осуждение едва ли не всего политического руководства Турции. Во-вторых, оно обнаруживало бы сопричастность и ответственность Германии. В-третьих, выводило бы, вероятно, как полагают некоторые исследователи, на провокативную роль в геноциде англичан. Отношение Германии к геноциду армян иллюстрирует запись, сделанная в 1915 году рейхканцлером Теобальд фон Бетманом: «Нашей единственной целью является удержание турок до конца войны на нашей стороне, и при этом не важно, будут ли из-за этого уничтожены армяне или нет» [19]. Позицию Великобритании отражает тот факт, что несмотря на неоднократное вынесение вопроса о признании геноцида армян он официально ей не признан. При обсуждении в парламенте было высказано следующее мнение (лорд Магинис): «Нецелесообразно подробно останавливаться на событиях вековой давности. Было бы лучше решить нагорно-карабахский конфликт, который также является проблемой, а не оглядываться на то, что произошло 100 лет назад в Османской империи. Не существует никаких оснований или оправданий обеих сторон, но, с моей точки зрения, попытки армян и русских спровоцировали конфликт, что фактически привело к убийству большого числа людей, находившихся в тяжелых условиях. Великобритании следует помнить, что Мустафа Кемаль Ататюрк был союзником Великобритании, и мы благодарны ему за участие Турции в освобождении Европы. По этой причине я считаю, что мы должны быть очень осторожны, чтобы не отчуждать наших турецких союзников, учитывая тот факт, что комитет Конгресса США проголосовал большинством голосов в пользу резолюции» [20].

Следовало, казалось бы, ожидать более определенной поддержки армян со стороны США, где так называемое армянское лобби стало формироваться еще в XIX веке. Армянское движение в Соединенных Штатах канализируется в значительной мере усилиями американских миссионеров в направлении проекта *Rah Americana*. Армяне-американцы и шире армяне диаспоры побуждаются к переходу в протестантизм. В 1918 году в штате Массачусетс учреждается исполнительный орган Армянских Евангелических церквей и Армянская Евангелическая Ассоциация Америки, имеющая в настоящее время представительства в двух десятках стран мира. Там же в США уже в 1980-е годы будет создан Всемирный Армянский Евангелический Совет [21].

Действительно, США в ситуации передела государственных территорий по итогам Первой мировой войны наиболее активно поддерживали проект создания суверенного Армянского государства. В международный политический лексикон вошло понятие «Вильсоновская Армения». В противоположность Ллойд Джорджу, выступавшему за превращение Армении в мандатную территорию, американский президент отстаивал первоначально идею ее суверенности. Однако проармянская линия во внешней политике США была

изменена. Ее смена была связана с назначением верховным комиссаром США в Турции адмирала Марка Бристоля. Он полагал, что созданное Армянское государство неизбежно подпадет под влияние других геополитических игроков в регионе, с наибольшей вероятностью – Советской России. Бристоль предлагал Вашингтону переориентироваться на поддержку Турции. Христианские национальные меньшинства – армяне и греки – характеризовались им как «пиявки», высасывающие на протяжении веков кровь из тела турецкого государства. Американский верховный комиссар публично заявлял, что все христиане должны принудительно покинуть территорию Турции. Такие заявления, сделанные официальным лицом, безусловно, развязывали руки турецким националистам, мотивировали продолжение политики геноцида и депортаций. Бристолем направлялись в США заведомо заниженные цифры о масштабах геноцида, искажались другие факты о нарушении прав человека. Отражением произошедшей переориентации явилось учреждение в 1923 году организации «Американские друзья Турции». Бристоль впоследствии станет ее руководителем [22].

Во время армяно-турецкой войны 1920 года в ситуации наступления турок дашнакское правительство обратилось к цивилизованному человечеству с призывом спасти армян от физического уничтожения. Непосредственно обращения с призывом о помощи поступали в адрес США, Франции, Великобритании, Италии, Греции. Западные государства выражали сочувствие, но от реальной военной помощи воздерживались, ссылаясь, что могут воздействовать на Турцию только экономически. Со стороны Италии и вовсе, при словах о солидаризации с армянским народом, осуществлялись поставки оружия турецкому правительству. Номинальный сторонник Армянского государства Вудро Вильсон отказывал в помощи армянам, ссылаясь на отсутствие у него соответствующих полномочий без решения Конгресса, находившегося в то время в каникулярном отпуске [23].

Стратегия Запада, делающего выбор по армянскому вопросу в пользу сотрудничества с Турцией, в очередной раз наглядно проявилась уже после Второй мировой войны. СССР уже в 1945 году официально ставил вопрос о денонсации советско-турецкого договора 1921 года. Официально ставился вопрос о передаче армянам территории Западной Армении. Данное требование советского руководства определяется в историографии как «ультиматум Сталина». В связи с предъявляемыми требованиями Армянской ССР должна быть передана территория 20,5 тыс. кв. км, Грузинской ССР – 5,5 тыс. [24]. Запад категорически выступил против и поддержал Турцию. Советская инициатива возвращения армянских земель была сорвана именно блоком западных государств во главе с США. Конфликт вокруг «сталинского ультиматума» Турции рассматривается сегодня как важнейший инцидент в развертке холодной войны. В итоге, явно не подпадающая под стандарты западных демократий Турция в 1952 году была принята в НАТО. Интересы «армянского лобби» в расчет приняты не были.

Наибольшие перспективы для армян открывало принятие большого российского цивилизационного проекта. Эти перспективы определялись двухуровневой моделью выстраивания системы идентичности в Российской империи, а потом – и в СССР. Первый уровень был этническим, второй – цивилизационным. Можно было, оставаясь армянином, равно как и представителем любого другого этноса, выступать, вместе с тем, носителем российского – советского проекта.

Не правильно, однако, было бы считать, что российское государство всегда принимало сторону армян в многочисленных исторических конфликтах, связанных с армянским вопросом. Ухудшение позиции российского государства в отношении к армянам приходится, в частности, на время Александра III. Уже в 1882 году, через год после вступления на престол, император дает указание новому министру внутренних дел Д.А. Толстому предпринять действия против армянского национализма. Принятые меры касались, в частности, закрытия части армянских школ. Российская империя не нашла возможным выступить против Османской империи во время «хамидийской резни» армян в Османской империи в 1894–1896 гг. Занимавшему в тот период времени пост министра иностранных дел князю А.Б. Лобанову-Ростовскому приписывались слова – «нам нужна Армения без армян». На период с 1895 по 1905 год приходится нахождение в должности наместника Кавказа князя Г.С. Голицына, единственного из череды российских наместников, занимавшего антиармянскую позицию, близкую даже к армянофобии. В публицистике того времени армянофобскую позицию с использованием расистских доводов занимали В.Л. Величко, А.С. Суворин, И.Г. Чавчавадзе. Величко писал, что неблагонадежность армян определяется расовым инстинктом ненависти к любой государственности [25]. Конфликт с российскими властями приобрел наибольшую остроту в 1903 году в связи с реализацией императорского указа о конфискации имущества армянской церкви [26].

«Черным пятном» отношения к армянскому вопросу в советский период истории явилось сотрудничество большевиков с кемалистским режимом, включая финансовую помощь и поставку вооружения. Московский, а затем и Карсский договор передавали часть армянских земель Турции. Впоследствии, столкнувшись с враждебностью кемалистской Турции, в руководстве СССР осознали ошибочность данных шагов. При Сталине предпринимаются попытки воссоединения армянских земель в составе Советского Союза. Но уже в 1953 году СССР специальной нотой отказывался от территориальных претензий к Турции, идя, таким образом, на уступки в решении армянского вопроса [27]. Не поддержало союзное руководство и позицию армян по Нагорному Карабаху. О той, кого следовало поддержать Москве во время эскалации карабахского конфликта, проявится через несколько лет. В 1994 году начнется Чеченская война, и на стороне сепаратистов будут воевать полевые командиры Шамиль Басаев, Салман Радуев, Хаттаб, воевавшие ранее в Карабахской войне на стороне Азербайджана. Вначале они сражались против армян, затем – против русских [28].

Несмотря на отдельные исторические прецеденты и даже периоды, в целом российский цивилизационный проект как в имперской, так и советской модификации был из больших проектных версий наиболее комплиментарен к армянской идентичности и армянским национальным интересам. Идеологическое самоопределение России сегодня имеет ввиду безнадежности ставки на других геополитических субъектов принципиальное значение для судьбы армян. Не всякий из потенциально генерируемых в современной России проектов может быть приемлем для армянского народа и принят армянами в качестве своего.

На настоящее время идентифицируются три российские проектные перспективы. Первый проект – русского этнического, шире русско-славянского самоопределения. Он может быть представлен в этнической интерпретации концепта «русского мира» с перспективой установления модели этнократии. Поддержан армянами этот проект объективно быть не может. Более того, его реализация составляет физическую угрозу, по опыту Османской империи, для армянского, впрочем, как и всего иного нерусского населения России.

Второй потенциальный проект – евразийский. Он уже частично берется на вооружение российской властью. Евразийство действительно позволяет России обозначить вектор азиатских геополитических интересов. Но становясь государственной идеологией, евразийская доктрина обнаруживает и очевидные угрозы для российской цивилизации, связанные с фактором тюркизации. Еще евразийцы первой волны писали о славяно-тюркском союзе как основе представляемого ими проекта. Но тюркские народы составляют в современной России менее 10 % населения, что несопоставимо с долей русских, а потому предлагаемый союз не выглядит объединением численно паритетных сил. Для армян же союз с тюркоязычными народами невозможен, так как автоматически упирается в обстоятельства армяно-турецких и армяно-азербайджанских отношений [29].

Третий проект идеологического самоопределения России условно может быть определен как неовизантийский. Поскольку именно в нем видится возможность для армян мира обретения большой проектной перспективы, остановимся на его содержании более акцентировано.

И для Запада, и для Османской империи сам факт существования исторически Византийской цивилизации наносил удар по принятой версии исторической легитимности. Выработался «византийский комплекс», переносимый в виде проявляемых фобий на легитимных цивилизационных преемников Византии. Россия, напротив, выводила идеологически свое преемство от Восточно-Римской империи. Армяне же в Византии оказывались и вовсе одним из осевых, государствообразующих народов. Арабские средневековые источники определяли Византию в качестве Армянского государства. Многие современные исследователи характеризуют византийскую цивилизационную общность как греко-армянскую.

Фиксация осевого значения для Восточно-Римской империи значения армянского фактора выводит на понимание цивилизационной миссии армян как носителей идеи Византийской цивилизации. Существует армянский национальный проект, оперирующий пространством Великой Армении. Но есть и цивилизационный проект, связанный с воссозданием великой Византийской цивилизации. Первый проект имеет меньший масштаб, но он и менее достижим, ввиду отсутствия других геополитических интересантов, готовых бы поддержать армян в его реализации. Но вот неовизантийский проект может стать действительным объединяющим фактором для многих. В настоящее время страны, входящие когда-то в ойкумену Византийской цивилизации, оказались на периферии новой западноцентричной мир-системы. Им отведено место стран второго и третьего сорта. Кто-то был допущен в Европу на правах второсортности, кому-то и в этом праве отказано. Создание собственной системы стало бы для поствизантийских стран реальной альтернативой западноцентризму. Для православных стран и православных автокефальных церквей неовизантийский проект – единственный реальный путь объединения. Речь при этом не должна идти о религиозной тоталитарности. Мусульмане заинтересованы в неовизантийском объединении не менее православных христиан. Этот проект был бы для них реальным выходом из экстремальной дихотомии – секулярное западничество – халифат по лекалам ИГИЛ. Армяне, проживающие компактными общностями фактически в каждой из стран региона, могли бы стать движущей силой нового проекта.

И наконец, Россия... России необходимо артикулировать проект альтернативного мироустройства. Попытки организации антироссийской блокады направлены как раз на то, чтобы лишить ее этой перспективы. Неовизантийский проект открывает перед Россией ряд возможностей.

Во-первых, во внутреннем преломлении акцентируется тема российской цивилизационной идентичности, связанной с православным выбором равноапостольного Владимира.

Во-вторых, выдвигается российская альтернатива западноцентричному мироустройству, не имеющая, вместе с тем, исключительно русской маркировки, что могло бы оттолкнуть другие страны и народы.

В-третьих, осуществляется развертка геополитической игры в ключевом регионе геоэкономических потоков (Европа – Азия – Африка).

В-четвертых, через апелляцию к поствизантийской общности снимается конфликт православных стран России с Украиной и Грузией.

В-пятых, появляются дополнительные возможности обеспечения переориентации балканских стран от ЕС на Россию, выступающую объединяющим актором поствизантийского пространства.

В-шестых, создается реальная сила противодействия экспансии радикальных течений в идеологии неохалифата, которая рано или поздно, при отсутствии должного противодействия, обрушится и на Россию.

В-седьмых, через выдвигание маркера неовизантийской общности гасится острота ряда перманентных конфликтов в регионе, в которые вовлечены партнеры России.

В-восьмых, через соединение неовизантийского и евразийского проектов снижаются для России издержки последнего, связанного с возрастом зависимости от Китая.

Неовизантийский проект должен быть позиционирован, прежде всего, как проект геокультурный и геоэкономический. Надо ожидать попыток представить его противниками в качестве новой версии русского империализма. Но потребность в движении от раскола поствизантийской ойкумены к ее интеграции в условиях современных кризисов, военной эскалации и западного доминирования ощущается как никогда остро.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993.
2. Лалаян М.А. Движения цехакронизма и таронизма и деятельность Гарегина Нжде. – Ереван: Националистический клуб, 2001.
3. Бербероглу Б. Национализм и этническое соперничество в начале двадцатого столетия: акцент на армянской общине в Турции эпохи Османской империи. – URL: <http://novarm.narod.ru/arch112006/berber.htm>.
4. Gulbenkian C.S. The man and his work. – Lisbon: Gulbenkian Foundation Press, 2010.
5. Инджикян О.Г. Буржуазия Османской Империи. – Ереван, 1977. – С. 11–14.
6. Novannisian R.G. The Armenian genocide: history, politics, ethics. – Palgrave Macmillan, 1992; Melson R. Revolution and Genocide: On the Origins of the Armenian Genocide and the Holocaust. – University of Chicago Press, 1996; Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. – М.: Крон-пресс, 1999.
7. Эрдоган предложил «проверить кровь» депутата бундестага. – URL: <http://ria.ru/world/20160606/1443514529.html>.
8. Дугин А.Г. Русско-армянский саммит. – URL: <http://katehon.com/ru/directives/russko-armyanskiy-sammit>.
9. Blow D. Shah Abbas: The Ruthless King Who became an Iranian Legend. – London, 2009.
10. Пигулевская И.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 1958.
11. Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/turkman.htm>.
12. Султанов Ч.А. Последний удар Империи. Баку, 20 января 1990 г. – Баку, 2004. – С. 92.

13. Погосян С.С. Ось «Москва – Ереван – Тегеран»: историографические и политологические сценарии // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2007. – № 2.
14. Представитель Хаменеи в поддержку Азербайджана против Армении. – URL: <http://haqqin.az/news/67658>.
15. Католическая энциклопедия. – М.: Издательство францисканцев, 2007. – Т. 3. – С. 678–679.
16. Восточные Католические Церкви. 2015. – URL: <http://www.cnewa.org/source-images/Roberson-eastcath-statistics/eastcatholic-stat15.pdf>.
17. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. – Т. II. – СПб., 1888. – С. 52–58.
18. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. – Т. 2. – М., 1957. – С. 390.
19. Германия признала геноцид армян. – URL: <http://riatribuna.ru/news/2016/06/03/78053>.
20. В Палате лордов британского парламента прошли слушания относительно признания геноцида армян. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1268927.html>.
21. Армяне-протестанты. – URL: http://noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=4619.
22. Buzanski P.A. Admiral Mark L. Bristol and Turkish-American Relations, 1919–1922. Unpublished Ph.D. Dissertation. – University of California at Berkeley, 1960.
23. Галоян Г.А. Армения и великие державы 1917–1923 гг. – Ереван, 1999; Зограбян Э.А. Армяно-турецкая война 1920 г. и державы. – Ереван, 1997; Карапетян М.С. Армения в 1912–1920 гг. – Ереван, 2003.
24. Мошкин С.В. «Рука Москвы» в истории вступления Турции в НАТО. – URL: // <http://www.politex.info/content/view/642/30>; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов: В 6 т. – М.: Политиздат, 1984. – С. 216–217.
25. Величко В.Л. Полн. собр. публиц. соч. В 2-х тт. – Т. 1. Кавказ: Русское дело и междуплеменные вопросы. – СПб., 1904; Т. 2. Русские речи. – СПб., 1905.
26. Ковалевский М.М. Армянский вопрос // Вестник Европы. – 1915. – № 6.
27. Заявление советского правительства правительству Турции. Москва. 30 мая 1953 г. – URL: <http://www.obraforum.ru/pdf/fourth.pdf>.
28. Азербайджанский ветеран карабахской войны: Басаев и Радуев оказали нам неоценимую помощь: Нагорный Карабах за неделю. – URL: <https://regnum.ru/news/393591.html>.
29. Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. – М.: Евразия, 2004.

РОССИЙСКИЕ АРМЯНЕ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ (на примере англоязычных публикаций XIX века)

Минасян Арсен Аркадьевич

кандидат исторических наук, помощник ректора по общим вопросам
старший преподаватель кафедры «Межкультурные коммуникации»
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Поволжский государственный университет сервиса»,
г. Тольятти, Россия
e-mail: minasyan.tlt@gmail.com

Аннотация. В статье представлены малоизвестные сведения о российских армянах. Анализируются оригинальные англоязычные источники XIX века. Интерес иностранцев к России всегда был разнообразным и неоднозначным. Подтверждением этому служат иностранные публикации, которые оставили нам путешественники, историки, географы, инженеры и др. В их записях немало страниц отведено российским армянам. Автор выбрал важное направление иностранных работ, описывающее личные впечатления, мнения иностранцев о российских армянах, их культуре и быте. Это нарративный материал, основанный на непосредственных контактах с российскими армянами, следовательно, исследователи не имели какого-либо интереса исказить реальную картину российской действительности.

Ключевые слова: российские армяне; адаптация; коммерческий дар; национальный менталитет; самобытность.

RUSSIAN ARMENIANS THROUGH THE EYES OF FOREIGNERS (on the example of English-language publications of the XIX century)

Arsen A. Minasyan

Assistant to the Rector for General Affairs, Senior Lecturer
of the Department of Cross-cultural Communication
Volga Region State University of Service
Togliatti, Russia
e-mail: minasyan.tlt@gmail.com

Abstract. The article presents little-known information about the Russian Armenians; original English-language sources of XIX century are analyzed. The interest of foreigners to Russia has always been diverse and ambiguous. This is confirmed by the foreign publications, that travelers, historians, geographers, engineers etc. left us in their records, where many pages devoted to the Russian Armenians. The author chose an important area of foreign papers describing personal experiences, opinions of foreigners about Russian Armenians, their culture and way of life. This narrative material based on direct contacts with the Russian Armenians; therefore, the researchers did not have any interest to distort the real picture of Russian reality.

Keywords: Russian Armenians; adaptation; commercial gift; national mentality; identity.

В XIX веке на просторах России армянина можно было встретить повсеместно, но все же большая их часть расселилась в южных губерниях.

В переведенных на русский язык работах иностранцев, описывающих южные регионы Российской империи, много внимания уделяется социально-экономическим причинам массовых переселений армян и непростым процессам адаптации и их обустройства на новом месте. Однако труды, где показываются нравы, обычаи, традиции, повседневная культура армянского народа, оказались вне поля зрения переводчиков прошлого и современного времени. Это обедняет историческую науку, особенно в части кросскультурных исследований. Мнение иностранцев об армянах, как своеобразный взгляд со стороны, позволяет непредвзято выявить некоторые черты менталитета российских армян. Несмотря на то что эти публикации относятся к XIX веку, они актуальны и сегодня, т.к. заложенный тогда в менталитет армян дополнительный компонент сделал их действительно российскими армянами.

Публикации начала XIX века несут на себе недоброжелательное отношение, уже сформировавшееся у жителей Западной Европы по отношению к России. Мало кому из путешественников удалось избавиться в своих публикациях от этого клише. Приятным исключением является работа «Путешествие по Северной Азии» («Travels in Northern Asia», Dublin, 1823) Кристофера Бентама (Christopher Bentham), в которой описывается путешествие капитана Блиссэ и Уильяма Уолша. В записях о периоде их пребывания в г. Астрахани мы находим информацию об армянах, проживающих в городе. Путешественники отмечают, что в Астрахани они обнаружили много хлопковых и шелковых мануфактур, упоминают про червеца кошенильного, используемого для получения красителя кармина, который в больших количествах шел в то время на экспорт. Примечательно то, что капитан Блиссэ не скрывает своего

удивления от того, что увидел процветающие шелковые мануфактуры в столь нецивилизованном, как он выражается, месте, как Астрахань [1].

Опираясь на рассказ местного банкира, они констатируют, что переселившиеся армяне, у которых этот промысел был развит в Армении, являясь хорошими мастерами, основали в Астрахани успешные предприятия. В городе в то время работало не менее 50 шелковых мануфактур, и всеми ими владели армяне. В народе даже бытовало мнение, что где бы вы ни встретили обособившихся армян, вы всегда могли увидеть работающие станки [2].

Блиссэ и Уолш обращают внимание на интересную особенность многонациональной Астрахани: «В Астрахани проживало около 20 национальностей: русские, греки, армяне, казаки, поляки, венгры, турки. Разговаривали на разных языках, носили разные костюмы, но жили вместе в дружбе и согласии» [3].

Много любопытной и полезной информации об армянах и городе Нахичевань можно найти в книге «Путешествие в степи Каспийского моря, Крым, Кавказ...» («Travels in the Steppes of the Caspian Sea, the Crimea, the Caucasus, &C», London, 1847). Авторами книги являются географ, инженер, путешественник Ксавье Омер де Гелль и его супруга Адель Омер де Гелль, французская писательница, путешественница, член Французского географического общества (Xavier Hommaire de Hell, Adèle Hommaire de Hell).

Путешествие начинается с города Нахичевань и датируется маем 1838 года. Авторы называют Нахичевань изящным армянским городом: «Войдя в город, вы будете удивлены видами Востока, своенравной архитектурой строений и красотой азиатских фигур, которые предстанут перед вами. Побуждаемые нашими воспоминаниями о Константинополе, мы без промедления посетили каждый квартал города» [4].

Для нас не в меньшей степени важны их довольно подробные описания быта, нравов и внешности местных армян: «При виде женщин, с лицами, покрытыми вуалью, волочащими свои желтые туфли с неподражаемой беззаботностью, восточных костюмов, длинных седых бород купцов, сидящих на корточках напротив своих лавок, и базара наполненного товарами из Азии, мы ощущали себя перенесенными в какой-нибудь из торговых кварталов Стамбула: иллюзия была полной. Лавки изобилуют вещами, многие из которых показались нам весьма любопытными (странными). Армяне великолепные мастера по серебру. Нам показали несколько седел, необыкновенной красоты, предназначенных для кавказских вождей. Одно из них было покрыто синим бархатом, украшенное черными серебряными пластинами, массивными серебряными стременами и уздечкой, украшенной бриллиантами. Это был заказ для юной черкесской принцессы. Здесь, как и в Константинополе, каждый вид товара имел свой отдельный базар, и лавки там держали только мужчины» [5].

Супруги Омер де Гелль отмечают, что армянский город, находящийся на берегу Дона, в самом сердце земель, занятых казаками, это еще одна особенность,

которую можно встретить только в России. Авторы вопрошают: «... Что же явилось причиной тому, что эти дети Востока перенесли себя внутрь региона, где ничего не гармонирует с их манерой бытия: где язык, привычки и потребности местных жителей диаметрально противоположны с их стилем жизни и где сама природа напоминает им своими суровыми знаками, что их присутствие здесь не что иное, как случайность. Это правда, что армяне по существу космополиты и адаптируются к любому климату и правительству, если их имущественные интересы требуют того. Трудлюбивые, умные, бережливые, они преуспевают везде, и коммерция появляется с их присутствием в каждом месте, где они обосновываются. Таким образом, этим городом стал Нахичевань...» [6].

Авторы делают некоторые меткие замечания, касающиеся благосостояния армян в России. По их мнению, только армяне могли действовать так успешно и найти способы процветания в розничной торговле: ничто не могло спрятаться от их пронизательности; любой источник дохода широко использовался ими; не ограничивали себя в рамках местной торговли. Кроме того, отмечают они, на юге России нет ни одной ярмарки, которую бы не посещали торговцы из Нахичевани: «...Поставка одежды и оружия для жителей Кавказа является одной из основных отраслей коммерции для этих армян. Они поддерживают очень тесную связь с горцами и даже обвиняются в служении им в качестве шпионов. Что касается их социальных привычек, армяне в Нахичевани такие же, какие они в любом другом месте; они могут поменять страну и свое одеяние, но их нравы и обычаи не претерпевают каких-либо изменений...» [7].

Омер де Гелль нередко используют красивые аллегории в описаниях, которые только добавляют аргументов в их правдивом рассказе: «Их раса (нация), как дерево, ствол которого почти разрушен, но которое подбрасывает в каждой точке новые побеги, неизменные по своей природе и отличающиеся друг от друга только в некоторых внешних деталях» [8].

Похожие наблюдения о том, что армяне вне зависимости от места проживания остаются верны своим традициям и обычаям и, что самое важное, религии, мы встречаем у многих иностранных и российских авторов.

Супруги Омер де Гелль также не обходят вниманием и практические стороны бытия российских армян. Характеризуя астраханских армян, они отмечают их особый коммерческий дар: «...Армяне держат здесь лавки, впрочем, как и везде по всему миру; несмотря на свою религию, которая могла бы заставить их слиться с жителями Запада, они придерживаются в нравах и обычаях всего того, что принадлежит Востоку. Армянин несет повсюду с собой дух движения, дух, который является общим для него с евреями; постоянно в работе над каким-нибудь делом; готовый ухватиться за проносящийся мимо шанс...» [9].

От внимания авторов не ускользает этническое своеобразие в женских образах и костюмах: «Коричневая мантия, в которую окутывает себя армянка

в Константинополе, здесь уступила место длинной, черной парандже, которая покрывает ее с головы до пят. Это одеяние, которое очень хорошо подчеркивает фигуру и ниспадает изящными складками до пят, напоминает элегантные линии некой греческой статуи. Что делает сходство еще поразительнее, так это то, что армянки особенно удивительны своей величавой осанкой и суровыми, благородными чертами лица» [10].

Книга «Путешествие по Центральному Кавказу и на Башан (Васан): Включая поездку к Арарату и в Тебриз и восхождение на Казбек и Эльбрус», («Travels in the Central Caucasus and Bashan: Including Visits to Ararat and Tabreez and Ascents of Kazbek and Elbruz», London, 1869), по нашему мнению, является существенным дополнением работы супругов Омер де Гелль. Хотя интервал между работами составляет несколько десятилетий, это является, скорее, преимуществом для исследователей. В этой работе имеется большой пласт материалов о личных встречах путешественников с известными российскими армянами.

Большую ценность представляют материалы, описывающие именно впечатления путешественников от такого общения. Например, Дуглас Уильям Фрешфилд (Douglas William Freshfield), британский юрист, альпинист, член Королевского географического общества, повествует о своей встрече в Пятигорске с генералом Михаилом Тариэловичом Лорис-Меликовым: «... Лорис-Меликов, будучи армянином по происхождению являл собой пример многочисленных случаев достижения успеха на дипломатической службе представителями этой умной нации, которая, как и греки, кажется способным преуспевать везде, но только не дома (на родине)...» [11].

Стоит отметить, что это наблюдение Д.У. Фрешфилда относится к армянскому менталитету не только XIX века. Общеизвестно, что и в XXI веке армяне за пределами исторической родины добиваются больших успехов, в том числе и в России.

Много и интересно о российских армянах писал английский путешественник и писатель XIX века Эдвард Даниэл Кларк (Edvard Daniel Clarke). В книге «Путешествие по разным странам Европы, Азии, Африки: Россия, Тартария, и Турция» («Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tartary, and Turkey», Vol. 1. London, 1816) Кларк описывает свое пребывание в Нахичевани. В этот город он направился после посещения Аксая и Черкаска. Нахичевань был основан за 20 лет до его прибытия, и Кларк отмечает, что даже за такой короткий промежуток времени город достиг процветающего состояния [12]. По мнению Э.Д. Кларка, Нахичевань являет собой пример того духа коммерческой предприимчивости, который характерен для армянских купцов [13]. В городе основным являлся кожевенный промысел [14].

Э.Д. Кларк, по всей видимости, впервые так подробно описывает город и его обитателей: «... За версту от форта Ростов находится большой армянский город, Нахичевань, названный в честь древнего города. Мы провели вечер,

осматривая его. Уверяют, что в городе 1500 семей. Есть четыре церкви и два больших базара, которые очень многолюдны... У нас было письмо к одному из жителей города, в звании полковника, и чей сын был одним из учеников мистера Андре (из Ростова), и нашего переводчика. Его фамилия была Абрамоф. Я обнаружил, что армяне обычно выражают свои фамилии таким образом, к именам своих родителей прибавляют окончание «оф», что является признаком знатности. Его два сына служили в военно-морском флоте России: и слыл он обладателем огромного состояния. Его дом был хорошо меблирован, имелся бильярдный стол, и другие европейские предметы роскоши: но все же все садились, скрестив ноги, кроме хозяина, чья одежда тоже была на европейский манер. У него было несколько богато украшенных, любопытных сабель и кинжалов, которые он нам продемонстрировал с особой гордостью. Он рассказал, что он сам и большинство жителей города эмигрировали из Крыма во время волнений...» [15].

Любопытны заметки Э.Д. Кларка, касающиеся внешности армян. Кроме того, он дает далеко не восторженные этнические характеристики, которые, по его мнению, сложились в среде русских современников. «Почти все женщины ходят под вуалью (паранджа), но мы улавливаем проблески чрезвычайной красоты... Мужчины тоже красивые, статные; но у них есть что-то еврейское в выражении лица. Русские заявляют, что у них у всех присутствует естественный неприятный запах, примерно такой который мы приписываем евреям. Они очень не любят их; существует поговорка, “Два еврея равны одному армянину; два армянина одному греку; два грека одному дьяволу”» [16].

В своей книге Э.Д. Кларк отмечает, что армяне пользуются большими привилегиями и благосклонностью со стороны российского правительства. А многие из благороднейших семей имеют смесь их крови. В качестве примера он приводит такие фамилии как Багратионы и Долгорукие. Остается догадываться, почему автор в этом случае не написал полную фамилию князей Аргутинских-Долгоруких, тем самым вводя в заблуждение рядового читателя, т.к., очевидно, что речь идет именно об этом роде [17].

В заметках Э.Д. Кларка о путешествии в Астрахань мы встречаем подробное описание женского костюма: «Костюм армянской женщины в Астрахани самый богатый в России. Удивительно как они выдерживают вес своего наряда. Внутренняя мантия шита из шелка и золота; вторая из черного бархата, тяжело нагруженная золотом и жемчугами. Третье, либо наружное, облачение почти полностью из золота, с тяжеловесной вышивкой, с золотыми пуговицами, золотыми кисточками, бахромой и т.п. Белый тюрбан нависает на левое плечо и скрывает лицо, кроме носа и глаз. Та часть волос, которые остаются непокрытыми, обычно накладные; два густых локона, закрученные вперед до ушей» [18].

В целом правдивые наблюдения Э.Д. Кларка подтверждают многочисленные исторические факты о том, что где бы не селились армяне, везде они пытались

не только обустроиться и наладить свой быт, но и всеми силами старались облагородить новое место проживания.

Описание внешности армян и сравнение их с другими нациями мы находим в работе капитана Ричарда Вилбрама (Richard Wilbraham), автора книги «Путешествие в Закавказские провинции России: и вдоль южного побережья озёр Ван и Урмия, осенью и зимой 1837 г.» («Travels in the Trans-Caucasian provinces of Russia: and along the southern shore of the lakes of Van and Urumiah, in the autumn and winter of 1837», London, 1839).

Капитан описывает, как, будучи в Кисловодске, обедал в курортной гостинице и там помимо него обедали еще два человека, один из которых оказался армянином. Капитан находит, что его вполне могли принять за итальянца; и вообще, он замечает, что и черты лица и оживленная манера (жестикаляция) европеизированного армянина приближают его больше к итальянцам, чем к какой-либо другой нации [19].

Капитан Р. Вилбрам с большой теплотой отзываясь об армянах. Примечательно, что, как и Омер де Гелль, Вилбрам указывает на удивительную стойкость армянских переселенцев в вопросе сохранения религии и национальной самобытности: «Армяне замечательный народ, и очень жаль, что их древней истории пришлось остаться в такой безвестности. Как и евреи, они разбросаны по всему миру и сохранили, в центре иностранных государств (среди других наций), свою религию, свой язык, помимо многих особенностей нравов и внешнего вида. Своим усердием и предприимчивостью они преуспели в монополизации почти всей торговли и коммерции на востоке, составили состоятельную часть населения и Персии и Турции. В Турции, в особенности, они посвящали себя выгодным призваниям, благодаря гордыне и лени турок, которые считали ниже своего достоинства следовать каким-либо торговым занятиям» [20].

Автор также описывает свою встречу с князем Василием Осиповичем Бебутовым: «...Князь любезно принял меня, сразу дал распоряжение, чтобы предоставили мне лошадей, но с условием, что я непременно попробую местную еду, и был объявлен обед. Губернатор был армянин по рождению, но служил много лет в русской армии, с которой дошел до Франции и где получил звание генерал-майора. Его манеры были изысканными, и он разговаривал на довольно беглом французском» [21].

Характеристики армян в книге Р. Вилбрама особенно ценны тем, что его впечатления и наблюдения подкреплены результатами личного общения с российскими армянами.

Одним из первых, кто «познакомил» Западную Европу с Кавказом, с его обычаями, традициями, религиозными верованиями, был испанский эмигрант, офицер, дон Хуан Ван Гален (Juan Van Halen). По пути на Кавказ он пересек практически всю страну, и довольно много любопытной информации об армянах нашли отражение в его книге «Повествование о тюремном заключении дона Хуана Ван Галена в застенках инквизиции в Мадриде и его

побег в 1817 и 1818 гг.: к которому, добавлено его путешествие в Россию...», том II («Narrative of Don Juan Van Halen's Imprisonment in the Dungeons of the Inquisition at Madrid, and His Escape in 1817 and 1818: To which are Added, His Journey to Russia», Vol. 2. London, 1827). Работа Хуан Ван Галена написана на основе воспоминаний о пребывании в России. Он, видимо, являлся очевидцем и участником некоторых исторических событий, связанных с присоединением Кавказа к Российской империи в XIX веке.

В августе 1819 года Ван Гален был направлен в Кизляр для представления генералу Ермолову. В записях о Кизляре автор упоминает армян и останавливается на их роли в экономической жизни города: «Одним из основных источников дохода в Кизляре являются виноградники, где производятся превосходные вина, основная часть из которых это бренди, потребляемая в самой России и в соседних провинциях Кавказа. Наш армянский хозяин, Арчиф, который был одним из крупнейших владельцев виноградников в окрестностях Кизляра, привел нас в свой загородный дом, где мы обнаружили огромное количество сборщиков винограда, активно занятых сбором на виноградниках. Удобства, представленные в доме, превосходные вина, в огромных количествах находящиеся в его огромных погребах, изобилие фруктов, которые преподнесли нам во время веселого банкета, и счастливые лица виноградарей, – всё это очень сильно напоминало восхитительные деревенские (загородные) гуляния, которые проходят в этот сезон в Испании» [22].

Покинув Кизляр, Ван Гален направился в Тифлис, где пробыл до декабря 1819 года. Об армянском населении Грузии Ван Гален писал: «Армяне, которые по причине своей религии были принуждены регулярно искать прибежище в Грузии, за счет неприятностей, которые они терпели от турок и персов, к 1820 году составляли более четверти населения Грузии и более половины населения Тифлиса. Практически вся коммерция здесь в руках армян. Их страсть к торговым делам освобождает их от лени и праздности, которая так присуща среди азиатов... Евреи отнюдь не многочисленны здесь и составляют очень нуждающийся и ничем не примечательный класс людей. Это может быть связано с активностью армян в любой сфере торговли» [23]. Труды Ван Галена до сих пор по достоинству не оценены российской историографией и не переведены на русский язык.

К этой же категории можно отнести труд шотландского доктора, путешественника, переводчика Роберта Лайела (Robert Lyall) – «Путешествие в Россию, Крым, Кавказ и Грузию», том I («Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus, and Georgia», Vol. 1. London, 1825). В этой работе, наряду с другой интересной для историков информацией, приводятся данные, свидетельствующие о коммерческой активности армян. В качестве примера Р. Лайел описывает провинциальный город Нежин (ныне город областного значения в Черниговской области Украины). В XIX веке помимо русских и казаков в городе проживало много греческих семей, пользовавшихся теми же льготами российского

правительства, что и армяне. Общее количество населения Нежина составляло примерно 12 тысяч человек. Р. Лайел отмечал, что значительная доля процветающей коммерции Нежина находилась в руках греков и армян. Они имели обширные связи с Турцией, Польшей и Силезией и др. [24].

Список не переведенных работ о российских армянах можно продолжить. В XIX веке в силу русификаторской политики самодержавия интерес к ним искусственно сдерживался. Сегодня все барьеры сняты и требуется только инициатива армянской общественности России.

Для армянской диаспоры в России немаловажно иметь дополнительные подтверждения тому, что армяне активно участвовали во многих важнейших событиях русской истории, будучи российскими подданными, но при этом продолжая оставаться представителями самобытной армянской нации и ее культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Bentham C. Travels in Northern Asia. – Dublin: Christopher Bentham, 1823. – P. 57.
2. Ibid. – P. 57.
3. Ibid. – P. 58.
4. Hommaire de Hell X., Hommaire de Hell A. Travels in the Steppes of the Caspian Sea, the Crimea. – London: Chapman and Hall, 1847. – P. 94.
5. Ibid. – P. 95.
6. Ibid. – P. 95.
7. Ibid. – P. 95.
8. Ibid. – P. 95.
9. Ibid. – P. 178.
10. Ibid. – P. 179.
11. Freshfield D.W. Travels in the Central Caucasus and Bashan: Including Visits to Ararat and Tabreez and Ascents of Kazbek and Elbruz. – London: Longmans, Green, & Company, 1869. – P. 390.
12. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tartary, and Turkey. – London: T. Cadell and W. Davies, 1816. – Vol. 1. P. 397.
13. Ibid. – Vol. 1. P. 402–403.
14. Ibid. – Vol. 1. P. 397.
15. Ibid. – Vol. 1. P. 397.
16. Ibid. – Vol. 1. P. 398.
17. Ibid. – Vol. 1. P. 398.
18. Ibid. – Vol. 1. P. 405.
19. Wilbraham R. Travels in the Trans-Caucasian provinces of Russia: and along the southern shore of the lakes of Van and Urumiah, in the autumn and winter of 1837. – London: J. Murray, 1839. – P. 152–153.

20. Ibid. – P. 351–352.
21. Ibid. – P. 103–104.
22. Van Halen J. Narrative of Don Juan Van Halen's Imprisonment in the Dungeons of the Inquisition at Madrid and His Escape in 1817 and 1818: To which are Added His Journey to Russia. – London: Colburn, 1827. – Vol. 2. P. 451.
23. Ibid. – Vol. 2. P. 269.
24. Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. – London: Cadell, 1825. – Vol. 1. P. 71.

ДАШНАКСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ НАЧАЛА XX в.

Манукян Сурен Альбертович

кандидат исторических наук, исследователь

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: surdashnak@mail.ru

Аннотация. В статье дается обзор дашнакской периодической печати, издававшейся на территории Российской империи на армянском языке. На основе материалов Национального архива Армении автор оценивает содержание и основную направленность дашнакской периодической печати. Многие статьи носили откровенно революционный характер и были направлены против существующего строя. По его мнению, причиной быстрого закрытия этих изданий стала не только жесткая цензурная политика правительства, но и финансовые сложности, которые возникали на местах.

Ключевые слова: периодическая печать; газеты; Дашнакцутюн; пропаганда; цензура.

DASHNAK PERIODICALS OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Suren A. Manukyan

Ph.D., free researcher

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: surdashnak@mail.ru

Abstract. The article provides an overview of the Dashnak periodicals, published in the Russian Empire in Armenian language. On the basis of the Armenian National Archive materials author assesses the content and the main thrust of the Dashnak periodicals. Many articles were openly revolutionary and were directed against the existing system. According to him, the reason for the rapid closure of these publications was not only harsh censorship policy of the government but also local financial difficulties.

Keywords: periodicals; newspapers; Dashnaktsutyun; propaganda; censorship.

В деле пропаганды и агитации, партия Дашнакцутюн, как и другие политические партии, важное место отводила партийной печати. В Уставе партии указывалось, что «пресса дашнакцаканов обязана аккуратно следовать проекту организации и распространять те идеи, которые служат основанием проекта». Официальным центральным органом Союза являлась газета «Дрошак», но районным собраниям также давалось право в своих районах основывать официальные районные органы, давая им инструкции, и если нужно, материальную помощь...» [1].

Без всякого сомнения, главным печатным органом партии Дашнакцутюн стала газета «Дрошак» («Знамя»). Понятно, что в условиях жесткой царской цензуры долгое время издавать ее в России было невозможно, поэтому её редакция была перенесена за рубеж. В силу этих причин она оказалась вне досягаемости от цепких рук царской охранки.

В декабре 1905 г. в Тифлисе начала издаваться ежедневная газета «Арач» («Вперед»), издателем которой стал Мнацаган Налбандян, а редактором – агроном Аветик Саакян. Газета имела революционную направленность и активно пропагандировала идеи партии Дашнакцутюн. Не случайно, выход ее первых номеров был активно поддержан коллегами из официального партийного органа «Дрошак». Одновременно с этим партия предприняла энергичные меры к распространению этого издания путем его рассылки в разные города и селения Кавказа. При этом в особом воззвании указывалось на необходимость ассигновать из партийных средств по 7 руб. на выпуск дашнакской газеты «Арач».

Что из себя представляло содержание газеты? Уже в первом ее номере было размещено воззвание от 11 декабря 1905 г., в котором речь шла о том, что партия Дашнакцутюн, которая ранее ограничивалась защитой мирного армянского населения от набегов реакционной «татарской толпы», теперь решила присоединиться к всеобщей политической забастовке, которая была объявлена в России. Партия призвала прекратить работу всех заводов и торговых заведений, сделав исключение лишь для тех торговых точек, которые торговали съестными продуктами. В следующих номерах газеты помещались сведения о митингах, собраниях и лекциях, проводимых членами партии Дашнакцутюн, опровергались распространявшиеся по городу лживые слухи о намерении дашнаков напасть на войска, печатались различные сообщения из Баку, о деятельности партии и ее отдельных членах. Газета просуществовала два месяца и была закрыта в начале 1906 г. по распоряжению Наместника на Кавказе за ее «вредное направление» [2].

С 27 апреля 1906 г. начала выходить газета «Алик», редакторами которой стали доктор Тадевосян и писатель Аветис Агоранян. Точно также, как и предыдущая, газета «Алик» помещала разного рода сообщения о деятельности партии Дашнакцутюн. Так, в газете были указаны сведения о прошедших выборах попечителей гимназии Нерсесян в Тифлисе и о победе

дашнакских кандидатов над кандидатами «блока клерикалов-консерваторов и демократов», давались сведения об объявленной забастовке рабочих под руководством Тифлисского стачечного бюро партии Дашнакцутюн, об образовании профессиональных союзов той же партии, о происходивших собраниях этих союзов, публиковалась информация об изданиях библиотеки «Арч», сообщалась важная информация о том, что некие самозванцы и «темные личности» от имени партии дашнаков злоупотребляли ее именем в своих личных целях и что такие личности заслуживают сурового наказания. В газете также печаталась информация о роспуске Государственной Думы I созыва, призывы к борьбе с правительством, давалась информация о деятельности дашнакских организаций Карса, Александрополя, Елизаветополя и других городов. И эту газету постигла аналогичная участь: через два месяца она была закрыта за «вредное направление» [3].

С января 1907 г. начала выходить газета «Жаманак» («Время»), редакторами которой стали известный член партии дашнаков Саркис Манасянц и доктор Тер-Микаэлян. Она также провозглашала дашнаков истинными защитниками гонимых и угнетенных и давала примеры самоотверженности и героизма ее членов. В одном из номеров этой газеты (№ 9 от 13 января 1907 г.) была помещена обширная статья под названием «Что будет с Дашнакцутюн?». Автором этой статьи, как выяснилось позднее, был инженер Ованес Качазнуни. Статья эта носила полемический характер, в ней автор возражал против мнения некоего Маркосяна, утверждавшего в газете «Мшак», что партия Дашнакцутюн создана для Турецкой Армении и ареной ее деятельности должна быть исключительно Турция, а не Россия. Качазнуни указывал, что если Россия встала на революционный путь, то никакая другая организация, за исключением дашнаков, не могла бы участвовать в освободительном движении, которое в интересах полуторамиллионного армянского населения, проживающего в России. А в случае нужды Дашнакцутюн в силах позаботиться не только о турецких, но и о персидских, болгарских и египетских армянах.

На страницах газеты была помещена т.н. «Инструкция тифлисскому кандидату», из которой следовало, что выступивший на собрании выборщиков Симон Заварян заявил, что возрождение России невозможно без борьбы вне стен парламента, что на депутатов возлагается обязанность своими речами помогать угнетенному народу, стремиться к созыву Учредительного собрания с целью осуществления в России полного самоуправления, решения национального вопроса, передачи земли в руки крестьян-земледельцев и осуществления всех требований рабочего класса.

Газета помещала и некоторые другие, несколько необычные материалы. В качестве такового можно привести постановление Айгестанского (Елизаветопольского) комитета партии Дашнакцутюн с призывом к бойкоту товаров виноторговцев «братьев Форрер» за отказ обеспечить семьи рабочих-

армян, пострадавших в ходе армяно-татарских столкновений. Газету постигла та же участь: она была закрыта властями 2 апреля 1907 г. [4].

Газета «Пайлак» просуществовала с января по июнь месяц 1907 г., также являясь органом партии Дашнацутюн. Она помещала сведения о различных видах деятельности партии, об объявлении забастовки рабочих под руководством партии, о бойкоте торговцев, не желавших подчиниться поставленным им требованиям и т.д. И эта газета была закрыта по постановлению Тифлисской судебной палаты.

После закрытия газеты «Пайлак» партийным органом стала газета «Жайр», редактором которой стал Галстян (который вскоре ушел из жизни). Газета «Жайр» выходила с 26 мая по 23 июня 1907 г. Она успела поместить на своих страницах сведения об уставе партии, выработанном на последнем IV съезде партии Дашнацутюн, состоявшемся в Вене. Следствие, которое было проведено в отношении партии Дашнацутюн, установило, что в редакцию газеты поступала и отсюда велась активная переписка группы лиц, которые именовали себя «анджатаканы-младодашнакцаканы» и которые затем откололись от остальной части партии и пополнили ряды социалистов-революционеров.

После закрытия газеты «Жайр» начала выходить новая газета «Хариск», редактором которой значился Аршак Меграбян. И в этом случае редакция новой газеты стала своеобразным организационным центром, куда поступали различные сведения, стекалась партийная переписка, распространялись различные донесения и указания. Известно, что в редакцию поступали сведения, касающиеся преследования партийного провокатора Г. Кешишьяна («Миграна») [5].

Не лучше дело с изданием дашнакской печати обстояло дело и на местах. Многие газеты, возникая, вскоре были вынуждены закрываться, как вследствие действий властей, и ввиду финансовых проблем.

Так, с 1904 г. на Дону дашнаки и примкнувшая к ним часть молодежи издавали еженедельную газету «Агавни» («Голубь»), которая стала постепенно приобретать политический характер. С газетой сотрудничали Александр и Саак Мясникяны, Г. Чубаров. Однако эта газета просуществовала совсем недолго – в 1905 г. она уже была закрыта. В Национальном архиве Армении нам удалось найти вырезанные и вклеенные в 16-страничную тетрадь статьи единственного обнаруженного нами (и скорее всего – единственного из сохранившихся) номера газеты «Агавни» (№ 3 за 26 июля 1905 г.). Среди небольших заметок обращает на себя внимание статья под названием «Маленький обзор» неизвестного автора, которая содержит описание настроения населения России в начале войны с Японией и во время съезда земских деятелей в Санкт-Петербурге в ноябре 1904 г. В конце статьи находится небольшой раздел под названием «Сфера армянского движения», в котором проводится мысль о желательности и возможности образования свободной Армении со ссылкой на произведение некоего Шагамиряна, в котором, по словам автора

статьи, даются контуры государственного строя, формы правления и законодательного устройства, которые должны быть введены в свободной Армении. Речь идет о том, что в произведениях Раффи его самоотверженные герои давали целую программу революционной деятельности, по которой почти и действуют существующие ныне революционные организации. Автор статьи отмечает, что в первой половине XIX в. в царствование императора Николая I имела надежда создать самостоятельное автономное государство из Эриванской и Елисаветопольской губерний, но ошибка заключалась в том, что современники считали, что свобода может быть получена просьбами, хитростью, с помощью денег или же как вознаграждение за какие-либо заслуги, в то время как свободу можно получить лишь путем борьбы не на жизнь, а на смерть, что первое армянское движение, руководимое лишь передовыми людьми, без участия народных масс было слабо и что для выступления масс необходимы важные обстоятельства и глубокие причины, ставящие народ в «безвыходное, роковое положение» [6]. В ряде статей содержался открытый призыв к вооруженному восстанию армян против русского правительства [7].

Следующим печатным органом партии Дашнакцутюн на Дону стала газета «Нор кянк», издававшаяся на армянском языке. 26 февраля 1906 года нахичеванский мещанин Григорий Лазаревич Бедельян обратился за разрешением к ростовскому Градоначальнику на издание в Нахичевани-на-Дону газеты на армянском языке. В начале июля 1906 года такое разрешение было получено. Газета «Приазовский край» в своей редакционной статье сообщила своим читателям о выходе новой газеты и поздравила новое издание [8]. Соредакторами газеты стали прапорщик запаса Григорий Акопьян, потомственный почетный гражданин Акоп Тер-Мануэлян и нахичеванский мещанин Ованес Харагезян (он же Хлебников). Ответственным редактором являлся тот из них, кто подписывал выходящий номер.

Дашнакским руководством Налбандского района были разработаны принципы, которыми должно было руководствоваться издательство упомянутой газеты, редакторы, состав редакции и т.д. [9].

Власти зорко следили за содержанием помещаемых в газете материалов и за финансирующими ее персонами. Так, в одном из документов Охранного отделения отмечалось: «...Издававшаяся в 1907 г. в городе Нахичевани-на-Дону армянская газета “Нор кянк” – орган нахичеваноростовского ЦК партии Дашнакцутюн – субсидировалась деньгами от некого Бедельяна» [10]. Исходя из того же документа можно прийти к выводу, что отслеживались не только содержание помещаемых в газете материалов и ее спонсоры, но и отдельные работники редакции. Так, на имя начальника Донского охранного отделения поступило распоряжение от вышестоящего начальства «принять меры по выяснению личности С. Гамальянца и его местожительства» только на основании того, что упомянутый С. Гамальянц

являлся всего лишь сотрудником газеты «Нор кянк» [11]. Все это побуждало редакцию крайне осторожно относиться к подбору материалов для каждого номера.

Некоторые данные позволяют нам сделать вывод о том, что эта газета, издававшаяся на Дону, затем распространялась далеко за его пределами. Так, некий аноним, скрывавшийся под псевдонимом «Аршавир», в своём письме на имя одного из руководителей газеты Симона Врацяна пишет, что, прибыв в Игдир, он с радостью обнаружил там несколько номеров газеты «Нор кянк» и убедился, что это «дашнакский орган» [12]. Судя по письму, обнаруженному в редакции, подписанному неким «Минасом» на имя редактора газеты И.К. Харагезова-Хлебникова, номера газеты регулярно отправлялась и в Тифлис. Тот же «Минас» выражает радость по поводу содержания газеты и того, что она «не попала в руки говорунов» [13].

По решению властей был сделан перевод статей этой газеты с 15 июля по октябрь 1907 года с армянского на русский язык, на основании чего по распоряжению администрации газета была закрыта. Особое недовольство властей вызвала упомянутая статья «Стали враждовать», в которой власти увидели призыв к борьбе против существующего строя.

Кроме того, власти с подозрением относились к тем «тайным сборищам», которые происходили в редакции газеты. 9 октября 1907 года в редакции газеты был проведен обыск, который вскрыл перед ошеломленными властями другую, невидимую ранее сторону деятельности редакции. Здесь была обнаружена обширная переписка между отдельными членами партии Дашнакцутюн, а также между ними и самой редакцией газеты. Кроме того, в редакции были обнаружены брошюры агитационного содержания, а также различные партийные документы, в том числе устав и программные документы партии Дашнакцутюн. Таким образом, на основании приведенного материала можно сделать некоторые выводы. По началу в течение 1906 года редакция «Нор кянк» проявляла некоторую осторожность, публиковала материалы общеполитического характера, пытаясь не афишировать свою принадлежность к партии Дашнакцутюн. Однако затем, поверив в провозглашенные в стране свободы, в том числе и свободу слова, и утратив осторожность, газета открыто проявила свою партийную позицию, что не могло остаться незамеченным властями. Газета была закрыта, а ее редактор Харагезов-Хлебников был арестован и выслан из пределов Ростовского Градоначальства. Эта газета, начавшая выходить с 1906 г., в начале 1907 г. уже была закрыта. Это издание не было узко партийным: оно откликалось на самые животрепещущие темы общественно-политической жизни.

После закрытия властями газеты «Нор кянк» следующим армяноязычным изданием в Нахичевани-на-Дону стала газета «Мер дзайн» («Наш голос»), которая стала регулярно выходить с 1908 года. Редактором-издателем газеты

стал Ованес Малхасян. Учитывая негативный опыт своей предшественницы «Нор кянк» и всегда учитывая возможную угрозу закрытия, редакция была вынуждена соблюдать осторожность в подборе публикуемых материалов.

Первоначально редакция тщательно воздерживалась от публикации материалов на острые политические темы. Значительное число материалов содержит информацию о внутривнутриполитической ситуации в Турции в связи с намечавшимися реформами младотурок. Так, в одном из первых номеров газеты приводится заявление Кемаля о том, что нынешний режим в Турции не только конституционный, но и парламентский, ибо султан властвует, но не управляет. Сообщается, что младотурки планируют ввести самоуправление с гораздо большими правами на местах, нежели существующими в России. Эйфория среди дашнаков по этому поводу была настолько сильна, что, по сообщению губернатора Битлиса, 24 дашнакских отряда сложили оружие [14].

Хвалебные материалы о дашнаках в газете весьма редки. Здесь редакция проявляла большую осторожность. Так, в разделе «Национальная жизнь» сообщается о небольшой стычке в Ване между гнчакистами и дашнаками. Первые призывали к сотрудничеству с властями Турции и отказу от различных требований к ним, за что подверглись нападению со стороны дашнаков. Вообще, попытки выставить дашнаков в самом лучшем свете весьма редки и осторожны. Так, в разделе «Армянская жизнь» отмечается, что дашнаки «проводят миролюбивую пропагандистскую работу среди турок и армян», что должно было изменить имидж дашнаков прежде всего перед лицом российского самодержавия [15].

Несмотря на материальную поддержку Дашнакцутюн, век «Мер дзайн» оказался совсем недолгим. «В настоящее время эта газета не имеет никакой денежной поддержки и ввиду малочисленности подписчиков и вообще незначительного распространения, по всей видимости, в скором времени прекратит свое существование», – говорилось в одном из агентурных донесений. При этом доносивший агент ссылался на мнение самого редактора газеты Малхасянца [16]. И действительно: из-за недостатка материальных средств газета была закрыта в конце 1908 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дашнаки // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 9. – С. 56.
2. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 1453. Оп. 3. Д. 6. Л. 8.
3. Там же. Л. 8
4. Там же. Л. 9.
5. Там же. Л. 9.
6. Там же. Л. 50.

7. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 829. Оп. 2. Д. 121. Л. 132
8. Приазовский край. – 1906. – № 162.
9. НАА. Ф. 1457. Оп. 3. Д. 6. Л. 50.
10. ГАРО. Ф. 826. Оп. 2. Д. 78. Л. 24.
11. Там же. Л. 27.
12. НАА. Ф. 1457. Оп. 3. Д. 6. Л. 49.
13. Там же. Л. 46.
14. Мер дзайн. – 1908. – № 94.
15. Там же. – № 124.
16. ГАРО. Ф. 826. Оп. 2. Д. 41. Л. 8.

**АРМЯНЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
особенности проявления национальной идентичности
и ментальности**

Ларионов Алексей Эдиславович

кандидат исторических наук, доцент кафедры
социальных и гуманитарных дисциплин
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет»
г. Королёв, Московская обл., Россия
e-mail: allar71@yandex.ru

Аннотация. В докладе анализируется проблема исторических корней и ситуационных проявлений национальной идентичности и ментальности армян – участников Великой Отечественной войны. На основе изучения источников личного происхождения делается вывод о диалектическом единстве и общности исторических судеб Армении и России в 1941–1945 гг., исторической обусловленности этого единства, специфических и универсальных элементах национальной идентичности армян – военнослужащих РККА.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; армяне; национальный характер; национальная идентичность.

**ARMENIANS
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR:
peculiarities of manifestation of national identity and mentality**

Alexei A. Larionov

Associate Professor of Social Sciences and Humanities
Moscow Region State Technological University
Korolev, Moscow region, Russia
e-mail: allar71@yandex.ru

Abstract. The report examines the problem of historical roots and situational manifestations of national identity and the mentality of the armenian participants of the Great Patriotic war. Based on the study of sources of personal origin, the conclusion

about the dialectical unity of generality and historical destinies of Armenia and Russia in 1941–1945, historical dependence of this unity, specific and universal elements of the national identity of the Armenian soldiers of the Eed Army.

Keywords: The great Patriotic war; armenians; national character; national identity.

В мировой истории немного насчитывается народов, которые могут похвалиться устойчивым поддержанием своей национально-культурной идентичности на протяжении свыше двадцати веков. И это при том, что на протяжении столетий происходили неоднократные утраты государственности, попадание в орбиту влияния и противоборства великих держав, что было сродни положению между молотом и наковальней. Когда малейшая ошибка в выборе и артикуляции своей позиции была чревата историческим небытием в последующие эпохи. С этой точки зрения армянский этнос в качестве устойчивых черт проявил высочайшие показатели резистентности неблагоприятным внешним обстоятельствам при способности сохранения не только преемственности национального самосознания, но и высочайшей культуры, селекции положительных качеств без малейших признаков ассимиляции, вырождения и деградации.

На протяжении последних двух с лишним веков историческая судьба Армении и армянского народа оказалась тесным образом связана с исторической судьбой России, русского народа и шире – всего Российского цивилизационного проекта и имперостроительства как политического средства его воплощения.

Объективная ситуация заключалась в том, что после многих столетий пребывания под неравновесным и дискриминационным давлением исламских имперских образований, впервые со времен Македонской (Армянской) династии периода расцвета Византийской империи IX–XI вв. армяне, являвшиеся некогда одной из буферно-периферийных зон христианской ойкумены, вновь оказались в состоянии непосредственного дружественного контакта с народом и государством, которые также вели свою духовно-культурную, ценностную идентичность именно из Византии. Более того, именно реваншистская экспансия Российской империи в Кавказско-Черноморском регионе стала тем уравновешивающим фактором, который резко снизил Иранскую и Османскую угрозу в отношении Армении. В то же время армяне оказались инкорпорированы в пространство российского имперостроительства в статусе полноправных его участников. По нашему мнению, даже активное участие армян в российском революционном движении было не чем иным, как оборотной стороной их включенности в общероссийские социальные процессы.

При всей противоречивости революционных процессов в Закавказье вообще и в Армении в частности, ныне, спустя сто лет после Великой Русской революции, можно с уверенностью констатировать, что к исходу 1-й четверти

XX столетия армяне в подавляющем большинстве своем вполне сознательно осуществили очередной судьбоносный исторический выбор между Российской и Англо-Саксонской цивилизациями в пользу первой. Всякий выбор влечет за собой как преимущества, так и издержки, которые можно обозначить как ответственность за избранный однажды путь. В нашем случае ответственность выражалась в виде единства исторической судьбы с Россией, русским народом и другими народами (большими и малыми) СССР в рамках новой цивилизационной формы – Советского проекта, особенно в критические моменты его исторической эволюции. Кульминационной точкой этой траектории стала, конечно же, Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Здесь позволю себе немного отклониться от основной темы своего доклада, чтобы затем более выпукло ее осветить. Одной из расхожих квазиисторических мифологем постсоветского периода стало утверждение о субстантивном этическом тождестве советского и нацистского режимов в 1930–1940-е годы, из чего вытекали спекуляции по оправданию тех коллаборационистских сил, которые в период Великой Отечественной войны сотрудничали с гитлеровцами – якобы как «борцы за свободу» своих народов от «Кремлевской тирании». Как обстояло дело с коллаборационизмом, а попросту говоря – с предательством со стороны армян? В РККА служило в различном качестве порядка 600 тысяч сынов и дочерей армянского народа. Из них около 200 тысяч погибли на фронтах войны. В то время как на стороне нацистской Германии за все годы войны оказались порядка 18 тысяч армян, то есть 3 % от числа военнослужащих Красной армии, что не превышает средних цифр предательства по СССР и много ниже, чем у некоторых других этносов. Более того, т.н. «армянские батальоны» в вермахте считались неблагонадежными, во многих наличествовали подпольные ячейки, которые готовили переход батальонов на сторону СССР. Таким образом, можно с полным основанием говорить о том, что в кульминационный период Великой Отечественной войны исторический выбор армянского народа оказался однозначным – за будущее в составе СССР, что означало продолжение совместного с Россией государственного, культурного, экономического бытия. Несмотря ни на какие жертвы и издержки. Настоящая преамбула имела целью показать исторические предпосылки специфики участия армян в Великой Отечественной войне.

Далее уместно будет задаться вопросом о конкретном содержании этой специфики. В чем заключались ее сущность и историческая роль? Представляется, что отыскать ответ на этот вопрос можно через призму личных судеб и личного же восприятия драматических и величественных событий войны ее участниками. В данном случае наше внимание должно обратиться к фронтовикам-армянам. Иными словами, будет использован инструментарий исторической антропологии и этносоциальной истории с целью реконструкции характерных особенностей ментальности и национальной исторической памяти о Великой Отечественной войне у армян. Среди военнослужащих Красной армии армяне, как и представители народов СССР, служили во всех родах Вооруженных Сил

и находились на самых различных ступенях военной иерархии. Для полноты и достоверности картины целесообразно обратиться к тем красноармейцам-армянам, которые бы отражали различные социальные страты милитарного социума РККА в 1941–1945 гг. И такая возможность имеется – прежде всего, благодаря источникам личного происхождения. Автор имеет в виду мемуарно-дневниковые издания Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна, Главного Маршала танковых войск А.Х. Бабаджяна, выдающегося армянского писателя С.Н. Ханзадяна. В годы войны они начали и продолжили свой фронтовой путь в разных званиях и должностях: Иван Христофорович Баграмян в звании полковника являлся начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, в мае 1945 года в звании генерала армии командовал 3-м Белорусским фронтом; Амазаспа Хачатуровича Бабаджяна война застала в звании майора на должности заместителя командира 439-го стрелкового полка, в мае же 1945 года в звании полковника он занимал фактически генеральскую должность – командира 11-го гвардейского механизированного корпуса в 1-й гв. танковой армии. Бесспорно, это далеко не полный перечень выдающихся сыновей армянского народа, прославившихся в годы войны, но указанные персоны выбраны по причине того, что ими оставлены законченные мемуары и опубликованные дневники (С.Н. Ханзадян). Серо Ханзадян начинал военный путь рядовым строительного батальона, а закончил в звании старшего лейтенанта – командира миномётной роты 261сп 2-й сд. Как видим, перед нами судьбы людей с различной фронтовой биографией из среднего, старшего и высшего состава. Если вспоминать Константина Симонова, сказавшего однажды – «у каждого была своя война», то и в нашем случае каждый из названных деятелей имел персональный и, во многом уникальный, фронтовой опыт и, что вполне естественно, собственный взгляд на войну, который и отразился в изданных ими авторских книгах о собственном участии в войне. Но вместе с тем в этих книгах мы можем попытаться увидеть некое единство взгляда на Великую Отечественную войну. Единство, которое объясняется не только общностью судьбы поколения, но и общностью национального менталитета, который мы и попытаемся увидеть на страницах воспоминаний. Исходным пунктом для утверждения о наличии черт национального единства на страницах мемуаров является концепт о сохранении в личности человека тех базовых черт, которые были заложены и сформировались в период детства и юности под воздействием ближайшего окружения и той социокультурной среды, в которой происходили непосредственное формирование человека и его первоначальная социализация. В дальнейшем, какие бы зигзаги не предпринимала человеческая судьба, этот фундамент личности, этические принципы, стереотипы поведения, мировоззрение будут сохраняться и так или иначе проявляться в повседневном поведении человека, его поступках, мышлении и т.п. Иными словами, в мыслях, словах и поступках боевых офицеров Ханзадяна, Баграмяна, Бабаджяна и тысяч их соотечественников незримо присутствовали те черты,

которые обуславливались национальным характером, культурой и традициями армянского народа [1, 208–212].

Говоря об этносоциальном контексте, в котором сформировались личности трех наших героев, мы не можем не отметить его типичности для большинства армян, родившихся на рубеже XIX–XX вв. Учитывая тот общеизвестный факт, что в начале XX столетия численность городского населения Армении составляла 8,5 % (1897 г.) – 9,2 % (1914 г.) [2, 58], то столь же объективным и естественным является то обстоятельство, что взятые в качестве фигурантов исторического анализа деятели родились и выросли в традиционном аграрном обществе. Полученные при этом представления о добре и зле, об отношениях к миру и людям они пронесли через всю жизнь. Это, прежде всего, типичные практически для любого крестьянского социума трудолюбие и добросовестность, готовность к кооперации усилий и взаимопомощи, чувство товарищества и высокий статус дружбы в шкале личных ценностей; к этому же следует добавить такие специфические армянские черты, как прямоту и даже резкость в выражении и отстаивании собственных убеждений, неприятие лицемерия, двуличия, лжи, поддержание устойчивых связей с «малой родиной» даже по достижении высоких должностей и званий. Вместе с тем традиционно высокий уровень книжной культуры армянского народа, своего рода, культ образованности выработали специфическую поэтику армянского литературного языка, чей колорит просматривается даже в русском переводе. Поэтику, которую можно интерпретировать как рефлексивную экспрессию посредством литературного слова.

Открытое эмоциональное выражение собственных мыслей, впечатлений и переживаний сочетается с высокой степенью осмысления и самоанализа событий и своего в них участия. В то же время присутствует и известная доля самокритики, что только добавляет мемуарам доверительности и откровенности. Одновременно авторы не мыслят себя вне круга своих товарищей, того микросоциума, в котором протекает их повседневная фронтовая жизнь. Впрочем, данная черта является характерной не в этническом, а в макросоциальном отношении, поскольку присуща абсолютному большинству представителей «фронтового поколения» вне зависимости от их этнической принадлежности. К данному моменту мы еще вернемся ниже, при подведении итогов настоящей публикации. Если быть точным, то данная важнейшая черта в равной степени может быть квалифицирована как национальная и интернациональная. Точно так же, как и описание негативных отрицательных моментов, страданий, неудобств, – абсолютное большинство мемуаристов и авторов дневников уделяют им очень мало внимания.

Честность и самокритичность, которые присущи далеко не всем авторам мемуаров, высвечиваются, например, в таком эпизоде: «Расскажу об одном таком случае, за который я клянусь себя по сей день. В нашем полку долгое время мы готовили снайперов. Их уже было человек шестьдесят... Так вот, этих ребят я собрал и приказал до начала наступления на нашем участке не допустить ни одного

передвижения вражеских солдат... Но этого было достаточно, чтобы противнику стало ясно: на данном участке – прибытие новых воинских частей. Это потом подтвердили и пленные. От заслуженной кары за недомыслие меня спасло, по-жалуй, только в тот же день начавшееся наступление 56-й армии» [1, 128].

Обратим внимание на два слова, свидетельствующие об эмоциональном восприятии собственного участия в событии и их оценке *post factum*, спустя более 30 лет после войны: «клянущий» и «заслуженная кара». За что «клянет» себя автор? Во-первых, за допущенный тактический просчёт, способствовавший оперативной неудаче целой армии; во-вторых, хоть об этом прямо и не заявляется, – за излишние потери, жертвы, которых могло в тот момент и не быть. Вероятно, именно второе соображение лежало тяжким грузом на совести автора и не высказать его Бабаджанян просто не мог. Не менее примечательно также и то, что он употребил термин не «взыскание», «наказание», а гораздо более сильно окрашенный – «кара». То есть сам он полагал себя заслуживающим самого сурового наказания, до суда военного трибунала включительно. И это говорит человек, занимавший на тот момент (начало 1942 года) должность командира стрелкового полка. Безо всяких скидок на «объективные причины» и «непреодолимые обстоятельства». Между тем, как в мемуарах гораздо более маститых военачальников, ответственных за провал фронтовых операций, гибель целых дивизий, а то и армий, мы не найдем и малейшего намека на признание персональной вины и ответственности.

Своеобразна специфика мемуаров И.Х. Баграмяна. Штабист с высшим академическим образованием, обладавший как широким кругозором, так и доступом к важнейшей информации, он, тем не менее, описывает события войны и собственное в них участие через призму «человеческого фактора», насколько то было возможно в условиях советского цензурно-идеологического контроля. Мало у кого из мемуаристов уровня «командующий фронтом – командующий армией» можно встретить такое количество упоминаний имен и фамилий сослуживцев, начальников и подчиненных, как мы то наблюдаем в двух книгах воспоминаний Баграмяна. Практически каждое событие, каждый факт и принятое решение у него имеет конкретную привязку к имени того или иного человека. Детально воспроизводятся диалоги, даже характерные детали поведения, врезавшиеся в память автора и воскрешаемые им спустя десятилетия.

Например, интересно с историко-антропологической точки зрения описание мемуаристом слов и действий командования Юго-Западным фронтом в сентябре 1941 года, в момент замыкания немецкими войсками кольца окружения советских войск в районе Киева и принятия командования фронтом решений о дальнейших действиях: «Кирпонос стремительно повернулся к радистке: “Передавайте!” Говорил он медленно, словно процеживал каждое слово: “У нас и мысли об отводе войск не было до получения предложения дать соображения об отводе войск на восток с указанием рубежей, а была лишь просьба в связи с расширившимся фронтом до восьмисот с лишним километров усилить наш фронт резервами...”

Захватаев потом рассказывал, что Тупиков, слушая Кирпоноса, схватился за голову. Кирпонос, кинув на него удивленный взгляд, продолжал диктовать глухим голосом... Кирпонос, вытирая вспотевший лоб, ответил:

– Указания ваши ясны. Все. До свидания.

Махнув с досадой рукой, он выбежал из аппаратной.

– Что теперь делать? – спросил Тупиков у Бурмистенко.

– Нужно думать, Василий Иванович. Приказ есть приказ.

– Если бы думы плодили силы! А когда сил нет, то сколько ни думай, ничего не поможет» [4, 330–331].

Историческая модель событий войны в изображении Баграмяна предстает как результат деятельности и взаимодействия конкретных живых людей со своими эмоциями, чувствами, особенностями характера, достоинствами и недостатками. Одновременно на всем протяжении мемуаров напрочь отсутствует стремление выпячивать собственные достоинства и заслуги. Иногда можно подумать, что роль автора была самая скромная, хотя, учитывая послужной список Баграмяна, это далеко не так. Скромность, следовательно, может быть названа еще одной характерной чертой армян в Красной армии наряду с ответственностью и вниманием к окружающим людям. Все сказанное подтверждается при анализе дневников Серо Ханзадяна, находившегося на совершенно ином уровне армейской иерархии. Его дневники представляют собой уникальный пример искренности и внимания к окружающим людям и ситуациям, любви автора к жизни и к ближним. Автор в целом дружелюбно настроен к миру. Негативные моменты, хотя и отмечаются им, но он не позволяет чрезмерно на них концентрироваться, тогда как примеры позитивного отношения, человеческой доброты, взаимной заботы на страницах дневника неизмеримо больше и описаны они намного подробнее. Автор как будто задается целью запечатлеть в памяти поколений коллективный, но конкретизированный светлый образ всех своих современников, с которыми его сталкивала судьба за четыре военных года. Каждая, даже мимолетная встреча пробуждает в сознании С. Ханзадяна целый поток размышлений, самоанализа, оценок.

«Мы вошли в дом. Хозяйка протянула мне опасную бритву.

– Мужнина. Возьми себе в подарок. Сейчас она нам не нужна, да я и не знаю, вернется ли мой Андрюша...

Я попытался было отказаться от бритвы, но она разобиделась... Пришлось взять у нее бритву. В душе я был полон почтения к этой русской крестьянке. Ведь такую дорогую память мне отдавала! Как же велика доброта в душах этих людей!.. Я думаю, на свете нет женщин, которые бы относились к воину добрей и заботливей, чем русские женщины» [5, 53–54].

Автор необычайно отзывчив к добру и предпочитает игнорировать зло. Даже сама война и враги выступают на страницах дневника как досадная помеха нормальному, доброму течению жизни, которую следует устранить, чтобы люди могли и дальше жить и творить добро.

Указанные черты следует считать элементами коллективного портрета армян – участников Великой Отечественной войны, в то же время являвшихся проявлениями национального характера в экстремальных условиях. Кроме того, представляется необходимым заострить внимание не только на особенных, но и на универсальных элементах сознания армян – военнослужащих РККА, которое было диалектически целостным. В нем органично сочетались как специфически армянские национальные черты, так и черты новой универсальной советской идентичности, которые как бы инкорпорировали относительно небольшой этнос в общероссийское цивилизационное пространство. Это подтверждается эмоциями по поводу успехов и неудач Красной армии в разные годы войны, искренними переживаниями за судьбу не только «малой Родины» – Армении, но и СССР как Родины общей. Соответственно, и радость от достижения Победы в мае 1945 года была общей и в целом идентичной чувствам многих миллионов советских людей в тылу и на фронте. Таким образом, важнейшей характерной чертой ментальности армян – участников Великой Отечественной войны явилось активно переживаемое и рефлектируемое чувство общности исторической судьбы с абсолютным большинством советских людей во всех уголках огромной страны, в момент величайшего напряжения всех ее жизненных сил.

Итак, в годы Великой Отечественной войны проявились исторически обусловленная общность и переплетение судеб Армении и России, релевантность армянского национального характера и национальной идентичности с идентичностью советской и с национальным характером русского народа, их взаимная положительная комплиментарность. Эти особенности следует считать объективными следствиями массовых субъективных решений и действенными генераторами дальнейших траекторий исторического развития России и Армении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бабалян Р.Э. Особенности армянского национального характера в восприятии представителей разных культур // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2010. – Вып. № 2–12. – Т. 2.
2. Бадалян А. Население Армении со времени присоединения ее к России и до наших дней // Известия АН Армянской ССР. Общественные науки. – 1953. – № 5.
3. Бабаджанян А.Х. Танковые рейды 1941–1945. Дороги Победы. – М.: Эксмо-Яуза, 2010.
4. Баграмян И.Х. Так начиналась война. – М.: Воениздат, 1971.
5. Ханзадян С.Н. Три года 291 день. Фронтовой дневник. – М.: Детская литература, 1984.

МЕЖБАНКОВСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И АРМЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ФИНАНСОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ершов Виталий Федорович

доктор исторических наук, профессор

директор Центра стратегии и аналитики

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

г. Москва, Россия

e-mail: ershov_vf@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме армяно-российских межбанковских взаимоотношений в процессе экономической модернизации. Автор приходит к выводу, что инвестиционное сотрудничество России и Армении в настоящее время находится в стадии интенсивного развития, укрепляются связи между банковскими системами двух стран, повышается уровень финансового сервиса. Межбанковское сотрудничество России и Армении является фактором укрепления геополитической стабильности и экономической интеграции в СНГ и Евразийском экономическом союзе.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество России и Армении; инвестиции; банковская система России; банковская система Армении; финансовая глобализация; кредитная политика.

RUSSIAN-ARMENIAN INTERBANK COOPERATION IN THE CONTEXT OF THE FINANCIAL GLOBALIZATION

Vitaly F. Ershov

PhD. (History), Professor

Director of the Center for strategy and analysis

Moscow State Regional University

Moscow, Russia

e-mail: ershov_vf@mail.ru

Abstract. Article is devoted to the problem of Russian-Armenian interbank relations in the context of the process of economic modernization. The author

comes to a conclusion that the development of Russian-Armenian investment cooperation now is intensively increasing, the connections between the banking systems of the two countries are consolidating, and the level of quality of financial service is growing. Russian-Armenian interbank cooperation is an important factor of formation of the world stability and the economic integration processes within the CIS and Eurasian Economic Union.

Keywords: Russian-Armenian economic cooperation; investment of capital; banking system of Russia; banking system of Armenia; financial globalization; credit policy.

Актуальность темы исследования межбанковского взаимодействия Российской Федерации и Республики Армения в начале XXI века определяется неуклонным возрастанием роли инвестиционного сотрудничества в процессе модернизации экономики, а также значимостью новых крупных финансово-экономических центров для утверждения новой глобальной справедливой финансовой архитектуры в контексте формирующегося многополярного мира.

10 августа 2016 г. в Кремле состоялась официальная встреча глав государств России и Армении, подводя итоги которой Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал: «Сегодня мы в ходе переговоров рассмотрели пути дальнейшего развития двустороннего сотрудничества, в том числе и в торгово-инвестиционной сфере. Россия – ведущий партнер Армении» [1].

Президент Республики Армения С.А. Саргсян подчеркнул роль армяно-российского диалога в развитии позитивных политических и экономических процессов на Евразийском пространстве, отметив, что отношения между нашими странами охватывают все сферы – «от союзнического партнерства по линии ОДКБ до экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза и тесного сотрудничества по гуманитарной линии» [2].

Политические, финансово-экономические отношения России и Армении все в большей степени приобретают характер стратегического партнерства. Россия является ведущим экономическим партнером Армении, ее доля во внешнеторговом обороте республики составляет около 24 %; при этом общий финансовый объем экономического взаимодействия двух стран превышает 125 млрд долларов, из которых российский экспорт достигает 100 млн долларов, а импорт – 195 млн долл. Стремясь к долгосрочному и целенаправленному взаимодействию в экономике, науке, культуре, Россия и Армения активизируют сотрудничество между своими финансовыми секторами, повышая уровень их технологичности, расширяя спектр новых видов банкинга, улучшая инвестиционный климат, интенсифицируя обмен опытом в сфере развития финансовых IT-технологий.

Научный потенциал глобалистики позволяет описывать происходящую трансформацию международной системы, параметры внешнеполитических, в том числе инвестиционных действий государств в нестабильной ситуации трансформирующегося глобального мира [3]. В условиях глобальных вызовов XXI века, угрожающих стабильности финансовых систем государств СНГ, особенно важное значение приобретает создание и укрепление комплекса защиты банковской сферы России и Армении, способного противостоять деструктивному воздействию внешних факторов – экономическим санкциям, массивным валютным спекуляциям, провоцированию девальвации и др.

Экономики Российской Федерации и Республики Армения сближаются, интегрируясь в то же время в глобальное финансово-хозяйственное пространство. При этом именно инновационным финансовым центрам принадлежит ведущая роль в процессе дальнейшего расширения взаимодействия в большинстве отраслей промышленности и в сфере энергетического сотрудничества.

Активно развивается политический диалог между Россией и Арменией: регулярно проходят встречи высших руководителей государств – президентов В.В. Путина и Сержа Саргсяна, переговоры в двустороннем и многостороннем форматах глав правительств, председателей палат парламентов, министров иностранных дел. Последовательно расширяются деловые связи между представителями банковских и бизнес-сообществ, учеными-экономистами, экспертами, деятелями культуры и социальной сферы. Свыше 200 межгосударственных решений в сфере финансово-экономического сотрудничества превращают Россию в делового партнера Армении номер один. Так, в январе 2003 г. в Москве было заключено «Соглашение между Центральным банком Республики Армения и Центральным банком Российской Федерации (Банком России) о сотрудничестве в области надзора за деятельностью кредитных организаций». 8 февраля 2006 г. вступило в силу межправительственное «Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций» [4] и т.п. В декабре 2013 г. в Ереване был утвержден «План мероприятий на 2014–2017 гг. по реализации Программы долгосрочного экономического сотрудничества между Республикой Армения и Российской Федерацией на период до 2020 г.».

Российская Федерация и Республика Армения обладают хорошей институциональной средой для ведения банковского бизнеса: благоприятным инвестиционным климатом и, главное, деловым настроем руководства наших стран и бизнес-сообщества на всемерное конструктивное развитие промышленности и банковской сферы как ее важнейшей составляющей [5].

Позитивному климату в российско-армянском финансовом взаимодействии способствует интегрированность ряда известных представителей армянской диаспоры в систему банковского бизнеса и экспертного сообщества Российской Федерации. Так, существенный вклад в развитие межбанковского диалога России и Армении в системе СНГ, ЕАЭС и в двустороннем формате вносит

профессиональная и общественно-корпоративная деятельность Г.А. Тосуняна – президента ведущего российского банковского объединения – Ассоциации российских банков (АРБ), Р.А. Агабеяна – президента ЗАО «ММВБ», П.С. Читипаховяна – президента «Трансстройбанка» и Г.М. Арзуманяна – председателя Правления «Трансстройбанка», Р.К. Варданяна – председателя Совета директоров ОАО «Российская венчурная компания», Г.Т. Закаряна – президента КБ «Юниаструмбанк» и др.

В рамках совместных общественно-политических и экономических мероприятий проходят консультативные встречи, круглые столы, в ходе которых участвуют представители деловых кругов. Так, например, 28–30 октября 2010 г. в Доме Правительства Республики Армения прошла III Российско-Армянская промышленная выставка «EXPO-Russia Armenia 2010», которая была организована при содействии Министерства экономического развития, Министерства промышленности и торговли, посольств России и Армении, Союза армян России. В экспозиции были представлены новейшие технологические разработки, в том числе по теме методики организации банкинга под девизом «2010 – Год науки и инноваций в СНГ». В рамках деловой программы состоялся ряд круглых столов, в том числе по вопросам инвестиционного сотрудничества и межбанковского взаимодействия. Данный диалог помогает в поиске наиболее эффективных форм и механизмов экономического взаимодействия, способствует укреплению деловых связей российского и армянского финансового бизнеса.

Необходимо отметить, что как финансово-экономический партнер Армения обладает большим весом: в стране выстроена современная финансовая система, обладающая высоким технологическим и институциональным уровнем развития, а ее совокупные банковские активы способны обеспечить реализацию масштабных инвестиционных программ. По мнению американских экспертов, финансово-экономическая среда Армении является наиболее привлекательной в группе стран с экономиками переходного периода, характеризуется либеральным банковским законодательством, что в целом создает благоприятный инвестиционный климат [6].

Национальная банковская система является значимым креативным инструментом построения в Республике Армения социального государства и создания инновационной экономики. Ее финансовые институты расширяют свое присутствие на зарубежных финансовых рынках, в том числе на рынках СНГ, и в частности – в России. С января 1992 г. начал свою деятельность на территории Российской Федерации Коммерческий банк «Анелик РУ», который занимается всеми видами банковской деятельности, включая денежные переводы. С июня 2009 г. ЗАО «Банк Анелик» (Ереван, Армения) стал дочерним банком ливанского Credit Bank S.A.L. С 1996 г. руководство КБ «Анелик РУ» принимает решение значительно расширить работу на рынке денежных переводов; в рамках реализации данного проекта была создана первая отечественная Система денежных переводов «ANELIK», которая осуществляет денежные

переводы для физических лиц в страны СНГ и Балтии. В своей деятельности ООО КБ «Анелик РУ» использует новейшие методы организации банковского бизнеса и передовые достижения информационных технологий. Финансовые операции по Платежной системе «ANELIK» осуществляют ведущие банки Российской Федерации, а также крупные банки всех стран СНГ, Балтии, стран Восточной Европы и др. Рабочие структуры ООО КБ «Анелик РУ» существуют во Франции, Великобритании, Нидерландах, Испании, Швейцарии и др.

На российском финансовом рынке активно действуют также еще три банка, представляющих современную Армению. Данные банки вошли в рейтинг 200 крупнейших банков СНГ, составленный рейтинговым агентством «РИА Рейтинг», входящим в медиагруппу «Россия сегодня»: «Америабанк» (166-е место с активами в 0,84 млрд долл.), «Ардшинбанк» (170-е место, с активами в 0,77 млрд долл.) и «ВТБ-Армения» (181-е место с активами 0,76 млрд долл.) [7]. Активное инвестиционное сотрудничество с российскими финансовыми структурами осуществляет Армянский Банк Развития, уставной капитал которого составляет более 4,5 млрд драмов.

Реализация значительных инфраструктурных проектов, привлекающих большой объем инвестиций, вкладываемых бизнесменами из Армении в развитие российских регионов, демонстрирует высокий уровень их заинтересованности в углублении торгово-экономических отношений с Российской Федерацией, ее бизнес-сообществом.

С 1991 г. Российская Федерация осуществила в Армении масштабный объем капиталовложений, превысивший 4 млрд долларов, что составляет 40 % всех иностранных инвестиций в ее экономику. Более половины прямых иностранных инвестиций (ПИИ) поступает в экономику Армении из Европейского Союза, прежде всего – из Франции. ПИИ из России занимают прочное второе место после французских. Основные российские инвестиции характеризуются диверсифицированной структурой и направлены в энергетическую, банковскую, строительную и горно-металлургическую отрасли, в развитие связи и информационных технологий. В числе крупнейших российских инвестиционных проектов в Армении – сооружение энергетических объектов при участии ОАО «Газпром», увеличение мощностей Севано-Разданского каскада ГЭС и Разданской ГЭС, модернизация завода «Русал Арменал» (ОК «Российский алюминий») и др. Приход российского капитала существенно оживил строительную сферу: в частности, благодаря российским инвестициям началась прокладка Северного проспекта в Ереване.

На территории Армении действует ряд крупных российских банков, которые осуществляют поддержку нескольких долгосрочных инвестиционных программ. В 2004 г. ВТБ приобрел контрольный пакет акций (70 %) одного из ведущих банков Республики Армения – Армсбербанка. ЗАО «Банк ВТБ (Армения)» принимает участие в финансировании текущей деятельности и перспективной программы развития ЗАО «Агаракский медно-молибденовый

комбинат» в объеме 9 млн долларов [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что межбанковское сотрудничество в плане реализации масштабных инвестиционных программ является одним из основных направлений развития межгосударственных отношений России и Армении. Перспективная задача межбанковского сотрудничества России и Армении – активизация инвестиционной деятельности российского малого и среднего бизнеса.

Большой научно-технический потенциал Республики Армения, наличие научных кадров создает перспективное направление инвестирования – высоко-технологичное инновационное производство, сектор среднего и точного машиностроения, научно-исследовательское приборостроение и др. При этом межбанковское взаимодействие дает предприятиям Республики Армения возможность выхода на емкий российский рынок, что составляет основу перспективного армяно-российского инвестиционного сотрудничества.

В условиях введения странами Запада политически ангажированных экономических санкций против России дальнейшее расширение инвестиционного и торгово-промышленного сотрудничества с Республикой Армения является перспективным направлением укрепления внешнеторгового положения Российской Федерации, фактором реализации долгосрочного межбанковского взаимодействия. Российско-армянское инвестиционное взаимодействие является также существенным креативным фактором для укрепления и развития экономики стран Евразийского союза (ЕАЭС) и БРИКС, для стабилизации социально-экономического положения на Южном Кавказе и в части Передней Азии.

Дальнейшее развитие межбанковского сотрудничества и инвестиционного взаимодействия России и Армении приобретает все более разносторонний, динамичный, системный и долгосрочный характер, становясь мощным фактором модернизации экономики, инновационного технологического совершенствования промышленности, развития науки и образования, а в глобальном измерении – фактором укрепления экономических позиций Российской Федерации и Республики Армения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полный текст выступления Президента России В.В. Путина на встрече с Президентом Армении Сержем Саргсяном. – URL: <http://m.pravdoryb.info/polnyy-tekst>.
2. Там же.
3. Ильин И.В., Леонова О.Г. Исследование глобальных процессов: достижения, проблемы развития и перспективы (По материалам международных научных конгрессов «Глобалистика») // Век глобализации. – 2016. – № 1–2. – С. 188.

4. Социально-экономическое положение в Республике Армения в январе-декабре 2007 г.: Статистический сборник. – Ереван, 2007. – С. 123.
5. Нарутунян А. Рубли за ресурсы: главные российские инвестиции в Армению и ее энергетику. – URL://www.armenianow.com/hy/special.
6. Карапетян А.А. Будущее Армении и влияние российских инвесторов // Российское предпринимательство. – 2007. – № 8–2 (96). – С. 67–71.
7. Армянские банки в России. – URL: www.waten.ru/2015/09/28/%D0%.
8. Армения. Российские инвестиционные проекты. – URL: www.ved.gov.ru/exportcountries/am/am.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ АРМЯН В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ С 1991 ГОДА

Роева Екатерина Борисовна

младший научный сотрудник лаборатории истории диаспор исторического факультета

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

г. Москва, Россия

e-mail: plu2310@yandex.ru

Аннотация. В статье отражена инвестиционная деятельность армян диаспоры в Республике Армения с 1991 г. Определены основные направления подобной работы. Особое внимание автор уделит образовательным проектам, а конкретно деятельности Образовательного фонда «Айб».

Ключевые слова: армянская диаспора; Фонд «Айб»; образование в Армении; инвестиции.

INVESTING ACTIVITY IN THE FIELD OF EDUCATION OF RUSSIAN ARMENIANS IN THE REPUBLIC OF ARMENIA SINCE 1991

Ekaterina B. Roeva

Junior researcher of the Laboratory diaspora stories of the History department

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

e-mail: plu2310@yandex.ru

Abstract. The article reflects the investment activity of the Armenian diaspora in the Republic of Armenia since 1991 where the author shows basic directions of such work. Particular attention is paid to educational projects, namely the activities of «Aib» Educational Foundation.

Keywords: Armenian Diaspora; Fund «Aib»; education in Armenia; investments.

Одним из ключевых направлений экономической политики независимого государства Республика Армения является поощрение иностранной инвестиционной деятельности. В этой связи правительство ставит перед собой несколько задач, а именно: создание стимулов иностранным инвесторам для увеличения экспорта, создание благоприятной инвестиционной и бизнес-среды, повышение прозрачности нормативно-правовой базы и обеспечение устойчивого экономического роста Армении. В Законе «Об иностранных инвестициях» [1] от 31 июля 1994 г. и в Концепции инвестиционной политики Армении [2] от 21 апреля 2005 г. прописана инвестиционная политика «открытых дверей».

Закон «Об иностранных инвестициях» защищает иностранных инвесторов от национализации или экспроприации собственности, за исключением природных или государственных чрезвычайных ситуаций [3], но только по решению суда и с полной и обязательной компенсацией. Иностранные инвесторы имеют право на возмещение ущерба и убытков [4] (включая упущенную выгоду) в результате незаконных действий государственных органов или должностных лиц государства или ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей.

Помимо этого, нет никаких ограничений на участие иностранных инвесторов в какой-либо экономической деятельности в Армении или на процент владения местным бизнесом [5], который может быть ими приобретен. Исключение здесь только одно – не граждане Армении не имеют права владеть землей [6].

Закон «Об иностранных инвестициях» содержит оговорку, что в случае изменений в законодательстве об иностранных инвестициях по просьбе иностранного инвестора действующий в момент инвестирования закон может по-прежнему применяться сроком до пяти лет с момента инвестирования.

Следует также отметить, что Армения подписала двусторонние соглашения «О поощрении и взаимной защите инвестиций» с 37 государствами, в том числе с 15 странами ЕС, с США, с Россией и еще с 6 странами СНГ [7].

Среди основных «плюсов» инвестирования в Армению можно назвать:

1. Привлекательное законодательство, регулирующее инвестиции.
2. Инвестиционные гарантии.
3. Облегченный выход на рынки СНГ и Среднего Востока.
4. Корпоративные налоговые привилегии для иностранных компаний с инвестициями не менее 500 млн драмов (1,3 млн долларов США).
5. Освобождение от налога на прибыль для компаний, занимающихся агропродукцией.
6. Никаких ограничений на денежные переводы.
7. Стабильная банковская система и национальная денежная единица.
8. Членство в ВТО.
9. Либеральный режим торговли, отсутствие квот и лицензий на импорт.

10. Отсутствие пошлин на экспорт и возврат НДС на экспортированные товары и услуги.
11. Свободный обмен иностранной валюты.
12. Свободная репатриация прибыли [8].

Потенциальный круг инвесторов в Армению формирует в том числе армянская диаспора. Около 12 миллионов армян [9] проживают на Ближнем Востоке, в США, России и Западной Европе. Многочисленны примеры того, как члены армянской диаспоры склонны вкладывать свои капиталы на исторической родине.

Одна из наиболее крупных армянских диаспор существует в Российской Федерации. Согласно Всероссийской переписи 2010 года численность армянского населения России составляет 1 182 000 человек. Неофициальные сведения, встречающиеся в периодической печати, предлагают цифру 2,5–3 млн человек. По некоторым оценкам среднегодовой объем трансфертов [10], переводимых мигрантами своим родным в Армению, превышает годовой госбюджет страны. По официальным данным 83,5 % трансфертов, переводимых через банковскую систему Республики Армения, поступает из России.

Очевидно, что эмоциональная привязанность к родине с их стороны во многом завязана на чувствах родства, памяти, этнической идентичности, связи с армянским этносом, культурой, языком, историей в целом. Это придает особый вектор развитию взаимосвязей армянского населения России и Армении, в которых одна сторона выступает в качестве инвестора, другая – в качестве объекта, которому адресованы инвестиции [11].

В ряде случаев инвесторы открывают на родине бизнес-проекты в той сфере, в которой они достигли успехов в стране проживания и гражданства. Однако, пытаясь перенести сюда свой предпринимательский опыт, новейшие технологические разработки или менеджмент, представители диаспоры зачастую вынуждены совершать излишние траты, в связи с множеством проблем, обусловленных чаще всего несовместимостью профиля их экономической деятельности в диаспоре с местными потребностями. Поэтому чаще на исторической родине возникает необходимость диверсифицировать свою деятельность.

Проекты, в которые осуществляет инвестирование армянская диаспора России, т. е. армяне Спюрка, многочисленны и тематически разнообразны. Это и энергетика, и металлургия, и связь, и пищевая промышленность [12] и т.д. Сегодня в Армении действуют около 600 компаний разной направленности и объемов капиталов, принадлежащих российским армянам.

Заострим наше внимание на гуманитарной сфере, а точнее, на сфере образования. «Мы хотим осуществлять благотворительные проекты, которые окажут влияние на будущее Армении, помочь ей перейти от модели выживания, которая сегодня доминирует, к модели процветания. А для этого

необходимо трансформировать образ мысли людей, приучить их работать «в длинную» и думать на 20–30 лет вперед» [13], – эта мысль видного представителя деловых кругов России Рубена Варданяна является квинтэссенцией того «экономического» интереса, которую проявляли и проявляют армяне диаспоры к своей родине.

Одним из крупнейших инвесторов в сферу образования в Республике Армения является Образовательный фонд «Айб». Этот Фонд организовали несколько друзей, членов армянской диаспоры, живущих в разных странах, в 2006 г. Их объединила идея развития и преображения Армении через образование. Для этого они решили построить школу будущего. Детально изучив состояние учебных программ ереванских школ, выявив плюсы и минусы системы образования современной Армении, ее сильные и слабые стороны, а также передовой международный опыт, они первоначально пришли к пониманию необходимости перестроить уже существующую в Ереване школу под те стандарты, которые определили для себя как наиболее прогрессивные и инновационные. При этом после проведенного «зонирования» стало очевидно – нужно не корректировать старое, а строить новое.

От идеи до реализации прошло пять лет, и в 2011 г. в столице Армении городе Ереване свои двери открыла гимназия будущего – Школа «Айб». Эта школа стала первым социальным проектом в сфере частного образования в Армении. Ее открытие стало началом широкомасштабной долгосрочной многовекторной программы по созданию «Образовательного узла Айб», строительство которого ведется на 7 гектарах и должно быть закончено к 2017 г. Сегодня в Школе «Айб» учится 416 учеников. Всем ученикам, поступившим в старшую школу «Айб», предоставляются равные возможности для обучения вне зависимости от платежеспособности семьи. Со дня открытия школы более 70 % ее учеников получают ежегодную стипендию от Образовательного фонда «Айб».

«Ставку на родительский карман мы не делаем, – говорит один из организаторов Ашот Асланян. – Школе нужны ученики не богатые, а способные, ведь известность ей принесет лишь сложившаяся карьера выпускников. Если ученик сдал экзамены и поступил в нашу школу, то она должна найти средства на его образование – привлечь меценатов, государственные структуры, различные фонды или сама взять на себя часть расходов. Однако родитель должен быть первым инвестором для своего чада. Ему, можно и так сказать, должно быть выгодно сделать даже небольшое капиталовложение в будущего высокооплачиваемого специалиста. Но пока – это ребенок, которого надо поддержать и дать возможность раскрыться, конечным же потребителем его знаний и навыков будет общество» [14].

В школе «Айб» разработана инновационная система образования, которой подчинен не только учебный план, но даже внутренняя планировка здания учебного заведения. Для детей здесь также организовано множество

кружков, в т.ч. с уклоном в IT-область, творческих мастерских, редакция газеты. В учебно-ролевом игровом формате предусмотрена система стимулирования освоения новых знаний. За хорошие оценки на личный счет ученика поступает виртуальная «валюта», которая может быть направлена в счет погашения реальной платы за обучение. Также дети могут подготовить концерт, выпустить номер газеты, проявить свой творческий потенциал, а вырученные от продажи билетов или подписки виртуальные деньги опять-таки использовать по уже означенному формату или по своему усмотрению.

В школе «Айб» действует система менторства. Ментор-ученик старших классов должен курировать работу школьника из младшей параллели. Так, ученики получают опыт педагогической работы и социальной межвозрастной коммуникации.

Уникальным нововведением в школе «Айб» являются т.н. фаблабы – мастерские-лаборатории, оснащенные специальными приборами и материалами, которые позволяют применять инновационные технологии в различных областях науки и производить образцы «практически всего». Фаблабы были впервые созданы Массачусетским технологическим институтом в США и в настоящее время активно распространяются по всему миру. Эксклюзивная программа внедрения этих так называемых «умных» лабораторий в Армении позволяет простимулировать развитие прикладных аспектов образовательных программ. Первые два фаблаба в Армении были открыты при школе «Айб» в Ереване в 2015 г., а также в Центральной школе Дилижана в том же году.

Помимо инвестирования непосредственно в проект Школа «Айб» руководство Фонда вкладывает средства в проведение общеармянских и общероссийских образовательных мероприятий. Так, уже несколько лет подряд проводятся олимпиады «Кенгуру: математика для всех» [15], «Русский медвежонок: языкознание для всех» [16], «Пчелка: армянский для всех» [17], Всеармянский турнир юных химиков. Все они предоставляют возможность ученикам из самых отдаленных мест Армении или России помериться интеллектуальными силами с миллионами сверстников во всем мире, по-новому проявить себя.

Таким образом, Республика Армения, обладая довольно лояльным законодательством в сфере иностранных инвестиций, предоставляет широкие возможности для инвестирования и реализации гуманитарных проектов заинтересованным в развитии исторической родины – «материнского государства» [18] – армянам Спюрка, для которых, в свою очередь, вложение средств становится не столько бизнес решением, сколько вкладом в будущее Армении. Так, диаспора и материнское государство выступают как единомышленники в определении и реализации наиболее значимых и долгосрочных государственных задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Закон «Об иностранных инвестициях» от 4 июля 1994 г. – URL: <http://www.parliament.am / legislation.php?sel=show&ID=1552&lang=rus>.
2. Концепция инвестиционной политики Армении от 21 апреля 2005 г. – URL: http://www.mfa.am/u_files/file/businessarm/INVESTMENTSrus.pdf.
3. Раздел II, Статья 8 Закона «Об иностранных инвестициях» от 4 июля 1994 года. – URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1552&lang=rus>.
4. Там же. Раздел II, Статья 9.
5. Там же. Раздел IV, Статья 14.
6. Там же. Раздел IV, Статья 19.
7. К числу стран, с которыми у Армении заключено соглашение «О поощрении и взаимной защите инвестиций». относятся: Аргентина, Австрия, Болгария, Германия, ОАЭ, США, экономический союз Бельгия-Люксембург, Республика Беларусь, Египет, Туркменистан, Иран, Италия, Израиль, Ливан, Канада, Катар, Кипр, Греция, Индия, Кыргызская Республика, Соединенное Королевство Великобритания, Швейцария, Китай, Румыния, Российская Федерация, Вьетнам, Грузия, Республика Таджикистан, Украина, Уругвай, Франция, Финляндия, Нидерланды, Латвия, Швеция, Литва, Республика Казахстан.
8. Портал внешнеэкономической информации. – URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/am/about_am/laws_ved_am/invest_law_am.
9. Armenian population in the world. – URL: <http://www.webcitation.org/68GdEAofj>.
10. Трансферт – перевод иностранной валюты или золота из одной страны в другую.
11. Армянская диаспора в контексте российско-армянских экономических связей // Этносоциологические исследования в Армении и в диаспоре. – 2013. – № 4. – С. 179.
12. К числу таких предприятий/компаний можно отнести: «Терморос», «Ташир», «Валлекс Групп», «Америа Банк». Российские и совместно российско-армянские предприятия: ЮКЖД, ЗАО «АрмРосгазпром», «Разданская энергетическая компания РазТЭС», Арменал, ЗАО «Синтроникс Армения», Армяно-российская горнорудная компания, Банк ВТБ (Армения), Банк Прометей, ВиваСелл-МТС и др.
13. Р.К. Варданян. – URL: <http://m.mediamax.am/ru/news/98/7625>.
14. Гимназия будущего. – URL: <https://mipt.ru/za-nauku/hardcopies/2011m/17-1887/gimnazia.php>.
15. «Кенгуру» – один из самых популярных конкурсов школьников по математике в мире. Каждый год в нем участвуют более шести миллионов школьников, из них около двух – в России. Каждый желающий, вне зависимости от уровня знания математики, может поучаствовать в конкурсе-игре «Кенгуру». Сложность заданий делится по возрастным группам: 2 класс, 3–4 классы,

- 5–6 классы, 7–8 классы и 9–10 классы. После подведения итогов всем участникам выдается сертификат участника с указанием места, занятого в школе, в районе, в стране. Победители и призеры получают ценные призы.
16. «Русский медвежонок» – самый популярный в России конкурс школьников по русскому языку. Участвуют в конкурсе все желающие, без какого-либо предварительного отбора. Конкурс проводится в пяти разных возрастных группах: 2 и 3, 4 и 5, 6 и 7, 8 и 9, а также 10 и 11 классы. Участникам в игровой форме предлагается в каждом из заданий выбрать один из пяти предложенных вариантов ответа. Победителям и призерам после подведения итогов и вывешивания результатов конкурса выдаются ценные призы.
17. «Пчелка» – олимпиада по армянскому языку. Впервые была проведена в 2015 году. В конкурсе «Пчелка» участвовали 44 411 школьников из 961 школа Армении и Нагорного Карабаха.
18. Вклад белорусских общественных организаций в формирование единого русско-белорусского культурного пространства (опыт НКА «Белорусы Москвы») // Развитие единого культурного пространства Беларуси и России – важнейшее направление сотрудничества в рамках Союзного государства. 37-й действующий семинар при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства, Москва. – С. 188.

ЧУВАШКО-АРМЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Соловьева Татьяна Анатольевна

ведущий архивист отдела использования документов
Бюджетное учреждение Чувашской Республики
«Государственный исторический архив Чувашской Республики»
г. Чебоксары, Чувашская Республика, Россия
e-mail: ts1109p@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос развития чувашско-армянских отношений в конце XX – начале XXI вв. На основе конкретных примеров описывается активное перекрестное участие армян и чувашей в культурной и общественной жизни Чувашии и Армении соответственно. Особое внимание уделено вопросу укрепления дружественных связей на современном этапе.

Ключевые слова: межнациональное общение; Чувашия; армянская диаспора; диалог культур.

CHUVASH-ARMENIAN CULTURAL AND SOCIAL CONNECTIONS

Tatyana A. Solovyova

a leading archivist of the division of using documents
State historical archive of the Chuvash Republic
Cheboksary, Chuvash Republic, Russia
e-mail: ts1109p@yandex.ru

Abstract. The article discusses the development of the Chuvash-Armenian relations in the late XX – early XXI centuries. Based on the specific examples described active cross-participation of Armenians and Chuvash in the cultural and social life of the Chuvash Republic and Armenia respectively. Special attention is paid to strengthening of friendly relations at the present stage.

Keywords: international communication; Chuvashia; Armenian Diaspora; dialogue of cultures.

Чувашия – многонациональный регион, где издавна живут, сохраняя добрососедские отношения, представители разных национальностей. Каждый народ со своей культурой, традициями, нравственными ценностями является важной составляющей населения республики.

Мир и согласие, веками сохраняющиеся среди представителей разных национальностей на территории Чувашии, берут свое начало в общей тональности этнического менталитета чувашского народа. Чуваши – самобытный народ с богатой культурой, в которой есть черты, схожие и с восточной, и с западной культурами, присутствуют хазарская, болгаро-саварская, тюркская, финно-угорская, славянская и другие традиции, притом она не тождественна не одной из них. Чувашский народ, сохранив собственное миропонимание, впитал культуру и традиции разных народов, «перерабатывал» их, синтезировал положительные, подходящие для условий своего существования обычаи, обряды и ритуалы, нормы и правила поведения, тем самым сформировал своеобразный национальный характер.

Все эти особенности и сегодня находят отражение в менталитете чувашей, среди которых отсутствует какой-либо этнический фанатизм. Чуваши глубоко привержены традициям, они не потеряли своего завидного качества терпимости и исключительного уважения к другим народам, традиционно толерантны к представителям иных конфессий и отличаются сдержанным выражением своих религиозных чувств. В чувашах с детства целенаправленно воспитываются тактичность, стремление соблюдать меру в общении, не допуская действий и слов, которые могут быть неприятны собеседнику или окружающим людям [1]. Как отмечают исследователи [2], в Чувашии в целом отсутствуют такие предпосылки, которые могли бы в перспективе привести к усилению межнациональной напряженности. Данные обстоятельства формируют благодатную почву для мирного и доброжелательного соседства представителей самых разных национальностей.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Чувашии проживают представители 124 национальностей [3]. Самые многочисленные – чувашы (67,7 % от общей численности населения республики), русские (26,9 %), татары (2,8 %) и мордва (1,1 %). За ними следуют украинцы (0,39 %) и марийцы (0,3 %). Представители других национальностей составляют 0,85 % от общего количества населения республики. Чувашия также является домом для значительной группы белорусов, азербайджанцев, таджиков, цыган, узбеков, немцев, молдаван, башкир, удмуртов и евреев.

Одной из представительных диаспор, проживающих на территории республики, является армянская. Исходя из данных той же переписи на 2010 г. в Чувашской Республике их насчитывалось 1290 человек, для сравнения, в 2002 г. численность представителей армянской национальности составила 1261 человек [4]. Армяне проживают, в основном, в городах Чебоксары и Новочебоксарск, а также в Канашском районе, хотя фактически

присутствуют во всех районах республики и заняты во всех сферах деятельности – от сельского хозяйства до культуры и здравоохранения и вносят весомый вклад в социально-экономическое развитие Чувашии.

В республике функционирует Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз армян России» в Чувашской Республике, который не только консолидирует диаспору и сохраняет ее национальную самобытность, но и способствует укреплению культурных связей с чувашским народом. Как отметил председатель организации А.В. Погосян в ходе недавней встречи с и.о. министра культуры, национальной политики и архивного дела Чувашской Республики К.Г. Яковлевым: «За прошедшие десятилетия армяне нашли свое место в Чувашии, полностью влились в общество и связывают свое будущее и будущее своих детей с Чувашией и Россией» [5].

Наиболее убедительным символом дружбы между двумя народами в республике давно признан доцент кафедры изобразительного искусства и методики преподавания Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева М.Г. Григорян. Сегодня сложно представить чувашскую профессиональную живопись без заслуженного художника России М.Г. Григоряна. Уроженец г. Ленинанкан (ныне г. Гюмри), обосновавшийся в г. Чебоксары еще в начале 1970-х гг., смело смешивает на своих холстах армянский колорит со строгостью поволжских красок [6].

В чувашских музеях находятся десятки его полотен, среди которых живописные пейзажи, портреты, натюрморты и картины, посвященные Армении и Чувашии. Он неизменный участник выставок регионального и всероссийского масштаба, его персональные выставки объездили всю Европу.

Художник принимает активное участие в процессе развития культуры и искусства в регионе. Помимо занятий со своими студентами в стенах родного университета он много работает с молодежью из сельской местности, приезжающей к нему для обучения художественному мастерству.

М.Г. Григорян часто использует в своем творчестве армянскую национальную тематику, но и чувашскую культуру он тоже давно считает родной. «Мы, армяне, не чувствуем себя гостями здесь, в Чувашской Республике. Ощущаем себя полноценными, полноправными жителями. И ставим перед собой те же цели, что и коренные жители: процветание этой земли, мир, лучшее будущее для детей. У меня здесь крепкие родственные и культурные связи, кругом друзья», – признался в одном из интервью Миша Гришович [7].

Действительно, связи чувашского и армянского народа крепки, они начали завязываться еще в советское время, и особенно сильно проявились во время трагических событий 7 декабря 1988 г. в Армении, когда серия подземных толчков мгновенно уничтожила г. Спитак и нанесла сильнейшие разрушения городам Ленинанкан, Кировокан (ныне Ванадзор), Степанаван и сотням других населенных пунктов. В 2013 г. М.Г. Григорян совместно с Союзом художников

Чувашской Республики подготовил выставку в память о тех трагических событиях. Стоит отметить, что митинги памяти жертв землетрясения проводятся в г. Чебоксары в канун трагедии ежегодно, собирая представителей армянской диаспоры и всех неравнодушных горожан.

В Чувашии знают об этой горькой странице истории армянского народа не понаслышке. В те дни все жители Советского Союза восприняли эту природную катастрофу как свою собственную беду. Со всех концов страны была оперативно организована помощь по спасению пострадавших от землетрясения и разработан план по строительно-восстановительным работам. Строители из Чувашии в числе первых прибыли в разрушенный стихией г. Ленинкан. Сведения об этом сохранились в Государственном историческом архиве Чувашской Республики в фонде Территориального строительного объединения по строительству Чувашской АССР.

В первые дни после трагедии по всей стране начали формироваться специальные строительные отряды. В Чувашии строительно-монтажный поезд № 6 «Армениячувашстрой» был скомплектован на базе стройтреста № 2 и вошел в состав проектно-строительного объединения «Монолитстрой» [8]. Параллельно институт «Чувашгражданпроект» в срочном порядке разрабатывал проекты сейсмостойчивых домов для Армении [9], поскольку традиционные разработки были не безопасны. Всего на строительство выехало более двухсот человек, которые работали вахтовым методом, ежемесячно сменяя друг друга.

Восстановительные работы в г. Ленинкан были объявлены делом первоочередной важности, и все вопросы касательно них должны были решаться в первоочередном порядке [10].

Первый дом был заложен чувашскими строителями 7 января 1989 г. и сдан уже в июле того же года [11]. Помимо жилых домов, инженерных сетей и коммуникаций в планах на 1989–1990 гг. «Армениячувашстрой» значился большой кинотеатр на 1100 посадочных мест [12].

Всего за три года работы было возведено 8 тыс. кв. метров жилья. Примечательно, что одна из первых улиц, восстановленных в городе, получила название «Чувашская» [13]. Представители армянской диаспоры и сегодня с благодарностью вспоминают о чувашских строителях и помощи, оказанной ими [14]. С распадом СССР в 1991 г. строительные бригады по ряду причин были вынуждены покинуть г. Ленинкан. Однако вся строительная техника, автотранспорт, оборудование и многое другое были безвозмездно переданы вновь созданным армянским трестам.

Связи чувашского и армянского народа продолжают укрепляться и сегодня. В области литературы и культурных взаимоотношений роль связующего звена активно исполняет чувашский писатель Юхма Мишши (М.Н. Ильин). Имя писателя хорошо известно не только в Чувашии и в России, но и в зарубежных странах. Его произведения переведены на десятки языков мира,

в том числе и на армянский. Юхма Мишши – лауреат многих иностранных, международных и всероссийских премий и званий, которых он был удостоен за большой вклад в укрепление дружбы народов и налаживание диалога между деятелями культуры [15].

Будучи прекрасным переводчиком, Юхма Мишши в 2011 г. перевел на чувашский язык древний армянский народный героический эпос «Давид Сасунский» о жизни и подвигах четырех поколений богатырей, защищавших свободу и независимость Армении в средневековье [16]. Эпос о смелости, мужественности, справедливости и борьбе за высокие человеческие идеалы не потерял актуальности и сегодня, именно поэтому он претерпел множество публикаций и переводов. Теперь и чувашские читатели имеют возможность познакомиться с армянским эпосом на чувашском языке.

Тесные контакты с Арменией прослеживаются и в сфере образования. Яркий пример – динамичное развитие сотрудничества Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова с Ереванским государственным медицинским университетом им. Мхитара Гераци – ведущим высшим медицинским учебным заведением Армении [17]. Начиная с 2014 г. вузы плодотворно взаимодействуют в области академических обменов обучающихся и научных стажировок профессорско-преподавательского состава, научно-исследовательской работы и проведения совместных конференций. По программе академической мобильности студенты перекрестно проходят стажировки, посещают лекции, участвуют в конференциях и знакомятся с культурой; преподаватели, в свою очередь, обмениваются опытом с коллегами и повышают свою квалификацию.

Таким образом, можно проследить, что связи чувашского и армянского народа довольно крепки и обладают устойчивой тенденцией роста. Они проявляются в самых разных сферах жизни, начиная с живописи и литературы, заканчивая строительством и медициной. Диалог культур стремительно развивается, открывая новые грани для сотрудничества.

Армянская диаспора, довольно многочисленно представленная в Чувашии, органично влилась в общество и вносит весомый вклад в социально-экономическое развитие региона. Можно привести много других примеров взаимодействия, но ясно одно: чувашаи и армяне близки по духу и стремлению к созидательной работе и, несомненно, вместе могут добиться многого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никитина Э.В. Этноменталитет чувашей: сущность и особенности. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 204 с.
2. Чувашская Республика. Социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – 192 с.

3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике. – URL: http://www.chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010.
4. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // Всероссийская перепись населения 2002 года. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.
5. Продолжаются рабочие встречи и.о. министра культуры Чувашии Константина Яковлева с представителями национально-культурных объединений // Минкультуры Чувашии. Официальный сайт. – URL: http://gov.sar.ru/info.aspx?gov_id=12&id=3159003&type=news&page=2&size=20.
6. Кириллова Р. Армянские краски Чувашии // Советская Чувашия. – 2008. – 8 ноября. – С. 4.
7. Савкина И. Красота всегда рядом // Советская Чувашия. – 2016. – 1 марта. – С. 2.
8. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р-2556. Оп. 1. Д. 82. Л. 25.
9. Там же. Д. 2. Л. 88.
10. Там же. Д. 82. Л. 27.
11. Там же. Д. 2. Л. 89об.
12. Там же. Д. 2. Л. 102.
13. Федотова С. Армянин с улицы Чувашской // Грани. – 2015. – 25 июля. – С. 4.
14. Алексеева Е. Прописка на улице Чувашской // Советская Чувашия. – 2008. – 10 декабря. – С. 3.
15. Арустамян Э. Михаил Юхма (Мишши Юхма) – Все отдаю людям: размышления и философские обобщения о жизни и творчестве. – М.: РиоМакс, 2006. – 319 с.
16. Сасун Давичё: эрмен халӑх эпосё / авт. предисл. М.Н. Юхма; Юхма Мишшипе Чёкеç Люçси куçарнӑ. – Шупашкар: Аттил, 2011. – 285 с.
17. Плодотворное международное взаимодействие Чувашского госуниверситета с Ереванским государственным медицинским университетом (Армения) // Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. Официальный сайт. – URL: http://www.chuvsu.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=4074.

АРМЕНОВЕДЕНИЕ И ГЕНОЦИД

Зинуров Рафаэль Нариманович

доктор юридических наук, профессор
член Комитета по международным делам Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации
г. Москва, Россия
e-mail: RNZinurov@senat.gov.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ряда вопросов, которые долгое время не освещались исследователями, занимающимися изучением геноцида армян. Дав обзор наиболее важных материалов по данному вопросу, автор останавливается подробнее на структуре и механизме осуществления геноцида и роли в геноциде Парламента Турции. В статье выделены и подробно рассмотрены основные этапы этого страшного преступления в истории человечества.

Ключевые слова: геноцид армян; Парламент Турции; «Иттихад ве тераки»; Абдул-Меджиде; Абдул-Гамиде; закон о депортации.

ARMENIAN STUDIES AND GENOCIDE

Zinurov Rafael Narimanovich

Doctor of Law, professor
Member of the Foreign Affairs Committee of the Federation Council
of the Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russia
e-mail: RNZinurov@senat.gov.ru

Abstract. The article is devoted to consideration of a number of issues which were not covered by researchers involved in the study of the Armenian genocide. Giving an overview of the most important materials on the issue, the author dwells upon the structure and mechanism of implementation and role in the genocide of the Turkish Parliament. Highlighted in the article discussed in detail the main stages of this terrible crime in the history of mankind.

Keywords: Armenian genocide; the Turkish Parliament; “Ittihad ve teraki”; Abdul-Majid, Abdul-Hamide; the law on deportation.

Исследования о геноциде армян имеют многолетнюю историю и насчитывают огромное количество изданий. Сделать обзор хотя бы их части в рамках настоящего форума не представляется возможным. Отдавая дань уважения, признательности и благодарности всем авторам этих изданий, я намерен обратить ваше внимание на ряд обстоятельств, которые, к сожалению, остаются в стороне.

В частности, это то обстоятельство, что в выполнении Программы геноцида армян самым широким образом была задействована вся государственная машина Османской империи, от низших ступеней власти в санжаках и вилайетах до высших структур в министерствах, Правительстве и Парламенте. Однако я особо остановлюсь лишь на структуре, механизме осуществления геноцида и роли в геноциде Парламента Турции.

Чтоб не быть здесь многословными относительно хода подготовки и позже непосредственного осуществления младотурками чудовищной акции геноцида, приведем мнение зарубежного арменоведа Д. Гаттмана, который писал, что у турецкого руководства был подготовлен подробный план, которым действия властей на местах координировались и направлялись партийной верхушкой, обладавшей всей властью. Правительство специально стимулировало и подстрекало турецкое, и особенно курдское население к погромам и убийствам [1].

Всесторонний анализ внутренних структур партии «Иттихад ве тераки» раскрывает ответственных за принятие решений об уничтожении армян, показывает расстановку сил в ЦК «Иттихада...», показывает процесс создания, цели и структуру зловещей «Особой организации». Большое значение для понятия механизма геноцида имеют проанализированные документы текущего архива, в том числе Закон и Постановление Турецкого Парламента о депортации армян, содержатся выписки из стенограмм слушаний о депортации армян и их массовом уничтожении.

Вследствие обширности и подробности приведенных автором материалов, ограничимся обзором лишь наиболее важных, на наш взгляд, из них.

Весь процесс подготовки и осуществления геноцида условно можно разделить на три этапа. На первом этапе, мы узнаем имена создателей этой зловещей партии – это студенты военно-медицинской школы в Стамбуле Ибрагим Темо, Абдулла Джевдет, Исхак Сюкюти и Мехмед Решид [2].

Современные исследователи геноцида приводят убедительные сведения о том, что общество «Иттихад ве тераки» было создано, в первую очередь, под копирку с действующей в Салониках тайной итальянской организации «Macedonia Risorta».

Отметим, что по нашим данным, «Macedonia Risorta», в свою очередь, многое переняла из принципов построения и деятельности сицилийских преступных сообществ, имя которых вам хорошо известно. Таким образом, структура тайной организации «Macedonia Risorta», была идеальной с точки

зрения обеспечения успешного функционирования даже в условиях предательства [3].

В 1909 г. по решению ЦК этой организации во всех вилайетах были созданы отделы с подчинением их ЦК. В каждом сельском округе – санжаке, были введены должности секретаря, руководящего всей деятельностью партии на местном уровне. Забегая вперед заметим, что в ходе геноцида они сыграли свою решающую и жестокую роль.

Требования к членам общества «Иттихад ве тераки» были краткими: кандидат должен быть турком, образованным, молодым, из правящего сословия. Окончательная структура «Иттихада...» сложилась к 1913 г., когда Османское общество «Иттихад ве тераки» стало партией, костяк которой впоследствии неизменно составляли Мидхат Талаат, доктор Назым, Мидхат Шюкрю, Хаджи Адиль, Зия Гёкальп, доктор Бехаетдин Шакир, доктор Рюсухи, Кара Кемаль [4].

Немаловажно, что существенную роль в подготовке структур «Иттихад ве тераки» сыграли пантюркисты-выходцы из России: Юсуф Акчура (Казань), Исмаил Гаспринский (Крым), Али-Марданбек Топчибашев [5].

В истории организации геноцида армян и погромов других христианских народов Османской империи, особое место занимает IV Конгресс партии «Иттихад ве тераки», тайно состоявшийся в Салониках с 29 сентября по 9 октября 1911 г. Конгресс принял доктрину о насильственной османизации и комплекс насильственных мер, направленных на уничтожение не желающих добровольно османизироваться армян и греков.

Второй этап организации геноцида выделяется важнейшими обстоятельствами.

Это, прежде всего, «Закон о депортации», ссылаясь на который сотни тысяч армян были отправлены на губительный путь в Дейр-эз-Зор. Здесь надо иметь в виду, что этот закон являлся временным и согласно Конституции, не подлежал применению без утверждения его в Парламенте. Но под непосредственным давлением Энвера-паши младотурецкое правительство нашло выход – Правительство получило право применять этот закон и лишь после этого представлять его в Парламент на утверждение.

Таким образом, Парламент получил на утверждение предложение правительства лишь 21 сентября 1915 г., когда по всей стране полным ходом осуществлялись депортация и истребление армянского населения. Надо ли говорить, что к этому времени большая часть армянского населения Западной и Южной Армении была уничтожена, то есть геноцид практически был уже осуществлен, тогда как закон о депортации был представлен на утверждение лишь через год.

Третий этап, когда на уровне Парламента Османской империи был принят зловещий «Закон о депортации», стоивший жизнью 1,5 миллионов армян, является последним актом геноцида.

В центре этого отлаженного механизма находились специально учрежденные структуры для непосредственного руководства уничтожением армян, и, самое страшное – для физического истребления армян по всей Османской империи – «Ташкитлат-и-Махсуси» («Особая организация») и подчиненная этой организации «Организация фидаинов» [6]. Последние тысячами и сотнями тысяч физически умерщвляли армян, где бы их ни встречали и ни находили.

Львиную долю «работы» по непосредственному физическому уничтожению армян, также выполняли специально созданные иррегулярные военные отряды «Гамидие», полностью состоявшие из мародерствующих безжалостных банд курдов.

Что же представлял из себя «Закон о депортации»?

В статье 1 закона говорится о том, что военное командование, в случае оказания военного сопротивления или восстаний, имеет полное право и обязанность путем применения оружия наказать и полностью ликвидировать сопротивление.

Статья 2 разрешала военным исходя из необходимости, в одиночном или массовом порядке выдворять на новые места население районов и деревень.

Согласно «Закону о депортации», эта операция проводилась в соответствии с тремя принципами:

- принцип 10 процентов – армяне не должны были превышать 10 процентов от численности мусульман в регионе;
- количество домов депортированных армян не должно было превышать пятидесяти;
- впоследствии депортированным запрещалось менять места их назначения;

Плотная цепочка в механизме принятия решений о геноциде: ЦК партии «Иттихад ве тераки» – Правительство Османской империи – Парламент, сбоек не дала, а названные три принципа никем не учитывались. При их соблюдении возможно число жертв было бы поменьше, но это лишь наше предположение.

Если при султанах Абдул-Меджиде, Абдул-Гамиде процесс уничтожения армян базировался на классической схеме османских султанов, то есть уничтожение по национальному признаку, то при младотурках была создана разработанная до мельчайших подробностей государственная, программная система уничтожения многомиллионного народа, возведенная в ранг государственной политики

Все сказанное выше о немыслимом злодеянии турецкого правительства, может быть дополнено высказыванием одной из центральных фигур в осуществлении геноцида, доктора Назыма.

«...Армян надо уничтожить в корне, чтобы ни одного армянина не осталось на нашей земле и забылось само это имя. Сейчас идет война и такого случая

больше не будет. Вмешательство великих держав и шумные протесты мировой прессы остаются незамеченными, а если они и станут известны, то будут поставлены перед совершившимся фактом, и тем самым вопрос будет исчерпан. На этот раз наши действия должны принять характер тотального истребления армян, необходимо их всех уничтожить до единого»[7].

Относительно признания геноцида мировым сообществом, красноречивым фактом является презентация в г. Ереване трехтомного издания архивных документов «Геноцид армян в Османской Турции: свидетельства очевидцев на турецком языке». Автор работы – известный в Турции публицист, издатель и правозащитник Рагип Зараколу, который в Турции подвергается гонениям и притеснениям за свое «армянство».

Согласимся, что его нижеследующие слова не требуют комментариев и выводов. Они свидетельствуют, что в современной Турецкой Республике, неизменно наступят времена, когда геноцид армян будет признан широкими слоями турецкого общества.

«Если государство, совершившее геноцид остается безнаказанным, то попытка давления на другие политические или этнические группы, сможет повториться вновь. Этого нельзя допустить. Перемены, которые сейчас происходят в среде турецкой интеллигенции, постепенно перейдут в широкие слои общества» [8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Gattman J. The beginings of the genocide. A brief account of the Armenian massacres World War I. – New York, ANCA, 1948. – P. 48
2. Геворкян Арсен. Геноцид армян: Механизмы принятия и исполнения решений. – Ереван, 2013. – С. 11.
3. Там же. – С. 10-14.
4. Там же. – С. 18-20.
5. Там же. – С. 29.
6. Там же. – С. 92-93, 97
7. Цитируется по: Демоян Гайк. Внешняя политика Турции и Карабахский конфликт. Историко-сравнительный анализ. – Ереван, 2013. – С. 44-45.
8. Рагип Зараколу. Признание геноцида в турецком обществе считаю борьбой за честь // «Ноев ковчег». – 2014, август. – С. 9.

РАЗДЕЛ 4

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО НАРОДА
В РОССИИ

АРМЯНЕ В КРЫМУ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор

главный консультант ректората

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

г. Москва, Россия

e-mail: volobuevov@yandex.ru

Ненароков Альберт Павлович

доктор исторических наук, главный специалист

Федеральное казенное учреждение

«Российский государственный архив социально-политической истории»

г. Москва, Россия

e-mail: nenarokov.albert@yandex.ru

Аннотация. Представленный в тезисах панорамный обзор пребывания армян в Крыму, начинающийся со Средних веков и заканчивающийся современностью, преследует, прежде всего, научно-просветительские цели. Опираясь на имеющуюся историографическую базу, авторы выделяют основные этапы и особенности истории армянской общины в Крыму.

Ключевые слова: армянская диаспора; периодизация; генуэзские колонии; Крымское ханство; Таврическая губерния; Крымская АССР.

Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда № 15-31-10169 «История Крыма».

ARMENIANS IN CRIMEA: MILESTONES OF HISTORY

Oleg V. Volobuev

Doctor of Historical science, Chief Consultant of administration
Moscow Region State University
Moscow, Russia
e-mail: volobuevov@yandex.ru

Albert P. Nenarokov

Doctor of Historical science, Chief specialist
Russian State Archive of Social and Political History
Moscow, Russia
e-mail: nenarokov.albert@yandex.ru

Abstract. This thesis presents is a panoramic survey of Armenian presence in Crimea from the Middle Ages to present times, intended for scientific-educational purposes. On the basis of existing historiography, the authors delineate the principal stages in the history of the Armenian community in Crimea.

Keywords: Armenian diaspora; periodization; Genovese colonies; Khanate of Crimea; Taurideguberniia; Crimean Autonomous Socialist Soviet Republic.

1. Одним из старейших регионов армянской диаспоры начиная с далеких Средних веков был Крым. За тысячелетнее пребывание в Крыму дважды армянская община подверглась выселению, и каждый раз возрождалась заново. В настоящее время армяне, проживающие в Крыму, представляют новую культурно-историческую общину, которая постепенно увеличивалась с 1960-х гг. вплоть до настоящего времени.

Авторы не ставили перед собой задачу всесторонне представить историю армян в Крыму. Они ограничиваются панорамным обзором, основанным на имеющейся литературе, оставляя недостаточно вспаханное исследователями и только местами засеянное историческое поле. Хронологические рамки панорамного обзора охватывают пребывание в Крыму армянских общин на территории генуэзских колоний (XIII–XV вв.), Османского эялета (пашалыка) Кефе и Крымского ханства (1475–1778 гг.), Российской империи (1778–1917 гг.), Советской державы (1920–1944 гг.).

Вопрос, когда впервые появились армяне в Крыму, нуждается в уточнении. Наиболее распространенная версия связывает их более или менее массовое появление на территории полуострова с захватом и разорением в 1064 г. сельджуками крупнейшего политического и экономического центра Армении г. Ани. В поисках новых земель анийские армяне обратили свои взоры на Северное Причерноморье, которое в то время начало превращаться в западную часть Дешт-и-Кипчака. Степняки-половцы нуждались в торговцах и ремесленниках. По всей видимости, первоначально армяне обосновались в принадлежащем тогда половцам Судаке (Суроже-Сугдеи), который был важным торгово-транзитным пунктом на пути товаров из Малой Азии в Половецкие степи.

2. В середине XIII в. генуэзцы по соглашению с золотоордынским крымским эмиром основали на месте древней Феодосии свою торговую факторию под названием Кафа. Она вскоре превратилась в крупный торговый центр. Судак, пострадавший после разорительного набега иконийского султана в 1221 г. и последующего разорения татарами-монголами в 1232 г., потерял прежнее значение. В 1289 г. он перешел под власть генуэзцев. Вместе с торговлей в Кафу перебазировались и обосновавшиеся в Крыму и вновь прибывавшие армяне. Время с конца XIII до захвата в 1475 г. генуэзских колоний турками-османами стало периодом наибольшего расцвета средневековой армянской общины. В дальнейшем армяне проживали либо в пределах крымского пашалыка Османской империи, либо на территории Крымского ханства.

В средневековых письменных и материальных исторических источниках сохранились и отразились сведения об армянском населении в Крыму. Сохранилось и немало армянских архитектурных памятников. Широкий круг этих источников использован в исследованиях В.А. Микаеляна, благодаря чему средневековый период в истории армян в Крыму является наиболее изученным и освещенным с учетом ограниченности сведений о нем [1].

Концентрация армян происходила в восточной части Крыма в пределах географической границы Кафа – Солхат – Карасубазар – Судак и вдоль побережья от Судака до Кафы. Ясно и то, что значительная часть армян была связана с морской и сухопутной торговлей. Не случайно армянские села «выстроились» вдоль торгового пути, пролежавшего в крымских предгорьях от Кафы до Бахчисарая. Так, на пятидесятикилометровом отрезке этого пути от Солхата – Старого Крыма, ставшего на какое-то время главным административным центром Крымского юрта Золотой Орды, до Карасубазара с его большим караван-сараями были расположены: Салы (Грущевка), Топлу (Тополевка) и др. Нельзя не обратить внимания на то, что географическая сетка армянских кварталов в городах и армянских сел совпадает с сеткой торговых путей.

Архитектурными памятниками средневекового армянского населения Крыма являются храмы и монастыри. Одни из них сохранились в относительно

приемлемом состоянии, другие разрушены. Всего этих памятников по разным сведениям имеется до 51. Из 13 монастырей наиболее известен воздвигнутый вблизи Старого Крыма в 1358 г. Сурб-Хач, который был резиденцией армянских епископов. Да и в настоящее время он является главной святыней армян в Крыму. Считается, что он получил свое название от хачкара, который был привезен из Ани.

3. Имеется ряд источников, которые позволяют судить о численности и географическом размещении армян в Крыму. Ценные сведения об этом можно получить по ведомости о выселении христиан из Крыма в 1778 г., т.е. уже накануне присоединения Крыма к России. Разумеется, эти данные нельзя прямо экстраполировать на средневековый Крым. Имеются две ведомости, дополняющие и корректирующие друг друга. Одна связана с именем А.В. Суворова, руководившего выселением, другая с Игнатием – главой греческой православной епархии в Крыму. Согласно «суворовской» ведомости из Крыма было выведено 31 386 человек, в том числе 12 598 армян. По местам проживания армяне распределялись так: из Кафы – 5511 (больше чем греков в 3 с лишним раза), Бахчисарая – 1375, Карасубазара – 2809, Гезлева – 1304, Акмечети – 259, Старого Крыма – 160, Татлы – 212, Мелик – 72, Камышлак – 121, Салы – 224, Чурук-Су – 40, Бурундук-Отар – 38, Топчак – 10, Султан-Салы – 57, Урталака – 406. По пути в материковые степи осталось зимовать «для торгового промысла» в Перекопе 288 человек, из них 60 греков и 228 армян [2]. Это соотношение дает возможность представить удельный вес армян в крымской торговле.

4. С присоединением Крыма к России часть выведенных оттуда армян начала возвращаться в родные места. Многие из них обосновались на Перекопском перешейке, месте очень удобном для торговых операций. Отсюда, с Перекопа шел вывоз основного экспортного товара Крыма – соли. С середины XVIII в. это селение получило название Эрмени-базар – Армянский базар. В 1790 г. армяно-католическая община в составе 1000 человек вернулась в Карасубазар. Динамика роста армянской общины в Крыму в процентном отношении ко всему населению Крыма выглядела следующим образом: по ревизиям 1792 и 1796 гг. – 0,6 %, в 1816 г. и 1858 гг. – 1,3 %, а в 1863 г. уже – 2,9 %, по переписи 1897 г. – 1,5 %, 1917 г. – 1,6 % [2]. За период с 1897 по 1919 г. число армян достигло 16 907 человек, увеличившись в два раза, что было связано с геноцидом армян в Османской империи.

Правительство, заинтересованное в заселении Крыма, возвращало растущей армянской общине храмы, земли, городские кварталы. Возрождались национальное городское самоуправление. В Старом Крыму начал действовать армянский суд (до Судебной реформы 1864 г.).

Армянское население было представлено разными социальными слоями. Среди них были мелкие, средние и крупные предприниматели (как в купеческом сословии, так и вне его).

Часть армян принадлежала к служилому люду – чиновникам и офицерам, имена некоторых из них заслуженно вошли в историю России. Так, карасубазарский армянин Лазарь Маркович Серебряков (до службы на флоте Казар Маркосович Арцатагорцян) стал полным адмиралом, и его усилиями создавался город-порт Новороссийск. Он, в частности, возводил там первые причалы и добился выделения денег на строительство водопровода. Его сыновья также служили офицерами и участвовали в Крымской войне.

Благодаря серьезному вниманию, которое армянская диаспора неустанно уделяла развитию национального образования (и начального, и среднего), возрастали численность и влияние местной крымской армянской интеллигенции, которая играла заметную роль не только в жизни Таврической губернии, но и всей Российской империи. Весьма существенный вклад крымская армянская интеллигенция внесла как в родную национальную, так и в русскую культуру. Среди ее выдающихся представителей особо выделяются братья Айвазовские. В 1858 г. в Феодосию из Парижа вернулся Габриэль (Гавриил) Константинович Айвазовский – армянский священнослужитель, учёный-лингвист и полиглот, основатель и главный редактор журнала «Голубь Масиса», приложения к которому под названием «Радуга» выходили на русском и французском языках. Вместе с предпринимателем и спонсором Арутюном Халибовым Габриэль Айвазовский создал в Феодосии т.н. Халибовское училище, дающее прекрасное гуманитарное образование широкого профиля, куда принимались юноши не только из России, но и из других стран. С Феодосией с 1845 г. была связана и жизнь его брата великого художника-мариниста Ивана (Ованеса) Айвазовского, чьи картины высоко оцениваются на мировых выставках-аукционах. В 1917 г. в Ялту переезжает художник и архитектор Вардгес Суренянц, часть детства которого прошла в Симферополе. Он пишет эскизы армянских церквей, расписывает алтарь и купол Армянской церкви в Ялте. Эта замечательная церковь воздвигалась в течение 1909–1917 гг. по проекту архитектора Габриэля Тер-Микеляна, взявшего за образец памятник армянского средневекового зодчества церковь святой Рипсиме, датируемую 618 г. Строительство в Ялте велось по заказу нефтепромышленника Погоса Тер-Гукасяна. В музыкальной жизни России и Крыма большую роль играл композитор и педагог Александр Спендиаров, автор оперы «Алмаст» и ряда симфонических произведений. В 1901 г. отец композитора купец Афанасий Спендиарян подарил сыну дом в Ялте, и с этого времени тот обосновался в Крыму вплоть до 1922 г. Им были написаны две серии «Крымских эскизов» и популярная «Колыбельная» [3].

5. В октябре 1921 г. после Гражданской войны была в границах полуострова образована Автономная Крымская ССР. В этой многонациональной автономии проживало тогда 1,67 % армян. В 1939 г. армянское население составляло 12 873

человека. В основном это были городские жители, сосредоточенные главным образом в самых значительных крымских городах: в Симферополе – 2798, Керчи – 1373, Севастополе – 935. Произошло смещение и в географическом распределении в сторону западной части полуострова. В Ялте числилось армян (692) уже больше, чем в Феодосии (593). Но армянское сельское население размещалось преимущественно в местах прежнего проживания: в Карасубазарском (770) и Старокрымском (1032) районах [4].

В 1920–1930 гг. многоэтничное крымское общество строило (кто по доброй воле, а кто по историческим обстоятельствам) новый, социалистический мир. Многие армяне, прежде всего предприниматели, эмигрировали из Крыма в разные европейские страны. Но среди тех, кто остался, были труженики, вложившие свои силы почти во все специальности. Среди армян всегда имелись искусные ремесленники, они были организованы в кустарно-промышленные кооперации. Крестьяне стали колхозниками (имелись даже национальные колхозы). Формировалась новая интеллигенция. Продолжала много делать для Крыма и прежняя интеллигенция. Спендиаров до своего отъезда в 1924 г. в Армению открыл музыкальную школу, руководил народными хорами. В Феодосии начинал свою деятельность известный медик и краевед И.М. Саркизов-Серазини [5]. Вообще врачей армян было немало и многие из них положили начало целым династиям. Из деятелей художественной культуры тех лет следует выделить искусствоведа Николая Степановича Барсамова, который был директором Феодосийского историко-археологического музея и Феодосийской картинной галереи им. И.К. Айвазовского. Он выявил и приобрел ряд картин Айвазовского и других художников, превратив феодосийское собрание в богатейшую коллекцию, и спас ее от гибели в годы Великой Отечественной войны, эвакуировав из Крыма в 1941 г.

6. После освобождения Крыма в мае 1944 г. из него были депортированы крымские татары, а вслед за ними на основании Постановления Государственного комитета обороны от 2 июня 1944 г. за № 5984-сс болгары, греки и армяне. В письме Л. Берии на имя И.В. Сталина от 29 мая целесообразность выселения армян мотивировалось, если свести ее в 5 пунктов, так: 1. «Организованный немцами армянский комитет активно сотрудничал с немцами...». 2. «В гор. Симферополе существовала немецкая разведывательная организация “Дромедан”, возглавляемая бывшим дашнакским генералом Дро...». 3. Армянские национальные комитеты при активном участии прибывших из Берлина и Стамбула эмигрантов проводили работу по пропаганде «независимой Армении». 4. «Существовали так называемые “армянские религиозные общины”, которые... занимались организацией среди армян мелкой торговли и промышленности». 5. «Армянскими организациями был сформирован так называемый “армянский легион”, который содержался за счет средств армянских общин». Вопрос о более сильном коллаборационизме крымских армян по сравнению с некоторыми другими этническими

группами, оказавшимися на оккупированной территории, представляется «притянутым за уши».

Обратим внимание на следующие натяжки: в докладе НКВД от 5 сентября 1944 г. сообщается, что в Крым в декабре 1941 – январе 1942 г. приезжали эмиссары заграничных дашнакских центров, в том числе и из Берлина, где обосновался Драстамат Канаян (Дро), но о том, что эти приезды были эффективны, нет ни слова; армянский легион не мог содержаться за счет крымской армянской общины и вообще не имел отношения к ней. Не станем детализировать тот общеизвестный факт, какой весомый вклад внесли армяне в общую победу над врагом. В их числе, включая партизан, были и выходцы из Крыма.

Согласно информации Л. Берии на имя И.В. Сталина из Крыма было выселено 9621 армянин (но имеется и другая цифра – 9919) [6, 7]. На этом вторая армянская диаспора в Крыму прекратила существование, внося свой вклад в развитие Российской империи и Советского Союза.

7. В 1989 г. по данным всесоюзной переписи в Крыму числилось 2794 армянина. В том же году было создано Крымское армянское общество (КАО) – одно из первых национально-культурных объединений в АРК. В настоящее время армян насчитывается в Крыму порядка 9 тыс. Армянская община принимает активное участие в трудовой и общественной жизни Крыма. В частности, она имеет историко-этнографический центр «Луйс» («Свет») и много внимания уделяет сохранению и восстановлению памятников истории. Так, нынешняя армянская община в Феодосии приступила к реконструкции средневекового храма Святого Георгия. Предстоит реставрация и другого средневекового храма Святых Архангелов Михаила и Гавриила [8]. Городская администрация Евпатории обещает вернуть армянской общине храм Сурб-Никогайос, который является туристическим объектом крымского маршрута «Малый Иерусалим» [9].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Микаелян В.А. История крымских армян. Киев; Ереван; Симферополь, 2004. – 224 с.
2. Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. I. – 1844. – С. 198–200; Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. – Т. II. – СПб., 1885. – С. 555–557; Дейников Р.Т. К вопросу о выводе христиан из Крымского ханства в 1778 г. // Вопросы истории. – 2014. – № 4. – С. 153–168.
3. Прохоров Д., Храпунов Н. Краткая история Крыма. – Симферополь, 2013. – С. 293, 317, 326, 327.
4. Крымские армяне 08.10.2009 // Крымский портал. – URL: <http://www.kport.info/dosug/weekend/index.php>.

5. Крым многонациональный. (Вопросы – ответы. Вып. 1) / сост. Н.Г. Степанова. – Симферополь, 1988. – С. 64, 70–72.
6. Крымская АССР (1921–1945). (Вопросы – ответы. Вып. 3) / сост. Ю.А. Горбунов. – Симферополь, 1990. – С. 182–193.
7. Депортация народов Крыма / сост. Н.Ф. Бугай. – М., 2002. – С. 74–76, 90, 93, 96.
8. URL: www.Panarmenian.net. 04.05.2016. 16–37 АМТ.
9. URL: www.Panarmenian.net. 17.01. 2015–13-16 АМТ.

АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА КИСЛОВОДСКА В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Яновский Вячеслав Сергеевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник информационно-культурного центра
«Музей А.И. Солженицына»
г. Кисловодск, Россия
e-mail: vyacheslavyanovsky@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена историческому пути армянской общины Кисловодска в период с середины XIX до начала XX вв. Армяне были не только старейшей из национальных диаспор города, но играли весьма заметную роль в различных сферах жизни города-курорта. Истории армянской общины и наиболее заметным ее представителям посвящен данный материал.

Ключевые слова: армяне; национальная община; диаспора; исторический путь развития; курортный город; слобода.

ARMENIAN COMMUNITY OF KISLOVODSK FROM THE MIDDLE OF 19TH TO THE BEGINNING OF 20TH CENTURY

Vyacheslav S. Yanovskiy

PhD in Historical sciences, Researcher of the Information and Cultural Centre
«Museum of Alexander Solzhenitsyn»
Kislovodsk, Russia
e-mail: vyacheslavyanovsky@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the historical path of the Armenian community of Kislovodsk in the period from the middle of XIX to the beginning of the XX century. Armenians were not only one of the oldest ethnic communities of the city but played a very prominent role in various areas of the resort town life. History of the Armenian community and its most notable representatives dedicated to this material.

Keywords: armenians; ethnic community; diaspora; historical path of development; resort town; suburban settlement.

Кисловодская армянская община – старейшая из диаспор в городе, своими корнями изначально связанная как с Пятигорском как главным экономическим центром региона Кавказских Минеральных Вод (далее – КМВ) со второй четверти XIX столетия, так и с другими важными и старейшими центрами российской администрации на Северном Кавказе и вообще на Юге России: Астраханью, Нахичеванью-на-Дону, Кизляром, Моздоком, Ставрополем и Георгиевском. Армянское население в Кисловодске появилось позже, нежели в Пятигорске. Кисловодск, как населенный пункт, представлял собой солдатскую слободу с практически однородным и моноэтничным, а именно – русским, населением. Однако первые упоминания о проживании армян в Кисловодске, хотя и полуоседлом в ту пору и даже, более того, сезонном, относятся к середине XIX столетия. То есть ко времени гораздо более раннему, чем обращение слободы Кисловодской в город, которое произошло только в 1903 г.

Нам неизвестно доподлинно, в каком году в Кисловодске впервые поселились армяне. Самой старожильской из известных нам армянских семей Кисловодска была семья с фамилией Бештау. Уже к 1862 г. мещанин из Нахичевани-на-Дону Степан Авдеевич Бештау (род. ок. 1830) приобрел часть пустыря поблизости от Нарзанной Галереи, где отстроил подворье. Первоначально на нем был одноэтажный дом из семи комнат, а затем Бештау возвел на своем участке одноэтажное «П»-образное в плане здание. 18 оборудованных им меблированных комнат предназначались для сдачи внаем приезжающим на курорт. Тогда практически для всех домовладельцев это было основным источником дохода. В дальнейшем семья Бештау продолжила обустривать свою кисловодскую усадьбу, выполнив надстройку основного здания еще двумя этажами и превратив его в гостиницу на 35 номеров. А в 1911 г. Яков Степанович Бештау осуществил перестройку и расширение гостиницы, которая приобрела весьма живописный архитектурный облик (ныне здание по Курортному Бульвару, 10) [1].

Однако среди начинателей армянской общины Кисловодска были семьи не только мещанского сословия. В 1867 г. у границы Кисловодского парка и недалеко от слободского правления приобрел участок земли дворянин из Ставрополя, офицер, участник Кавказской войны Давид Иосифович Аглинцев (1830 – ок. 1907). Аглинцев построил на неудобном участке косогора усадьбу из нескольких домов. К 1887 г. жилых домов было два. Количество комнат в сумме составляло 13. В начале XX века в усадьбе было уже около десятка построек, в том числе трехэтажная дача. Во многих из них сдавались комнаты приезжающим на курорт. Это были и курортные отдыхающие и практикующие врачи. Одно время квартиру в усадьбе снимал автор проекта знаменитых Главных Нарзанных ванн инженер-архитектор А.Н. Клепинин. В доме Давида Аглинцева бывали его друзья: художник Н.А. Ярошенко, Мухаммед-Шафи (русский генерал, средний сын имама Шамиля), горский дворянин Измаил Абуков, князь И.Г. Амилахвари. Сын Давида Иосифовича Константин стал

известным в Петербурге хирургом, а дочери окончили Московскую консерваторию. Из дочерей наибольших высот достигла Екатерина Давидовна, ставшая известным музыкальным педагогом и композитором [2].

К концу XIX – началу XX столетия в Кисловодске успели укорениться и другие зажиточные семьи армянского происхождения. Весьма заметной и уважаемой была семья выходца из Телавского уезда Тифлисской губернии Ивана Даниловича Тер-Погосова. Сын армянского священника (о чем говорит и сама фамилия), Тер-Погосов успешно занимался торговлей. К 1909 г. он выстроил на престижной Воронцовской улице великолепный трехэтажный дом (ныне ул. Мира, 12), часть которого занимала его собственная семья, а другая часть была занята меблированными комнатами и квартирами. Дом, построенный по проекту архитектора-армянина Э.Б. Ходжаева и называвшийся «Реккорд», был по кисловодским представлениям сооружением уникальным. Здесь не только были все мыслимые на то время удобства: водопровод, теплые клозеты, канализация, электрическое освещение и телефон. Дом располагал собственной небольшой электростанцией, а также автономным паровым отоплением. В доме Тер-Погосова в течение долгого времени жила семья помещика Нифонтова, снимавшая у владельца практически целый этаж. Неоднократно здесь останавливались во время отдыха в Кисловодске балерина Е.В. Гельцер, представительницы аристократических фамилий России княгини Чавчавадзе, Трубецкая и Голицына. Для того чтобы в доме все радовало глаз, была закуплена дорогая мебель и посуда, на этажах и в фойе стояли огромные зеркала в дубовых рамах. Рядом с домом был разбит небольшой, но красиво оформленный сад, где можно было посидеть на многочисленных скамейках в прохладе среди деревьев и цветов. На первом этаже дома И.Д. Тер-Погосова располагался принадлежавший ему же мануфактурный магазин, в котором, как сообщала реклама начала XX века, можно было приобрести манто, блузки, юбки и непромокаемые пальто [1, 3].

Крупными домовладельцами Кисловодска, купцами и промышленниками были братья Артем Емельянович и Яков Емельянович Очаковы. Им принадлежали алебастровый и кирпичный заводы, лесосклады, дом в центре города, который они одно время сдавали в аренду кинотеатру. Также в их собственности находился один доходный дом в дачном районе «Реброва Балка», дача выше кисловодского железнодорожного вокзала, выстроенная по проекту Э.Б. Ходжаева [4, 5, 6].

В начале XX века содержанием одного из лучших в городе ресторанов под названием «Венеция» был некто А.Б. Петросянц. Арендатором казенной гостиницы «Красные Камни» в кисловодском парке был армянин Василий Андреевич Атаев – вероятно тот же В.А. Атаев, который занимался фотографированием публики на курортах КМВ [1, 5].

Примерно на рубеже XIX–XX веков на западной окраине Кисловодской слободы образовался район компактного проживания армян, который получил

название «Баязет». Вероятно, это было связано с тем, что в Кисловодск пришло некоторое количество армянских беженцев из небольшого городка в Османской империи. Городок Догубаязид, бывший Баязет, расположившийся к югу от горы Большой Арарат, к концу XIX века был приграничным населенным пунктом близ рубежей Персии и России. Его неоднократно брала в штурм русская армия. И неоднократно по условиям договоров Россия его возвращала Османской Турции. Турецкие власти затем (впрочем, задолго еще до 1915 г.) устраивали погромы армянского населения за то, что армяне в Русско-турецких войнах всегда поддерживали русских как своих единоверцев-христиан. О симпатиях армян к России, кстати, весьма красноречиво писал еще А.С. Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум». В образовавшемся на окраине Кисловодска армянском поселке было несколько улиц: Баязетская (теперь – ул. Авиации), Араратская (теперь – ул. Эльбрусская), Тебердинская и Афонская (теперь – ул. Луначарского) [6]. Уже в начале XX века они были застроены каменными и саманными домами, такими же как в Кисловодской слободе. Более зажиточные люди строили дома кирпичные в два этажа. Некоторые из них до сих пор являются украшением этого района. Когда же расположенный на здоровом и возвышенном месте «Баязет» стал привлекать отдыхающих, ищущих квартиру на время пребывания на курорте, здесь стали появляться дачи иногородних лиц армянского и иного происхождения. Старейший кисловодский краевед Е.С. Виноградов упоминал о существовании в середине 1900-х годов на Баязетской улице дачи богатой дамы Ольги Андреевны Барановской, владелицы известной виллы «Мавритания» [7]. А около 1915 г. на этой же улице выстроил для своей семьи роскошную дачу бакинский нефтепромышленник Арутчев (Арутчан) [6].

По статистическим данным, приведенным в путеводителе Управления Кавказских Вод за 1912 г., в Кисловодске проживало 760 армян (5,5 % населения города) [8]. Основная их часть проживала в районе «Баязет», но армяне селились и в других районах. Кстати, к тому времени уже можно говорить не просто о том, что в Кисловодске жило некоторое количество армян. В 1910-х гг. армяне составляли в Кисловодске уже вполне оформившуюся этническую общину. Стержнем общинной жизни стала армянская церковь, а также армянская школа и группа наиболее деятельных представителей общины. Свой храм у армянской общины Кисловодска появился довольно поздно. Долгое время богослужения по армянскому обряду совершались в молельнях, устраиваемых в домах богатых кисловодских армян. Кисловодскую паству окормлял приезжавший из Пятигорска священник Авраам Шхиньянц. По мнению авторов книги «Архитектура старого Кисловодска» С.В. Боглачева и С.Н. Савенко, армянский храм в Кисловодске был выстроен и освящен только в конце января 1916 г. Есть сведения о том, что обряд освящения был совершен прибывшим из Ставрополя священником Сааком Тер-Ованесянцем [1]. Однако имеются неопровержимые

доказательства существования армянского храма в Кисловодске уже в 1912 г. В путеводителе по Кавказским Минеральным Водам, изданном в 1912 г., уже упоминается о существовании армянской церкви в районе «Реброва Балка» [8]. Таким образом, церковь уже в 1912 г. существовала и даже в том же районе, где находился освященный в 1916 г. храм. Возможно, что это были разные храмы. Более старый из них мог быть временным. Тем более что община поставила вопрос о постройке храма еще в 1907 г. Так или иначе, нам доподлинно известно, что уже в 1916 г. на участке армянской общины в «Ребровой Балке» (а не в районе «Баязет», что любопытно) действовала не только церковь, но и армянская школа имени Степана Авдеевича Бештау, скончавшегося в 1914 г. и внесшего значительный вклад в ее строительство. Автором проекта скромных по размерам и оформлению фасадов церкви и школы стал активнейший представитель кисловодской армянской общины – архитектор Э.Б. Ходжаев (1861–1939).

Эммануил Борисович (Багдасарович), наряду с семьей Бештау, играл одну из главных ролей в жизни армянской диаспоры в Кисловодске. Уроженец Пятигорска, потомок донских армян Ходжаевых и Челаховых (выходцев из Нахичевани-на-Дону), он еще в молодые годы проникся красотой Кисловодска и по-настоящему влюбился в него. Еще будучи студентом Петербургской императорской академии художеств, он в 1889 г. принял участие в создании купальни на реке Ольховке в Кисловодском парке. Став дипломированным художником-архитектором, Эммануил Борисович с 1892 г. начал выполнять заказы на проектирование различных частных зданий. Выполнив более 300 проектов для различных городов и других населенных пунктов в Терской и Кубанской областях, Ходжаев спроектировал в Кисловодске Хлудовскую больницу, а также ряд частных вилл, особняков и гостиниц. В период с 1904 по 1917 г. он трижды занимал должность городского архитектора Кисловодска. И в этот период он уже постоянно проживал в полюбившемся ему городке. В 1902 г., т.е. еще за два года до переселения в Кисловодск, Ходжаев построил себе красивую дачу на крутом склоне горы на Хлудовской улице (ныне здесь располагается детская художественная школа им. Н.А. Ярошенко). Затем архитектор построил себе еще одну дачу под названием «Лизушка» в районе «Ребровой Балки», которую он назвал в честь обожаемой им дочери. И также из документов известно, что в 1915 г. архитектор приобрел еще один участок в городе, на котором так и не успел ничего построить. В начале XX века Ходжаев выполнил проекты ряда построек, которые имели большую общественную важность. Это были здания слободского училища, народного дома и карачевской школы. К сожалению, революционные события помешали осуществлению проекта горных приютов, выполненных Ходжаевым для созданного в 1917 г. Кисловодского отделения Кавказского горного общества. При такой плодотворной профессиональной деятельности Ходжаев успевал состоять в целом ряде общественных организаций: благотворительных

и просветительских. В частности, он был членом Кавказского горного общества, общества вспомоществования малоимущим учащимся кисловодских женской и мужской гимназий. Кроме того, зодчий был гласным кисловодской городской думы, успевал писать статьи о городском хозяйстве, которые публиковались в местных газетах [1, 9].

Значительная часть армянских поселенцев, имевших в Кисловодске оседлость в начале XX века, занималась таким чрезвычайно важным для города ремеслом, как профессия каменщика. Модный курортный город переживал период бурного строительства, украшался многими замечательными зданиями. Поскольку Кисловодск – город южный, и ввиду природных особенностей местности лес здесь был очень дорог, то общественные здания и богатые дома строили практически исключительно из кирпича или камня. У армянского народа издревле существовали богатые традиции каменного строительства. Ведь историческая территория Армении – каменистые нагорья, плато и ущелья. Недаром Армению в народе часто называют «Карастан», т.е. «Страна камней». Армянские каменщики Кисловодска трудились в этой профессии многими поколениями. Династии переходили из Российской империи в Советский Союз. А о том, насколько качественной была работа этих мастеров, говорит то, что возведенные ими здания до сих пор стоят целые и в них до сих пор живут люди. Среди славных фамилий кисловодских каменщиков были известны Багдасаровы, прибывшие из карабахского селения Норашенк в Джебраильском уезде еще в конце XIX столетия. Багдасаровы построили себе жилую усадьбу между Российской и Петрушевской улицами (ныне Желябова и Клары Цеткин) недалеко от горки Согласия. Не уступали им в профессиональном мастерстве и их земляки Савадовы из того же села Норашенк. Только Савадовы в отличие от Багдасаровых получили оседлость в самом Кисловодске позднее, с установлением советской власти, а до 1920 г. проживали на окраине станицы Кисловодской, недалеко от речки Белой [10].

Существенному увеличению армянского населения Кисловодска способствовали известные события 1915 г. в Османской империи, когда сотни тысяч армян, греков и ассирийцев вынуждены были покинуть обжитые веками и тысячелетиями места чтобы сохранить себе жизнь. Так, в Кисловодске поселялись выходцы из Вана, Эрзурума, Алашкерта и других населенных пунктов. Уже весьма беспокойной и напряженной для армянского населения ситуация тогда была и в пределах Российской империи, особенно в ряде мест Елисаветпольской и Бакинской губерний. Еще свежи были в памяти шухшинская резня и кровавый конфликт в Баку в начале XX века. По переписи 1916 г. в Кисловодске числилось уже не 760 армян (как в 1912 г.), а 1168, т.е. более чем в полтора раза больше. Армянский район «Баязет» расширился, прирос новыми улицами, такими как Курганная, Аликоновская (теперь Розы Люксембург) [11].

С началом Первой мировой войны Россия начала приближаться к социально-экономической и политической катастрофе, которая выразилась в революционных событиях 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войне. Однако одному из представителей армянской общины Кисловодска было суждено сделать весьма много для того, чтобы решить целый ряд социально-экономических проблем города Кисловодска в это тяжелое для всей страны время. Таким человеком стал городской голова Кисловодска П.Е. Ованесян. Избранный главой города в августе 1917 г., он был вынужден сразу же приступить к решению насущных проблем: снабжения города продовольствием в условиях нарушенного железнодорожного и иного сообщения, инфляции и товарного дефицита, развитие народного образования, поддержания нормального санитарного состояния города и обеспечения его безопасности. С привлечением частного капитала в Кисловодске был открыт кооператив, который закупил для города продовольствие, выделил денежные средства Народному дому и на охрану города (соответственно 4 и 5 тысяч рублей). Когда в конце 1917 г. Государственный банк оказался неспособен подкреплять местные кассы денежными знаками, П.Е. Ованесян, обратившись за консультацией к находившемуся в городе бывшему министру финансов Российской империи графу В.Н. Коковцову (Коковцов приводит в мемуарах его фамилию как Аванесян) [12], организовал в местной типографии едва ли не впервые в России печатание местных денег. Денежные знаки городского самоуправления были узаконены специальным декретом Терского Совнаркома и обеспечивались финансовыми гарантиями целого ряда пребывавших в Кисловодске крупных финансистов и промышленников: Манташевых, Нобелей и др. Вообще удивительно, насколько много смог сделать для Кисловодска энергичный городской голова, эсер по своим политическим убеждениям П.Е. Ованесян до марта 1918 г. Это открывшиеся за столь короткий срок народный дом, столовая, пекарня, кузня, городская лавка, справочно-осведомительный отдел, адресный стол, две начальные школы, высшее городское училище, городская лечебница на 20 мест, Выделялись средства на борьбу с эпидемиями скота. Однако уже в середине марта, с переходом всей фактической власти в городе к городскому совету рабочих и крестьянских депутатов, городская управа П.Е. Ованесяна фактически таковую утратила. Кисловодск в течение оставшейся части 1918 г. неоднократно переходил из рук в руки, и социально-экономическая ситуация все время ухудшалась. Город погружался в пучину трагичных событий Гражданской войны, чтобы затем возродиться уже в совершенно новых социально-экономических реалиях [13].

Подводя итоги сказанного, следует заметить, что армянская община города Кисловодска, не превышая в XIX и начале XX в. и 10 % его населения, оказывала большое влияние на социально-экономические процессы, происходившие в городе. Таким образом, диаспора не замыкалась на себе, не самоизолировалась, а жила полнокровной жизнью, внося свой неопределимый вклад в развитие ставшего для нее родным города.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Боглачев С.В., Савенко С.Н. Архитектура старого Кисловодска. – Пятигорск: Снег, 2006. – 512 с.
2. Боглачев С.В., Савенко С.Н. Архитектура старого Кисловодска. – Пятигорск: Снег, 2012. – 526 с.
3. Корнетова С. Дом «Реккордъ» // Наследие народов Российской Федерации. Волшебный Кисловодск. – М.: НИИЦентр, 2003. – С. 120.
4. Казаров С.С. Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века). – Ростов н/Д: Ковчег, 2012. – 144 с.
5. Лазарян С.С. Становление предпринимательства в регионе КМВ. – Пятигорск: Спецпечать, 2003. – 196 с.
6. Яновский В.С. Северный Кавказ от Адыгеи до Дагестана. Путеводитель. – Пятигорск-Кисловодск: Северокавказское издательство МИЛ, 2011. – 696 с.
7. Виноградов Е.С. Н.А. Ярошенко в Кисловодске. – Кисловодск: Печатное дело, 1997. – 40 с.
8. Путеводитель по Кавказским Минеральным Водам. Издание Управления Кавказских Минеральных Вод. – Пятигорск: Тип. К.К. Кибардина, 1912.
9. Яновский В. Зодчий Эммануил Ходжаев // Наследие народов Российской Федерации. Волшебный Кисловодск. – М.: НИИЦентр, 2003. – С. 128–129.
10. Яновский В.С. Неакадемические сочинения. Статьи. Стихи. – Кисловодск: Северокавказское издательство МИЛ, 2013. – 121 с.
11. Яновский В.С. Курортные города России как объект управления в конце XIX – начале XX века (на материалах Пятигорска и Кисловодска). – Кисловодск: Северокавказское издательство МИЛ, 2010. – 218 с.
12. Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919): Воспоминания. Мемуары. – Мн: Харвест, 2004. – 896 с.
13. Из истории органов местного самоуправления Кисловодска // Самоуправление Кисловодска. Нормативно-правовая деятельность 1996–1999 гг. – Кисловодск, 1999. – С. 23–40.

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ
(в конце XIX – начале XX века)**

Казарова Нина Акоповна

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: nin-k@yandex.ru

Аннотация. В статье на материалах фондов Государственного архива Ростовской области (ГАРО) анализируется деятельность благотворительных обществ в Нахичевани-на-Дону на рубеже XIX–XX веков. Главное внимание уделено благотворительным обществам, связанным с образованием и воспитанием детей, а также обществам по оказанию помощи безработным, вдовам и сиротам.

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-01-00319.

Ключевые слова: благотворительные организации; донские армяне; Нахичевань-на-Дону; рубеж XIX–XX веков.

**NAKHICHEVAN-ON-DON CHARITIES
(in the late 19th – early 20th century)**

Nina A. Kazarova

Doctor of Historical science, Professor of the Department of National History
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: nin-k@yandex.ru

Abstract. Based on materials of the State Archive of the Rostov region (SIPA) this article examines charities in Nakhichevan-on-Don at the turn of XIX–XX centuries. It focuses on charities related to education and upbringing of children, as well as societies to assist unemployed persons, widows and orphans.

Keywords: charities; the don Armenians; Nakhichevan-on-Don; frontier of XIX–XX centuries.

Население г. Нахичевани-на-Дону на рубеже XIX–XX вв. отличалось относительно высоким уровнем жизни, но и здесь находились люди, остро нуждавшиеся

в помощи. Процесс расслоения общества, который был глобальным и охватил всю Россию в конце XIX – начала XX в., привел к росту в Нахичевани числа бедных и нуждающихся.

Все это привело к появлению в городе целого ряда благотворительных обществ, которые занимались решением вопросов открытия и содержания местных школ, общественных богаделен, распределением именных стипендий, оказанием прямой помощи неимущим путем раздачи одежды, продовольствия, угля, дров и т.д.

В начале XX в. в Нахичевани-на-Дону возник ряд благотворительных обществ, связанных с системой воспитания и образования.

Так например, в 1908 г. в Нахичевани-на-Дону было основано Общество содействия воспитанию детей дошкольного возраста. В состав Общества входили совет из пяти членов-учредителей (Яблокова Е.Г., Чахирова Г.С., Мелконова-Езекова А.К., Мелконова-Езекова М.Г., Коротков З.П.), Правления (председательница Е.Г. Ходжаева, товарищ председателя – Е.М. Сагирова, казначей Е.С. Хазизова, а также пяти членов Правления (С.С. Чернова, Г.С. Чахирова, Е.Б. Тусузова, С.Д. Хазизова, Г.К. Сахаджиева) [1]. Список действительных членов насчитывал 158 человек, как женского, так и мужского пола.

Деятельность Общества была сосредоточена, главным образом, вокруг детского сада. Общее количество детей, посещавших детский сад, было 54, в том числе 23 мальчика и 31 девочка (это максимум, который мог принять детский сад). Это был единственный детский сад на территории Нахичевани-на-Дону.

Воспитательский персонал состоял из двух человек – основного воспитателя П. Тертерьян и ее помощницы – Е. Миганаджиевой. Поскольку желающих поступить в детский сад было гораздо больше, чем он мог принять, предпочтение отдавалось детям из беднейших семей. Дети посещали сад ежедневно с 8 утра до 15 ч, за исключением воскресных и праздничных дней. Программа занятий по предметам чередовалась с подвижными играми на воздухе или в помещении в зависимости от погоды. В течение дня дети получали чай, молоко и обед из собственной кухни общества. Дети, достигшие школьного возраста, определялись затем в местные армянские приходские школы. Медицинскую помощь детям на безвозмездной основе оказывал врач Я.Г. Сармакешев, который еженедельно проводил осмотр всех детей. Для детей и их родителей устраивались утренники, которые охотно посещались родителями, а также 13 января – елка, с раздачей детям сладостей и подарков. Обычно в течение года от разных лиц поступали пожертвования в денежной форме, а также различными вещами. Сохранился отчет воспитательницы П.Х. Тертерьян, который позволяет представить основные направления работы детского сада. С детьми проводились беседы на самые разные темы (о любви, о вере в Бога, и содержании молитв, о домашних и диких животных и птицах, о временах года в городе и деревне, проводились предметные уроки о различных минералах – соли, мраморе, песке, глине и т.д. Детям читались различные сказки (Малыш и Жучка, Кот и Петух, Дикий гусь, Лесной царь, Красная шапочка, Медведь и т.д.). С детьми проводились различные

игры – гимнастические, «маршировка с различными вариациями», игры в мяч, горилки, пятнашки и т.д. Изучались народные песни, как армянские, дети занимались рукоделием – плетением, лепкой, вырезанием и т.д. Проводилось обучение грамоте – русский и армянский язык изучались (два дня в неделю занятия велись на русском языке, остальные – на армянском). Изучались и азы арифметики – велся счет до 50 и обратно, арифметические действия в пределах до 20 и устные задания [2]. Сохранились данные о финансовом положении Общества. Поступления складывались из процентов с основного капитала, взносов (учредительских и пожизненных, а также путем устройства благотворительных вечеров, спектаклей, лотерей-аллегри и т.д.). Таким образом, приблизительная общая сумма доходов достигала 5 тыс. руб. в год, и примерно такая же сумма ежегодно расходовалась на содержание детского сада (сюда входили расходы на питание детей, канцелярские принадлежности, а также на зарплату воспитателям, кухарке, горничной и сторожу). Все это свидетельствует о пристальном внимании нахичеванского общества к вопросам воспитания подрастающего поколения.

Другим благотворительным обществом города было Общество всепомоществования нуждающимся учащимся в учебных заведениях г. Нахичевани-на-Дону. Устав этого общества был утвержден 23 марта 1902 года за войскового наказного атамана войска донского генералом-лейтенантом Грековым. 9 марта в здании нахичеванской женской гимназии состоялось торжественное открытие нового общества. В зале женской гимназии был отслужен молебен и торжественно объявлено об открытии общества. Правление общества пригласило на торжество всех тех, кто сочувствовал его целям.

Главная цель общества, как она была изложена в уставе, заключалась «в попечении о недостающих учащихся в учебных заведениях г. Нахичевани-на-Дону». Свою цель общество осуществляло следующими мерами: 1) взносом платы за обучение; 2) бесплатной выдачей книг и учебных пособий; 3) снабжением одеждой, пищей и приютом неимущих, если они не могут приобретать их собственными средствами; 4) содействием поиску для нуждающихся занятий; 5) снабжением больных медицинскими пособиями под наблюдением врача на дому, а также помещением таких больных на счет общества в больницы; 6) назначением в исключительных случаях денежных пособий.

Общество, помимо всего этого, могло учреждать для бедных учащихся столовые, дешевые квартиры, общежития и т.д. Действительными членами общества стали лица, уплачивающие ежегодно не менее 3 руб. или внесшие единовременно не менее 60–80 руб. Общество преследовало и филантропические, и благотворительные цели [3].

На частные пожертвования граждан в декабре 1905 года было основано Общество для оказания помощи безработному люду г. Нахичевани на время закрытия навигации. Председателем Правления общества стал известный в городе полицмейстер А. Скуба. Новым обществом сразу же была открыта столовая с бесплатными обедами, и после проверки семейного положения началась выдача

угля, муки и сена семейным по домам. Однако, приступив к решению этой задачи, Общество сразу же убедилось, что количество нуждающихся во время закрытия навигации столь велико, что собранных на эти цели средств явно не хватило даже для удовлетворения половины всех нуждающихся. Исходя из этого, общество обратилось в Городскую Думу с просьбой об ассигнации единовременного пособия для столовой из городских средств. На своем заседании Городская Дума постановлением от 31 декабря 1905 года удовлетворила ходатайство общества и постановила выдать единовременное пособие в сумме 3 тысяч рублей. Позднее, дом по 17 линии, арендуемый Городской Управой, был предоставлен обществу под столовую [4].

В январе 1911 г. в ознаменование заслуг покойного Католикоса Всех Армян Маттеоса II было учреждено новое благотворительное общество. Полное его название – Епархиальное попечительство духовных вдов и сирот. Судя по названию, главной целью общества должно было стать призрение семей ушедших из жизни армянских священников. Устав этого общества к этому времени был уже утвержден и прошли выборы в его правление. В новом обществе изъявили желание принять участие многие представители армянского общества [6]. Однако, к сожалению, практически никаких данных о деятельности этого общества в источниках не сохранилось.

Рассмотренные нами благотворительные общества Нахичевани-на-Дону были армянскими, т.е. призываемые ими были исключительно армянского происхождения и армяно-григорианского вероисповедания. Но нельзя не отметить, что в городе существовало общество, целью которого было оказание помощи православному населению города. В начале XX века население Нахичевани-на-Дону увеличивалось исключительно за счет притока русского и православного населения, которое превысило «коренное» армянское население города. В силу этих причин основание Нахичеванского-на-Дону Николаевского Благотворительного Общества пособия бедным можно считать закономерным. Николаевское благотворительное общество возникло в 1902 г. и имело своей целью «доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных христианского вероисповедания». Помощь Общества выражалась в снабжении одеждой, продуктами, и иногда – денежными пособиями. Общество брало на себя поиск для нуждающихся мест работы, обеспечение их материалами и инструментами, а также помощь в сбыте готовой продукции. Общество брало на себя также обеспечение неимущих больных медицинскими препаратами, размещение их в больницах, погребение умерших за счет Общества, определение престарелых и немощных в богадельни и дома призрения [7].

Для выполнения поставленных целей Обществу предоставлялось право открывать общественные столовые, чайные, ночлежные дома, приюты, общежития, дома трудолюбия, амбулатории, больницы. Кроме этого, было возможно открытие народных читален, библиотек, и кабинетов для чтения.

В составе Общества могло находиться неограниченное число членов обоего пола, всех званий и состояний. Исключение составили лишь несовершеннолетние

и учащиеся учебных заведений, а также нижние чины, состоящие на действительной воинской службе и ограниченные по суду. Члены Общества разделялись на почетных, действительных и соревнователей (т.е. сотрудников). Градация членов Общества зависела от сумм денежных взносов в его фонд. Так, действительный член Общества вносил сумму не менее 3 руб. ежегодно или 60–80 рублей единовременно. Почетными же членами являлись лица, сделавшие в пользу Общества значительные пожертвования. Члены-соревнователи вносили ежегодно не менее 1 руб. в год. Средства Общества складывались из членских взносов, доходов от капиталов и имуществ Общества, пожертвований членов Общества и посторонних лиц и учреждений, доходов, от устраиваемых с соблюдением действующих законов и с разрешения вышестоящих властей драматических представлений, литературных вечеров, публичных лекций, концертов и т.д. [8]. Все поступающие в Общество суммы по своему назначению подразделялись на капиталы неприкосновенные и основные. Капиталы Общества по мере накопления обращались в государственные или гарантированные Правительством процентные бумаги и хранились в учреждениях Государственного банка, в сберегательных кассах и казначействах, происходящих банковские операции. При этом на руках у казначея могли находиться лишь незначительные суммы, необходимые на ближайшие текущие расходы. Все это, по всей вероятности, имело целью лишить нечистоплотных на руку казначеев соблазна присвоения денежных сумм Общества. Управление делами Общества возлагалось на его правление и на общее собрание членов.

Важную роль в призрении нищих и убогих в городе играла построенная богадельня, куда принимались жители города вне зависимости от национальности и вероисповедания [9]. Нахичеванская благотворительность прочно опиралась на поддержку Городских органов власти, в лице которых различные благотворительные общества получали необходимую финансовую и иную помощь [10].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отчет Общества содействия воспитанию детей дошкольного возраста г. Нахичевани-на-Дону. – Ростов-на-Дону, 1909. – С. 28–29.
2. Там же. – С. 15–17.
3. Приазовский край – 1903. – № 64.
4. Государственное казенное учреждение Ростовской области «Государственный архив Ростовской области» (далее – ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 1281. Л. 1–2.
5. Донско-Азовский календарь на 1887 год. – Ростов-на-Дону, 1886. – С. 123.
6. Приазовский край. – 1911. – № 9.
7. Устав Нахичеванского-на-Дону Благотворительного Общества пособия бедным. – Новочеркасск, 1902. – С. 4–5.
8. Там же. – С. 10.
9. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 806. Л. 16.
10. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1261. Л. 1–7.

НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ НАЧАЛА XX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Казаров Саркис Суренович

доктор исторических наук, профессор кафедры
археологии и истории Древнего мира
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются недавно изданные и неизвестные ранее воспоминания о Нахичевани-на-Дону, охватывающие период рубежа XIX–XX веков. Большинство из них являются воспоминаниями детства, а их авторы затем навсегда покинули родной город. По мнению автора, эти мемуары являются добротным коррективным источником для изучения истории донских армян рассматриваемого периода.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ международного научно-исследовательского проекта № 16-21-20003 «Армяне в составе российской и советской элиты XVIII–XX вв.».

Ключевые слова: мемуары; исторический источник; донские армяне; Нахичевань-на-Дону; память.

NAKHICHEVAN-ON-DON OF THE EARLY XX CENTURY IN THE MEMOIRS OF CONTEMPORARIES

Sarkis S. Kazarov

Doctor of Historical science, Professor of the Department of
Archaeology and Ancient History
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the recently published and previously unknown memories of Nakhichevan-on-Don, covering the period of the XIX–XX centuries. Most of them are memories of childhood, and the majority of the

authors then ever left his native town. According to the author, this memoir is good corrective source for studying the history of the Don Armenians the period under review.

Keywords: memoir; historical source; the don Armenians; Nakhichevan-on-Don; memory.

Источниковую базу по истории Нахичевани-на-Дону начала XX в. существенно расширяет издаваемая в последнее десятилетие мемуарная литература. Какова ее информационная значимость, каковы ее характерные черты, каковы принципы работы с ней, – вот те вопросы, решению которых посвящена данная статья. Нельзя не обратить внимание и на то, кем и когда были написаны рассматриваемые воспоминания. Большая часть воспоминаний зачастую содержит очень краткие и даже случайные заметки об истории города.

Некоторые из рассматриваемых мемуаров носят характер «воспоминаний детства», авторы которых по различным причинам в юности покинули родную Нахичевань и сохранили в своей памяти лишь самые яркие воспоминания из своего счастливого детства. Но, как известно, детские впечатления – самые запоминающиеся, самые образные, которые откладываются и хранятся в памяти в течение всей взрослой жизни.

Естественно, воспоминания о начале XX века могли писать люди, жившие уже в советскую эпоху, которая не могла наложить своего отпечатка на их характер. Исключения возможны лишь в двух случаях: во-первых, когда они написаны человеком, покинувшим Советскую Россию и писавшим их за рубежом; во-вторых, писавшими их «в стол», в надежде либо на их публикацию в далеком будущем, либо предназначая их своим родным и близким.

Для исследователей истории донских армян в течение длительного времени едва ли не каноническими считались воспоминания писательницы М.С. Шагинян (1888–1982) [1] и выдающегося художника М.С. Сарьяна (1880–1972) [2]. Некоторые яркие пассажи, сохранившиеся в их работах, все-таки были сделаны в молодые годы, после чего оба автора навсегда покинули родной город.

Фрагментарные и отрывочные сведения по истории Нахичевани-на-Дону мы находим в автобиографическом произведении известной писательницы, нахичеванской армянки по происхождению, Нины Николаевны Берберовой (1901–1993). В 1919 г. 18-летней девушкой она вместе с родителями переехала в родовое гнездо – дом своего деда нахичеванского врача И.М. Берберова. Причинами переезда, по словам Н.Н. Берберовой, было то, что «... в Нахичевани “благодарные армяне” все еще ели белый хлеб, и когда моего отца сократили, нам ничего не оставалось, как двинуться в Ростов». Вообще, ее отдельные зарисовки, посвященные Нахичевани и ее жителям, поражают своей глубиной

и колоритом. Весьма образно одновременное описание родного деда Ивана Минаевича и перечня блюд, подаваемых в его доме на завтрак: «...В черном с иголки сюртуке и белом атласном галстуке, надушенный, расчесанный, он появлялся к утреннему чаю и окидывал быстрым, до самой смерти взглядом стол, который ломился от сливок, пирожков, булочек, просто румяных, очень румяных, и весьма сильно поджаренных, масла, икры паюсной и свежей в голубых майловых коробках, кефали копченной, кефали полукопченной, рыба, лоснившегося розовой спинкой, балыка, ветчины, такой и эдакой (выбранной не с кандачка), от яичницы, трещавшей на сковороде, блинчиков с творогом, вафель с вареньем, колбас, сыров со слезой и без, тех которые пахли, и тех, которые не пахли, – он окидывал все это пронзительным взглядом и пил свой стакан чаю с лимоном и сухарем, т.к. приблизительно в это время, как говорилось в доме, у него начался “бзик” касательно того, что чем меньше есть, тем лучше. Это привело к распространению слухов, что дети собираются везти его в Швейцарию, и его практика среди армян стала уменьшаться...». Не менее глубоко она проникла в суть характера донских армян, выводя, таким образом, менталитет «среднего» нахичеванца: «С армянской стороны был целый мир характеров своеобразных и жизней и судеб оригинальнейших. Эта необщность, как я поняла, позднее, была заложена в самих людях, в их жизненной энергии, в их могучих желаниях, в их постоянном созидании, что ничего не дается само собой, ничего не делается само собой, и что каждый день есть особый день. У них была горячая кровь, сильные страсти, среди них были отчаянные картежники, срывавшие стотысячный банк в Купеческом клубе, и передовые люди, боровшиеся за идеи, им дорогие, именами которых были названы улицы городов свободной Армении (после 1917 г.); среди них были женолюбы, Дон Жуаны, которые, впрочем, могли пожертвовать свиданием с донной Анной ради свидания с Командором – чтобы поподробнее расспросить его о загробным делах. Они бушевали в жизни еще может быть потому, что предки их не спали на боку под портретами царей при зажженной лампаде, но продвигались веками от Персидской границы к Месопотамской границе, по берегам Черного моря, чтобы возродиться у устья Дона и стать через сто лет аристократией города – денежной и интеллектуальной» [3].

К сожалению, известная писательница пробыла в Нахичевани лишь год, и в 1920 г. покинула ее уже навсегда. По всей вероятности, к Нахичевани она не испытывала никаких ностальгических чувств, ибо в свой первый и последний приезд в СССР в 1989 г. она не изъявила желание посетить город своего детства.

Некоторые интересные сведения о дореволюционной Нахичевани вносят воспоминания инженера-проектировщика мостов Константина Амбарцумовича Кечека (1907–2000). Автор, родившийся в Петербурге, в возрасте 3-х лет был привезен в Нахичевань, где он провел около 9-ти лет своей сознательной жизни. Что отложилось в его детских воспоминаниях? Прежде

всего, снимаемый его большой семьей (своим жильем в Нахичевани семья так и не обзавелась) огромный дом с большим садом, в котором он весело резвился со своими сверстниками. К сожалению, по объективным причинам автор не описывает обстановку в Нахичевани-на-Дону после установления в городе советской власти – отец автора, врач-хирург Амбарцум Серафимович Кечек, служивший в Добровольческой армии, до прихода красных на санитарном поезде, на котором он служил, вывез всю свою семью из города. По этой причине его воспоминания о Нахичевани ограничиваются 1919 г., когда его семья навсегда покинула родной город и сам он более никогда сюда не возвращался. Вообще, для К.А. Кечека было характерно «сжигать мосты» за собой: он поочередно покидал Петербург (в раннем детстве), Нахичевань, Ереван (где навсегда оставил свою семью), города Германии, и более никогда в них не возвращался. А его последним пристанищем стали США, где в г. Рочестер он мирно дожил до 93-летнего возраста [4].

Все авторы с ностальгией вспоминают времена своего счастливого беззаботного детства. Для них это нечто типа «золотого века», возвращение в который практически невозможно. Лишь один из них – художник С.П. Чахиров (1907–1985), покинувший Нахичевань-на-Дону в 14-летнем возрасте и вернувшийся в него в 1973 г. уже 67-летним стариком, восхищался почти не изменившимся обликом города своего детства. В своих воспоминаниях, изданных ограниченным тиражом в Известиях Ростовского областного музея краеведения, его память выхватила самые яркие моменты его детства. Это описание отчего дома, его родных, прислуги, аквариума с рыбками, которыми он так любил удивлять своих гостей, улиц и площадей родного города. Однако и на его мемуарах лежит печать своего времени, выразившаяся в недосказанности: так, он с детской наивностью описывает идиллические отношения, сложившиеся у его семьи с пришедшими к ним на постой красноармейцами, и лишь вскользь упоминает о том, что его семье затем все-таки пришлось покинуть отчий дом и снять угол у одних своих знакомых [5].

Лишь несколько кратких штрихов из истории родной Нахичевани зафиксировала детская память доктора физико-математических наук Вагана Каспаровича Субашиева (1916–1914), назвавшего свои мемуары «Воспоминания о недалеком прошлом» [6]. Это и понятно: автор родился в 1916 г., поэтому по мере взросления его мемуары становятся полнее и подробнее. В чем информативная ценность рассматриваемых воспоминаний? Во-первых, в том, что автор пишет о том, что в начале 1918 г. их собственный дом и дача были реквизированы, а семья переехала в небольшую съемную квартиру. Это по меньшей мере странно, ибо общеизвестно, что реквизиции, уплотнения и т.н. «муниципализация» начались уже с установлением в городе советской власти в 1920 г. Отсюда невольно возникают сомнения в достоверности приводимого факта. Во-вторых, приводимое в мемуарах описание пути «наверх» отца автора – Каспара Авдеевича – вносит дополнительный штрих в составление

общего коллективного портрета нахичеванского предпринимателя. Подобно другим купцам, он начинал свой путь в коммерцию простым приказчиком. После чего, демонстрируя бережливость и трудолюбие и накопив необходимый опыт и средства, он открыл собственное дело – оптовую торговлю строительными материалами. Упрочению его положения – как финансового, так и общественного, – способствовала его женитьба на дочери известного купца И.М. Келле-Шагинова Евгении. И, конечно же, воспоминания фиксируют всегда самые яркие моменты его детства.

Довольно интересные факты содержатся в мемуарах Владимира Марковича Григоряна, сына известного нахичеванского архитектора Марка Владимировича Григоряна (1900–1978). К огромному сожалению, они пока не опубликованы, и мы вынуждены пользоваться версией, выложенной сыном автора, Марком Владимировичем-младшим в интернет [7]. В основе воспоминаний лежит генеалогическое исследование двух нахичеванских семейств: Тер-Крикоровых (Григорянов) и Кечеков, ближайшей родни автора. В них содержатся не только личные воспоминания В.М. Григоряна, но и многочисленные рассказы и анекдоты, которые ему довелось в разное время услышать от представителей старшего поколения. Так, автор, лично знавший выдающегося искусствоведа и театроведа А.К. Дживелегова, который к тому же был великолепным рассказчиком, передает его байки о некоторых известных нахичеванцах. К сожалению, сам В.М. Григорян к Нахичевани-на-Дону имел весьма опосредованное отношение, прожив практически всю свою жизнь в Ереване.

Общее место у большинства авторов воспоминаний, оставивших в их детской памяти глубокий след – летний выезд на дачи. У одних дача была где-то под Геленджиком (Субашиевы), а кто-то, как Кечеки, не имея собственной дачи, снимали ее на берегу Азовского моря в станице Новониколаевской, а родители Сергея Чахирова вывозили его на свою собственную усадьбу у деревни Белая гора на р. Донец.

Без всякого сомнения, среди мемуарных источников по истории Нахичевани-на-Дону выдающееся место занимают воспоминания купца и гласного городской Думы И.М. Келле-Шагинова (1853–1932) [8]. Долгое время хранившиеся в семейном архиве, они из-за своего содержания не могли быть опубликованы при советской власти. Главная их ценность заключается в том, что автор, будучи очевидцем описываемых событий, писал правдиво потому, что не надеялся на их публикацию и не опасался за свою дальнейшую судьбу. Хронологически они полностью совпадают с годами жизни автора. Еще одно важнейшее отличие рассматриваемых воспоминаний заключается в том, что И.М. Келле-Шагинов в течение всей своей жизни оставался жителем Нахичевани-на-Дону – вся его жизнь от рождения и самой смерти прошла именно здесь. Следующую их важнейшую черту можно увидеть в том, что это отнюдь не «воспоминания детства», – мемуары были написаны пожилым, умудренным опытом человеком, который имея обоснованное суждение по многим кажущимся сегодня

спорным вопросам. Воспоминания И.М. Келле-Шагинова, как подтверждают уже имеющиеся у нас сведения из других источников (в частности, они еще раз рисуют нам путь молодого начинающего юноши из приказчика в опытного авторитетного купца), так предоставляют нам абсолютно новые сведения, особенно об установлении и первых годах советской власти в Нахичевани-на-Дону. Последние из упомянутых событий, естественно, по идеологическим соображениям не нашли своего отражения в официальных источниках, что придает воспоминаниям И.М. Келле-Шагинова особое значение.

Некоторые страницы воспоминаний – глубоко личные и едва ли они предназначались автором для посторонних ушей. Особенно это касается переживаний Ивана Матвеевича по поводу болезни и смерти его любимой супруги Юлии Николаевны, с которой он прожил более сорока лет.

Все перечисленные выше авторы, за исключением И.М. Келле-Шагинова, покинули родную Нахичевань и практически больше сюда не возвращались. Таким образом, введение в научный оборот новой мемуарной литературы значительно расширяет наши сведения по истории Нахичевани-на-Дону начала XX в. К имеющимся в нашем распоряжении архивным данным они являются добротным коррективным материалом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шагинян М.С. Человек и время. – М.: Советский писатель, 1982. – 560 с.
2. Сарьян М.С. Из моей жизни. Воспоминания. – М.: Изобразительное искусство, 1985. – 304 с.
3. Берберова Н.Н. Курсив мой. – М.: Согласие, 1999. – С. 55, 128–129.
4. Кечек А. Воспоминания / под ред. Г. Мурадян и М. Григоряна. – Ереван: Принтинфо, 2014. – 275 с.
5. Чахиров С.П. Воспоминания детства // Известия Ростовского Областного музея краеведения. – 2007. – Вып. 15. – С. 126–160.
6. Субашиев В.К. Воспоминания о недалеком прошлом. – URL: http://samlib.ru/w/wagan_k_s/vk_subashievhtm.shtml.
7. Григорян М. Из воспоминаний моего отца. – URL: <http://markgrigorian.livejournal.com/151483.html>.
8. Келле-Шагинов И.М. Воспоминания из моей жизни. – Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015. – 320 с.

ГАРЕГИН НЖДЕ И ЕГО ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Зинуров Рафаэль Нариманович

доктор юридических наук, профессор
Комитет по международным делам Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации
г. Москва, Россия
e-mail: RNZinurov@senat.gov.ru

Аннотация. В статье освящена биография одного из видных государственных деятелей Армении первой половины XX века Гарегина Нжде. Автор останавливается на его вкладе в науку арменоведение и делает попытку ответить на спорный для многих армяноведов вопрос можно ли относить пламенного патриота Гарегин Нжде к арменоведам.

Ключевые слова: Гарегин Нжде; армяноведение; XX век; Армянская Апостольская церковь; труды Гарегин Нжде.

GAREGIN NZHDEH AND SPIRITUAL HERITAGE

Zinurov Rafael Narimanovich

Doctor of Law, professor
Member of the Foreign Affairs Committee of the Federation Council
of the Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russia
e-mail: RNZinurov@senat.gov.ru

Abstract. The article consecrated biography of one of the prominent statesmen of Armenia the first half of the twentieth century Garegin Nzhdeh. The author dwells on his contributions to science studies and attempts to answer controversial for many urmanbetov question is it possible to include ardent patriot Garegin Njdeh to armenologists.

Keywords: Garegin Nzhdeh; armonaviciene; twentieth century; Armenian Apostolic Church; the writings of Garegin Nzhdeh.

В современной армянской и русской историографии имя одного из видных государственных деятелей Армении первой половины XX века, пламенного и великого патриота многострадальной Армении Гарегина Нжде (Гарегин Тер-Арутюнян), за редкими исключениями, почти не упоминается.

Его трагическая биография арменоведом и историкам известна. В этой связи, в нашем небольшом докладе, мы постараемся кратко остановиться на его вкладе в науку арменоведение, ответив тем самым, на для многих арменоведов спорный вопрос – можно ли относить пламенного патриота Гарегин Нжде к арменоведом?

Арменоведение 1920-30-х гг. в новом советском государстве характеризовалось явлением, которое, на наш взгляд, можно было бы назвать «застойным». Больших или сколько-нибудь заметных арменоведческих исследований в этот период в советском государстве не проводилось – в годы послереволюционной суматохи гражданской войны для научно-исследовательской деятельности попросту не было возможностей.

Однако мы здесь должны отметить статьи и записки Гарегина Нжде. Арменоведческая наука не относит его к арменоведом, поскольку считается, что он не оставил больших научно-исследовательских работ, которые можно было бы считать вкладом в арменоведение. Однако анализ содержания его многолетних записок, статей, писем, тюремных записей, по нашему мнению, нам дают полное основание считать часть его некоторых работ, как имеющие безусловное арменоведческое содержание. Причем это очевидно не из целей и названий его работ, а из их содержания.

Хотя он как пламенный патриот, как известно, в основном проявил себя на военном и политическом поприще, многие его работы, по крайней мере часть из них, посвящены сути армянства, армянской истории и особенностям армянской духовности.

Начав с неприятия политики большевицких правителей Армении, Нжде впоследствии всю свою публицическую и политическую деятельность посвятил пропаганде и разъяснению сути армянства, избрав уникальный, свойственный только ему путь арменоведа.

Создав в 1920 г. «Клятвенные союзы», а в 1921 г. отказавшись признать советизацию Зангезура, Нжде убеждал всех, что все это противоречит армянскому народному духу, интересам армянского народа [1]. Все это он опубликовал в изданных им в 1921 г. «Хутупских зовах».

После эмиграции, активно занимаясь публистикой, в 1929 году в Бейруте он издал книгу «Открытые письма армянской интеллигенции», на содержании которой остановимся чуть ниже. Здесь мы должны отметить, что в 20-30 годах, он опубликовал много работ и статей, на наш взгляд также имевшие арменоведческие аспекты. К ним можно отнести издававшуюся им в Пловдиве армянскую газету «Размик», изданную в 1937 году в Софии острую критическую статью «Мой ответ». Главной целью этих работ и статей было поднятие и укрепление патриотических чувств армянства, разъяснению целей армянства, подготовка его к надвигающейся войне.

Одной из главных работ Гарегина Нжде, которую мы вполне, без натяжек предлагаем назвать арменоведческой, является изданные в им Бейруте в 1929 г. «Открытые письма армянской интеллигенции» [2]. Эти письма-статьи он

полностью посвятил армянству, обращаясь к глубинам души, армянского национального характера. Проанализировав недостатки в армянском национальном движении, он пришел к важнейшему для армянства тех лет выводу: «Мы проиграли, потому что как нация, лишь частично осознали наш долг, вместо того, чтобы всецело использовать духовные силы нации, стали искать покровителей» [3].

Относительно будущего армянского народа, в целом армянства, он полагал, что действовать нужно целенаправленно и активно: «На Востоке, в сложившихся условиях может жить только храброе армянство» [4].

По его мнению, Армянская Апостольская церковь в мировом армянстве должна играть одну из ведущих ролей. В этом, как он заключает, кроется живучесть не только армянства, но и самой Армянской Апостольской церкви. «Самозащита армянского народа – новое кредо армянской церкви», заключает он. Не вдаваясь в пространные рассуждения, мы здесь лишь отметим, что действительность не раз подтверждала пророческую правоту этих его мыслей.

В статье «Открытое письмо Майклу Арлену», опубликованной им в газете «Нор Аракс» в 1930 г. в Софии, Гарегин Нжде с доступных ему позиций, которые мы также предлагаем назвать арменоведческими, остро критикует М. Арлена (Тигран Куюмджян), армянина, порвавшего с армянством, модного в те годы в Лондоне публициста. «Прежде чем критиковать армянство, надо иметь мужество жить с его обремененной совестью, иметь характер спуститься в глубины этой совести» [5]. Таким образом, не являясь арменоведом в научном смысле этого термина, Нжде дает жесткую отповедь антиарменоведческим высказываниям названного М. Арлена.

В своей уникальной и пророческой работе «Тюремные записи (размышления)», Гарегин Нжде не только характеризует состояние армянства в тот период, вскрывает его самые существенные недостатки, но и определяет путь дальнейшего движения армянства в сторону его сплоченности. «Не совершенен тот армянин, – пишет он, – который для понимания философии отечественной истории, путей её дальнейшего развития, не пережил заново все прошлое своего народа» [6].

Автор здесь прибегает к любым средствам, философским методам, которые смогли бы помочь сплотить переживающее трагический период армянство: «В деле формирования армянской сущности львиная доля влияния принадлежит армянским горам. Масис – пестун армянской души» [7].

В рамках нашего исследования нет возможности и дальше цитировать полные конкретные призывы к мировому армянству строки этого великого армянина, подлинного патриота многострадальной Армении. В связи с этим, мы ограничимся лишь указанием на то, что автор здесь приводит основополагающие моменты, без которых и сегодня, мировое армянство было бы обречено на провал и забвение – это самосознание народа, чувство Родины, уважение к предкам, почтительное отношение в армянской церкви, взгляд на армянство не как постороннее или относительное явление, а осознание самого себя внутри него.

«Армяне – народ духа, а духу присуще сострадание... Армяне – народ идеала, а идеал предполагает волнение духа, целеустремленность, тоску по наилучшему...

Вслушайтесь в армянский эпос, в его фольклор, и вы убедитесь, что хлеб для армянина – не главное из жизненных благ» [8].

В заключение наших слов о ходе мыслей и трудов такого необыкновенного, человека, преданного всей душой армянству, отдавшего этой идее всю свою жизнь, приведем его слова, обращенные, на наш взгляд, не только к армянскому народу, и всей науке арменоведения, всем арменоведам современности.

«Ретроспективным взглядом восстановить духовную жизнь своего народа в ту или иную историческую эпоху, путем археологических раскопок установить места развития его культуры, с помощью сравнительного языкознания установить возраст его языка, а затем – его место в большой семье народов, в свете современной философии рассмотреть его предания, эпос, мифы, одним словом – дать народу возможность узнать все его прошлое, означает создать все предпосылки для его полноценной жизни и творчества» [9].

Тот факт, что Гарегин Нжде по сути являлся арменоведом, хотя косвенно и неосознанно, но признавали и его современники. Так, по мнению его многолетнего соратника Айка Асатрян, «...Гарегин Нжде с благовением относился к титанической боли армянства..., он страстный проповедник культа Родины и рода... Он указывал на некий центр притяжения – страдание рода. Это духовный знак нашего рода, по нему узнает нас мир» [10].

Таким образом, очевидно, что Гарегин Нжде – это арменовед особого, духовно-этического формата. Он просто, в то же время глубоко разъясняет духовный мир армянства, каким он должен быть, каковы его задачи, что общего во внутреннем мире армян, как народа и т.д. Его мысли, безусловно, являются важнейшим, и, к сожалению, сегодня, несправедливо забытым вкладом в арменоведение. Такого вклада, уникального по духовности и глубине проникновения в армянскую сущность, после него в арменоведческой науке мы уже не встречаем. Этот вклад, на наш взгляд, сопоставим лишь с позднейшими материалами по геноциду.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гарегин Нжде. Избранное. – Ереван, 2012. – С. 7.
2. Гарегин Нжде. Открытое письма армянской интеллигенции // Избранное. – Ереван, 2012. – С. 23-46.
3. Там же.
4. Гарегин Нжде. Указ. соч. – С. 34.
5. Гарегин Нжде. Указ. соч. – С. 37.
6. Гарегин Нжде. Тюремные записи (размышления) // Избранное. С. 111.
7. Гарегин Нжде. Указ. соч. – С. 114
8. Гарегин Нжде. Указ. соч. – С. 111-131.
9. Гарегин Нжде. Тюремные записи // Избранное. – С. 180.
10. Аик Асатрян. «О книге Гарегина Нжде «Движение родового духа» // Гарегин Нжде Избранное. – С. 192, 194.

РАЗДЕЛ 5

АРМЯНЕ

В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ,
ВОЕННОЙ, КУЛЬТУРНОЙ,
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЭЛИТ XVIII–XX ВВ.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕМЬИ ЛАЗАРЕВЫХ В РОССИИ

Тер-Саркисянц Алла Ервандовна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела Кавказа
Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук
г. Москва, Россия
e-mail: aeters@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена благотворной деятельности нескольких поколений армянской семьи Лазаревых в России. Здесь они построили двухэтажные дома, церкви, больницы, открыли типографии, школы, стали владельцами мануфактур по производству шелковых и бумажных тканей, расширили горные заводы и соляные промыслы в Пермской губернии, большие капиталы вкладывали в ювелирное производство, получили дворянское звание. Особенно важным культурным наследием стал созданный ими в Москве Институт восточных языков.

Ключевые слова: Лазаревы; строительство; промышленность; Москва; Институт восточных языков.

CULTURAL HERITAGE OF THE LAZAREVS FAMILY IN RUSSIA

Alla E. Ter-Sarkisyants

Doctor of Historical science, Senior researcher of Department of Caucasus
Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
e-mail: aeters@yandex.ru

Abstract. This paper is devoted to the beneficiary activity of several generations of the Armenian family of Lazarevs in Russia. They have built a number of substantial houses, churches, hospitals, instituted printing facilities and schools, started manufactures of silk and cotton textile, improved mining and salt industry in Perm governorate and were included in the ranks of nobility. Their most important cultural heritage was the Institute of Oriental Studies, founded in Moscow.

Keywords: Lazarevs; building up; industry; Moscow; the Institute oriental.

Российская история знает немало примеров преданного служения армян на различных гражданских и военных поприщах. Наиболее яркий культурный след в истории России оставила знаменитая семья Лазаревых (Лазарянов).

Корни их рода уходят в область Гохтн исторической Армении, где он был известен с XIV в. До начала XVII в. представители этого рода, родоначальником которого был Агазар (Лазарь), издавна жили в крупном торговоремесленном центре Джуга на левом берегу Аракса, близ города Нахичеван, где они, принадлежа к купеческой династии, были влиятельными и состоятельными людьми. Но в начале XVII в. иранский шах Аббас I (1587–1629), не имея возможности сопротивляться туркам во время многолетней войны с ними, происходившей в то время на территории Армении, и отступая, приказал разрушить многие ее города и селения и насильственно переселить свыше 350 тыс. ее жителей, преимущественно ремесленников, во внутренние провинции Ирана. Тем самым шах преследовал две цели. С одной стороны, этим актом он опустошал территории, на которые надвигалась армия турецкого султана, оставляя тем самым османов и без продовольствия, и без пристанища. С другой стороны, он планировал заселить свободные территории вокруг своей столицы Исфахана трудолюбивым армянским населением с целью развития ремесел, а также торговли, в частности шелком-сырцом, со странами Западной Европы, в чем главная роль отводилась богатым джугинским купцам.

Сын Агазара, *ходжа* Манук, вместе с другими переселенными в Иран армянами обосновался в 1605 г. в его столице Исфахан. Спустя полвека, в 1656 г., семья Лазарянов переселилась в основанный джугинскими армянами в пригороде Исфахана город Нор Джуга (Новая Джуга). В нем представители этого рода, связанного с международной торговлей шелком, драгоценными камнями, изделиями художественных промыслов, стали богатыми купцами, которые играли заметную роль в экономической жизни Ирана. Шах оценил способности Лазарянов и сделал их своими финансовыми советниками. Представители этого рода, обладавшего значительным весом при дворе шаха, назначались главами Монетного двора, а некоторые становились даже визирями. Со временем шах стал поручать им и более деликатные дипломатические миссии. В Нор Джуге Лазаряны немало своих капиталов жертвовали на строительство школ, церквей, благоустройство города, в котором открыли типографию. Но в связи с начавшимися в Иране после убийства Надир-шаха в 1747 г. смуты и междоусобными распрями из этой страны был вызван значительный миграционный поток армян, одна часть которого направлялась в Индию, а другая, большая часть – в Россию.

Семья Агазара Назаровича Лазаряна (1700–1782), состоявшая из его жены Анны, четырех сыновей – Ованеса, Минаса, Хачатура и Овакима и дочери Анны, вместе с семьями его братьев Арутюна и Манука переселилась в Россию и обосновалась сначала в Астрахани, где издавна существовала большая

армянская колония и с 1717 г. был центр первой, образованной на территории России армянской церковной епархии, а с 1758 г. – в Москве. Здесь они приобрели у промышленника Захария Шериманяна землевладение с каменным домом и деревянными строениями в Столповом переулке за 4300 руб. и подмосковную ткацкую фабрику.

В Москве семья Лазарянов, где они стали писаться на русский лад Лазаревыми и соответствующими именами – Лазарь, Иван, Мина, Христофор и Еким, сначала часть своих капиталов вложила в шелковое производство, поскольку эта отрасль весьма поощрялась российским правительством. Здесь Лазаревы построили и купили несколько двухэтажных домов, сохранившихся до сих пор на противоположной от их дома, левой стороне Столпова переулка. Купленный по соседству с ними дом князей Мещерских был перестроен Лазаревыми для сдачи внаем. Кроме этого, они приобрели несколько усадеб на улицах и в переулках соседних кварталов. Так, на Мясницкой улице у князя Куракина была куплена городская усадьба. Находившееся там каменное здание Лазаревы сдавали в аренду Московскому почтамту, а в 1782 г. этот дом был продан ими казне. Нынешнее здание Главпочтамта, построенное в 1912 г., находится на том же месте. Лазаревыми были приобретены дома в Кривоколенном переулке, недалеко от Меншиковой башни, а также на Сретенке; в соседнем со Столповым Колпачном переулке они купили у армянина Захара Мирзаханова двухэтажный особняк с флигелями, палисадником и конюшнями [1].

Вскоре Лазаревы стали в России владельцами мануфактур по производству шелковых и бумажных тканей, в том числе считавшейся в то время одной из лучших не только в России, но и в Европе подмосковной Фряновской фабрики. Ее красивые и богатые ткани приобретали императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II, они шли на украшение покоев Зимнего дворца и продавались даже в Англии [2].

Важным приобретением Лазаревых стало их Пермское имение с горными заводами и соляными промыслами на Урале, купленное у баронов Строгановых и затем существенно расширенное ими в 1778–1784 гг. за счет создания новых заводов, в результате чего в этой губернии возникло одно из крупнейших и передовых в техническом отношении частновладельческих имений Лазаревых, продукция заводов которого, особенно чёрмозского, отличалась высоким качеством и пользовалась большим спросом. К концу XIX в. это имение охватывало территорию в 830 тыс. десятин земли и было в Прикамье вторым по величине после вотчин Строгановых [3].

Помимо этих значимых предприятий во Фряново и в Прикамье большие капиталы вкладывались семьей Лазаревых в ювелирное производство. Вскоре семья Лазаревых стала одной из самых богатых в России. В 1774 г. Екатерина II своим указом пожаловала «Лазаря Лазарева, его детей и их потомков в российские дворяне за то, что он завел знатную мануфактуру и оказывал с детьми своими нам многие услуги» [4]. Это дало Лазаревым возможность расширять

сферу предпринимательской деятельности приобретением новых земельных угодий и крепостных крестьян.

В середине 60-х годов XVIII в. старший из сыновей Лазаревых, Иван Лазаревич переехал в Санкт-Петербург, где его активная предпринимательская и политическая деятельность, богатство сделали его самым влиятельным членом армянской общины города, а его огромная эрудиция, неистощимая энергия и желание трудиться во благо России привлекли к нему внимание высших правительственных кругов. Вскоре он сближается со многими видными государственными деятелями и с царским двором. Будучи назначен Екатериной II советником по восточной политике и советником Государственного банка России, И.Л. Лазарев не раз с успехом выполнял сложные правительственные поручения дипломатического и финансового характера. В 1764 г. он стал придворным ювелиром и советником при покупке двором ценных ювелирных изделий. С его именем связано удачное приобретение в Амстердаме в российскую казну (от армянского купца Г. Сафрасова) одного из крупнейших алмазов «Дери-а-нур» («Море света»), который одно время украшал трон Надир-шаха, потом был похищен, а затем переходил из рук в руки. И.Л. Лазарев продал этот уникальный алмаз графу Гр. Орлову (поэтому он получил название «Орлов»), а тот преподнес его Екатерине II в день ее тезоименитства. С тех пор этот алмаз украшал скипетр российских императоров, а сейчас он, имея и второе название – «Лазаревский», хранится в Алмазном фонде Оружейной палаты Московского Кремля.

Иван Лазаревич был известным благотворителем. На свои средства в принадлежавших ему имениях он строил православные церкви, больницы, приюты, школу для детей бедноты, богадельни, пополнял книгами библиотеки. По его прошению в 1770 г. был принят царский указ, разрешавший построить в Москве и Санкт-Петербурге армянские церкви, для сооружения которых он пригласил известного петербургского архитектора Ю.М. Фельтена. В Москве церковь *Сурб Хач* (Св. Креста) была построена в 1779 г. в Столповом переулке на средства третьего из братьев Лазаревых – Христофора. Позднее при церкви был основан Касперовский приют, названный именем благотворителя, завещавшего большую денежную сумму на его организацию.

Армянская церковь, владения армянских семей в старинном московском переулке стали причиной того, что к концу XVIII в. за ним закрепилось новое название – Армянский переулок. На свои средства Лазаревы благоустроили его, вымостив брусчаткой. В 1805 г. братья Мина и Еким Лазаревы добились отвода участка для захоронения армян за Пресненской заставой, рядом с православным Ваганьковским кладбищем, где в 1815 г. была возведена каменная церковь *Сурб Арутюн* (Св. Воскресения), сохранившаяся до сих пор. В 1807 г. Лазаревыми была основана первая в Москве армянская типография.

В Санкт-Петербурге, в середине Невского проспекта, напротив Гостиного двора, в 1780 г. была выстроена церковь, получившая название *Сурб*

Катарине (Св. Екатерины) в честь императрицы. В 1791 г., после гибели на Русско-турецкой войне своего единственного 23-летнего сына Артемия, Иван Лазаревич обращается к императрице с просьбой о строительстве еще одной церкви – на Васильевском острове, где находилось армянское кладбище. В том же году церковь была возведена и получила название *Сурб Арутюн*.

Одновременно И.Л. Лазарев – граф, действительный статский советник, помещик и промышленник, который не только всемерно способствовал переселению армян в Россию (это было время, когда с 1639 г. Армения была разделена между Ираном и Турцией), ходатайствовал по их делам в правительстве, помогая деньгами, но и вместе с архиепископом Иосифом Аргутинским составил и представил правительству программу восстановления армянской государственности, а также вынашивал планы создания в России для армянских детей учебного заведения с целью сохранения армянской культуры и подготовки национальных кадров. После смерти И.Л. Лазарева в 1801 г. эти планы впоследствии осуществил ставший наследником семьи его брат Еким с сыновьями Иваном и Христофором. В своем завещании, составленном 4 января 1800 г., Иван Лазаревич предписывал именно ему, своему младшему брату, внести в Опекунский совет 200 тыс. руб. ассигнациями, чтобы «имеющейся составиться из %%-ов значительную суммою соорудить со временем приличное здание для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации» [5]. Еким Лазаревич всемерно поддерживал благородное начинание старшего брата, при этом он не только в точности выполнил его волю, но и лично от себя внес в совет 300 тыс. руб.

По усмотрению Лазаревых, организовать учебное заведение для армянского юношества было решено осуществить именно в Москве, что было обусловлено прежде всего тем, что, с одной стороны, здесь издавна существовала большая армянская община, а с другой стороны – в этом городе находился основанный в 1755 г. первый и единственный к тому времени в стране университет, что давало надежду на его благотворное влияние и творческое содружество с его выдающимися учеными, что способствовало бы хорошей организации учебного процесса в училище, а затем к дальнейшему поступлению наиболее одаренных армянских юношей в университет и приобщению их к русской и европейской культуре и науке.

За семьей Лазаревых, которые несли все расходы по строительству и содержанию открытого в мае 1815 г. училища, а также обеспечивали бесплатное содержание и обучение 30 воспитанников из малоимущих армянских семей, было закреплено право попечителей. Именно к поступившим из числа этих 30 воспитанников после окончания училища в Московский университет предъявлялись обязательные требования по завершении университета служить в училище в течение не менее шести лет в качестве преподавателей

и наставников. Тем самым эта мера позволяла иметь из числа армян квалифицированные кадры для работы в училище и поддержания национальных традиций [6].

С момента своего возникновения это учебное заведение было армяно-русским, куда был открыт доступ для детей разных национальностей, вероисповедания и социальной принадлежности, что в немалой степени способствовало его популярности. Учебный план включал помимо обычного гимназического курса на русском языке для всех учащихся преподавание армянского языка и ряда других специальных дисциплин для армянских юношей, а также изучение восточных языков (арабского, персидского, турецкого). Русские и учащиеся других национальностей со временем также стали изучать (по выбору) один из восточных языков. Обязательными для всех были латынь и французский, немецкий язык проходили факультативно.

В 1823 г. при училище было учреждено Общество любителей древности, целью которого было «изыскание достославных событий о древней Армении», что пробудило в учащихся интерес к истории и культуре собственного народа, определив тем самым в перспективе развитие арменоведения.

12 декабря 1822 г. перед главным зданием училища состоялось торжественное открытие великолепного памятника с беломраморными скульптурными портретами основателей учебного заведения Ивана и Екима Лазаревых и памятными надписями на плитах. В 1914 г. к нему были добавлены два рельефных мраморных портрета Ивана и Христофора Екимовичей, которые долгие годы были его почетными попечителями.

С годами Лазаревское училище превратилось в крупный образовательный и научно-просветительный центр. С 17 января 1825 г., по просьбе уже пожилого к тому времени Екима Лазаревича, училище было передано под попечительство графа А.А. Аракчеева, а в 1827 г. – в ведение Министерства народного просвещения Российской империи, получив официальное название «Институт восточных языков господ Лазаревых» [7].

При Лазаревском институте имелась одна из лучших в Москве типографий, высококачественное оборудование для которой Лазаревы приобрели в Париже и Лондоне. В ней печатались книги на 13 европейских и восточных языках. Большое значение для развития армяно-русских культурных связей имели изданные здесь двухтомный Армяно-русский словарь А. Худобашева, а также исторические труды: «История Армении» Мовсеса Хоренаци (1858, 1896 гг.), «Обозрение истории армянского народа от начала бытия до возрождения области Армянской в Российской империи» русского писателя С.Н. Глинки в двух томах (1832–1833) и при деятельном его участии три тома «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» (1833–1838) и многие другие.

Уже в первые десятилетия своего существования Лазаревский институт привлекал к себе внимание известных писателей и ученых. В свое время его

посетили ученый-энциклопедист Александр фон Гумбольдт, востоковед Марий Иванович Броссе, а также В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич, П.А. Вяземский, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин и др. В 1829 г. в пансионе Института пребывал 11-летний И.С. Тургенев [8].

Вскоре Лазаревский институт стал привлекать к себе интерес и высших сановников России и даже самого царя, что объяснялось стремлением приспособить его работу для осуществления целей российской восточной политики того времени. После того, как 4 октября 1834 г. царь Николай I посетил институт, он получил, наконец, признание со стороны властей. В 1839 г. институт был приравнен к таким учебным заведениям, как Академия художеств, Московский дворянский институт, Петербургский горный институт.

В 1841 г., по ходатайству армянского патриарха, при институте было учреждено духовное отделение, на котором образование могли получать дети из числа обедневшего армянского духовенства, готовившиеся к духовному званию.

Знаменательным событием в жизни лазаревцев стало утверждение в 1848 г. Николаем I устава Лазаревского института, согласно которому царем были дарованы «устав и штаты со всеми правами и преимуществами 1-го разряда учебных заведений в сравнении с другими лицами и институтами». С этого времени вместо пятиклассного курса обучение стало восьмиклассным, а изучение востоковедческих дисциплин – более глубоким, и, таким образом, Лазаревский институт приравнивался к высшим учебным заведениям России, а его выпускники получали права и привилегии государственных служащих [9].

Два года спустя, в 1850 г., в Институте были учреждены Высшие Лицейские классы, куда зачислялись наиболее одаренные воспитанники после окончания ими гимназического курса и где они углубленно изучали восточные языки, историю и словесность, а также русское право. Во второй половине XIX в. эти Лицейские классы были преобразованы в Специальные классы, в которых курс изучения восточных языков и востоковедческих дисциплин увеличился с двух до трех лет, а позднее существенно расширился круг специальных научных дисциплин, к которым были добавлены такие предметы, как сравнительное языкознание, экономика, этнография, санскрит. Наряду с лазаревцами право посещать семинары Специальных классов получили студенты Московского университета. С 1892 г. для желающих в Институте были введены курсы важнейших юридических наук, которые они слушали вместе со студентами Московского университета [10].

В Лазаревском институте преподавали известные ученые – академики Ф.Г. Корш, В.Ф. Миллер, А.Н. Веселовский, профессора С.И. Назарьянц, А.Е. Крымский, Л.З. Мсерьянц, В.А. Гордлевский и другие. Основание русской школы арменоведения связано с именами двух воспитанников Лазаревского института, впоследствии крупных ученых-филологов – Н.О. Эмина и К.П. Патканова (Патканяна). Эмину принадлежат переводы и издание

памятников древнеармянской письменности, в частности трудов Мовсеса Хоренаци и Фавстоса Бузанда. Он изучал эпос, армянскую мифологию, археологию, духовную литературу, впервые перевел на русский язык сборник древнеармянских духовных песен и гимнов – «Шаракан». Патканов издал ценные труды по истории и литературе армянского народа, а также по истории Востока. Он первым из армянских ученых был избран в 1885 г. членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

В Лазаревский институт принимали мальчиков от 10 до 14 лет. Фамилии всех лазаревцев вносили в особую «Шнуровую книгу». Учащихся облачали в форму из темно-зеленого сукна с красным кантом на обшлагах мундира, верх которого украшал черный воротничок с петлицами. По торжественным дням ученики старших классов носили парадную шпагу и особый головной убор, что заметно отличало их от учащихся других учебных заведений Москвы. Доброй традицией в институте стало поощрять успехи учеников в учебе билетами в театры, где правление института абонировало хорошие места, а для учеников младших классов по воскресным дням устраивать экскурсии по историческим местам города и загородные прогулки. Во время каникул тех воспитанников, которые находились вдали от родительского дома, вывозили на снимавшуюся на средства института дачу в пригород Фили; нередко во время праздников или каникул семья попечителя брала к себе домой нескольких малолетних мальчиков-сирот.

Лазаревский институт по праву считался сокровищницей культуры. В нем хранилась особая «Бархатная книга», в которую вносились записи о преподнесенных институту ценных подарках. Кроме самих Лазаревых, их делали в основном преподаватели и бывшие лазаревские воспитанники, побывавшие в разное время во многих странах мира. Они дарили Дому Лазаревых ценные рукописи, картины (среди них – картина «Вид города Феодосии», подаренная И.К. Айвазовским, который дружил с Х.Е. Лазаревым и был почетным членом Совета института), минералы, предметы старины. Часть этих сокровищ, среди которых особенно впечатляющей была огромная коллекция минералов, приобретенная Лазаревыми на Урале, хранилась в Минералогическом кабинете института. Там же был создан и Нумизматический кабинет (Мюнц-кабинет), в котором насчитывалось свыше шести тысяч монет, медалей, относящихся к разным историческим эпохам. Этот кабинет служил воспитанникам одновременно музеем и учебным классом.

Гордостью Лазаревского института была его огромная библиотека, ценные книги для которой задолго до открытия училища собирали сами Лазаревы в основном за границей, а затем передали в ее фонд несколько тысяч книг, в том числе богатую коллекцию восточных рукописей, особенно армянских, наиболее древней из которых было Лазаревское евангелие 887 г. [11].

Лазаревский институт был не только крупным учебным заведением, но и очагом армянской культуры в Москве, центром армяно-русских культурных

связей. Многие его выпускники сыграли немалую роль в области просвещения, литературы, науки, искусства. С институтом связано и издание прогрессивного армянского журнала «Юсисапайл» («Северное сияние») (1858–1864) под руководством Степаноса Назарянца, в котором публиковались произведения армянских публицистов, а также переводы известных русских и европейских писателей и мыслителей.

В 1905–1917 гг. Лазаревский институт не был в стороне от происходивших в России бурных политических событий. Его студенты принимали активное участие в митингах, забастовках, многие из них, досрочно сдав экзамены, поступали в военные училища. Они много работали в Московском Комитете помощи армянским беженцам из Турции, обучая грамоте их детей, устраивая лазареты и ухаживая за ранеными, организовывая благотворительные концерты. Особенно тяжелым для института стал март 1918 г., когда в связи с продовольственным кризисом и участвовавшими болезнями воспитанников его руководство было вынуждено прекратить занятия. Хотя статус учебного заведения был утрачен, все же дело семьи Лазаревых не пропало. Академик Н.Я. Марр с группой востоковедов организовал Переднеазиатский институт, а затем в 1919 г. – Армянский институт. В 1921 г. открытый годом раньше Центральный институт живых восточных языков был объединен с Восточным отделением Московского университета в одно высшее учебное заведение – Московский институт востоковедения, а Лазаревский институт был переименован в Дом культуры Советской Армении и передан со всем имуществом, согласно декрету Ленина, в распоряжение правительства Армении. Тогда в главный корпус лазаревского ансамбля переехала Армянская драматическая студия под руководством С.И. Хачатуряна, а позднее – Р.Н. Симонова. В театральную студию в качестве педагогов были приглашены лучшие представители отечественной культуры, науки и искусства – В.Я. Брюсов, А.К. Дживелегов, Н.Я. Марр, И.А. Орбели, Г.Б. Якулов. Много сделали для развития армянского театра в стенах Дома культуры К.С. Станиславский и особенно Е.Б. Вахтангов. При Доме культуры были созданы также хореографический коллектив и музыкальный ансамбль восточных инструментов. Свои первые репетиции проводил здесь прославленный Квартет им. Комитаса. Кроме армянских артистов на местной сцене выступали выдающиеся мастера московских театров – И.М. Москвин, Е.Н. Гоголева, В.Н. Яхонтов, В.И. Качалов. Здесь читал свои стихи А.С. Исаакян (1875–1957), выставлял картины М.С. Сарьян (1880–1972). После войны Р.Н. Симонов организовал в стенах Дома культуры работу режиссерских курсов. В числе педагогов были А.М. Роом, С.А. Герасимов, С.И. Юткевич. Здесь периодически экспонировались художественные выставки, организовывались встречи с поэтами, композиторами, проходили вечера памяти классиков армянской культуры. В конце 1940-х – начале 1950-х годов с Домом культуры были связаны также имена известных армян-москвичей – композитора Арама Хачатуряна, чтеца Сурена Кочаряна, архитектора Каро Алабяна, певцов Павла Лисициана, Зары Долухановой и многих других.

С самого начала Дом культуры проводил большую просветительскую работу. Для детей была организована армянская школа, для взрослых работал лекторий по вопросам истории, литературы, культуры и искусства. С 1930-х годов издавалась многотиражная газета «Фронт культуры». Дом культуры духовно объединял и привлекал к живому общению живших разрозненно московских армян. В 1953 г. он был закрыт, а здание передано переехавшему из Ленинграда Институту востоковедения АН СССР, который находился там до 1977 г., после чего лазаревский ансамбль был вновь полностью предоставлен в распоряжение правительства Армении. В 1987 г., после капитального ремонта, здесь открылся Музей русско-армянской дружбы, начал функционировать Армянский культурный центр, а с ним – выставки, концерты московских и ереванских артистов, встречи с видными мастерами сцены. Сейчас в этом здании находятся посольство Республики Армения и постоянное представительство Нагорно-Карабахской республики в Российской Федерации, а также открытая в 1988 г. воскресная армянская школа «Верацунд» («Возрождение»).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Амирханян А. Тайны Дома Лазаревых. Фрагменты истории московской армянской общины XIV–XX века. – М.: Все для Вас, 1992. – С. 21–23.
2. Кравцова М. Лазаревы во Фряново (к 200-летию Фряновской усадьбы) // Первые Лазаревские чтения по истории армян России. Всерос. конф. (М., 9 февр. 2002 г.). – М., 2003. – С. 55–66.
3. Матвеев В. Судьба архитектурного наследия Лазаревых в Чёрмозе // Первые Лазаревские чтения по истории армян России. Всерос. конф. (М., 9 февр. 2002 г.). – М., 2003 – С. 67–72.
4. Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. – М.: Наука, 1973. – С. 11–12.
5. Государственный исторический архив г. Москвы (далее – ГИАМ). Ф. 213. Оп. 1. Д. 1. Л. 145; цит. по: Базиянц А.П. Над архивом Лазаревых. – М.: Наука, 1982. – С. 33.
6. Зулумян Б.С. Литературно-научная деятельность Лазаревского института восточных языков // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. Всерос. конф. (М., 25–27 нояб. 2002 г.). – М., 2006 – С. 53.
7. Там же. – 40.
8. Базиянц А.П. Правда интереснее легенд. – М.: Наука, 1975. – С. 14.
9. Амирханян А. Указ. соч. – С. 53.
10. Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. – С. 44.
11. Амирханян А. Указ. соч. – С. 58–63.

**ЛАЗАРЕВЫ –
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Саядов Сергей Михайлович

кандидат исторических наук
руководитель Центра арменоведческих исследований при ЮНЦ РАН
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: ssayadov@hayazg.info

Аннотация. В статье рассматривается роль Лазаревых в развитии русско-армянских отношений XVIII–XIX вв. Впервые в историографии поставлен вопрос о необходимости исследования деятельности Лазаревых в целом, их посреднической миссии, феномена «двойственной идентичности», т.е. того, как, находясь на государственной службе России, они выступали представителями армянского народа и представителями национальной элиты Российской империи.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ международного научно-исследовательского проекта № 16-21-20003 «Армяне в составе российской и советской элиты XVIII–XX вв.».

Ключевые слова: Лазаревы; история армянского народа; история русско-армянских отношений; деятельность армянских общин в России; представители армянского народа в России; национальная элита Российской империи.

**THE LAZAREVS;
MEMBERS OF THE POLITICAL ELITE
OF RUSSIAN EMPIRE**

Sergey M. Sayadov

candidate of historical sciences, the chief of the Center for Armenian studies
The Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Research Center
of the Russian Academy of Sciences
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: ssayadov@hayazg.info

Abstract. The article discusses the role of the Lazarevs in the development of Russian-Armenian relations in XVIII–XIX centuries. For the first time in the

historiography it was posed the question about the need to study Lazarevs' activities, their mediation mission, the phenomenon of the «dual identity» – while in the civil service in Russia, they represented both the Armenian people and the national elite of the Russian Empire.

Keywords: Lazarevs; the history of the Armenian people; history of Russian-Armenian relations; the activities of Armenian communities in Russia; representatives of the Armenian people in Russia; national elite of the Russian Empire.

Проблематика истории русско-армянских отношений, борьбы армянского народа за свое освобождение всегда была в поле зрения армянской и русской историографии. Исследование русско-армянских отношений XVIII–XIX вв. невозможно без рассмотрения истории жизни и деятельности рода Лазаревых, Абамелек-Лазаревых, оставивших глубокий след в истории российских армян [1].

Поскольку многие представители рода Лазаревых были одними из влиятельных фигур армянского освободительного движения, мы попытались поставить вопрос о том, в какой мере их деятельность как представителей армянского народа соотносилась с их государственной службой в России, с тем положением, которые они занимали в иерархии российского общества того времени.

Если под элитой понимать социально доминирующий слой, который контролирует значительную часть общественных ресурсов и серьезно влияет на выработку и осуществление политики [2], то Лазаревы, которые были одними из самых богатых людей России, вполне могли претендовать на заметные роли в ее хозяйственной жизни, а следовательно, имели возможность оказывать влияние и на общественно-политическую и социокультурную сферу. Факты свидетельствуют, например, об их влиянии на разработку и осуществление восточной политики России, их участии в переселении армян в Российские пределы, большом вкладе в укрепление культурных связей двух народов.

Г.К. Маргарян указывает, что в исторической литературе проблематика русско-армянских отношений рассматривается главным образом в международном (внешнеполитическом) аспекте, однако «изучение судеб представителей армян непосредственно в России требует дальнейшего исследования, ибо армянские общины и армянская элита много сделали для развития как России, так и армянского народа» [3]. На примере исследования жизни и деятельности Х.Е. Лазарева Г.К. Маргарян пытается комплексно рассмотреть деятельность Лазаревых в России. Он указывает на многочисленную литературу, в которой характеризуется их торговая, предпринимательская, общественно-

политическая, внешнеполитическая, культурно-просветительская, благотворительная деятельность. Только при таком комплексном подходе: рассматривая все направления деятельности всех представителей рода Лазаревых, можно, полагает исследователь, понять их роль в истории русско-армянских отношений [4]. Разделяя эту позицию Г.К. Маргаряна, на наш взгляд, следует добавить, что данный подход применим и в исследованиях деятельности других представителей рода Лазаревых, например, Ивана (Ованеса) Лазарева, Екима (Овакима) Лазарева. Поскольку многие из выдающихся представителей этого рода, занимавших высокое положение в обществе, могли оказывать влияние на решение тех или других вопросов, связанных с интересами армянского народа.

По призыву Петра I армяне переселялись из Ирана, Турции в Россию. Царское правительство, принимая под своё покровительство единоверный народ, рассчитывало, наряду с прочим, с его помощью расширить торговые связи с соседними странами, поскольку в этот период в России активно формировался рынок, зарождались капиталистические отношения.

В середине XVIII в. переселилась в Россию и семья Лазаревых. Екатерина II обратила внимание на предприимчивого армянского купца Лазаря Назаровича Лазарева (Газаряна) и 20 мая 1774 возвела его в потомственное дворянство. Утверждение в статусе резидента России, наличие крупного капитала позволило Лазаревым покупать земли, расширить свое шелковое и бумажное производство, приобрести у Строгановых их пермские имения, заводы и прииски, что было серьезной заявкой на участие в горнорудном производстве [5].

Исследования, касающиеся предпринимательской деятельности Лазаревых [6], позволили сделать вывод о сращивании русского и армянского торгового и промышленного капитала. Лазаревы, таким образом, являлись одновременно представителями, как русской, так и армянской буржуазии и им были одинаково близки интересы как России, так и Армении [7]. Эта общность интересов особенно рельефно проявлялась в их государственной и дипломатической деятельности.

Одним из крупных государственных деятелей России был старший сын Л.Н. Лазарева Иван. Иван Лазарев был советником Екатерины II по вопросам восточной политики, советником Государственного банка России, ювелиром императорского двора. Он числился викарием Эчмиадзинского патриаршего престола и сопровождал архиепископа Иосифа Аргутинского в поездках по России. Иван поддерживал близкие отношения со знаменитыми деятелями Екатерининской эпохи графом А.А. Безбородко, графом П.А. Румянцевым-Задунайским, графом П.А. Зубовым, князем А.В. Суворовым и др., был порученцем по политическим делам при генерал-фельдмаршале князе Г.А. Потемкине-Таврическом. И.Л. Лазарев на службе Екатерине II, Павлу I не раз был отмечен чинами, званиями, наградами [8]. Пользуясь благоволением Екатерины, Павла I и Александра I, Иван Лазарев «занял видное

общественное положение. Он отличался широкою благотворительностью вообще, но не забывал и о нуждах своих единоплеменников» [9].

Активная торговая деятельность требовала поддержания в актуальном состоянии связей с армянскими колониями Европы и Азии. Лазаревы вели переписку и были хорошо осведомлены о состоянии дел в армянских общинах России. Используя свои обширные связи при дворе, часто выступали в роли своего рода ходатаев, представителей интересов своих соотечественников перед разными ветвями власти. Убежденные сторонники русской ориентации, национально-освободительной борьбы, они предпринимали активные действия как для освобождения армянского народа, так и для продвижения интересов России в Закавказье. Поэтому в истории общественной и государственной деятельности Лазаревых, рассматриваемой в контексте русско-армянских отношений, особенно важен период, связанный с процессом присоединения Восточной Армении к России в 1801–1828 гг. В это время деятельность Лазаревых была направлена на становление и обустройство Восточной Армении в составе Российской империи. В записке «К существенной пользе Империи и ко благу новопокоренных областей», направленной Х.Е. Лазаревым в 1828 г. императору Николаю I [10] он излагал свое видение того, как можно бы было наладить управление Армянской областью.

В 1828–1829 гг. Х.Е. Лазарев служил чиновником особых поручений в Третьем Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии под началом графа А.Х. Бенкендорфа. Он составлял обзорно-аналитические записки о положении дел в Персии и Турции [11] на основании сообщений своих многочисленных респондентов. В записках шла речь о положении дел на театре военных действий, состоянии коммуникаций, умонастроениях в стане противника, о потенциальных союзниках России и ее противниках. Большое внимание уделялось, в частности, разным аспектам переселения армян из Персии, Турции в Армянскую область. Высказывались подкрепленные фактами соображения и рекомендации, касающиеся укрепления новых границ российских владений в Закавказье. Рассматривая вопросы церковного управления Армянской областью, конкретные персоналии иерархов армянской церкви, Х. Лазарев подчеркивал необходимость для интересов России укрепления роли Святого Эчмиадзина. Деятельность Х.Е. Лазарева в ходе Адрианопольской кампании была высоко оценена российским самодержавием [12]. С его усилиями связана успешная пропагандистская компания об образовании Армянской области на русском и армянском языках, а через венецианских мхитаристов и на многих европейских языках [13].

Славные представители рода Лазаревы участвовали в переселениях армян. И.Л. Лазарев заселил южный край России персидскими и турецкими армянами [14]. Х.Е. Лазарев содействовал переселению из европейской Турции: Булгарии, Валахии, Молдавии армян в Бессарабию и Новороссийский край [15]. Л.Е. Лазарев, состоящий на службе у генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича,

был одним из руководителей переселения армян после русско-иранской войны 1826–1828 гг. [16].

Для управления вошедшими в состав Российской империи территориями Закавказья требовались чиновники, хорошо знавшие языки и обычаи местных народов. В этом контексте возникший в первой четверти XIX в. в Москве Лазаревский институт восточных языков не мог остаться вне поля зрения правительства, которое при формировании азиатского направления внешней политики осознавало потребность в подготовке профессиональных переводчиков. Основание Института восточных языков в Москве было, по-видимому, самым главным, что сделали Лазаревы в России в области образования, науки, культуры, дальнейшего укрепления дружбы и взаимопонимания русского и армянского народов.

Лазаревский институт восточных языков, основанный в 1815 г., со временем стал одним из крупных центров востоковедения [17]. К 1830 г. сформировалась структура управления институтом. Находясь под общим ведением Министерства народного просвещения, институт в то же время состоял «под высочайшим покровительством» и непосредственно подчинялся главному начальнику, который назначался особым указом императора. В 1825–1827 гг. эту должность исполнял генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев, в 1828–1844 гг., – генерал от кавалерии граф (с 1832) А.Х. Бенкендорф. Попечителями института состояли Е.Л. Лазарев (1815–1826) и И.Е. Лазарев (1826–1858). В 1818–1848 гг. Х.Е. Лазарев занимал должность директора института [18].

Лазаревы рассматривали институт как центральное учебное заведение армян России, перед которым стояла задача формирования «новой армянской элиты в рамках элиты Российской империи, которая могла бы стать своего рода посредником в отношениях России с народами и государствами Востока» [19].

Войны России с Персией и Турцией в первой трети XIX в. укрепили надежды армянской элиты на возрождение Армянского государства под протекторатом Российской империи. С этим периодом связана попытка реализации широкой армянской национальной просветительской программы, направленной на знакомство российской общественности с историей и культурой армянского народа.

С начала XIX в. в Москве и Санкт-Петербурге одна за одной публикуются книги по истории Армении: в 1809 г. вышел в свет сделанный О. Иоаннисяном русский перевод «Истории Армении» М. Хоренаци; в 1811 г. книга Г. Хубова «Описание достопамятных происшествий в Армении с 1778 по 1809 г.»; в 1816 г. с французского на русский язык переведена книга Ш. Джрпета «Любопытные извлечения из древней истории об Азии» [20].

В 1823 г. при Лазаревском институте было создано общество любителей древности, которое ставило своей задачей изучение церковной и гражданской истории Армении [21]. В рамках «Общества» проводилась большая работа по сбору и обработке различных материалов по истории и культуре Армении.

Результатом этой работы были подготовка и издание под руководством Х.Е. и И.Е. Лазаревых комплекса трудов по истории армянского народа, которые заложили научные основы арменоведения в России. Речь идет о работах С.Н. Глинки «Описание переселения армян» [22], «Обозрение истории армянского народа» [23] и коллективного труда «Собрание актов».

Так, особенностью разносторонней деятельности армянских общин, представителей армянского народа в России – Лазаревых, полагает Г.К. Маргарян, являлась их «двойственная идентичность». Истоки формирования этого феномена следует искать на рубеже XVIII–XIX вв., когда на повестку дня встали вопросы укрепления южных рубежей Российской империи. По сути, речь здесь идет о механизме включения российско-армянской диаспоры в многонациональный российский социум, когда армянские общины, адаптируясь к российским традициям, сохраняют связи с армянами других стран, со своей исторической родиной, мечтают о возрождении ее государственности.

Рассмотрение деятельности рода Лазаревых в России позволяет получить представление «об общих чертах жизни и деятельности армянской диаспоры в России». Их двойная идентичность, органичное сочетание этнической и российской идентичности объясняют последовательную и конструктивную деятельность представителей семейства Лазаревых в деле укрепления дружбы русского и армянского народов, что в конечном итоге объективно отвечало и интересам России.

Проявляя свою лояльность и преданность существующей власти, они были последовательными сторонниками официального консервативно-монархического направления. Их разносторонняя общественно-политическая и гуманитарная деятельность на благо России и Армении подчеркивает их принадлежность к национальной элите России, одновременно говорит об их принадлежности к «отцам-заступникам» армянского народа. Обширные связи Лазаревых, их положение в системе и высшей иерархии Российского государства были направлены на освобождение армянского народа от османско-персидского ига, на укрепление русско-армянских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Библиографию по теме см.: Саядов С.М. У истоков русского арменоведения: историографический обзор. – Ер.: ЕГУ, 2014. – С. 273–278.
2. См.: Мельвиль А.Ю. Категории политической науки. – М.: МГИМО МИД РФ, 2002. – 656 с. – URL: <http://texts.news/nauka-politika/krizisyi-politicheskogo-uchastiya-osnovnyie.html>.
3. Маргарян Г.К. Роль Х.Е. Лазарева в истории русско-армянских отношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2006. – С. 11.
4. См.: Маргарян Г.К. Указ. соч. – С. 12–14.

5. См.: Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. – М.: Наука, 1999. – С. 108.
6. Дмитриев А.А. Пермские землевладельцы Лазаревы и их преемники князя Абамелик // Исторический вестник. – 1893. – Т. 52. – № 5. – С. 425–447 и др.
7. См.: Маргарян Г.К. Указ. соч. – С. 18.
8. См.: Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. – Т. I. – М.: В тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1833. – С. 181–188, 241, 245; Т. II. – М.: В тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1838. – С. 304; Т. III. – М.: В тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1838. – С. 303–305 (далее: Собрание актов).
9. Лазаревы и Лазаревский институт. Записки бывшего лазаревца // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. 2-е изд. – М.: Типо-литография т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1898. – С. 537–544, 540.
10. Записка Х.Е. Лазарева Николаю I, апрель 1828 // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1252. Оп. 1. Ед. хр. 530. Л. 1–4 об.
11. См.: Маргарян Г.К. Указ. соч. – С. 6, 14, 23.
12. За Адрианопольскую кампанию Х. Лазарев был пожалован алмазными знаками ордена св. Анны II ст. См.: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. – М.: Наука, 1991. – С. 196, 205.
13. См.: Тунян В.Г. Деятельность Х. Лазарева во время Адрианопольской кампании // Журнал социальных наук. – 2015. – № 2. – С. 164–179.
14. См.: Собрание актов. – Т. II. – С. 211.
15. См.: Собрание актов. – Т. II. – С. 185.
16. См.: Собрание актов. – Т. I. – С. 55; Т. II. – С. 166, 183, 197–204, 207, 209–211, 213–215, 217–220, 310; Т. III. – С. 124, 227, 308–310.
17. См.: Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО / под общ. ред. А.В. Торкунова. – М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2014. – С. 11–203; см. библиографию о ЛИВЯ: Саядов С.М. У истоков русского арменоведения. С. 274–278.
18. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт – Московский институт востоковедения – МГИМО. – С. 70–71.
19. Там же.
20. См.: Парсамян В.А. Развитие исторической науки в Армении в первой половине XIX века // Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки. – 1953. – № 6. – С. 37.
21. См.: Собрание актов. – Т. III. – С. 62–68.
22. Глинка С.Н. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России с кратким предварительным описанием исторических времен Армении. – М.: В тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1831. – 144 с.
23. Глинка С.Н. Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения Области Армянской в Российской империи. – Ч. I–II. – М.: В тип. Лазар. ин-та вост. яз., 1832–1833. – 567 с.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ГЕНЕАЛОГИИ ДЕЛЯНОВЫХ

Абрамян Рафаэл Михайлович

кандидат педагогических наук
председатель Армянского историко-родословного общества
г. Москва, Россия
e-mail: armgen@list.ru

Аннотация. Статья посвящена армянскому дворянскому роду Деляновых, известному своим верным служением России. На основе обнаруженных манускриптов и метрических книг делается попытка дополнить существующую информацию о роде Деляновых.

Ключевые слова: генеалогия; дворянство; метрические книги; рукопись; Деляновы.

NEW MATERIALS ON GENEALOGY OF THE DELYANOV'S FAMILY

Rafael M. Abramyan

Candidate of Pedagogic sciences, Chairman
of the Armenian Historical and Genealogical Society
Moscow, Russia
e-mail: armgen@list.ru

Abstract. The article is devoted to the Armenian noble family Delyanov known to his faithful service to Russia. Based on the discovered manuscripts and births is trying to complement existing information of the Delyanovs.

Keywords: genealogy; nobility; parish registers; manuscript; the Delyanovs.

Род графов и дворян Деляновых сыграл заметную роль в истории армянских общин России. Вопросы генеалогии этой фамилии не раз становились предметом рассмотрения исследователей. Уже в XIX веке появились первые публикации, посвященные различным аспектам родословной Деляновых. Ряд ценных работ по данному вопросу был опубликован в последние годы.

В настоящей статье автор постарался уточнить и по возможности дополнить опубликованные сведения по генеалогии Десяновых.

Недавно ереванским историком А. Магальяном описана группа армянских манускриптов, переписчиком которых был отец будущего генерала Арутюн (Артемий) Десянов [1]. По традиции, каждая рукопись сопровождается ишата-караном (колофоном), содержащим указание на ее авторство и обстоятельства создания. Приведенное ниже сопоставление этих записей позволяет дополнить наши сведения о генеалогии Десяновых.

Год	Место	Автор
1767	Астрахань	Арутюн Давтеан
1768	Астрахань	Арутюн Джугаеци
после 1769	?	Арутюн Давтеан
1793	Санкт-Петербург	Арутюн Давтеан Диланеанц Джугаеци
1798	Астрахань	Арутюн Давтеан Делеанеан Джугаеци
1806	Астрахань	Арутюн Давтеан Джугаеци Деланеан

Арутюн – имя переписчика, согласно окончательно сложившейся к XVIII в. традиции переведившееся на русский язык как Артемий.

Давтеан, в данном контексте – сын Давида, т.е. отчество.

Джугаеци – выходец из Новой Джульфы (Нор Джуга) [2].

Диланеан – фамилия. Рассматривая записи в хронологическом порядке можно проследить, как изменялась форма написания фамилии: *Диланеанц* – *Делеанеан* – *Деланян* – откуда привычное Десянов [3].

Особенный интерес представляет запись 1768 г. В ней автор просит читателей рукописи помянуть в молитвах своих умерших родителей Давита и Солтанагу, а также новорожденных сыновей Давита и Маргара [4].

Имеются основания считать, что у Арутюна были и другие сыновья, по всей видимости, родившиеся после составления записи.

В документах московского армянского духовного правления 1840–1850-х гг. упоминается брат генерала Десянова майор Петр Артемьевич (*ок. 1789) [5]. В 1829 г. майор и кавалер П.А. Десянов являлся опекуном имения Манук-бея Мирзяна [6]. Возможно, еще одним сыном Артемия Десянова являлся неизвестный по имени «неустрасимый ротмистр Десянов», погибший в войну 1812 г. [7].

Больше сведений удалось обнаружить о семье Макара (Макара) Артемьевича Десянова. Судя по выявленным в Национальном архиве Армении (НАА) документам, Макар Десянов родился около 1765 г., был женат на Марии, дочери астраханского армянина Никиты Моисеева, от брака с которой имел сына Миная (*ок. 1795). Вместе с ним жила его мать Анна Герасимовна (*ок. 1742) [8].

Работа с метрическими книгами армянских церквей Санкт-Петербурга позволила дополнить информацию о семье Давида Артемьевича. Установлена

точная дата бракосочетания Д.А. Делянова и Марии Екимовны Лазаревой – 2 июля 1811 г. [9].

В опубликованных родословных [10] упоминаются трое детей Давыда Артемьевича: Николай, Иван (Ованес, будущий граф) и Елена (Егине, в замужестве Манук-бей). Между тем в метрических книгах обнаружены записи о двух старших, но умерших в младенчестве детях четы Деляновых: Анне (27.07.1812–08.1814) [11] и Аруте (Арутюне) (9.03.1814–5.02.1815) [12]. Как видно, своих старших детей Давыд Артемьевич по традиции назвал в честь родителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Магальян А. Исторические памятники эпохи Надир шаха. – Ереван, 2010. – С. 6–10 (на армянском языке).
2. Населенный армянами пригород Исфахана. В XVII–XVIII вв. крупнейший центр международной торговли. Кроме Деляновых из Джульфы происходят такие известные в России фамилии, как Лазаревы, Хастатовы, Шериманы, Ширвановы, Арапетовы, Ходжаминасовы, Мирзахановы и др.
3. В основе фамилии лежит мужское имя Дилан, впервые зафиксированное среди армян в XVII в. См.: Ачарян Р. Словарь армянских личных имен. – Т. II. – Алеппо, 2006. – С. 67–68.
4. Магальян А. Указ. соч. – С. 7.
5. ЦИАМ. Ф. 2050. Оп. 1. Д. 15. Л. 18 об.–19, 22 об.–23, Д. 200. Л. 2, 5 об., 53 об., Д. 202. Л. 3.
6. Феля А. Некоторые данные о потомках Манук-Бея // Из истории армяно-украинских, венгерских и молдавских отношений. Сб. статей и материалов. – Ереван, 2012. – С. 155.
7. Участие армян в Отечественной войне 1812 года. – Ереван, 2012. – С. 111.
8. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 383. Оп. 4. Д. 274. Л. 318 об.–319.
9. НАА. Ф. 1389. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
10. Петров П.Н. Дворяне Деляновы (роды существующие) // История родов русского дворянства. – Т. 1. – М., 1991. – С. 359–360; Род Деляновых // В кн.: Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. 2-е вновь обработанное и дополненное издание. – М., 1898. – С. 334–335; Перцов В.В. Потомство Деляновых в прошлом и настоящем // Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. – М., 2006 – С. 206–213; Мурадян С. Армянское Ваганьковское кладбище (к 200-летию со дня основания). – Ереван, 2007; Ерицян А. Покойный граф Ованнес Делеанец и его происхождение // Ардзаганк. – Тифлис, 1898. – № 2 (на армянском языке).
11. НАА. Ф. 1389. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–3 об., 10–10 об.
12. Там же.

**ВОИН, МИРОТВОРЕЦ, ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ.
ОТВЕТЫ М.Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА
НА ВЫЗОВЫ ЭПОХИ**

Герасимова Юлия Николаевна

кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора
Государственное казенное учреждение Московской области
«Центральный государственный архив Московской области»
г. Москва, Россия
e-mail: jgerasimova@yandex.ru

Любина Татьяна Ивановна

кандидат исторических наук, доцент, директор
Государственное бюджетное учреждение Московской области
«Московский областной архивный центр»
г. Пушкино, Московская обл., Россия
e-mail: tvigo2007@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности героя отечественной истории XIX в., генералу от кавалерии (1875), графу (1878), члену Государственного совета (1880), Председателю Верховной распорядительной комиссии (1880), министру внутренних дел М.Т. Лорис-Меликову (1824–1888).

Статья подготовлена в рамках международного научно-исследовательского проекта «Армяне в составе российской и советской элиты XVIII–XX вв.», поддержанного грантом РГНФ № 16-21-20003.

Ключевые слова: М.Т. Лорис-Меликов; Лазаревский институт; школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров; Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг.; Кавказский театр военных действий; Карс; Терская область; Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

WARRIOR, PEACEMAKER, REFORMER. M.T. LORIS-MELIKOV'S RESPONSES TO THE EPOCH CHALLENGES

Julia N. Gerasimova

Ph.D. of Historical sciences, Associate Professor, Deputy Director
State-Funded Institution of Moscow Region
«Central State Archive of Moscow Region»
Moscow, Russia
e-mail: jgerasimova@yandex.ru

Tatyana I. Lyubina

Ph.D. of Historical sciences, Associate Professor, Director
State-Funded Institution of Moscow region
«Moscow regional archives centre»
Pushkino, Moscow region, Russia
e-mail: tvigo2007@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the life and activity of the Russian national history hero of the nineteenth century, General of the Cavalry (1875), Count (1878), Member of the State Council (1880), Chairman of the Supreme Administrative Commission (1880), Minister of the Interior M.T. Loris-Melikov (1824–1888).

This article was prepared within the international research project «Armenians in the Russian and Soviet elite of XVIII–XX centuries», supported by the Russian Humanitarian Science Foundation grant RHF № 16-21-20003.

Keywords: M.T. Loris-Melikov; Lazarev Institute; School of Guards' Sub-Ensigns and Junkers; The Crimean (Eastern) War of 1853–1856; Caucasian theater of operations; Kars; Terek region; Russian-Turkish war of 1877–1878.

Среди преобразователей России имя Михаила Тариеловича Лорис-Меликова донныне остается недооцененным. Современнику века эта сильная, характерная личность предстает в качестве словно бы случайного человека, оказавшегося «неизвестно откуда» в высшем эшелоне власти и который стал управлять страной – может даже, в иных глазах бывшего кем-то вроде *парвеню*-выскочки... Но, между тем, залогом всех военно-административных и государственных возвышений «диктатора сердца» всегда были, с одной стороны, добросовестная служба на благо Российской империи, с другой же – одаренность, особые способности воздействия на окружающих, исключительная удачливость...

Этот незаурядный человек заслуживает самых высоких оценок, больше того – анализа всего им предпринятого и сделанного.

М.Т. Лорис-Меликов родился в Тифлисе 19 октября 1824 г. и на восьмой день был крещен «армянским протоиереем Иоанесом Паронбеговым, в Тифлисской Могнинской церкви...» [1]. Тариел Зурабович происходил из старинного рода «армянских дворян». Он, тем не менее, вел не столько аристократическую жизнь, сколько купеческую: занимался значительной торговлей с саксонским Лейпцигом. По собственному признанию, мальчик рос «привольно, но без всякого воспитания». Решающую роль в своей извилистой судьбе наш герой отводил Его Величеству Случаю. Однажды его отцу «посчастливилось» встретиться с молодым горным офицером Василием Клейменовым, который уговорил его не жалеть денег и обеспечить мальчишкам европейское образование [2]. Вскоре к братьям был приставлен русский воспитатель, а затем Лорис (одно из его прозвищ) продолжил обучение в пансионе Арзановых (бывшие воспитанники Лазаревского института восточных языков) и армянском Нерсесовском училище, также находившемся в Тифлисе. Уже в это время юный армянин обнаружил прекрасные способности к учебе: обладал высокой работоспособностью, великолепной памятью и неплохим знанием иностранных языков. Микаэл говорил на французском и немецком, владел армянским, грузинским, татарским языками.

В одиннадцать лет подростка отвезли в Москву в Лазаревский институт, в котором он основательно познакомился с арабским и турецким языками. Но окончить полный курс в этом учебном заведении не удалось, ибо он был исключен из института за шалость (вместе с товарищами приклеил учителя к стулу). Этот проступок сделал реальной угрозой возвращения домой, и только благодаря заступничеству влиятельных армян начальство смилостивилось и, исключив из института, позволило ему продолжить образование в Санкт-Петербурге [3]. Стоит отметить, что 9 декабря 1867 г. ввиду заслуг Лорис-Меликова в области просвещения Лазаревский институт восточных языков избрал его членом своего Совета.

В северной столице Микаэл определяется в приготовительный пансион горного инженер-полковника Вержбицкого, а затем начинает обучение в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, приняв решение связать судьбу с профессиональной карьерой военного. Юноша всегда был исправен в учении и кавалерийской езде. В школе процветало «цуканье». Каждый старшеклассник пользовался неписаным правом командовать учеником из младшего класса: колотить, помыкать им как вздумается, облагать «данью» в виде приношений ему разных лакомств. Занятия и специальная подготовка в кавалерийском училище стали для подростка настоящей школой жизни. Именно в училище Лорис-Меликов получил урок, который усвоил на всю жизнь: «Я воспитывался в военной школе, – вспоминал он, – и привык думать, что если меня бьют палкой, то надо вырвать палку из рук. Если неприятель занял выгодную позицию, то надо выбить его именно из этой позиции» [4].

2 августа 1843 г. Лорис-Меликов был выпущен из школы и произведен в корнеты лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, а годом позже и в поручики. Летом 1847 г. следует новое назначение: «состоять для особых поручений» при главнокомандующем Кавказским корпусом генерал-адъютанте князе Воронцове. Последующие 30 лет его жизни оказались накрепко связаны с Кавказом.

В 1853 г. началась Крымская война. Наиболее успешно русские войска действовали против турок на Кавказском театре военных действий. Кульминацией стала осада и взятие крепости Карс в ноябре 1855 г., где впервые отличился ротмистр Лорис-Меликов – командир отряда «охотников» – добровольцев из представителей народов Кавказа. Эти ловкие воины-храбрецы участвовали в поисках и перестрелках с турецкими разъездами, устраивали конные засады, нападали на фуражиров, захватывали рогатый скот и лошадей, уничтожали сторожевые пикеты. И так, Лорис и 8 сотен иррегулярной конницы под его командованием участвовали в штурме Карса. Во время атаки его «охотники» появлялись под самыми укреплениями турок, заставляя их удерживать значительную часть войск. Однажды «охотники» и курды успели проникнуть в турецкий лагерь, «произвели смятение, захватили добычу и несколько палаток». Однако в целом штурм крепости не удался, и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев продлил блокаду. Лишенный поддержки гарнизон крепости 16 ноября все же капитулировал.

В ходе боевых действий проявился не только военный талант, но и дипломатические способности Лорис-Меликова. Он всегда умел быстро оценить обстановку, отвечая на угрозы адекватными действиями – в зависимости от обстоятельств. Лорис всегда учитывал природные условия, боевые и морально-психологические возможности как «охотников», так и противника. Особое внимание он уделял тактике горной войны. Боевые столкновения с неприятелем осуществлялись по партизанскому принципу «наскок – отход». Отходили «охотники», как правило, без потерь. Большое значение в локальных боях имел фактор неожиданности. Обычно на рассвете партия внезапно нападала на турецкие пикеты и разъезды, обращая их в бегство и захватывая пленных.

Кроме командирских функций, Лорис-Меликову приходилось выполнять ряд деликатных поручений. Так, Михаил Тариелович немало сделал для организации контактов с курдами и их привлечения на сторону русских. Лорис вел секретные переговоры с курдским вождем Касум-ханом [5]. В ходе этих встреч оговаривались условия использования военной силы курдов. В результате были созданы два т.н. «куртинских» полка. Для удержания курдов в сфере русского влияния и привлечения их в союзники Лорис-Меликов считал необходимым, прежде всего, успех в военных действиях, что убедило бы курдов в несокрушимости русских и способствовало бы, в свою очередь, поддержанию в курдских общинах неприязни к туркам. Последнее должно

было служить, по его словам, «преградой к сближению их с правительством турецким» [6]. Финансовое и материальное стимулирование курдских вождей имело в хитроумной политике Лориса далеко не последнее место, ибо курды очень любили деньги...

После взятия Карса Михаил Тариелович, уже в чине полковника, был назначен начальником Карской области с правами гражданского губернатора. Важная сторона его деятельности на новом посту – сбор данных о численности и дислокации войск турецкой армии и действиях иностранных агентов. Основным источником получения сведений о неприятеле были местные жители, значительную часть которых составляли армяне, пленные, а также «слухи», лазутчики или специальные агенты. Деятельность последних поощрялась материально (подарки, денежные выплаты, пенсии), в том числе и посмертно... Используемая главой администрации практика поощрения «доноров»-информаторов должна была повысить авторитет военных в глазах местных жителей и привлечь их симпатии, поставить их на службу русскому правительству.

На начальника Карской области была также возложена задача обеспечения продовольствием и фуражом войск, расположенных в Владикарсе и Ардагане. Раскладка и взимание податей проводилось через санджаковые меджлисы (аналог российских уездных правлений), но под надзором русских офицеров. Работать приходилось в трудных погодных условиях, при отсутствии времени, недостатке перевозочных средств и увеличении расхода провианта. Тем не менее в результате предпринятых действий было организовано бесперебойное снабжение войск фуражом и провиантом [7].

В обязанности Лорис-Меликова входило устройство больных и раненых турецких солдат, решение проблем жизнеобеспечения, особенно водой, жителей города, очищение улиц и окрестностей от трупов и нечистот. Благодаря его энергичным и быстрым мерам эпидемий в этом знойном регионе удалось избежать.

Его толковые указания коснулись и управления духовной сферой. Оказалось, что многие мечети во время блокады использовались в качестве складов для хлеба и амуниции, и русских тотчас обвинили в осквернении мусульманских святынь! Начальник области собрал мулл и пригрозил наказать их, если они продолжают смущать народ. Одновременно он приказал прибрать в мечетях и строго обратился к тем же муллам: «Приступите к богослужению» [8].

Частным проявлением деятельности этого талантливого администратора стала попытка урегулирования вопроса о переселении части жителей Карского пашалыка – армян, содействовавших русским войскам в ходе боевых действий, в Российскую империю. В соответствии с полученными от командования указаниями это переселение допускалось, но все же не поощрялось. Поэтому Лорис-Меликов, человек умный и осторожный, «не предпринимал никаких

мер к умножению числа переселяющихся, предоставляя это добровольному желанию жителей...» [9].

К числу заслуг полковника можно отнести и введение в свободное обращение на территории области русских бумажных денег, обеспечение войск строевым лесом, разрушение карских укреплений и др.

По заключении 18 марта 1856 г. Парижского мирного трактата Россия, помимо прочего, вернула султану Карс в обмен на Севастополь, Балаклаву и другие крымские города. Передачей турецким властям города и области занимался все тот же Лорис-Меликов... Рутинная процедура грозила затянуться, и в июле 1856 г. он поехал в Эрзрум, где он не только уладил «разные мелочные претензии» бывших хозяев крепости, но и расположил к себе многих тамошних сановников. И не случайно, что во время передачи Карса под юрисдикцию Турции местный меджлис и почетные граждане города поднесли главе администрации благодарственный адрес [10]. После возвращения Карса туркам Лорис-Меликов был произведен в генерал-майоры.

Исполнение должности начальника Карской области стало первым и «беспримерным» опытом осуществления Лорис-Меликовым военно-административных обязанностей. Его деятельность являлась неотъемлемой частью общей стратегии русского военного командования по отношению к территориям, захваченным по праву войны (осуществление гражданского управления с учетом местной обстановки, материальное стимулирование населения с целью привлечь его к сотрудничеству в интересах русской армии, принятие мер по обеспечению лояльности со стороны жителей к русским войскам). Вместе с тем «личный стиль» начальника области оказал определяющее влияние на эффективность управления. В ходе целенаправленного и последовательного осуществления поставленных перед ним целей он использовал совокупность подходов (знание нравов и обычаев «туземцев», практику соглашений как способа принятия оптимального решения, сочетание административных методов управления и экономического стимулирования и т. д.), умелое сочетание которых и действии по ситуации неизменно приводили к успеху.

По окончании военной кампании в 1857 г. М.Т. Лорис-Меликов венчался с княжной Ниной Ивановной Долгоруковой-Аргутинской, представительницей знатного армянского рода. Брак оказался счастливым, в семье родилось пятеро детей.

Лориса, естественно, сильно заботила судьба армянского народа и его исторической родины. Будущее армянского народа он видел в «служении идеалам прогресса и цивилизации» – как в России, так и в Османской империи, что позволяло армянам занимать достойное положение в этих государствах, пользоваться авторитетом «преданных и надежных граждан». Об этом он говорил на встрече с армянскими деятелями во время посещения Константинополя по заданию Александра II в 1859 г. Через год он снова побывал там, на этот раз по вопросу переселения черкесов из России в Турцию.

28 марта 1863 г. следует новое монаршее назначение. По представлению кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича император Александр II назначил **генерал-майора** Лорис-Меликова исполняющим дела начальника Терской области и командующим войсками. 17 апреля 1863 г. ему **присвоили чин генерал-лейтенанта**.

В 1860-е гг. начинается второй «мирный» этап освоения Северного Кавказа. Одним из конкретных шагов главы области стала разработка основных «начал и способов» по освобождению «зависимых сословий от крепостного состояния». Его отношение к реформе четко и ясно: правительство, освободив миллионы крестьян в империи, не может сделать для них (местных феодалов. – *Авт.*) исключения. Глава области выражается образно и логично: «Как Баксан не может обратиться в своем течении назад, в те горы, откуда стремился, так и дело освобождения крестьян, направленное властным словом русского царя, не может быть остановлено. Ваша религия, ваш семейный очаг – вот ваша святая, неприкосновенная собственность, до которой никто никогда не коснется. Но сами вы, ваши земли – все принадлежит русскому Государю...» [11]. Это высказывание – политическое кредо Лорис-Меликова: да, реформы неизбежны, но их цель не в порабощении горских народов, и не в заискивании перед ними, а в демонстрации возможностей и выгод мирной жизни под властью России, в превращении горцев в настоящих подданных государя-преобразователя.

Принципы, положенные Лорис-Меликовым в основу разработки программы освобождения зависимых сословий, включали с одной стороны, учет местных особенностей, с другой – отказ от «развития» по особому пути, большую подготовительную работу, широкое представительство заинтересованных сторон (владельцы, люди зависимые, а также представители местной администрации) в разработке главных положений реформы и решении спорных вопросов в соответствующих инстанциях; освобождение за выкуп при минимальном финансовом участии государства; поощрение безвыкупного освобождения; использование силы и административной ссылки как крайней меры воздействия.

Деятельность М.Т. Лорис-Меликова «в наименее сложной и крайне удобной развязке холопского дела» дает основание для пересмотра сложившейся в отечественной историографии оценки его деятельности. Утверждение, что начальник Терской области «защищал интересы самых ярых крепостников и занимал наиболее консервативную позицию в отношении крестьянской реформы», теперь представляется, по меньшей мере, спорным.

Реформа по освобождению зависимых сословий стала частью комплекса мероприятий по устройству быта горцев (аграрная, налоговая, судебная и др.), осуществленных в Терской области под руководством М.Т. Лорис-Меликова. Все они были успешно реализованы.

Ключевым событием военной биографии Лорис-Меликова стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг. За участие в сражениях он был награжден

орденом св. Георгия III-й степени (за взятие Ардагана), орденом св. Георгия II-й степени (за разгром турок на Аладжинских высотах), орденом св. Владимира I-й степени с мечом (за взятие Карса). В 1878 г. он был возведен в графское достоинство Империи. К этому времени Лорис-Меликов – командующий Действующего Корпуса на кавказско-турецкой границе. 10 октября 1877 г. началась вторая блокада Карса, столь знакомого этому храбрцу.

Неотъемлемой составляющей блокады Карса Лорис-Меликов предусмотрительно посчитал экономическую изоляцию. Руководителю аванпостной службы генерал-лейтенант приказал не допустить провоз в Карс еды и прогона скота. Население, проживающее между крепостью и линией русских войск, было заблаговременно отселено в безопасные районы. Командующий указывал, что последняя мера жителей должна осуществляться без материального ущерба для местных. Полковым командирам предоставлялось право покупать у местных жителей скот и имущество, причем исключительно на добровольной основе. «Русский Царь воюет вовсе не с вами, – обращался к жителям Лорис, – он нисколько не желает притеснить вас в вашей вере, в вашем языке и в ваших обычаях. Посмотрите на меня самого: вы знаете, что я не коренной русский, что исповедую армянскую веру, говорю на своем языке. Все это не помешало мне быть сардаром войск русского Царя, потому что русский Царь награждает всякого по его заслугам и способностям, не разбирая того, кто мусульманин, кто русский и кто армянин. В нашей армии немало генералов-мусульман из черкесов и татар. Живите себе спокойно, занимайтесь вашими делами, и никто не тронет вашей веры, вашего языка и ваших обычаев» [12].

Во избежание большой крови Лорис-Меликов дважды (10 и 26 октября) предлагал туркам почетную капитуляцию, однако комендант крепости Гусейн-Хами-паша ответил отказом. Только после этого был отдан приказ о бомбардировке цитадели и города.

Замысел Лорис-Меликова о «способах выполнения» штурма строился на решении войсками двух задач: штурмовать нижние укрепления (Сувари, Канлы или Хафиз) и всячески отвлечь силы и внимание турок от направления главного удара. Подготовка к штурму осуществлялась безостановочно – проводились нападения «охотников» на вражеские аванпосты, рекогносцировки укреплений и ведущих к ним подступов, были начаты заготовка штурмовых лестниц и подготовка проводников в каждую штурмовую колонну (по два турка и армянину «для контролирования друг друга»). Для быстрой передачи приказаний и распоряжений крепость окружили военно-телеграфной линией. Вокруг окруженного Карса организовали *летучую* почту [13].

Штурм начался в полседьмого вечером 5 ноября и успешно завершился следующим утром. Карс был взят. В четыре часа Лорис-Меликов отправил донесение великому князю Михаилу Николаевичу об успехе, затем отправился в покоренный город, на подступах к которому был встречен депутатами от жителей и муллами. Потом появилась еще группа депутатов, в которой

находился и Гусейн-бей, плененный начальник артиллерии. На вопрос Лориса: «Не лучше ли было сдать Карс и избежать кровопролития, чем быть свидетелем такой печальной картины?» – отвечал: «Такую крепость, как Карс, нельзя было сдавать без боя». Жители, по словам очевидца, говорили: «Если бы наш паша был так умен, как Лорис-Меликов, то Карс никогда не мог быть взят русскими и они были бы разбиты» [14]. В военном плане взятие Карса стало настоящим триумфом Лорис-Меликова – непосредственного организатора и руководителя блокадных действий и штурма крепости.

По окончании войны М.Т. Лорис-Меликов стал деятелем всероссийского масштаба. В качестве временного астраханского, самарского и саратовского генерал-губернатора он в течение трех месяцев 1879 г. развивает «деятельность изумительную, усмиряя» эпидемию чумы в Ветлянке. Из выделенных правительством на борьбу с нею 4 млн руб. он возвращает в казну 3 млн 700 тыс. руб. В кратчайший срок к его авторитету храброго и умного военачальника добавилась репутация эффективного и честного администратора.

2 апреля 1879 г. Лорис-Меликов был назначен на пост временного Харьковского генерал-губернатора с чрезвычайными полномочиями для борьбы с другой «эпидемией» – революционным движением и террором. Во вверенной ему губернии он начал проводить более гибкую политику в отношении революционеров, ограничивая масштабы репрессий и привлекая на свою сторону либеральную общественность. Именно благодаря этой умеренности он оказался единственным среди временных генерал-губернаторов, не внесенным народолюбцами в список «приговоренных к смерти». Возвращаясь из Ливадии 18 ноября 1879 г., Александр II встретился с Лорис-Меликовым и узнал, что в крае удалось навести порядок «не путем устрашения, а обращением к благомыслящей части общества».

Взрыв в Зимнем дворце, устроенный народолюбцем С. Халтуриним, стал переломным в судьбе Михаила Тариеловича. 9 февраля 1880 г. собрав министров, Александр II указал на необходимость соединить в одних руках все силы для подавления террора в стране и, обратившись к дежурному генерал-адъютанту Лорис-Меликову, присутствовавшему на заседании, назначил его начальником Верховной Распорядительной комиссии. Указ 12 февраля 1880 г. наделял начальника Комиссии обширными полномочиями: «делать все распоряжения и принимать все меры, которые он признает необходимым для охранения государственного порядка и общественного спокойствия». На М.Т. Лориса-Меликова было совершено покушение. 20 февраля, при входе в свой дом, он был настигнут выстрелом террориста. Пуля прошла шинель, но не задела графа, который вместе с казаком скрутил злоумышленника.

За пятнадцать месяцев, что судьба подарила реформатору и диктатору на рубеже 1870–1880-х годов «много продуктивного было им и его помощниками осуществлено». Было в частности, упразднено Третье Отделение императорской канцелярии, а вместо него создан Департамент полиции, вошедший

в состав министерства внутренних дел. Одновременно Лорис-Меликов стал шефом Отдельного корпуса жандармов. Тогда же была существенно ослаблена цензура, а пресса получила наибольшую свободу за все годы правления Александра II; смещен с поста министра просвещения консервативно настроенный граф Д.А. Толстой; отменен обременительный налог на соль; министерство финансов возглавили талантливейшие экономисты А.А. Абаза и Н.Х. Бунге; и, наконец, был принят бездефицитный бюджет.

Для подготовки новых законодательных проектов по результатам сенаторских ревизий Лорис-Меликов предлагал учредить две временные комиссии с участием представителей от земства и городов. Впервые в России, с правом совещательного голоса, для участия в законодательной деятельности допускались выборные лица. Но убийство Александра II похоронило эти и дальнейшие преобразования. На «конституционном» докладе министра внутренних дел рукой императора Александра III было начертано: «Слава Богу, этот преступный и спешный шаг к Конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете Министров весьма незначительным меньшинством. А.» [15].

После отставки, официально принятой 4 мая 1881 г., граф отбыл за границу. Жил он, в основном, в Ницце и Висбадене, иногда наезжая в Санкт-Петербург для участия в заседаниях Государственного Совета. Скончался Микаел Тариелович Лорис-Меликов 12 декабря 1888 г. в Ницце. Тело его было привезено в Тифлис и погребено в соборной армянской церкви Ванк.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Национальный Архив Армении (далее НАА). Ф. 151. Оп. 1. Д. 387. Л. 12; Бабаян Л. Лорис-Меликов: герой Кавказа – «Бархатный диктатор» России. – Ереван, 2004. – С. 57; Костянян Ю. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824–1888). – СПб., 2004. – С. 26.
2. Белоголовый Н.А. Лорис-Меликов // Воспоминания и другие статьи. – М., 1897. – С. 203.
3. Белоголовый Н.А. Указ. соч. – С. 205.
4. Цит. по: Ибрагимова З.Х. Чеченская история: Политика, экономика, культура вт. половины XIX века. – М., 2002. – С. 31.
5. Рапорт гв.- полк. Лорис-Меликова командующему Действующим корпусом на кавказско-турецкой границе кн. Бебутову от 9-го ноября 1854 года, № 301. Гор. Александрополь // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее АКАК). – Тифлис, 1888. – Т.–XI. – С. 608.
6. Правила для управления куртинскими племенами, составленные по приказанию ген. Муравьева полк. Лорис-Меликовым 30-го ноября 1855 года // Там же. – С. 427.

7. Письмо полк. Лорис-Меликова к ген. Муравьеву от 2 января 1856 года. Гор. Карс // Там же. – С. 209; Отношение ген. Муравьева к кн. Долгорукову от 30 января 1856 года, № 21 // Там же. – С. 228; Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. – 1894. – Т. 82 (сентябрь). – С. 32; Рапорт полковника М.Т. Лорис-Меликова – начальника Карской области генерал-майору А.А. Неверовскому – начальнику штаба Действующего корпуса об обеспечении войск провиантом местной поставки. НАА. Ф. 352. Оп. 1. Д. 9. Л. 178–179.
8. Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855 году. – СПб., 1877. – Т. 2. – С. 243.
9. О переселении жителей Карской области христианского исповедания в пределы России // Там же. – С. 313–314.
10. Цит. по: Приказ по Действующему корпусу на кавказско-турецкой границе от 30 июля 1856 года, № 178. Гор. Александрополь // Там же. – С. 310; Выдержки из письма ген. Муравьева к ген. Сухозанету от 3 августа 1856 года, № 107. Гор. Тифлис // Там же. – С. 315–316. В письме генерал-лейтенанта Н.А. Хрулева к генералу от инфантерии Н.Н. Муравьеву специально отмечалось значение полученных Лорис-Меликовым благодарственных адресов. С одной стороны, они «крайне раздражают англичан», с другой – «...обеспечивают нас и прекращают вопросы о несправедливых претензиях, которые могли бы возникнуть со стороны турецкого правительства при других условиях...» (см.: Письмо ген.-л. Хрулева к ген. Муравьеву от 30 июля 1856 года. Гор. Александрополь. Секретно // Там же. – С. 309).
11. РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 40. Л. 3об.–5,6.
12. Цит. по: Крбекян В.Г. Участие армян в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. – Ереван, 2004. – С. 99–100.
13. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре с планами. – СПб., 1907. – Т. III. – С. 52–55.
14. Цит. по: Итенберг Б.С. Военачальник и администратор на Кавказе // Отечественная история. – 2004. – № 1. – С. 51.
15. «Конституция» М.Т. Лорис-Меликова. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел генерал-адъютанта графа М.Т. Лорис-Меликова. 28 января 1881 г. // Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности: URL: <http://s.ru/projects/statehood/index.shtml> (дата обращения 12.08.2016).

**ПРОБЛЕМА
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
АРМЯНСКОГО НАРОДА В ВОЗЗРЕНИЯХ
А.К. ДЖИВЕЛЕГОВА В 1905–1917 гг.**

Карапетян Лева Александрович

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры истории, культурологии и музееведения
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Краснодарский государственный институт культуры»
г. Краснодар, Россия
e-mail: leva.karapetyan.53@mail.ru

Аннотация. В статье отражены взгляды А.К. Дживелегова на проблему политико-правового самоопределения армянского народа в начале XX в., большинство которого проживало в России и Турции. Отмечается, что он по-разному подходил к решению вопроса российских и турецких армян. Вопрос о турецких армянах он считал частью международной политики, который должен быть решен международной конференцией.

Ключевые слова: армянский народ; государство; автономия; национальный вопрос.

**THE PROBLEM
OF POLITICAL AND LEGAL SELF-DETERMINATION
OF THE ARMENIAN PEOPLE IN THE VIEWS
OF A.K. DZHIVELEGOV IN 1905–1917**

Leva A. Karapetyan

Doctor of Historical science, Professor Department of history
Culturology and museology
Krasnodar State Institute of Culture
Krasnodar, Russia
e-mail: leva.karapetyan.53@mail.ru

Abstract. The article reflects the views of A.K. Dzhivelegov to the problem of political and legal self-determination of the Armenian people at the beginning of the XX century, most of who lived in Russia and Turkey. It is noted that

he had addressed the issue of Russian and Turkish Armenians. The issue of Turkish Armenians, he is considered a part of international policy that must be resolved by the international conference.

Keywords: Armenians; government; autonomy; a national issue.

После потери собственной государственности армянский народ оказался расчлененным и рассеянным. Наибольшее количество армян во второй половине XIX – начале XX вв. проживало в Турции и России. А.К. Дживелегов (1875–1952 гг.) по-разному подходил к решению вопроса о восточных (российских) и западных (турецких) армянах, что нашло отражение в его работах по политической арменистике.

Будучи членом Конституционно-демократической партии России, он еще в 1905–1907 гг. предлагал и для Закавказья поэтапное введение национально-территориального автономного устройства, что отличало его воззрения от партийной программы. В работе «Армяне в России» (1906 г.), оценивая армяно-русские отношения, он высказался за сохранение многонационального российского государства. Но вместе с тем он отмечал, что грубая политика русификации армян (закрытие школ, преследование печати, отобрание имущества армянской церкви), а также разжигание национальной розни между армянами и кавказскими татарами, проводимая реакционным крылом царского правительства угрожает единству России [1]. Являясь сторонником культурно-национальной автономии, он дополнял ее применительно к будущему Восточной Армении в составе Закавказья развитием системы широкого местного самоуправления на основе принципа национального участкового земства. По его мнению, такая форма земского самоуправления и будет основой культурного самоопределения армянского, грузинского и татарского народов. Следующим этапом отношений между Закавказьем и Россией он считал создание широкой областной автономии в составе свободной демократической России. В этом вопросе он многое перенял из проекта автономии армянской партии Дашнакцутюн. Его основные положения сводились к следующему. Закавказье является частью свободной России и связано с ней общностью финансовой системы, армии, внешней политики. Оно посылает своих представителей в общероссийский парламент, но во внутренних вопросах самостоятельно. В Тифлисе функционирует закавказский парламент, избранный демократическим путем по норме один депутат от 25 тыс. избирателей. А. Дживелегов предлагал дополнить избирательное законодательство нормой о пропорциональном представительстве в парламенте национальных меньшинств, имеющей важное значение для пестрого в этнографическом отношении регион. Закавказский сейм был представительным органом власти. Исполнительную власть осуществляло правительство, ответственное перед парламентом. Судебная власть базировалась на

принципе независимости и несменяемости судей. Закавказье делилось на округа с широким местным самоуправлением, в основе которых лежали этнические и культурные особенности. Церковь отделялась от государства. Гарантировалась система демократических прав и свобод личности. Все государственные служащие избирались демократическим путем. Принципы избрания судей должны были быть определены сеймом. Для должностных лиц низших административных структур было обязательным знание двух из трех (грузинский, армянский, татарский) основных местных языков, а для служащих центральных органов и судей – всех трех. Общегосударственным языком являлся русский [2]. То есть А.К. Дживелегов уже в 1906–1907 гг. помимо культурно-национальной автономии ратовал для Закавказья за национально-территориальную автономию в составе демократической России. После февральской революции 1917 г. он высказывался за федеративную демократическую республику. Субъектами федерации могли быть Закавказье как целое либо каждый из трех национальных кавказских кантонов входил в нее как самостоятельный равноправный штат. При этом в каждом из них компактно проживающие народности получали автономный статус.

Накануне и в годы первой мировой войны в его работах по политической арменистике приоритетными становятся армяно-турецкие отношения. В работе «Будущее Турецкой Армении» (1915 г.) рассматривая армянский вопрос в контексте международной политики европейских держав после подписания Берлинского трактата 1878 г., он высказал мысль о том, что судьбы армян будут зависеть не от сострадания к участи «единоверного христианского народа», а, прежде всего, от экономических интересов европейских стран в Турции. По его мнению, этот факт выгоден турецким армянам, имеющим серьезные экономические и финансовые позиции в Турции и будет способствовать притоку европейского капитала, для которого нужна предприимчивая среда, серьезно представленная армянами. Поэтому А.К. Дживелегов считал, что в интересах европейских стран расширить гражданские права армян, создать для них достойные условия существования [3]. На этом базируется его видение автономии для турецких армян. При определении территории Армении он исходил из этнографического, а не исторического принципа, который мог бы расширить пространство автономии. Еще в середине XVIII в. 90 % населения исторической Армении составляли армяне. Со второй половины XVIII в. в связи с началом потерь Турцией значительных территорий мусульманское население переселялось в Восточную Анатолию (историческая Армения), что изменило соотношение армянского и мусульманского населения. Это привело к возникновению межнациональной напряженности, а затем и враждебных отношений. Начались погромы армян, а вслед за ними – эмиграция. Особого размаха эти процессы достигли после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В статье «Судьба Армении» (1916 г.) он говорит о систематическом истреблении армян, преследующего определенную политическую задачу. В национальной

политике Турции он не видел принципиальной разницы между режимами султана и младотурков. Оба режима придерживались политики пантюркизма и последовательного унитаризма. С 1892 по 1912 г. армянское население уменьшилось на 612 тыс. человек [4]. Территория автономии по русско-турецкому соглашению от 26 января 1914 г. включала семь вилайетов: Ван, Битлис, Эрзерум, Сивас, Харпут, Диарбекир, Трапезунд, разделенных на два сектора. В ее состав не входила Киликия. Поскольку вопрос разрешался мирным путем армяне не выражали против этого. Но реформы не были осуществлены в связи с начавшейся войной. Ход войны, очевидность поражения Германии и ее союзников, в том числе Турции, с одной стороны и массовые погромы армян – с другой, внесли коррективы в вопросе автономии. А.К. Дживелегов исходил из того, что для держав победительниц лучшим исходом по отношению к Турции будет не полный и окончательный раздел, а сохранение ее в очень ослабленном виде, чтобы восточный вопрос не осложнял международные отношения. Не касаясь вопроса о Константинополе и проливах, а так же права Турции держать флот в Черном море, он считал, что на территории Турции будут созданы три новые автономные области: Аравия с Месопотамией, Сирия и Армения. Он включал в состав Армении вилайет Адана (Киликия) и северную часть вилайета Алеппо (Айнтап, Мараш, Килис). Тем самым автономная Армения получала выход к Черному морю через Трапезунд и Средиземному морю – Александретту, Юмур-Талик, Мерсина [5]. Этнографическая пропорция, по мнению А. Дживелегова, была достаточной для политического объединения в таких пределах. В то же время А. Дживелегов был сторонником исключения из автономии западной части Трапезундского вилайета до Иешиль-Ирмака с Самсуном, запада и северо-запада Сиваского вилайета, южные части Битлиского и Диарбекирского вилайета, где практически не было армян.

Относительно политического устройства автономной Армении он в целом высказался за возврат к первоначальному проекту реформы 1913 г. (затем урезанного по настоянию Германии), но с некоторой корректировкой. Суть проекта в следующем. Генерал-губернатором Армянской области должен был быть христианин – оттоманский подданный или, что предпочтительнее, европеец, который назначался сроком на пять лет с согласия великих держав. Он считал, что его кандидатуру должна предлагать Россия, и если будет сохранен турецкий суверенитет, утверждаться султаном. Ему принадлежала вся исполнительная власть. При губернаторе должен был действовать Административный Совет с шестью советниками (3 мусульман и 3 христиан), избранных от областного собрания, где мусульмане и христиане должны были иметь одинаковое количество мест. Этот принцип соблюдался при распределении всех должностей области. Законы и распоряжения должны были публиковаться на турецком, армянском и курдском языках. Каждая народность имела право организовывать частные школы на родном языке. Законодательное собрание автономии избирается демократическим путем. Соотношение между количеством депутатов

армян и мусульман определяется количеством населения по вилайетам. В местном управлении из турецкой административной практики сохраняется, то, что не противоречит традициям армянского народа. Создаются органы местного самоуправления. Финансовая и бюджетная политика строится на принципе децентрализации. Комплектование и служба в армии только в пределах автономии. Реформировалась система права, в которой были сильны нормы шариата. Речь шла о переходе к правовой системе, максимально отвечающей требованиям жизни. В Армении одним из главных принципов переустройства провозглашалось полное равноправие национальностей. Автономная Армения из восьми вилайетов в составе Турецкой империи должна быть санкционирована Антантой, если империя сохранялась в прежних границах. В таком случае устанавливались отношения вассалитета – сюзеренитета между автономией и центральной властью. В знак своего вассального отношения Армения платила бы ежегодную дань. Вместе с тем А. Дживелегов считал, что Армения должна находиться и под протекторатом России, которая обеспечить ей неприкосновенность. Предлагая такую форму политического устройства, он ссылался на исторический опыт дунайских княжеств Молдавии и Валахии, Румынии, Болгарии, Крита, Македонии, Албании бывших частей Турецкой империи. Но если в результате поражения Турции в войне ее территория будет ограничена вилайетами Кастамуни, Конья и Ангора и получают самостоятельность Сирия, Аравия, Месопотамия, Армения, то он исключал турецкий суверенитет над Арменией [6]. Лучшим итогом он считал российский протекторат над свободной Арменией, что зависело от стран Антанты. Однако если в вопросах о суверенной власти в Турецкой Армении и протекторате в будущем были возможны колебания, то неизменными оставались симпатии турецких армян к России. С практической точки зрения, по мнению А. Дживелегова, это более важно и отвечает также государственным интересам России [7]. Прежде всего, с военно-политической точки зрения России было выгодно, чтобы ее южная граница на Кавказе соприкасалась с территорией, населенной дружеской нацией. Немаловажную роль имеют и экономические интересы России, для которой Турецкая Армения является емким товарным рынком.

А.К. Дживелегов наряду с вопросами о статусе армянской автономии в составе Турции, об ориентации Турецкой Армении и протекторате над ней рассматривает и вопрос о присоединении этой территории к России. Он соглашался с таким решением вопроса и считал, что армяне не будут возражать, если оно будет принято на международной конференции. Однако А.К. Дживелегов отмечал что, во-1-х, армяне надеялись на самоопределение. Во-2-х, он исходил из того, что при присоединении, наверное, будет выделена южная часть Армении, поскольку выход России к Средиземному морю после получения ею Константинополя и проливов может вызвать возражения и со стороны союзников. Если Киликия оставалась вне автономной Армении, и при этом происходил раздел Турции, этой областью, скорее всего, завладела

бы Англия, что усилило бы ее позиции. По мнению А.К. Дживелегова, трения между союзниками можно было исключить созданием нейтральной Армении, что было бы выгодно России во всех отношениях [8]. Т. е. он был противником аннексии и дискутировал по этому вопросу с лидером кадетов П.Н. Милюковым, являвшимся ее сторонником. В начале ноября 1914 г. на заседаниях ЦК партии были заслушаны сообщения П.Н. Милюкова по армянскому вопросу. Он изложил три возможных варианта его решения. Во-первых, создание после войны единого независимого армянского государства, состоящего как из российских, так и турецких территорий. Во-вторых, создание из указанных вилайетов автономной Армении под формальным протекторатом Турции. В-третьих, аннексия турецкой части Армении Россией. П.Н. Милюков считал, что реализация любого варианта столкнется с международными трудностями, поскольку в регионе переплетаются интересы многих стран. По его мнению, политически более реальным и выгодным для России решением была бы аннексия, поскольку это позволяло исключить в будущем возможность использования армян против России. Кроме того, он считал, что если объединение армян будет происходить в этнографических границах, то это не вызовет возражений со стороны Европы [9]. Расходился А.К. Дживелегов с П.Н. Милюковым и по вопросу о полномочиях ЦК кадетской партии обсуждать армянский вопрос с приглашением представителей других народов. Он подчеркивал, что армянский вопрос не представляет единого целого. Есть Армянский вопрос в Турции и Армянский вопрос на Кавказе. Постановка вопроса ЦК может относиться к Армянскому вопросу России, как вопроса русской окраинной политики. Его нужно обсуждать и решать с другими национальными вопросами на Кавказе, где будут полезны точки зрения представителей грузин и мусульман. Армянский вопрос в Турции в значительной мере вопрос международный [10]. Поэтому в речи в Совете Республики 20 октября 1917 г. он отметил, что территориальные границы свободной Турецкой Армении должны быть установлены после окончания войны решением международного конгресса. Армения должна получить статус нейтрального государства наподобие Швейцарии. В качестве переходной меры А.К. Дживелегов не был против включения Армении в систему мандатного управления и вручения мандата одной или группе держав. Он был за то, чтобы такой страной была Российская Республика. При этом он подчеркнул, что речь идет только о вопросе Турецкой Армении, а не Российской, который совершенно самостоятелен и не стоит в повестке дня [11].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дживелегов А.К. Армяне в России // Джон Киракосян. Алексей Дживелегов и его историко-публицистическое наследие. / Приложение. Публикации Алексея Дживелегова по политической арменистике. – Ереван, 2006. – С. 81–93.

2. Карапетян Л. Принцип права наций на самоопределение в государственно-правовой идеологии армянских политических партий на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы арменоведения. – 2015. – № 2(5). – С. 28.
3. Дживелегов А.К. Будущее Турецкой Армении. // Джон Киракосян ... – С. 114.
4. Там же. – С. 117, 134.
5. Там же. – С. 116, 118.
6. Там же. – С. 124.
7. Там же.
8. Там же. – С. 127–128.
9. Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии. 1912–1914. – Т. 2. – М., 1997. – С. 415–425.
10. Карапетян Л.А. Армянский политический вопрос в национальной идеологии Конституционно-демократической партии России в начале XX в. // Армяне Поволжья и Юга России: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции 15–16 апреля 2016 г. – Саратов, 2016. – С. 164.
11. Речь Дживелегова в Совете Республики 20 октября 1917 г. // Джон Киракосян... – С. 225–228.

**РОЖДЕННЫЙ В КРАЮ ВИНОГРАДНОМ.
О ВЫДАЮЩЕМСЯ РОССИЙСКОМ ВИНОДЕЛЕ
ВАСИЛИИ ЕГОРОВИЧЕ ТАИРОВЕ (1859–1938)**

Марутян Маргарита Леоновна

журналист

г. Москва, Россия

e-mail: margaritka_mar@mail.ru

Аннотация. Василий Егорович Таиров (1859–1938) – ученый-винодел, заложивший основы научного виноделия. В 1892 г. начал издавать журнал «Вестник виноделия». Он также основал первую Российскую Винодельческую станцию. Его научная работа касалась вопросов виноградарства и виноделия. Он опубликовал около 520 научных работ по этой тематике. В 1903 г. был избран вице-президентом Международной комиссии виноградарства.

Ключевые слова: виноделие; виноградарство; журнал; вино; филлоксера; коньяк; фальсификация; закон о вине.

**BORN IN THE REALM OF VINES.
ABOUT OUTSTANDING VINICULTURIST OF RUSSIA
VASILIJ E. TAIROV (1859–1938)**

Margarita L. Maroutyan

Journalist

Moscow, Russia

e-mail: margaritka_mar@mail.ru

Abstract. Vasilij Egorovich Tairov (1859–1938) was a scientist and a viniculturist, founder of the scientific base of viniculture. In 1892 he started to publish «A Viniculture Bulletin». He also established the first Russian Viniculture center. His main scientific work included winegrowing and viniculture. Not only he wrote 520 scientific researches but developed a Wine Act as well. He was elected as a Vice President of International Grape and Wine Organization in 1903.

Keywords: wine-making; viniculture; bulletin; wine; vine-lonse; cognac; falsification; the law on wine.

В юные годы Василий Таиров не собирался свою жизнь посвящать виноградарству и виноделию, хотя родился в селе Большой Караклис Эриванской губернии. А в каком армянском селе не выращивают виноград и не делают из него вино?! Получать высшее образование по окончании Эриванской классической гимназии, а потом и Тифлисского реального училища он отправился в 1878 г. в Москву в Императорское техническое училище. С отличием закончив в училище первый курс, он решил поступить в другое высшее учебное заведение – Петровскую земледельческую и лесную академию. В 1884 г. он закончил учебу, защитив диссертацию и получив степень кандидата лесоводства. Вскоре после окончания Академии Таиров блестяще выступил в Московском отделении Лесного общества и... это выступление стало расставанием с лесоводством. По совету двоюродного брата Александра Никитича Таирова Василий Егорович принял решение изучить виноградарство и виноделие [1].

Резон для выбора новой профессии был серьезный, т.к. перспективы открывались большие: ведь для России это была совершенно новая отрасль хозяйства, которую предстояло строить фактически с нуля. На южных территориях, вошедших в состав Российской империи в течение XVIII–XIX вв., виноград возделывали и вино приготавливали, но это были кустарные производства. Экономика страны в 1880-е гг. бурно развивалась, и это стало фактором, сделавшим актуальным развитие виноделия и виноградарства. А ориентиром было европейское виноградарство и виноделие. Туда, в Европу, и отправился наш герой получать знания и навыки. Министерство государственных имуществ командировало Таирова в Австрию, Германию, Францию, Италию, Швейцарию на три года – с января 1885 до конца 1887 г.

В середине XIX в. по европейским виноградникам прокатилась эпидемия грибковых заболеваний – оидиума и милдью, занесенных с посадочным материалом из Северной Америки, а через несколько лет пришла другая беда – филлоксера – тля, паразитирующая на корнях виноградных лоз и уничтожающая их. В конце XIX в. последняя начала распространяться на территории России и боролась с ней радикальным способом, т.е. вырубали виноградники. Василий Егорович выступил решительно против такого метода, не побоявшись вступить в схватку с признанными авторитетами – академиком А.О. Ковалевским, старшим энтомологом министерства земледелия И.А. Порчинским и местными филлоксерными комитетами. Таирова уже собирались уволить «за систематические противодействия мероприятиям министерства на местах» [2], но его отстоял ученый комитет министерства, сделавший особое представление министру, в котором была изложена таировская концепция культуральных методов борьбы с вредителями, а именно – разведение виноградников, привитых на филлоксероустойчивых подвоях. В результате министерством была принята точка зрения молодого

специалиста, которого в 1899 г. назначили консультантом министерства по вопросам филлоксерного дела.

По возвращении из Европы у В.Е. Таирова созревает план действий по развитию отрасли, во главу угла которого он поставил распространение специальных знаний. Для этого надлежало выяснить, какая литература имеется в России. Он взялся за составление «Библиографического указателя книг, брошюр и журнальных статей по виноградарству и виноделию», охватившего период с 1755 по 1890 г. [3].

С 1892 г. В.Е. Таиров начал издавать журнал «Вестник виноделия», освещавший самые животрепещущие проблемы, который сразу же стал популярен в винодельческих кругах. Начали его издавать в Петербурге, но в 1895 г. Таиров настоял на своем переводе в Одессу, поближе к винодельческим районам. Журнал стал настоящей энциклопедией по вопросам виноградарства и виноделия и, как писал коллега В.Е. Таирова В.А. Гернет, «Василий Егорович настолько тесно связал свою жизнь, отдавал ему столько сил, что по журналу можно судить обо всей его кипучей деятельности в течение 1892–1917 гг., о его многочисленных планах и достижениях, об его переживаниях, радостях и печалях...» [4]. Кстати, нельзя не отметить несомненный литературный дар, которым был наделен В.Е. Таиров (в молодые годы он писал рассказы, сценки и корреспонденции для различных московских изданий); материалы «Вестника» излагались живым, ярким языком, что также способствовало популярности издания. Со временем стала издаваться «Библиотека “Вестника виноделия”», в рамках которой публиковалась необходимая для специалистов литература. По приглашению знаменитого профессора химии Д.И. Менделеева В.Е. Таиров принимал активное участие в создании Энциклопедического словаря, издававшегося Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном, поместил там 87 специальных статей.

В начале 1890-х гг. В.Е. Таиров настоятельно рекомендовал развернуть производство коньяка на родине, в Армении [5]. Его совету последовал его родственник Нерсес Таирян, построивший завод в Ереване и начавший выпуск крепких спиртных напитков, в том числе коньяк марки «Арагат», который стал одним из самых известных армянских брендов. У Нерсеса Таиряна некоторое время спустя завод купил Н.Л. Шустов, ставший лидером среди производителей винодельческой продукции [6].

Необходимость согласованной и рациональной борьбы с болезнями и вредителями винограда навели В.Е. Таирова на мысль организовать специальное бюро при редакции «Вестника виноделия», т.к. он посчитал недостаточным ограничиваться публикацией статей по фитопатологии и энтомологии. Бюро нужно было для того, чтобы каждый мог обратиться за консультацией. Для работы в нем были привлечены не только отечественные специалисты, но и французские коллеги Таирова, с которыми он познакомился во время своей учебы во Франции – Виала и Майе.

Не меньшей бедой, чем филлоксера, для виноделия была фальсификация виноградного вина, как и вообще пищевых продуктов и напитков. Василий Егорович организовал в 1899 г. при редакции «Вестника» особую комиссию из химиков, гигиенистов, юристов, торговцев и других специалистов с целью разработки проекта закона по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов и напитков. В 1901 г. этот законопроект был издан в виде капитального труда, и в истории России это был первый случай детальной разработки законопроекта по частной инициативе и общественными силами [7]. Он был встречен с большими похвалами не только печатью и обществом, но и заинтересованными ведомствами – министерствами земледелия, финансов, торговли и промышленности, внутренних дел и юстиции. В части, касавшейся виноградного вина, законопроект стал предметом обсуждения на многих совещаниях и съездах виноградарей и виноделов. В связи с этим интересно отметить, что предметом разногласия двух выдающихся виноделов – князя Л.С. Голицына и В.Е. Таирова – был вопрос о необходимости проведения экспертизы в условиях лаборатории. Князь считал достаточным продегустировать продукт, тогда как Таиров настаивал на лабораторном анализе [8]. Документ дополнялся, искажался, присылался на заключение в редакцию «Вестника». Длился этот процесс ни много ни мало 13 лет и, наконец, 24 апреля 1914 г. был утвержден Государственной Думой и Государственным Советом.

В 1908 г. В.Е. Таириным была организована виноградно-винная статистика по всем винодельческим районам России. Сеть корреспондентов по специальным анкетным листам давала необходимые сведения четыре раза в год, после чего они обрабатывались и публиковались на страницах журнала, а в конце года издавались отдельным томом в качестве приложения к «Вестнику». Последняя такая книга, седьмая по счету, вышла в свет в 1914 г.

Изложенные факты биографии В.Е. Таирова уже дали бы основание тому, чтобы имя Василия Егоровича осталось в истории отечественного виноградарства и виноделия. Однако главным его делом стало создание в 1905 г. Винодельческой станции.

Идея об организации станции была высказана им в 1899 г. на страницах «Вестника виноделия» в обращении к российским виноградарям-виноделам под эмоциональным названием «Помогите!» [9]. В этой статье были намечены главнейшие задачи будущего учреждения: разработка научно-практических вопросов виноградарства и виноделия, исследование вин и сусел всех винодельческих районов России, установление их норм состава и качества, изучение и рекомендации технических приемов виноделия и погребного хозяйства, химия и физиология вина, болезни вина и их лечение, проведение анализов почв виноградников, лечебных средств против болезней винограда и т.д. На организацию станции требовались значительные средства. В.Е. Таиров нашел выход: те, кто пожелал записаться в члены-учредители станции, должны были

вносить определенные суммы. Ни на какую другую помощь инициатор не рассчитывал. После публикации воззвания прошло долгих пять лет в упорной организационной работе. Не все верили, что эта идея будет воплощена в жизнь. Но 5 февраля 1905 г. состоялось скромное открытие Винодельческой станции, перед которой стоял сложный спектр задач – от исследования почв, пригодных для виноградных насаждений, до выделки, как тогда говорили, высококачественных вин, которые составили бы славу российского виноделия. А в штате было всего два сотрудника и один технический служащий – на большее не было денег. И все же на все возникающие вопросы виноградари и виноделы получали ответы, для них проводились семинары и учебные курсы. Департамент земледелия и Одесская городская управа, убедившись в пользе и целесообразности работы станции, стали оказывать ей материальную поддержку [10].

Энергичная деятельность В.Е. Таирова нашла признание в мире: в 1903 г. его выбрали вице-президентом Международной комиссии виноградарства [11]. В 1908 году В.Е. Таиров по Российской табели о рангах был произведен в действительные статские советники.

В преддверии Первой мировой войны правительство России издало ряд запретительных законов в отношении спиртных напитков, ставивших под угрозу само существование нарождавшейся отрасли. В.Е. Таиров составил и опубликовал Записку правительству «Виноградное вино и алкоголизм». Автор убедительно доказал, что по своему составу и механизму действия на организм человека вино не может превратить его в алкоголика. В.Е. Таиров видел путь противодействию алкоголизму в «широкой пропаганде замены водки доброкачественными виноградными, плодовыми и ягодными винами, медом, квасом и прочими напитками. Путь этот, правда, долгий, но зато верный» [12].

В бурное развитие начинаний В.Е. Таирова вмешались события 1917 г. Высшие курсы по виноградарству и виноделию, начавшие работу в 1914 г., были закрыты; «Вестник виноделия» перестал выходить в свет. 1919 г. оказался для станции особенно тяжелым. Весной банды разгромили подвал, уничтожив запас опытных вин (более 400 ведер) и зверски убив двух сотрудников станции. И все же нарком земледелия И.Е. Клименко, посетивший станцию в июле 1922 г., констатировал, что работники станции, не получавшие средств от наркомата земледелия, «сумели создать хозяйственную базу для сохранения опытной станции и развития научных работ» [13].

Тогда же, в 1922 г., станции было присвоено имя ее создателя. В 1925 г. предстояло торжество по поводу 20-летия станции и 40-летия научно-литературной деятельности В.Е. Таирова. Был выпущен сборник, благодаря которому мы сейчас имеем возможность узнать многие факты жизненного пути В.Е. Таирова. На праздник были приглашены гости со всей страны. И вдруг нашлись такие, которые начали писать в партийные органы, ставя

под сомнения его заслуги и обвиняя его в введении «деспотических порядков» на станции. И, как вывод, было предложено дать станции имя более заслуженного человека – К.А. Тимирязева. Василий Егорович, не выдержав несправедливых нападок, оставил дело своей жизни. Только через 10 лет после этих печальных событий власти Украины сняли с него все обвинения и признали правильность взятого им направления в науке и практике виноделия. Однако В.Е. Таиров на работу на Винодельческую станцию, ставшую в 1931 г. научно-исследовательским институтом, которому было присвоено его имя, не вернулся: здоровье было подорвано.

В.Е. Таирова не стало 23 апреля 1938 г. Его заслуги были отмечены в России 14 орденами и другими отечественными и зарубежными наградами, в советское время была присвоена ученая степень доктора сельскохозяйственных наук [14]. Продолжает работать в Одессе Научно-исследовательский институт виноделия и виноградарства имени В.Е. Таирова. Замечательный ученый пользовался авторитетом и любовью не только у специалистов, но и людей, никогда не занимавшихся вином и виноградом, об этом свидетельствует тот факт, что один самых крупных жилых массивов Одессы носит его имя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник, посвященный В.Е. Таирову в ознаменование 40-летия его деятельности. – Одесса, 1925. – С. VIII.
2. Там же. – С. XVI.
3. Библиографический указатель книг, брошюр и журнальных статей по виноградарству и виноделию, напечатанных с 1755 по 1890 год включительно. – СПб., 1891.
4. Сборник, посвященный В.Е. Таирову в ознаменование 40-летия его деятельности. – Одесса, 1925. – С. XII.
5. В. А-въ (Таиров). Коньячное производство в Закавказском крае // Вестник виноделия. – 1892. – № 4.
6. История виноградарства и виноделия России / под ред. Л.А. Оганесянца. – М., 2009. – С. 43.
7. Таиров В.Е. Материалы по вопросу о фальсификации пищевых продуктов с приложением законопроекта. – Одесса, 1901.
8. Труды съезда виноградарей и виноделов в Одессе (9–15 февраля 1903 г.). – Т. 1. – Одесса, 1903. – С. 28–30, 52–53, 112–113, 139–158, 162–214.
9. Вестник виноделия. – 1899. – № 12.
10. Сборник, посвященный В.Е. Таирову в ознаменование 40-летия его деятельности. – С. 438–440.
11. Энциклопедия виноградарства. – Кишинев, 1987. – Т. 3. – С. 204.

12. Виноградное вино и алкоголизм. Записка В.Е. Таирова, консультанта Главного Управления Землеустройства и Земледелия по вопросам виноградарства и виноделия. – Одесса, 1925. – С. 13.
13. Сборник, посвященный В.Е. Таирову в ознаменование 40-летия его деятельности. – С. XXI.
14. Власов В.В., Шерер В.А. Василий Егорович Таиров: судьба человека и института // Вечерняя Одесса. – 2009. – 10 ноября, № 168 (9102).

**ВАХАН ФОМИЧ ТОТОМИАНЦ –
АРМЯНСКИЙ ПРОПАГАНДИСТ
РОССИЙСКОГО КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ**

Телицын Вадим Леонидович

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Центра истории мировой социал-демократии
Институт всеобщей истории Российской академии наук
г. Москва, Россия
e-mail: telitsyn@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные направления исследований, проводимых армянским ученым В.Ф. Тотомианцем в области российской кооперативной мысли, а также основные вехи его жизни и общественной деятельности.

Ключевые слова: В.Ф. Тотомианц; история экономической мысли России XIX–XX вв.; кооперативная теория и кооперативная практика.

**VAKHAN FOMICH TOTOMIANTS –
THE ARMENIAN PROPAGANDIST
OF THE RUSSIAN COOPERATIVE MOVEMENT**

Vadim L. Telitsyn

Doctor of Historical sciences, professor
Leading researcher of the Center of history of world social democracy
Institute of World history of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
e-mail: telitsyn@mail.ru

Abstract. The Article shows main directions of the researches conducted by the Armenian scientist V.F. Totomiants in the field of the Russian cooperative thought, and also the main milestones of his life and public work are analyzed.

Keywords: V.F. Totomiants; history of economic thought of Russia XIX–XX centuries; cooperative theory and cooperative practice.

Вахан Фомич Тотомианц «был первым, введшим в России в широкое употребление слово “кооперация”, соединив западноевропейскую кооперативную мысль с русской и став ее практическим апостолом» [1], – с этой оценкой невозможно не согласиться, внимательно изучая богатую на события жизнь этого удивительного человека.

В.Ф. Тотомианц родился 21 января 1875 г. в семье астраханского учителя, директора армянской гимназии (мать Вахана Фомича – немка по национальности). Родители привили сыну интерес к книге, к российской и мировой культуре, к иностранным языкам и к проблемам общественного движения – как в России, так и в Западной Европе (куда он мечтал попасть с детства). В 18 лет, получив среднее образование, В.Ф. Тотомианц выехал в Германию, где слушал курсы лекций по политической экономии в Берлинском и Лейпцигском университетах. Из Германии он перебрался в Швейцарию, где в университете Берна, а затем Женевы и Цюриха его можно было застать на лекциях по философии и истории.

В Женевском «Русском клубе» он познакомился с Г.В. Плехановым, «сражавшимся против народников и марксистов. Именно здесь, в “Русском клубе” Женевы он на все оставшиеся почти 70 лет своей жизни проникся демократическим духом, стремлением служить делу “духовного обогащения простого народа”» [2, 36].

В 1896 г. Тотомианц принял участие в дискуссии о будущей судьбе социализма в Армении, о положении находящегося под гнетом Османской империи армянского народа. Именно по этим вопросам он публиковал статьи в центральном органе немецкой социал-демократии «Die New Zeit».

В Цюрихе Тотомианц познакомился и с деятельностью «Германского общества этической культуры», которое в 1895–1896 гг. организовало научный конгресс с курсами, докладами и рефератами. Один из них сделал С. Гшвинд – о кооперативном движении (теоретическую часть курса по истории кооперации написал известный теоретик кооперативного кооперативного Ганс Мюллер, а практические занятия проводил Гшвинд). Тотомианц трижды посещал кооператив Гшвинда в Обервиле.

Вскоре Тотомианц вернулся в Берлин, где поступил в университет Гумбольдта, посещая семинар известного экономиста А. Вагнера, лекции по истории в университете Г. Шмоллера, а по социологии – Г. Зиммеля.

Уже с конца XIX в. он сотрудничал в органе российских «легальных марксистов» журнале «Начало» и выступал в нем с критическими замечаниями в адрес радикального крыла марксизма (большевизма).

В первых работах В.Ф. Тотомианца стал складываться его особый стиль. Это – литературно оформленное популярное изложение проблем, так или иначе связанных с кооперацией. Тотомианц «хорошо владел пером, свободно говорил и писал чуть ли не на всех европейских языках, прекрасно ориентировался в мировой литературе, часто был знаком с вопросом и на практике

и потому создавал свои труды без каких-либо видимых усилий. Правда, все его работы вовсе не отмечены печатью каких-либо теоретических и серьезных построений, глубокого анализа, логических схем и выводов» [2, 37]. Но все его работы были доступны даже малообразованному обывателю, который искал ответы на волнующие его вопросы современности.

В 1897 г. будучи в Брюсселе, Тотомианц познакомился с известным лидером социалистов Э. Вандервельде, который высоко оценивал роль кооперации, а также с бельгийскими теоретиками кооперации В. Серви и Л. Бертраном. По приглашению известного экономиста Э. Ансея Тотомианц изучал в Генте опыт кооперативного общества «Вперед», стал сотрудником журнала «Бельгийский оператор», членом кооперативного общества потребителей «Дом народа». Там же в Бельгии Тотомианц познакомился с Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповичем, которые, как и он сам, высоко оценивали общественный потенциал кооперации, предрекая ей блестящее будущее.

Побывав в Италии и Франции, Тотомианц познакомился с экономистами – практиками и теоретиками кооперативного движения Западной Европы, и примкнул, в конце концов, к сторонникам идей так называемой «Нимской школы» [4, 3–4].

В 1898 г. Тотомианц защитил в Брюссельском университете диссертацию на соискание ученой степени доктора социальных наук.

Через год он возвращается в Россию, где его статьи по проблемам кооперации охотно печатают в изданиях различных общественно-политических направлений – народнических, либеральных, «легально-марксистских», консервативных: «Сын отечества», «Мир божий», «Жизнь», «Северный курьер» «Петербургские ведомости» и др. Его работы перепечатывались и в крупных провинциальных средствах массовой информации (например – в «Южном обозрении» и «Приднепровском крае»). Некоторые исследования Тотомианца издавались в виде отдельных брошюр, а в 1901 г. вышел в свет его обобщающий труд «Потребительские общества на Западе», выдержавший семь изданий.

Однако в 1900 г. он был обвинен в революционной деятельности, арестован и выслан в Астрахань, откуда через год переехал в Баку. В 1904 г., вернувшись в Петербург, стал секретарем либеральной «Экономической газеты» и вел экономический отдел в журнале «Образование». Тогда же Тотомианц стал читать лекции по кооперации, истории экономической мысли и аграрному вопросу в различных высших учебных заведениях Петербурга.

В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. В.Ф. Тотомианц сблизился с меньшевиками. В этот период он приобрел большую популярность в общественных кругах, поскольку анализировал особенности экономической борьбы, указывая на значение профессиональных союзов и причисляя к формам пролетарского движения рабочие кооперативные потребительные общества. Он утверждал, что роль отдельных личностей в рабочем движении уменьшилась: «На сцену выступила широкая масса, мало склонная к разброду. Исчезли

основания для многочисленности групп или партий, выступающих в качестве защитников интересов одного и того же класса. Не в раздробленности, а в будущем единении заключается ваша сила» [12, 5]. В 1906 г. Тотомианц обращался к исследованию значения, форм и истории профессионального движения рабочих. Придавая ему большое значение, он критиковал профсоюзы за то, что они вели классовую борьбу, поддерживая связи с социал-демократическими партиями и даже выступали боевыми революционными организациями [10, 1, 3, 16, 18].

В 1908 г. Тотомианц произнес речь на открытии I Всероссийского кооперативного съезда (Москва), подчеркнув начавшееся расслоение кооперативного движения на «социалистическое» и «консервативное». Тотомианц активно примкнул к первым, участвуя во всех конгрессах международного кооперативного союза, работая в его комиссиях, выступая с докладами от Центрального комитета этой международной организации.

Оставаясь популяризатором кооперативного движения и его лидеров, В.Ф. Тотомианц выступал в эти и последующие годы автором многочисленных популярных очерков, посвященных биографиям выдающихся деятелей кооперативного движения на Западе, социалистов и демократов. В 1906 г. рассуждая о Ш. Фурье, Тотомианц, признавая ряд слабостей в его построениях, характеризовал его как одного из «...величайших социалистов мира, а кооперативное движение ценит и почитает его как своего отца» [13, 29]. В 1907 г. Тотомианц составляет, редактирует, переводит и издает специальный сборник с отрывками из произведений и биографическими данными итальянских социалистов-кооператоров [3]. В 1908 г. к 50-летию смерти Р. Оуэна он публикует книгу о нем, оценивая последнего не как родоначальника политического или классового, а мирного и творческого социализма [11, 3, 30].

В 1913 г. опубликована книга В.Ф. Тотомианца с биографиями крупнейших кооператоров Запада: Р. Оуэна, Ш. Фурье, Г. Кауфмана, Г. Миллера и др. 1917 г. был ознаменован двумя изданиями книги В.Ф. Тотомианца «Великий англичанин – Джон Рэскин», изданиями книги «Иосиф Маццини. Апостол долга и мирного прогресса (его жизнь и учение)» и книги «Утопии (Социальный рай на земле)». Описывая различные коммунистические утопии, Тотомианц дает популярные очерки о Томасе Море, Томасе Кампанелле, Теодоре Герцке, Джоне Раскине и их кооперативных предприятиях.

С 1912 г. В.Ф. Тотомианц – приват-доцент Московского университета и народного университета А.Л. Шанявского. В 1913 г. он защищает магистерскую, а в мае 1915 г. – докторскую диссертацию по политэкономии и статистике, вскоре став профессором. Во время Первой мировой войны Тотомианц выступал с экономическим анализом событий в печати. В тот период было издано его исследование «О потребительской кооперации» и брошюра о борьбе с дороговизной [8; 9]. Основную причину дороговизны продуктов питания и промтоваров Тотомианц видел в «капиталистической организации» торговли

при посредничестве «спекулятивных банков и посредников». Эту систему, считал он, следует заменить прямыми связями потребительских обществ.

С осени 1917 г. В.Ф. Тотомианц выпускал в Москве периодический журнал «Кооперативный мир», руководил одноименным кооперативным издательством.

В августе 1918 г. он выезжает в Баку, где преподает в вузах, участвует в кооперативных собраниях, пишет статьи в местных газетах. В 1919 г., спасаясь от Гражданской войны, он перебирается в Германию.

В начале 1920-х гг. В.Ф. Тотомианц – по приглашению Л. Луццати – переезжает в Италию, сотрудничает в местной прессе, работает над новой книгой о кооперации в России.

В 1922 г. президент Чехословакии Т. Массарик предложил В.Ф. Тотомианцу переехать в Прагу. Десять лет преподавал в высших учебных заведениях Чехословакии (Русский институт сельскохозяйственной кооперации в Праге, Русский юридический факультет при Карловом университете и др.). Читал он курсы лекций и в Берлинской коммерческой академии, сотрудничая в периодической печати Германии, Франции, Бельгии, Италии. Его работы переводились на болгарский, сербский, словенский, шведский, испанский, японский, польский языки.

Высоко оценивая значение кооперации вообще, Тотомианц подчеркивал беспартийный характер кооперативных обществ. Он предлагал постепенно вытеснить из повседневной жизни мелкую частную посредническую торговлю, считая ее причиной вздорожания жизни, и заменить ее деятельностью кооперации [5, 131]. Тотомианц выступал с идеей о том, что экономическое возрождение России невозможно без кооперации [14, IX, X]. Пропагандировал Тотомианц и идеи снабжения населения продуктами питания через кооперативы: потребитель этих продуктов отделен от производителя самой длинной цепочкой торговых посредников, а кооперативы способны не только устранить их, но и поднять урожай, улучшить использование сельскохозяйственной техники [6, 8].

В.Ф. Тотомианц разрабатывал еще один аспект кооперативной тематики – участие в событиях промышленных предприятия и коопераций самих «рабочих и служащих» [7, 171–172]. Это было истоками так называемой теории «народного капитализма», широко распространившейся в Западной Европе после Второй мировой войны и сделавшейся актуальной в СССР во второй половине 1980-х гг.

В 1932 г. Тотомианц переехал в Болгарию, где преподавал в Софийской высшей кооперативной школе, редактировал международную кооперативную энциклопедию. Он практически ослеп и не мог уже работать без помощи членов семьи. Во время Второй мировой войны погибли его уникальная библиотека и практически все рукописи. Однако это не сломило воли ученого, в 1945 г. в Софии были изданы его мемуары – «Из моих воспоминаний».

В 1953 г. Тотомианц перебрался во Францию, где жили его дети и куда его пригласили для чтения лекций в Русском научном институте. В 1956 г. была издана его история «Из истории русской экономической мысли» (Мюнхен), а через пять лет «Кооперация (история, принципы, формы, значение)» (Франкфурт-на-Майне, 1961).

Умер Вахан Фомич 9 мая 1964 г. во Франции, однако, согласно завещанию, он был похоронен на Ольшанском кладбище Праги.

Придерживаясь социалистических взглядов, Тотомианц оценивал кооперацию с точки зрения этико-идеологических мотивов – как своеобразный общественно-экономический строй, занимающий срединную позицию между капитализмом и социализмом. Кооперативное движение, по убеждению Тотомианца, впитывало основы христианского учения, внушая понятия о моральных обязанностях, и предлагало в качестве «орудия социальных реформ» личность, а не государство.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кочаровский К.-А.Р. Русская формула задругарства // Земльрадничка за друга. – 1934. – 11 марта.
2. Ольховский Е.Р. Вахан Фомич Тотомианц: К 120-летию со дня рождения // Кооперация: Страницы истории. – М.: ИЭ РАН, 1996. – Т. 5. – 361 с.
3. Организация и борьба. Итальянский социалистический сборник / перевод под редакцией В.Ф. Тотомианца. – СПб.: Кооперация, 1907. – 312 с.
4. Прокопович П. В.Ф. // Хозяин. – Прага. – № 19–20. – С. 3–5.
5. Тотомианц В.Ф. Из моих воспоминаний. – София: [Б.и.], 1945. – 215 с.
6. Тотомианц В.Ф. Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства в России. – СПб.: Из-во «Товарищ», 1911. – 79 с.
7. Тотомианц В.Ф. Кооперация в России. – Прага: Наша речь, 1922. – 172 с.
8. Тотомианц В.Ф. Кооперация и борьба с дороговизной. – М.: Моск. союз потреб. о-в, 1916. – 21 с.
9. Тотомианц В.Ф. Лекции для херсонских кооператоров. – Одесса: Слово, 1914. – 98 с.
10. Тотомианц В.Ф. Профессиональные союзы рабочих. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1906. – 16 с.
11. Тотомианц В.Ф. Роберт Оуэн, его жизнь и деятельность. – СПб.: Мысль, 1908. – 24 с.
12. Тотомианц В.Ф. Формы рабочего движения. – СПб.: Труд, 1905. – 122 с.
13. Тотомианц В. Фурье и кооперация. – СПб.: Луч, 1906. – 29 с.
14. Труды совещания об экономических нуждах студенчества г. Санкт-Петербурга 26–31 марта 1908 г. – СПб.: Изд-во Студенческой кассы взаимопомощи СПб. политехнического института, 1909. – 64 с.

**«КАВКАЗСКИЙ РАБОТНИК, ХОРОШИЙ ТАКТИК»:
А.И. МИКОЯН В РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНАХ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920–1922 гг.)**

Сапон Владимир Петрович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России
и вспомогательных исторических дисциплин
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина»
г. Нижний Новгород, Россия
e-mail: vladimail2008@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует политическую деятельность А.И. Микояна в Нижегородской губернии в 1920–1922 гг. Молодой армянский коммунист не сразу получил возможность работать в руководящем политическом органе региона, однако благодаря своей активной позиции он сумел завоевать доверие коммунистических кадров и стать подлинным лидером региональной организации правящей партии.

Ключевые слова: А.И. Микоян; Нижегородская губерния в 1920–1922 гг.; политическая борьба.

**«CAUCASIAN PUBLIC MAN, GOOD TACTICIAN»:
A.I. MIKOYAN IN THE GOVERNING BODIES
OF NIZHNY NOVGOROD REGION (1920–1922)**

Vladimir P. Sapon

Doctor of Historical sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Russian
History and Auxiliary Historical Disciplines
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin
Nizhny Novgorod, Russia
e-mail: vladimail2008@mail.ru

Abstract. The author analyzes political activities of A.I. Mikoyan in Nizhny Novgorod region in 1920–1922. Young Armenian Communist didn't get an opportunity to work in the governing political body of the region immediately, but thanks to the strenuous efforts he managed to gain the trust of Communist

cadres and become the genuine leader of the regional organization of the ruling party.

Keywords: A.I. Mikoyan; Nizhny Novgorod province in 1920–1922; a political struggle.

А.И. Микоян был далеко не первым партийным работником, которого ЦК партии большевиков направил в Нижний Новгород на укрепление местного руководства. В мае 1918 г. в городе появился Л.М. Каганович, которому пришлось приложить немало усилий, чтобы завоевать авторитет и власть в губернской вертикали власти [1]. В 1920 г. Нижегородский губисполком какое-то время возглавлял В.М. Молотов, вступивший в острый конфликт со «спевшейся местнической группировкой» и в итоге вынужденный искать другое место службы. Именно он и предупредил «кавказского работника» о сложной обстановке в партийной организации Нижнего [2, 24].

Молодого армянского коммуниста откомандировали из Баку в президиум Нижегородского губкома РКП(б) в соответствии с решением Оргбюро ЦК партии большевиков от 6 августа 1920 г. [3, л. 54]. В Нижний Анастас Иванович приехал в конце сентября или начале октября 1920 г. и тут же выяснил, что *президиум* губкома РКП(б) преобразован в *бюро* губкома, где новому человеку места не нашлось [2, 27]. Микоян не стал терять времени и сразу же приступил к партийной работе: он предложил свои услуги райкомам партии, где «оратору на политические темы» сразу же нашлась важные и ответственные поручения [2, 29–30]. 5 октября Микояна ввели в состав губернского комитета РКП(б) [4, л. 32, 33], членом бюро губкома он (а также еще один «назначенец» центра, Н.И. Иконников) стал через месяц, 5 ноября 1920 г. [4, л. 51, 51а]. В это же время он являлся членом президиума Нижегородского губисполкома.

В рассматриваемое время большой проблемой для нижегородского партийно-хозяйственного руководства стали протестные настроения на промышленных предприятиях губернии и в городском гарнизоне, спровоцированные плохим материально-продовольственным снабжением и слабым уровнем политической работы в массах. В течение осени и зимы 1920 г. бастовали железнодорожники, рабочие Смеловского завода и завода «Славянин», предприятия в Ардатском, Балахнинском, Павловском уездах [5, л. 1]. Наибольшую угрозу власти большевиков несло разложение многочисленного местного гарнизона. 31 октября 1921 г. в здании городского театра Нижнего Новгорода началась беспартийная конференция, ход которой с самого начала пошел вопреки сценарию большевистского руководства. В этот день подавляющим большинством голосов делегаты-красноармейцы приняли резолюцию, предложенную беспартийно-меньшевистским президиумом. Возникла вполне реальная угроза смены власти

в городе в ходе стихийного военного переворота. А.И. Микоян стал свидетелем и активным участником указанных событий [6].

20–26 января 1921 г. состоялся пленум Нижегородского губкома РКП(б), который обозначил заметное изменение соотношения сил местных кадров и «чужаков». Выступая с докладом на тему «Текущий момент и задачи X съезда партии», А.И. Микоян не стал подробно освещать конфликтную ситуацию, которая сложилась в губкоме, однако многозначительно отметил, что «во внутреннем отношении можно так характеризовать наши задачи – поменьше политики и раздоров, а побольше хозяйственного дела и строительства» [7, л. 1–2]. Кульминацией пленума стало голосование по докладу ответственного секретаря губкома А.В. Попова. В одном из вариантов резолюции (его предложил Егоров) предлагалось оценить деятельность бюро губкома за предыдущий полугодовой период как удовлетворительную [7, л. 18]. В другом варианте, предложенном Сенцовым, нелицеприятно отмечалось: «1. Губернский комитет РКП буквально не являлся руководящим органом партийной, профессиональной, экономической жизни и советской работы, в силу чего как рабочие районы, так и уезды вынуждены были вести самостоятельную жизнь.

2. Внутри самого Губкома создались под флагом идейных расхождений личные группировки, в корне деморализующие нормальную жизнь организации» [7, л. 18]. В связи с чем в 3-м пункте предлагалось во избежание «дальнейшего распада Нижегородской организации» выбрать новый состав руководящего партийного органа губернии.

Сенцовский вариант резолюции был принят при таком соотношении голосов: за – 13, против – 8, воздержались – 4 [7, л. 19]. Проведенное на следующий день поименное голосование выявило фамилии сторонников и противников прежнего состава и «старой» линии губкома. За резолюцию выступили четыре члена губкома: Воробьев, Жеханов, Иконников и Микоян, а также представители уездкомов и райкомов: Авдоськин (Княгинино), Гинзбург (Городской район), Карклин (Выкса), Комиссаров (Семенов), Крестин (Бор), Малов (Воскресенск), Ремизов (Растяпино), Сенцов (Макарьев), Сеславинский (Васильсурск), представитель Павлова и Шмонин (Береговой район) [7, л. 19].

Против резолюции высказались члены губкома Лунин и Савельева, представитель губернской комсомольской организации Попов, а также делегаты от Канавинского райкома (Тюрин) и из уездов: Арзамасского (Каганович), Лукояновского (Елизаров), Нижегородского (Седелкин), Сормовского (Егоров) [7, л. 19].

Среди воздержавшихся оказались члены губкома Попов, Скосырев, Ханов и представитель Ардатовского уездного комитета РКП(б).

Таким образом, окончательные результаты, выявленные в ходе поименного голосования, дали Микояну и его сторонникам еще больше оснований для оптимизма: за резолюцию, требовавшую обновления губкома, отдали свои голоса 15 участников пленума, против – 8, воздержалось – 4 [7, л. 19].

Суть конфликта все-таки не удалось скрыть. Член бюро губкома РКП(б) А.И. Жеханов сделал мотивированное заявление по поводу резолюции, где, между прочим, вспомнил неоднократные высказывания Микояна и Иконникова о «тайной и личной политике группировок» в нижегородской партийно-советской элите. «Нахожу, что или у товарищей есть мания подозрения, или у них среди себя есть личная группировка, на основании которой судят с других» [7, л. 19–20], – подчеркнул Жеханов. Еще более жестко выразился другой член губкома, М.А. Воробьев, который, кстати, голосовал за цитированную выше резолюцию. На следующем заседании пленума он высказался без обиняков: «часть товарищей, как Иконников и Микоян, выступают как определенная группа и часто мелочами затягивали работу, сводили ее к мелочам, и Губком был неправ, не желая задавить эту мешающую работать группу, парализовать ее вредные действия и определенно постановить, чтобы меньшинство не мешало работать большинству» [7, л. 21]. В ответ на подобные обвинения Микоян согласился, что он и его единомышленник «вели себя как группа, но на принципиальной почве, борясь с тем, что принципиальное расхождение отодвинуто в сторону и верхи объединены личными интересами, что недопустимым образом отразилось на ходе работ» [7, л. 21–22]. «Я не против принципиальных деловых группировок, но против личных группировок» [7, л. 22], – резюмировал «кавказский работник». Так или иначе, все противоборствующие стороны согласились, что оздоровить обстановку сможет губернская партийная конференция.

На XI Нижегородской губернской конференции (19–23 февраля 1921 г.), по словам А.И. Микояна, развернулась особенно острая борьба «между сторонниками Ленина и оппозиционерами» [2, 73]. На самом деле на этом партийном мероприятии получил развитие все тот же жесткий конфликт между местными руководителями, сплотившимися в ходе многолетней партийной, в том числе и дореволюционной, работы, и «назначенцами», получившими направление в Нижний Новгород от руководящих органов РКП(б). На этот аспект межгруппового противостояния в парторганизации указали, в частности, делегатки конференции А.В. Савельева и А.И. Гулевич.

Так, А.В. Савельева отметила, что «группировки в губкоме не носят характера кумовства, а вся беда в том, что нет товарищеской атмосферы, которая должна быть; нет полного товарищеского доверия и понимания, между тем это необходимые условия, без которых нельзя работать» [8, л. 25]. По ее версии, ответственность за осложнения в работе ложилась на двух «новых товарищей» (имелись в виду А.И. Микоян и Н.И. Иконников), «которых было достаточно, чтобы сбить с деловых рельс Губком и создать атмосферу взаимных обвинений и недоверия. Это нужно изжить, так как благодаря только им создалась группировка, которая существует по сие время» [8, л. 25 об. – 26].

Прямо противоположное мнение высказала А.И. Гулевич. Она признала, что еще со времен предыдущей, X Нижегородской губернской конференции РКП(б) сложилось нездоровое «настроение»: «местные работники недовольны

были приездом назначенцев, а назначенцы думали, что местные работники против них и здесь чувствовалась слабая линия поведения всего Бюро Губкома» [8, л. 32 об.].

Александра Ивановна описала и тот стиль работы, на который «назначенец» был обречен в начальный период своего пребывания в Нижнем Новгороде: «Первое время тов. Микоян был как-то в стороне и даже не участвовал в некоторых заседаниях Бюро Губкома или участвовал после какого-нибудь совещания. В последнее время обозначилась резкая грань между двумя тенденциями, создавалась постоянная оппозиция: Микоян, Иконников – с одной стороны, Ханов, Попов и др. с другой. Эта полоса не могла продуктивно отражаться на нашей работе. В Губкоме создавалась оппозиция по отношению к назначенному тов. Микояну, которого долго оттирали от работы» [8, л. 32 об.].

Позднее новый губком в своем отчете трактовал итоги XI губернской партконференции как победу «новых слоев партии» над «группировками зашедшихся, омещанившихся, оторвавшихся от масс работников» [5, л. 1, 7]. На какие партийные группы опиралось новое поколение коммунистов, лидером которых стал «назначенец» Микоян? Во-первых, перелома удалось добиться за счет значительного – почти вдвое – увеличения числа делегатов (на X конференции присутствовало около ста человек, на XI – уже более 180) [9, 71, 84]. При этом и качественные характеристики партийно-депутатского корпуса весьма преобразились. Если в июле 1920 г. члены партии с дооктябрьским стажем составили половину всего делегатского состава, то в феврале 1921 г. – лишь треть, люди старше 30 лет: соответственно половину и две пятых. Seriously расширилась прослойка депутатов из крестьянских партячек: с $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{4}$. Более того, каждый пятый делегат XI конференции когда-то состоял в другой партии (на X конференции таких было всего 8 %) [5, л. 7]! Таким образом, микояновский губком сформировали в значительной степени молодые люди, не имевшие опыта подпольной революционной работы, некоторые из них принадлежали к мелкобуржуазному – в терминах марксизма – крестьянскому классу, и в то же время значительный процент имел небольшевистское (а иногда, вероятно, и антибольшевистское) политическое прошлое. Наиболее активно поддерживавшие новый курс местные работники в ходе указанной конференции повысили свой статус, так как новый губком был сформирован уже из 25 человек. Причем, только трое из них, Микоян, Иконников и Жеханов, оказались из числа «старого» губкома [5, л. 7–8].

В бюро губкома вошли: ответственный секретарь А.И. Микоян («кавказский работник, хороший тактик»), Н.И. Иконников («переброшен в Нижний Центральным Комитетом, прямолинеен и горяч»), С.И. Коршунов («рабочий-сормович»), М.А. Тер («тоже переброшен ЦК, отличный соработник, администратор»), А.Г. Чесноков («рабочая оппозиция», но нетверд в своей линии») [5, л. 8].

Анастас Иванович действительно проявил себя как хороший тактик в сфере региональной политики: в течение первого полугодия 1921 года ему удалось с помощью немногочисленных поначалу сторонников вывести своих явных противников из состава губкома и губисполкома, сформировать работоспособный президиум губернского совета профессиональных союзов (Губсовпрофа), в который вошел и сам Микоян, нейтрализовать оппозиционную деятельность «губкомщиков старого состава со своими присными» в уездных и районных парторганизациях [5, л. 8–11]. Концентрация власти в руках «нового» губкома не только повысила эффективность общественно-политической работы правящей партии в Нижегородской губернии, но и создала предпосылки для успешного решения тех сложнейших экономических задач, которые выпали на долю всего Советского государства в указанный период.

Надежным единомышленником и сотрудником А.И. Микояна стал новый председатель губернского исполкома Михаил Андреевич (Мушег Андреасович) Тер (Егиазарян), имевший богатый опыт партийной и хозяйственно-административной работы в Москве, Курске, Орле. Фактически под руководством этих молодых коммунистов-армян в Нижегородской губернии прошли все важнейшие события, связанные с переходом от политики «военного коммунизма» к нэпу.

В период нэпа относительная либерализация экономической деятельности в Советской стране сопровождалась жестким укреплением монопольной роли Коммунистической партии в политической сфере. Такая политика нашла выражение в официальном запрете любых оппозиционных объединений внутри правящей партии, в радикальной чистке ее рядов. Недаром на пленуме Нижегородского губкома РКП(б) (11–14 ноября 1921 г.) А.И. Микоян назвал второй по значимости задачей текущего года (после сбора продовольственного налога) «очистку партии по губернии» [10, 3]. Из РКП(б) в Нижегородской губернии исключили 1612 человек, в том числе «как чуждый элемент» 328 чел., за шкурничество – 216, за нарушение дисциплины – 202, за взяточничество – 198, за злоупотребление властью – 56 и т. д. [10, 9]. Из районных парторганизаций больше всего пострадала Сормовская – там оставалось еще немало активистов «рабочей оппозиции». В Лыскове и Воскресенске без партийных билетов оказались члены укомов и уисполкомов в полном составе. В общей сложности 64 ответственных работника лишились в губернии не только должностей, но и партбилетов [10, 3]. Среди них было немало противников «новой» линии губкома и ее молодого лидера.

Итог годичной работы нового руководства губернии был подведен на XIII Нижегородской губернской партконференции РКП(б) (19–21 марта 1921 г.) и состоявшемся накануне расширенном пленуме губкома (17–18 марта 1921 г.). Делегаты указанного пленума, заслушав и обсудив доклад о деятельности бюро губкома постановили: «1) Констатировать, что губком РКП быстро реагировал на все политические моменты, правильно оценивая их по существу и давая

директивы местным партийным организациям. 2) Наряду с этим бюро губкома достигло полного руководства деятельностью профессиональных и советских фракций РКП. 3) В области углубления новой экономической политики губком проделал большую работу посредством регулирования деятельности хозяйственных органов и кооперации и своевременной пропагандой начал новой экономической политики в массах партийных организаций...» [11, л. 4].

Начавшаяся сразу же после пленума губернская партийная конференция продемонстрировала полную политическую победу А.И. Микояна и его сторонников в губкоме и губисполкоме. Их опору составили молодые коммунисты преимущественно пролетарского происхождения, большинство из которых не служили в Красной армии и имели партийный стаж не более четырех лет. По национальному составу в делегатском составе конференции преобладали русские (175 из 190) [12, л. 21]. (Кроме того, в конференции принимали участие шесть делегатов-евреев, по одному белорусу и мордвину, два поляка и два армянина, т. е. Микоян и Тер.) Делегаты XIII Нижегородской губернской конференции подавляющим большинством голосов (воздержалось лишь пятеро) признали политическую линию губкома правильной и оценили его работу как «в общем и целом удовлетворительную» [12, л. 2 об.].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сапон В.П. Руководство Нижегородской губернии в 1917–1918 гг.: национальное, общественное, личное // *Российская история*. – 2016. – № 3. – С. 139–149.
2. Микоян А.И. В начале двадцатых... – М.: Политиздат, 1975. – 383 с.
3. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1883.
4. Там же. Д. 772.
5. Там же. Д. 1858.
6. Сапон В.П. «Основной силой, на которую опирались губком РКП(б) и губчека, были ЧОН». «Необходимые» дополнения П.Ф. Москвичева к воспоминаниям А.И. Микояна о событиях в Нижнем Новгороде осенью 1920 г. // *Исторический архив*. – 2011. – № 3. – С. 110–118.
7. ГОПАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1828.
8. Там же. Д. 1805.
9. Очерки истории Горьковской организации КПСС. В 3-х ч. – Часть 2. 1918–1941. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1966. – 447 с.
10. Известия Нижгубкома РКП. – 1921. – № 11–12.
11. ГОПАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2326.
12. Там же. Д. 2317.

ФРАНЦУЗСКИЙ ОРДЕН АРМЯНСКОГО ГЕНЕРАЛА

Вирабян Айк Мартунович

кандидат исторических наук, заведующий
Степанаванского территориального представительства
Национальный архив Армении
г. Ереван, Республика Армения
e-mail: hayk_vir@gmail.ru

Аннотация. В статье освящаются основные вехи жизни и деятельности генерала царской армии, а затем Первой Республики Армения Ф. И. Назарбекова. Находясь более 40 лет на военной службе, скончался в бедности и в забвении.

Ключевые слова: царский генерал; французская медаль; полководец Первой Республики Армения; мемуары.

FRENCH MEDAL OF ARMENIAN GENERAL

Hayk M. Virabyan

Candidate of Historical sciences, Director of territorial
administration representation of Stepanavan
National Archives of Armenia
Yerevan, Republic of Armenia
e-mail: hayk_vir@gmail.ru

Abstract. The article sanctified major milestones of life and activities F.I. Nazarbekov, the General of the tsarist army, and then the General of the First Republic of Armenia. Being more than 40 years in the military, he died in poverty and oblivion.

Keywords: Tsarist general; the French medal; commander of the First Republic of Armenia; a memoir.

Россия взрастила и воспитала целую плеяду армянских офицеров. Армяне, сражаясь на фронтах рядом с русскими офицерами, защищали свою родину – Россию. Были среди офицеров и те, кто сражался уже за независимую Армению, а их имена долгие годы оставались в забвении. Одним из них был Фома Иванович Назарбеков.

Товмас Оганесович Назарбемян (Фома Иванович Назарбеков) родился 4 апреля 1855 г. в Тифлисе, из русифицированных потомственных дворян. И как было принято в кругу русских дворян, Назарбеков после окончания начального образования на родине поступил в Московскую военную гимназию. Он окончил полный курс 2-й Московской Военной гимназии в 1874 г. и курс в 3-м Военном Александровском училище по 1-му разряду 10 августа 1876 г. По окончании курса наук был произведен в подпоручики в 13-й Лейб-Гренадерский Эриванский Его Величества полк 10 августа 1876 году [1].

Спустя несколько месяцев началась Русско-турецкая война 1877–1878 гг., и молодой Товмас Назарбемян принял участие в войне в должности помощника Командующего Эриванским 13-м лейб-гренадерским полком. За оказанную доблесть и храбрость во время осады Ардаганской крепости 2 ноября 1877 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а 12 апреля 1878 г. – орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, завершив войну в чине штабс-капитана. Свое первое боевое крещение Назарбеков получил именно во время Русско-турецкой войны.

15 марта 1879 г. он был назначен командиром роты 13-го полка [2]. Впоследствии служил в 14-м гренадерском Грузинском полку. Капитан (приказ 1886; ст. 26.02.1886, за отличия); Подполковник (пр. 1896; ст. 26.02.1896, за отличия); Полковник (пр. 1902 г., ст. 09.02.1902; за отличие). Прошел все строевые должности до командира батальона включительно. Командовал ротой, батальоном, а с 1902 года был назначен командиром 4-го Андиганского резервного батальона. В начавшейся Русско-японской войне командовал 286-м пехотным Кирсановским полком (01.06.1904–14.08.1906) За боевые отличия в февраля-марте 1905 г. в ходе Мукденского сражения награжден Золотым Георгиевским оружием. 14 августа 1906 г. был назначен командиром 14-го Олонецкого пехотного полка.

В течение двух с половиной десятилетий его военная служба была относительно мирной. Благодаря своему открытому и простому характеру, он за короткий срок налаживает благоприятные отношения со своим начальством и подчиненными. Только после того как сам попробовал еду, разрешал солдатам садиться за обед. В 1906 г. – вышел в отставку в чине генерал-майора.

Свою отставку генерал переживал особенно тяжело. Царское правительство, проводя политику «не милости к инородцам», включило в «черный список» и именитого генерала. Много позже один из соратников и полководцев Первой Армянской Республики Драстамат Канаян (Дро) описал переживания Назарбекова в статье «Как генерал Назарбеков возвратился в объятья армянства», которая была опубликована в журнале «Айреник» в 1948 г.

Несмотря на то, что полковнику Назарбекову была предложена военная должность командующего любого полка по его выбору, он все же отказался от службы в царской армии. Согласно заявлению Назарбекова, после 4-месячного рассмотрения, в 1907 г. его демобилизуют в резерв в звании генерал-майора [3].

В течение 8 лет он проживает как отставной генерал-майор в Тифлисе. Будущий премьер-министр Первой Республики Армения Амо Оганджян пишет, что при встрече с Назарбековым он переполнялся гордостью.

В 1914 г. началась Первая мировая война, и Ф. Назарбеков вновь был приглашен на службу, но учитывая его возраст (ему было около 60 лет), уже в качестве генерала тыловой службы. Назарбеков, видя, что в этой войне может решиться судьба армянского народа, дал на это свое согласие. 19 ноября 1915 г. Назарбеков был назначен командиром 2-й Кавказской стрелковой бригады, которая в ноябре 1915 г. была переформирована в дивизию [4]. В его бригаде воевал отряд Армянского национального героя Андраника Озаняна.

В начавшейся войне Командующий турецкой армией на Кавказском фронте, военный министр Энвер-паша планировал захватить всю русскую Армению, Грузию и оттуда дойти до Баку, объединиться с мусульманами и реализовать их давно подготовленный пантюркистский проект.

Во время Сарыкамышских боев, или как говорят, Сарыкамышской операции, Турецкая армия потерпела сокрушительное поражение, но Энверу-паше удалось сбежать. Если Энвер имел цель через центральную часть Кавказа дойти до Тифлиса и Баку, то Халил-бей направил свои войска в сторону Иранского Атрпатакана, но в Дильмане путь ему преграждает Салмастский отряд под руководством Назарбекова и отряд Андраника.

В своих воспоминаниях, хранящихся в Национальном архиве Армении, Назарбеков особо отмечает роль добровольческих армянских дружин и особенно дружины Андраника, девизом которого было «только наступать» [5]. Во время боевых действий с 16 апреля до 1 мая 1915 г. [6], с помощью русских войсковых частей Назарбековым была одержана грандиозная победа, а на этот раз еле спасся Халил-бей. Особенно отличилась дивизия под командованием Назарбекова в Дильманском сражении. Генерал в своем рапорте командиру корпуса признается, что личный состав Башкалинского отряда «развел свою энергию до крайних пределов» [7].

После Дильманского сражения Ф. Назарбеков во второй раз был награжден Георгиевским крестом, кроме этого, 20 августа 1915 г. награжден французской медалью «Милитер» [8] (с франц. «Воин»). **Воинская медаль** или **Военная медаль** (фр. *Médaille militaire*) – одна из высших военных наград Франции. Учреждена в 1852 году президентом Франции Луи-Наполеоном Бонапартом, будущим императором Наполеоном III. Вручается находящимся на действительной службе военнослужащим, рядовым и унтер-офицерам, отличившимся актом героизма во время военных действий против врага, уступая по своей ценности лишь ордену Почётного легиона. Награждаются медалью генералы и адмиралы в должности командующего и главнокомандующего. В этом случае в системе военных наград она является высшей, предшествуя даже Большому кресту ордена Почётного легиона). Только впоследствии Назарбеков узнает, что Французское правительство послало две медали для награждения двух

военноначальников, оставляя выбор за царем, и по его усмотрению, одну из медалей получил Великий князь Николай Николаевич, а другую – Фома Назарбеков.

После Сарыкамышских и Дильманских боев русской армии удалось освободить почти всю Западную Армению, а 26 июля 1916 г. – дивизия Назарбекова, сокрушая турок близ Башханы, освободила Битлис [9].

Сражение имело большое значение, как для русских, так и для турок. Турецкое командование придавало большое значение зоне между Ираном и Турцией как важному плацдарму для одновременного действия против России и Ирана. Русское командование тоже придавало большое значение Алашкертской долине, откуда открывалась дорога к Мушу и Битлису и далее в Месопотамию.

До 1917 г. на Кавказском фронте было относительно спокойно, однако после февральской революции ситуация резко изменилась, так как Временное правительство стремилось завершить войну окончательной победой. Однако вскоре революционные настроения проникли в войсковые части, началось дезертирство, а после Октябрьской революции эти настроения еще более усугубились.

20 октября 1917 г. в село Кармуджа, находящееся на восточном берегу озера Ван, где был расположен Штаб 2-й Кавказской стрелковой дивизии, из Тифлиса была получена телеграмма Армянского Национального совета на имя Ф. Назарбекова, где в частности говорилось: «Для формирования Армянского корпуса ждем Вашего прибытия» [10]. Это телеграмма очень удивила генерала, однако он оформил отпуск и отправился в Тифлис.

В середине ноября 1917 г. Штаб Кавказского фронта начинает формирование Армянского корпуса, всеми работами руководит генерал Назарбеков. Одновременно, уже к концу 1917 г. оголяется Кавказский фронт, начинается массовое дезертирство. Солдаты русской армии, прослышав про революцию, уходят с фронта в надежде получить земли и свободу на родине. Формирование Армянского корпуса к этому времени еще не было завершено.

Придя к власти, большевики 3 марта 1918 г. заключили Брест-Литовский договор, согласно которому должна была быть восстановлена русско-турецкая граница 1878 года, что было слишком большой наградой для побежденной Турции.

Закавказский Сейм, образовавшийся из представителей трех народов Закавказья, объявил себя независимым от России и аннулировал Брест-Литовский договор. Вскоре турки переходят в наступление и один за другим занимают Ерзнка, Эрзрум, а 10 апреля 1918 г., не встречая серьезного сопротивления, занимают Сарыкамыш [11]. В эти дни в Трапезунде начались мирные переговоры между делегацией во главе с Чхенкели и турками. Чхенкели дал приказ Назарбекову: немедленно вывести войска из Сарыкамыша, затем, в ночь с 12 на 13 апреля, издал приказ о сдаче Карса.

Отдав Карс, он хотел сохранить Батум, но он ошибся. Назарбеков был опытным полководцем, но совсем неопытным политиком, и так как в это время в Восточной Армении еще не были сформированы административные органы, он выполнял приказы Кавказского Военного штаба, но, к сожалению, он не смог предпринять решительные меры и вынужденно подчинился приказам Чхенкели [12].

В ночь с 14 на 15 мая 1918 г. Халил-бей предъявил ультиматум: до 7 часов 15 мая сдать Александрополь со всеми его прилегающими районами и, не дожидаясь ответа, начал наступление и занял город [13].

Для армянского народа сложилась роковая ситуация: либо он воюет для сохранения существования своей нации, либо над ним нависает угроза истребления со стороны турок.

На этот раз Назарбеков, как командующий Армянским корпусом, со всей решимостью организовал самооборону армян, на Сардарабатском фронте командующим был назначен генерал Мовсес Силикян, а на Баш-Абаранском – Драстамат Канаян (Дро), и с 21-го по 28 мая в обоих направлениях турки были разбиты и отступили, освобождая занятые территории.

28 мая 1918 г., благодаря победе в героических майских сражениях, провозглашается независимость Армении, и уже независимое государство назначает Назарбекова Главнокомандующим войсками Республики Армения. В марте 1919 г. Назарбеков – руководитель Военного Совета Республики Армения. 15 июня 1919 г. он был произведен в генерал-лейтенанты [14]. Всего два с половиной года просуществовала первая Армянская республика, но Назарбеков честно и добросовестно оставался в её вооруженных силах, выполняя долг воина и гражданина.

После установления советской власти в Армении, 24 января 1921 г. большевики арестовали и сослали 1200 офицеров, в их числе оказался и Фома Назарбеков. Вначале их отправили в Баку, затем в Рязань. В ссылке Назарбеков серьезно заболел и уже не мог передвигаться без посторонней помощи. В своем заявлении на имя председателя Совнаркома Армении генерал пишет, что «посвятив последние годы судьбе армянского народа, во время постигших его испытаний», лишился всех средств и «ныне, по старости лет, будучи лишенным и остался без всяких средств к существованию» [15]. В октябре, по возвращении с ссылки, он обосновался на своей родине в Тифлисе, в маленьком и сыром помещении. Его личные вещи, оставленные в Эривани, так и не были возвращены, и свои последние 10 лет отставной генерал прожил в крайней бедности, питаясь в столовой Амеркома. В 1928 г. он обратился в Тифлисский отдел социального обеспечения с просьбой зачислить его в инвалиды труда, объясняя, что прослужил более 40 лет на военной службе, совершенно одинок, постарел (72 года), болен и совершенно нетрудоспособен [16], а за неимением средств на лечение болезнь его усугубляется [17]. 18 февраля 1931 г. Назарбекова не стало [18].

В последние годы своей жизни он писал свои воспоминания о пройденном им пути, часть которого была опубликована в Армении в журнале «Вестник архивов» еще до формирования Армянского корпуса, другая же – ждет своего часа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 45. Оп. 1. Д. 41. Л. 2-4.
2. НАА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 126. Л. 1.
3. НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 45. Л. 9.
4. Там же. Л.5.
5. НАА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 76. Л.11-12.
6. НАА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 126. Л.4.
7. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 551. Оп. 3. Д. 9. Л. 562.
8. НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.
9. НАА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 126. Л. 4.
10. Армянский корпус против турецких войск (ноябрь 1917 г.–июль 1918 г.). Воспоминания генерала Ф.И. Назарбекова // Вестник архивов Армении. 1992, №3. – С. 34–153.
11. Арутюнян А. Турецкая интервенция в Закавказье 1918 г. и самооборонительные бои. – Ереван, 1984. – С. 145.
12. Там же. – С. 173.
13. Там же. – С. 170.
14. НАА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 129. Л. 1.
15. НАА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 41. Л. 12.
16. Там же. Л. 13.
17. Там же. Л. 8.
18. Там же. Л. 3.

ТВОРЧЕСТВО ВАРДГЕСА СУРЕНЯНЦА И ЕГО СВЯЗИ С ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ РОССИИ

Агасян Арарат Владимирович

доктор искусствоведения, профессор
член-корреспондент НАН РА, директор Института искусств
Национальная академия наук Республики Армения
г. Ереван, Армения
e-mail: instart@sci.am

Аннотация. В статье дан краткий очерк жизни и творчества выдающегося армянского живописца, графика, книжного иллюстратора и сценографа Вардгеса Суренянца (1860–1921), который был связан не только с армянской, но и с русской художественной средой: долгие годы жил и творил в Москве и Санкт-Петербурге, участвовал в выставках Московского товарищества художников и Товарищества передвижников, сотрудничал с Мариинским театром и Московским Художественным театром, оформлял книги русских писателей и поэтов.

Ключевые слова: Вардгес Суренянец; армяно-русские художественные связи; Москва; Санкт-Петербург; живопись; графика; сценография.

THE ART OF VARDGES SURENYANTS AND HIS CONNECTIONS WITH THE ARTISTIC LIFE OF RUSSIA

Ararat V. Aghasyan

Doctor of Art criticism, Professor
Corresponding Member of NAS RA, Director of the Institute of Arts
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Yerevan, Armenia
e-mail: instart@sci.am

Abstract. The paper briefly outlines the life and career of the outstanding Armenian painter, graphic artist, book illustrator and scenic designer Vardges Surenyants (1860–1921), who was connected with not only Armenian but also Russian artistic milieu. For years, he lived and worked in Moscow and Saint-Petersburg, participated in the exhibitions held by the Moscow Association of Artists and the Peredvizhniki Society, collaborated with the Mariinsky Theater

(Saint-Petersburg) and the Moscow Art Theater, designed books by Russian writers and poets.

Keywords: Vardges Surenyants; Armenian-Russian artistic relations; Moscow; Saint Petersburg; Academy of Arts; painting; graphics; scenography.

Выдающийся армянский художник Вардгес Суренянц (1860–1921) родился 10 марта (27 февраля по старому стилю) 1860 г. в Ахалцихе, в многодетной семье священника Акопа Суренянца. В 1867 г. они переехали в Симферополь. Частыми были их поездки в Феодосию, где они обычно останавливались у своего родственника – великого мариниста Ивана Константиновича Айвазовского. Однажды вместе с последним семья Суренянцов побывала в Бахчисарае. Вернувшись обратно, Вардгес, уже тогда знакомый с поэмой А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», по памяти выполнил рисунок знаменитого Фонтана слез. Айвазовскому рисунок понравился. Подарив Вардгесу коробку красок, он посоветовал ему заняться живописью.

В Крыму мальчик прожил три года. Все это время он получал домашнее образование, был достаточно грамотен и начитан, быстро усваивал иностранные языки. Как и Айвазовский, неплохо играл на скрипке. В 1870 г. для получения приличного среднего образования, его отправляют в Москву, где он поступает в гимназические классы основанного армянским семейством Лазаревых Института восточных языков, где учится 5 лет, до 1875 г. Несмотря на школьную нагрузку, Вардгес продолжает заниматься рисованием – делает архитектурные наброски, а также дружеские шаржи на своих преподавателей и одноклассников. Видя его незаурядные способности в этой области, ему советуют продолжить учебу в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, что и происходит в 1876 г. Через три года он поступает на архитектурный факультет мюнхенской Академии художеств, а еще через год переводится на факультет живописи, всецело посвятив себя изобразительному искусству. Здесь он учится у опытного мастера исторической живописи Отто Зейтца и тогда еще молодого, но уже известного портретиста, будущего директора мюнхенской Академии художеств Фридриха Августа фон Каульбаха. В 1881 г. Суренянц уезжает в Италию, откуда привозит немало этюдов, которые показывает на академической выставке. Эти работы художника, по воспоминаниям его сестры Ю.Я. Суренянц, «дали повод профессору Каульбаху написать нам письмо с поздравлениями и лестной оценкой его способностей» [1].

В 1885 г. Вардгес завершает учебу в Мюнхене и возвращается в Москву. В том же году он едет в Иран с экспедицией известного русского востоковеда В.А. Жуковского. Почти два года путешествуя по различным районам Персии, в том числе посетив населенную преимущественно армянами Новую Джульфу, Суренянц создает несколько десятков живописных этюдов («Фасад

персидского дома», 1885, «Сталактитовая дверь», 1885, «Исфаган. Внутренний вид медресе», 1886, «Похищение», «В гареме», «Танец в гареме», «Отдых шаха», все – 1887, «Серенада», 1888 и др.). Этюды эти, как и созданные Суренянцом на их основе сюжетно-тематические картины, написанные в Москве, уже после возвращения из Персии, впервые выносятся на суд зрителей в 1892 г. на выставках Московского товарищества художников и Товарищества передвижников. С одной стороны, они напоминают полотна европейских ориенталистов – представителей позднеакадемической и салонной живописи, а с другой – перекликаются с некоторыми произведениями стоящего на позициях реализма, во многом близкого к передвижникам Василия Верещагина, в которых с почти документальной точностью воспроизведены специфические черты и этнографические особенности Востока. Заметим, что и сам Суренянец тесно общался с передвижниками, особенно часто – с Ильей Репиным, а с 1910 г. состоял членом их художественного товарищества.

Суренянец был одним из организаторов и участников первого (Москва, 1894 г.) и второго (Петербург, 1909 г.) Всероссийских съездов художников. Искусство армянского мастера высоко ценил известный русский музыкальный и художественный критик, историк искусства Владимир Стасов [2], а Илья Репин, настаивая на необходимости открытия в Тифлисе художественного училища, в должности его директора видел именно Вардгеса Суренянца [3].

В 1890-е гг. художник часто ездил в Армению – жил и работал в Эчмиадзине, бывал на руинах Ани [4], изучал памятники средневекового армянского зодчества. Именно с этого времени тема Армении постепенно утверждается в его произведениях. Но и магометанский Восток, в частности, Персия, продолжает привлекать Суренянца, о чем свидетельствуют его картины «Песня Гафиза» (1893), «Юный Гафиз воспевает молодым ширазкам розы Муселлы» (1895) и др. В 1897 г. художник совершает путешествие в Европу – бывает в Германии, Франции и Испании. В Испании его особенно привлекает архитектура Гранады и, прежде всего, шедевры мавританского зодчества – дворцы Альгамбры, которым он посвящает немало живописных и графических работ.

В 1900 г. Суренянец обосновался в Санкт-Петербурге, где и провел большую часть своей дальнейшей творческой жизни.

В 1903–1904 гг. художник сотрудничал с издаваемым в Петербурге под редакцией видного историка, византиниста и арменоведа Николая Адонца армянским журналом «Вестник литературы и искусства», который, следуя примеру издаваемого там же под редакцией Сергея Дягилева журнала «Мир искусства», имел выраженный декадентский характер и в основном отражал эстетические вкусы английских прерафаэлитов, представителей европейского «модерна», мировоззрение и умонастроение символизма.

В 1908 г. в Петербурге Суренянец вместе с некоторыми другими представителями армянской творческой интеллигенции основал Санкт-Петербургское

армянское общество изящных искусств, одна из главных задач которого состояла в сборе и изучении представляющих историко-культурную и художественную ценность национальных памятников старины.

Велики заслуги Суренянца не только в живописи, но и в области графики, книжного оформления, театрально-декорационного искусства. Кроме того, он занимался скульптурой, был автором архитектурных проектов, выступал со статьями и докладами по вопросам изобразительного искусства и архитектуры. Свободно владея рядом иностранных языков (английским, немецким, итальянским, французским, испанским, персидским и турецким), он еще со студенческих лет переводил на армянский язык произведения Шекспира, Гете, Гейне, Уайльда, испанского драматурга, лауреата Нобелевской премии по литературе Хосе Эчегарая и других известных писателей и поэтов.

Суренянец работал практически во всех жанрах живописи, но наибольшую популярность и признание получили его картины, отражающие события и сюжеты как древней и средневековой, так и новой армянской истории: «Попранная святыня» (1895), «После резни» (1899), «Семирамида у трупа Ара Прекрасного» (1899), «Выход женщин из церкви в Ани» (1905), «Возвращение на трон царицы Забел» (1909) и др. Не случайно он считается основоположником исторического жанра в армянской живописи.

Еще в 1890-е гг. Суренянец создал в Москве сценические декорации и так называемые «живые картины» для студенческих спектаклей Лазаревского института восточных языков и армянских благотворительных вечеров.

Заметными явлениями в художественной жизни Москвы и Санкт-Петербурга стали лучшие театрально-декорационные работы армянского мастера. В 1900–1901 гг. в Мариинском театре Санкт-Петербурга он оформил балет Адольфа Адана «Пират», а также оперы Рихарда Вагнера «Зигфрид» и Антона Рубинштейна «Демон». Особенно удачными были декорации Суренянца к маленьким одноактным драмам Мориса Метерлинка «Слепые», «Непрошенная» и «Там, внутри», которые армянский художник выполнил в 1904 г. для сцены Московского Художественного театра, откликнувшись на предложение Константина Станиславского. Продолжив сотрудничество с режиссером, он оформил здесь еще два спектакля – драму Петра Ярцева «У монастыря» (1904) и знаменитую «Чайку» Антона Чехова (1905). Несколько лет спустя, в 1907 г., в Драматическом театре Веры Комиссаржевской в Санкт-Петербурге была показана «Трагедия любви» норвежского драматурга Гуннара Хейберга в постановке Всеволода Мейерхольда и с декорациями Вардгеса Суренянца.

Многочисленное и ценное наследие Суренянца оставил и в области графического искусства. Как график он впервые проявил себя еще в годы учебы в мюнхенской Академии художеств. Сохранились три альбома этого времени с его рисунками. В краткой биографии Вардгеса Суренянца, которая была написана его сестрой для каталога ереванской выставки художника, приуроченной к десятилетию со дня смерти последнего, утверждается, что в 1880 г.

он «работал в качестве карикатуриста в журнале “*Fliegende Blätter*” («Летучие листки» – А.А.)» [5]. Созданные им позже графические произведения в основном связаны с иллюстрациями к сочинениям армянских, русских и западноевропейских писателей и поэтов, таких как Смбат Шахазиз, Александр Цатурян, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Морис Метерлинк, Оскар Уайльд, Жорж Роденбах, Сельма Лагерлёф и др.

Широкая известность в этой области пришла к художнику в 1897 г., когда незадолго до 100-летнего юбилея А.С. Пушкина одно из крупнейших московских издательств – Издание книжного магазина Гросман и Кнебель – заказало ему (знатоку и ценителю Востока, к тому же выходцу из Крыма) иллюстрации к романтической восточной поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Суренянц со всей ответственностью взялся за дело, которому посвятил целых два года. Как свидетельствует близко знавший художника армянский поэт Александр Цатурян, в Бахчисарае, этой своеобразной «ближней Альгамбре» на юге России, он долго, в течение нескольких месяцев, тщательно изучал природные особенности края, жизнь и быт местных татар, архитектурные сооружения. В результате напряженной творческой работы он создал более семидесяти тематических иллюстраций, а также декоративных заставок, виньеток, концовок, рисунков на полях, которые покрыли как обложку и титульный лист, так и все без исключения страницы крупного по формату юбилейного издания [6]. Иллюстрации к поэме Суренянц с благодарностью посвятил своему первому ценителю и наставнику И.К. Айвазовскому.

Можно без преувеличения сказать, что ни до, ни после Суренянца ни одному иллюстратору не удалось столь полноценно и художественно убедительно переложить на язык изобразительного искусства эту замечательную байроническую поэму А.С. Пушкина – немеркнущую жемчужину русской поэзии. И вовсе не случайно, что в том же юбилейном году созданные Суренянцем для «Бахчисарайского фонтана» рисунки были представлены на Пушкинской выставке, открытой в Москве по инициативе Общества любителей российской словесности [7], и пользовались успехом у зрителей. Показательно и то, что многие годы спустя, уже в 1993 г., за несколько лет до празднования 200-летнего юбилея Пушкина в коллекционной серии «Крымская Пушкинская Библиотека» в Киеве вышло в свет факсимильное издание именно этого замечательного памятника книжного искусства конца XIX в. с иллюстрациями Вардгеса Суренянца [8].

Суренянц принимал участие в оформлении литературно-научного сборника «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» [9], художественного альбома, посвященного памяти Ивана Айвазовского [10] и антологии армянской поэзии, изданной под редакцией, со вступительным очерком и примечаниями Валерия Брюсова [11]. Среди удачных графических работ художника надо отметить и его рисунки к армянским народным сказкам.

В 1916 г. в Тифлисе Суренянц присутствовал на учредительном собрании Союза художников-армян и, как представитель старшего поколения,

выступил с приветственной речью. Незадолго до этого, находясь в Армении, Суренянц выполнил десятки темпер, гуашей и карандашных рисунков с изображением пейзажных видов в окрестностях Эчмиадзина, памятников армянской архитектуры, а также чудом спасшихся от геноцида беженцев из Западой (Турецкой) Армении [12]. Работы эти были показаны на 45-й выставке передвижников, которая открылась в Петрограде 20 декабря 1916 г.

Вскоре после этого Суренянц отправился в Ялту для выполнения росписей в интерьере армянской церкви Святой Рипсимэ. Вместе со своим помощником, воспитанником московского Строгановского училища технического рисования и петербургской Академии художеств Тарагросом Тер-Варданяном он успел в изысканном «византийском» стиле, с использованием утонченных, прихотливо сплетенных растительных форм и зооморфных мотивов расписать поверхность освещенного двенадцатью окнами купола. Однако работу так и не удалось завершить ввиду вспыхнувшей в Крыму гражданской войны, а также внезапной болезни художника. 6 апреля 1921 г. Вардгес Суренянц скончался и был погребен во дворе той же церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Каталог посмертной выставки В.Я. Суренянца (1860–1921). – Эривань: Государственный музей Армении, 1931. – С. 9.
2. См., например: Стасов В.В. Заметки о 24-й выставке передвижников // Новости и Биржевая газета. Санкт-Петербург. – 1896. – 1 марта, № 60.
3. См.: Репин И.Е. Нужна ли школа искусств в Тифлисе? // Кавказ, Тифлис. – 1897. – 9 января.
4. Ани – лежащий в руинах в современной Турции, недалеко от границы с Арменией, средневековый армянский город. В 961–1045 гг. был столицей Анийского армянского царства и славился выдающимися памятниками церковного зодчества.
5. Каталог посмертной выставки В.Я. Суренянца (1860–1921)... С. 9. Недавно нам довелось подробно ознакомиться со всеми номерами (№№ 1745–2109) журнала «*Fliegende Blätter*» за интересующий нас период – с 1879 по 1885 г. включительно, т.е. за годы пребывания Суренянца в Мюнхене. Однако среди нескольких тысяч помещенных на страницах этих номеров гравюр и рисунков мы не встретили ни одной карикатуры, ни одного сатирического рисунка за подписью Вардгеса Суренянца. В сети Интернет нам удалось найти алфавитный список художников, карикатуры которых печатались на страницах «*Fliegende Blätter*» за всю столетнюю историю журнала (1845–1944 гг.). Но и в этом солидном списке, включающем имена почти 400 художников, мы не нашли имени армянского мастера.

6. См.: Пушкин А.С. Бахчисарайский фонтан. Поэма. Иллюстрировал В.Я. Суреньянц; текст печатается под редакцией П.А. Ефремова. – М.: Издание книжного магазина Гросман и Кнебель, 1899. – 112 с.
7. См.: Альбом Пушкинской выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в залах Исторического музея в Москве. 29 мая – 13 июня 1899 г. – М.: Типолитография Н.И. Гросман и Ко, 1899. – 22 с.; П.К. Пушкинские иллюстрации // Искусство и художественная промышленность. – М., 1899. – № 12. – С. 1027–1028.
8. См.: Пушкин А.С. Бахчисарайский фонтан. Поэма. Иллюстрировал В.Я. Суреньянц. – Киев: СП Свенас, 1993. – 112 с.
9. См.: Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. – Москва: Типолитография Н.Ф. Александрова, 1897. – 962 с.
10. См.: Художественный альбом памяти И.К. Айвазовского (под редакцией Е. Багдасарянца и Д. Окроянца). – СПб., 1903 (на арм. яз.). – 66 с.
11. См.: Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов. – М.: Издание Московского Армянского Комитета, 1916. – 523 с.
12. Интересные сведения об этих работах Суреньянца сообщает армянский поэт-футурист Кара-Дарвиш (Акоп Генджян) (см.: Кара-Дарвиш. Вардгес Суреньянц // Армянский вестник. – М., 1916. – № 20. – С. 23–24).

**ХРИСТОФОР КУШНАРЕВ –
ВЫДАЮЩИЙСЯ РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ
УЧЕНый МУЗЫКОВЕД**

Аревшатян Анна Сеновна

доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник
Институт искусств Национальной академии наук Республики Армения
г. Ереван, Армения
e-mail: e-mail: anna_arevshatyan@hotmail.com

Аннотация. Статья посвящена выдающемуся российско-армянскому ученому-музыковеду Христофору Степановичу Кушнареву (1890–1960), который был одним из корифеев советской музыкальной культуры. Его труды в области теоретического музыкознания – теории ладов, полифонии, армянского музыкального фольклора и средневековой духовной музыки – заложили основы новой музыковедческой школы и педагогического метода в Армении и России.

Ключевые слова: Армянское музыкознание; Кушнарев; теория музыки; фольклористика; медиевистика.

**CHRISTOPHOR KUSHNAREV –
THE EMINENT RUSSIAN-ARMENIAN
SCHOLAR MUSICOLOGIST**

Anna S. Arevshatyan

Doctor of Art criticism, professor, leader researcher
of department of music at Institute of Arts, NAS RA
Institute of Arts of National Academy of Sciences
Yerevan, Armenia
e-mail: anna_arevshatyan@hotmail.com

Abstract. The article is dedicated to the Russian-Armenian eminent scholar musicologist Christophor Kushnarev (1890–1960), one of coryphée of the soviet musical culture. His studies in the field of the theoretical musicology – theory of modes, polyphony, armenian musical folklore and medieval sacred music founded the new musicological school and the musical pedagogic methodology in Armenia and Russia.

Keywords: Armenian musicology; Kushnarev; theory of music; folkloristics; mediavalistics.

Имя выдающегося ученого музыковеда и композитора, заслуженного деятеля искусств Армянской и Узбекской ССР, профессора Ленинградской консерватории Христофора Степановича Кушнарера (1890–1960) хорошо известно музыкальной общественности. Его вклад в теоретическое музыкознание и разработку нового метода преподавания полифонии в консерватории получил широкое признание и применение. А его фундаментальный труд «Вопросы истории и теории армянской музыки» [1] со дня выхода в свет стал настольной книгой многих музыковедов не только в Армении и России, но и во многих республиках бывшего Советского Союза.

Жизнь и деятельность Х.С. Кушнарера – путь личности, как принято говорить сейчас, «сотворившей самое себя», человека разносторонне одаренного от природы, стремившегося к совершенству во всем: научной, музыкально-творческой и педагогической деятельности.

Христофор Степанович Кушнарер родился в Симферополе в 1890 г. в семье часовщика. Мать, Варвара Макаровна, была сестрой одного из основоположников армянской национальной композиторской школы – Христофора Кара-Мурзы (1853–1902), композитора, хормейстера, музыкально-общественного деятеля, в честь которого и был назван мальчик. Большой заслугой Кара-Мурзы было внедрение многоголосия в армянскую профессиональную музыку, которая формировалась в те годы усилиями таких композиторов как Тигран Чухаджян и Габриэл Еранян в Константинополе и Кара-Мурзы, Макара Екмаляна, творивших в Тифлисе, Вагаршапате и Петербурге, а позднее – Комитаса, чья деятельность протекала в Вагаршапате, Берлине, Париже и Константинополе. Поскольку вехи творческого пути Кушнарера достаточно известны из литературы, посвященной ему [2], я напомним лишь о наиболее важных этапах его биографии. Уже в детстве стали очевидны его музыкальные способности. Он с увлечением пел обработки армянских народных песен Кара-Мурзы в хоре, организованном своим дядей в Тифлисе, куда переехала из Симферополя семья после кончины отца. Так юный Кушнарер впервые приобщился к армянской народной песне, что во многом обусловило его дальнейшую судьбу и выбор профессии. Окончив с золотой медалью тифлисскую гимназию и одновременно полный курс обучения в Тифлисском музыкальном училище по классу скрипки и теоретическим предметам у известных педагогов В. Вильшау и З. Палиашвили, в 1909 г. он отправляется в Петербург, продолжив образование сначала на юридическом, а затем на биологическом факультете Петербургского университета. Одновременно он берет частные уроки у знаменитого скрипача Ованеса Налбандяна и в 1912 г. поступает в консерваторию, где его наставником по музыкально-теоретическим предметам

становится известный педагог В. Калафати. Однако Первая мировая война прервала обучение Кушнарева, так как после окончания университета его призвали на военную службу. В 1917 г. после окончания Константиновского артиллерийского училища в чине прапорщика по своей личной просьбе он был направлен на Кавказский фронт, в горную артиллерийскую батарею армянских воинских частей, попав, таким образом, впервые в Армению. За героизм, проявленный в боях против турок, Кушнарев был награжден орденами св. Анны и св. Станислава, а позже был представлен к ордену св. Владимира и солдатскому Георгиевскому кресту. В связи с контузией демобилизованный Кушнарев возвратился в Тифлис, где его ждала жена, выпускница Петербургской консерватории, талантливая пианистка и педагог Нина Ивановна Спендиарова, двоюродная племянница классика армянской музыки Александра Афанасьевича Спендиарова, также тесно связанного с Россией и по месту рождения (село Каховка Херсонской области), и по образованию (он окончил класс сочинения у Н.А. Римского-Корсакова в Петербургской консерватории), и по месту деятельности до своего переезда в Армению в 1924 г. Однако музыкальное образование Х.С. Кушнарева в силу обстоятельств военного времени было прервано. Уже будучи зрелым музыкантом с определенным опытом педагогической работы в Тифлисском музыкальном институте, училище и консерватории в сентябре 1923 г. он вновь приезжает уже не в Петербург, а Петроград, чтобы усовершенствовать свое музыкальное образование и поступает в класс композиции профессора А. Житомирского. С 1925 г. Кушнарев начал преподавать в консерватории, заведовал кафедрами композиции и полифонии. В 1939 г. получил звание профессора.

Как композитор, Кушнарев проявил себя ярко и весомо. Первое же крупное сочинение Кушнарева – Пассакалия и fuga для органа (1924) – удостоилось высокой оценки такого известного органиста как И. Брандо, который включил это произведение в программу своих концертов, сыгранных в Ленинграде. Одним из первых, кто оценил художественные достоинства Пассакалии и fuga, был Б. Асафьев, который писал: «Это новая ветвь, быть может, знаменующая наступление новой эры русской полифонической культуры. Чувствуется, что посев, сделанный Танеевым, должен взойти и зацвести. В русской органной литературе это одно из значительных произведений» [3]. Данное сочинение прочно вошло в репертуар не только советских, но и зарубежных органистов, считаясь одним из лучших произведений для органа в мировой органной литературе. Особенно удивительным было то, что молодой автор столь уверенно и ярко заявивший о себе, раньше никогда не видевший органа, смог создать такое совершенное произведение, исходя лишь из теоретических знаний, почерпнутых из литературы для органа и собственного вдохновения. Согласно образовательным традициям дореволюционного времени, особо одаренные в композиции студенты допускались в класс сочинения лишь на четвертом курсе, после чего при

успешном окончании четвертого курса оставлялись на дополнительный курс свободного сочинения. Именно так и было завершено консерваторское обучение Кушнарера. Вслед за Пассакалией и фугой была создана Соната для органа (1925), демонстрирующая творческие возможности и особое при- страстие к этому сложнейшему инструменту автора, сочинение новаторское, не имеющее аналогов в мировой органной литературе.

Вообще стремление к новаторскому осмыслению традиций присуще всему, что привлекало внимание Х.С. Кушнарера. Это касается не только композиции, но и его педагогической деятельности. Он является создателем новой школы преподавания полифонии, которая в корне отрицает практикующийся в те годы устаревший метод так называемых разрядов контрапункта Фукса. В осно- ве нового метода, предложенного Кушнарерым, лежит мелодия, мелодический принцип построения полифонической фактуры. То же самое можно сказать о созданной им школе игры на скрипке и т. д. Однако со временем интересы Кушнарера сосредоточились в области музыковедения, что позволило ему вплотную заняться изучением армянского музыкального фольклора и развить свою концепцию ладовой системы армянской музыки.

В 1927 г. состоялась научная фольклорная экспедиция по Закавказью, яв- ляющаяся давнишней мечтой Христофора Степановича. С удостоверением, подписанным ректором консерватории А. Глазуновым и проректором по на- учной части профессором Л. Николаевым, Кушнарер направляется в Армению и Грузию. Как отмечает Г. Чеботарян, это была одна из первых советских фоль- клорных экспедиций по Закавказью. Примечательно, что помимо Кушнарера в состав экспедиции входили студент Е. Гиппиус и молодая преподавательница З. Эвальд – крупные фольклористы-музыковеды в будущем. Был собран уникальный фольклорный материал, более двухсот пятидесяти крестьян- ских и духовных армянских песен в народном исполнении, а также песни молокан, проживающих в селах Папанино, Головино Дилижана и Фиолетово в Лорийском районе. На следующий год Кушнарер вновь отправляется в экс- педицию. На этот раз в Ереване и Тбилиси им были записаны сто пятьдесят образцов, отличающихся как жанровым, так и национальным многообразием. Здесь и трудовые, пахотные песни-оревелы, и инструментальные мугамы, и ашугская музыка, и городской фольклор, армянские, курдские, азербайд- жанские, турецкие песни и наигрыши [4].

Принципиальное значение имели для Кушнарера статьи и исследования великого Комитаса, основоположника армянской профессиональной компози- торской школы, а также армянской музыкальной фольклористики и музыкаль- ной медиэвистики. Можно сказать, что то, что не успел осуществить Комитас в силу трагических обстоятельств своей судьбы, было на новом уровне развито Кушнарерым, ибо круг его научных интересов охватывал именно те области, которые постоянно находились в центре внимания Комитаса. Это музыкальное наследие армянского народа, включая народное творчество, средневековая

духовная монодия, эстетико-теоретическое наследие средневековых армянских мыслителей, строение ладов армянской музыки, а также музыкальная культура сопредельных с Арменией стран Ближнего Востока и Закавказья. Все это воплотилось в главном научном труде Х.С. Кушнарера – монографии «Вопросы истории и теории армянской монодической музыки».

Первая часть книги посвящена историческому обзору армянской музыкальной культуры с древнейших времен до середины XX в. Охват и разнообразие привлеченного автором материала удивляет. Сведения, почерпнутые в исторических, философских и грамматических сочинениях средневековых армянских мыслителей, труды современных ему ученых арменоведов по истории, археологии и эстетике, глубокий анализ образцов как крестьянского, городского фольклора, так и духовной монодии наделяют данную монографию непреходящим значением.

Вторая, теоретическая часть исследования целиком посвящена изложению концепции Кушнарера о системе ладов армянской монодической музыки, представляя по существу учение о ладах, в котором впервые со всей доскональностью проанализировано строение армянской ладовой системы во всем ее интонационном богатстве и разнообразии. Как справедливо отмечал Кушнарер во Введении ко второй части своего фундаментального исследования: «Учение о ладах у армян ... имеет многовековую историю. ... Уже к эпохе развитого феодализма учение о ладах, непосредственно связанное с учением о гласах, достигло у армян высокой для своего времени степени развития, продолжая разрабатываться и в последующие времена» [5]. Продолжая свою мысль, он указывает на то, что в теоретических руководствах XIX века, да и в некоторых работах более позднего времени затрагивались либо только отдельные стороны этой проблемы, либо утверждались ошибочные положения. Кушнарер, как бы приняв эстафету от Комитаса, значительно углубил и расширил учение о ладах, придав ему завершенную форму [6].

«Изучение ладов армянской монодии как основы музыкальной интонации представляет самостоятельный интерес, – пишет он, – Кроме того, оно позволяет пролить свет на ряд сопутствующих вопросов теории музыки. К числу последних относятся: вопрос об эволюции музыкально-образного мышления в различных ветвях армянской монодии и на различных этапах их исторического развития; связанный с ним вопрос о генезисе самих ладов; вопрос о взаимоотношении народного, народно-профессионального и культового монодического искусства, поставленного опять-таки в историческом аспекте; вопрос о жанрах, формах, гласах и пр. <...> Развиваясь на протяжении более чем двух тысячелетий, подразделяясь в процессе своего развития на стилистически обособленные и в то же время сплетающиеся между собой ветви, оставаясь при этом почти всегда гласовым, армянское монодическое искусство выработало ряд самобытных ладовых систем, объединяемых в конечном итоге в сложную, многоветвистую и многоярусную ладовую систему высшего порядка» [7].

Исследование и выявление своеобразия этой сложной ладовой системы, являющейся как бы квинтэссенцией многовекового слухового опыта армянского народа, и стало главным делом жизни Х.С. Кушнарера.

Значение данного исследования выходит далеко за рамки национальной музыкальной науки, охватывая вопросы не только армянской традиционной музыки, но многие общетеоретические проблемы музыковедения и, в первую очередь, теорию лада. С этим ценным исследованием Кушнарера знакомы многие музыковеды европейских стран и США.

В сфере изучения ладовых систем интерес Кушнарера не ограничивался лишь армянской монодией. Рассматривая ее в широком историко-культурном контексте, он вслед за Комитасом не прошел мимо другой развитой ладовой системы Востока, воплощенной в искусстве макамата или мугамата. Он обратился к вопросу общностей и различий ладового мышления, существующих между армянской монодической музыкой и традиционной профессиональной музыкой исламского мира. Известно, что армянские музыканты, творя в контакте с музыкантами Османской империи и Закавказья на протяжении столетий, вносили свой весомый вклад в ее развитие.

Результатом интереса Кушнарера к традиционной музыке Востока явилось также развернутое исследование «Ритмика узбекской музыки», которое было представлено в виде доклада на кафедре теории музыки Ленинградской консерватории и в Институте искусствознания Узбекской ССР. За активную творческую деятельность и помощь, оказанную узбекскому музыкальному искусству, в 1943 г. Кушнарер был награжден званием заслуженного деятеля УзССР.

В ноябре того же года в самый разгар войны в Армении была создана Академия наук, первым президентом которой стал выдающийся востоковед, директор ленинградского Эрмитажа академик И.А. Орбели. Кушнарера пригласили в Армению для работы в Ереванской консерватории и Музыкальном научно-исследовательском кабинете Академии наук. И хотя с консерваторией Ленинграда Кушнарера связывало более двадцати лет творческо-педагогической работы, включая годы учения, он принял решение о переезде в Ереван. Став консультантом и руководителем класса композиции, он одновременно становится научным сотрудником Музыкального научно-исследовательского кабинета, а с середины 1944 по июнь 1948 г. – его директором. Не миновало Х.С. Кушнарера и печально известное постановление ЦК ВКП (б) 1948 г. «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». Кушнарер вместе несколькими крупными армянскими композиторами и музыкальными деятелями был обвинен в формализме, поводом для которого послужила рецензия Кушнарера на премьеру оперы Мурадели в Ереванском театре оперы и балета, которая была опубликована в газете «Коммунист». Последствием этого стало его снятие с должности директора Музыкального научно-исследовательского кабинета, которое Кушнарер перенес с достоинством, хотя и тяжело. После Кушнарера

на эту должность был назначен Мартирос Сарьян, с которым Кушнарера связывали теплые дружеские отношения. Сохранились письма, в которых затрагивается эта тема. Несмотря на это связи с ленинградской консерваторией не были прерваны. В последующие годы под научным руководством Кушнарера были написаны диссертации Т. Бершадской, И. Пустыльника, Н. Юденич, Е. Корчинского, Г. Виноградова, К. Южак и др.

В Армении был завершен многолетний труд Кушнарера, посвященный армянской монодии. Как пишет Г. Чеботарян в своей монографии, посвященной Х.С. Кушнареру: «Принимая во внимание научное и практическое значение фундаментального труда Кушнарера, посвященного малоисследованной и чрезвычайно актуальной теме, ученый совет Института искусств АН АрмССР совместно с правлением Союза композиторов Армении подготовил ходатайство в Высшую аттестационную комиссию о присвоении автору ученой степени доктора искусствоведения без защиты диссертации. 18 января 1960 года это ходатайство было отправлено в ученый совет Ленинградской консерватории для совместных действий, а спустя девять дней Христофора Степановича не стало. Неожиданная смерть помешала осуществлению этого справедливого, хотя и формального для такого ученого, акта» [8]. Похоронен Х.С. Кушнарер в Ленинграде на Богословском кладбище.

Однако вклад Кушнарера в теоретическое музыкознание этим не ограничивается. Не менее примечателен его труд «О полифонии», который состоит из нескольких научных статей, докладов и учебных программ. И хотя, по словам Г. Чеботарян, это всего лишь «небольшой сколок» развернутого учения о полифонии, задуманного Кушнарером [9], даже перечисление глав этих очерков свидетельствует о широте поставленных автором задач: «Черты стиля полифонии эпохи Возрождения», «О ритме полифонии эпохи Возрождения», «О противоположности ладов», «О соотношении содержания и художественной формы музыкального произведения». В Приложении к данному сборнику приведены программы по курсу полифонии, составленные Кушнарером: «Полифония И.С. Баха» и «Обзор исторического развития полифонии».

Традиции Х.С. Кушнарера успешно продолжили его ученики, плодотворно работая как в области научных исследований, так и на поприще преподавательской деятельности. Отметим монографии Р.А. Атаяна «Армянская хазовая (невменная) нотация» (Е., 1959), К.Э. Худабашян «Армянская музыка на пути от монодии к многоголосию» (Е., 1977) и «Армянская музыка в аспекте сравнительного музыкознания» (Е., 2011), Н.К. Тагмизяна «Нерсес Шнорали – композитор и музыкант» (Е., 1973), «Теория музыки в древней Армении» (Е., 1977), «Григор Нарекаци и армянская музыка V–XV веков» (Е., 1985), «Современная невмология» (на арм. яз., Лос Анджелес, 1993), Г.М. Чеботарян «Полифония в творчестве Арама Хачатуряна» (Е., 1969), вузовские учебники «Армянское музыкальное народное творчество» М.А. Брутян (Е., 1969, 1983,

2004, 2014), учебник по гармонии в двух частях Э.Р. Пашиняна (Е., 1960, 1966), его же учебник полифонии (Ер., 1980), а также «Хрестоматия по полифонии» Г. Чеботарян (Е., 1982).

В настоящее время музыкознание в Армении во многом развивается благодаря традициям, заложенным Кушнаревым, продолжаясь в научной и педагогической деятельности воспитанников его учеников.

Автору этих строк посчастливилось учиться в Ереванской консерватории им. Комитаса в классах любимых учеников Х.С. Кушнарева, его бывших аспирантов – Р.А. Атаяна (спецкурс «Теория музыки»), Г.М. Чеботарян («Полифония строгого и свободного стилей»), Э.Р. Пашиняна (спецкурс «Гармония в ладах армянской музыки»), М.А. Брутян («Армянское музыкальное народное творчество») и Н.К. Тагмизяна (спецкурс «Армянская духовная монодия»). Это были профессионалы высшего класса, которые пронесли через всю свою жизнь заветы любимого Учителя, специалисты, которые не жалели сил, чтобы передать свои богатые знания студентам и воспитавшие несколько поколений армянских композиторов и музыковедов.

Научные труды Х.С. Кушнарева и сегодня не утратили своей актуальности. Более того, в них содержится своеобразная «программа» на будущее. И хотя многое уже осуществлено его учениками в солидных монографиях и статьях, раскрывающих и углубляющих многие его научные тезисы и разработки, эта программа не исчерпана и должна быть реализована и развита в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кушнарев Х.С. Вопросы истории и теории армянской монодической музыки. – Л.: Музгиз, 1958.
2. Чеботарян Г. Х. Кушнарев. – Л.: «Советский композитор», 1990. – С. 17–18.; Кушнарев Х.С. Статьи. Воспоминания. Материалы / ред.-сост. Ю.Н. Тюлин. – М.-Л., «Музыка», 1967; Христофор Кушнарян. Статьи. Воспоминания. Материалы / сост. М. Мурадян. – Ереван: «Советакан грох», 1990; Христофор Кушнарян. Статьи и исследования. Отзывы. Воспоминания / сост. Н. Кушнарян, М. Мурадян, М. Брутян. – Ереван, «Амроц груп», 2003 (на арм. яз.).
3. Глебов И. Полифония и орган в современности. – Л.: Academia, 1926. – С. 13, 15.
4. Чеботарян Г. Х. Кушнарев. – С. 17–18.
5. Там же. – С. 55–56. Учение о ладах и гласах армянской монодической музыки получило свое отражение в трудах Комитаса: см. Комитас, Армянские церковные гласы // Арарат. – Вагаршапат, 1894. – Июль-август. – С. 222–227, 256–260; Исследования и статьи: в 2 кн. – Кн. 1 / сост. и ред. М. Мушегян

- и Г. Гаспарян. – Ереван: Саргис Хаченц, 2005. – С. 55-75 (на арм. яз.); см. также Komitas. *Armenian Ecclesiastical Melodies* // Komitas. *Essays and Articles* / ed. and trans. by Vatsche Barsoumian. – Pasadena: Drazark Press, 2001. – P. 135-152; см. также наши монографии: Аревшатыан А. *Армянские средневековые Толкования «на гласы»*. – Ереван, 2003; *Учение о гласах в средневековой Армении*. – Ереван, 2013 (на арм. яз.); Аревшатыан А. *Армянские средневековые «Толкования на гласы»* // *Гимнология. Ученые записки Кабинета русской церковной музыки им. протоиерея Дмитрия Разумовского Московской Государственной консерватории им. П.И. Чайковского*. – Вып. 1, кн. 2. – М., 2000. – С. 510-516; *Теории средневековых гласов* // *Музыкальная Академия*. – М., 2005. – № 1. – С. 67–69; *Мартирология и гимнография: загадка «дарцвацка» Четвертого побочного гласа армянского Октоиха. Устная и письменная трансмиссия церковно-певческой традиции. Восток-Русь-Запад* // *Гимнология*. – Вып. 5. – М., 2008. – С. 124-132; Arevšatyan A. *Deux texts arméniens attribués à Basile de Césarée sur l'Interprétation des modes musicaux* // *Revue des Etudes Arméniennes (REArm)*. – Т. 26. – Paris, 1996-1997. – P. 339-355; *Les traités arméniens médiévaux sur l'interprétation des modes musicaux et leurs parallèles au Proche Orient* // *REArm*. – Т. 26. – Paris, 1996-1997. – P. 357-366; *L'hagiographie et hymnographie: le Darc'vack' de Quatrième mode plagal de l'Octoéchos arménien* // *REArm*. – Т. 30. – Paris, 2005-2007. – P. 411-418.
6. Чеботарян Г. Указ. соч. – С. 56.
  7. Кушнарев Х.С. *Вопросы истории и теории армянской монодической музыки*. – С. 312.
  8. Чеботарян Г. Указ. соч. – С. 56.
  9. *О полифонии* / ред. и сост. Ю.Н. Тюлина и И.Я. Пустыльника. – М., 1971.

ВЫДАЮЩИЙСЯ АРМЯНСКИЙ СКРИПАЧ ИОАННЕС НАЛБАНДЯН

Асатрян Анна Григорьевна

доктор искусствоведения, профессор
заместитель директора Института искусств
Национальная академия наук Республики Армения
г. Ереван, Армения
e-mail: instart@sci.am

Аннотация. В статье дан творческий портрет выдающегося армянского скрипача и педагога Иоаннеса Романовича Налбандяна (1871–1942), который долгие годы жил и творил в Петербурге. Выпускник Петербургской консерватории, профессор И.Р. Налбандян 47 лет преподавал в Петербургской консерватории. Принимал активное участие в музыкальной жизни города с сольными концертами, пропагандировал русскую классическую и современную музыку как в России, так и за рубежом. Русская музыкальная пресса высоко оценивала творчество талантливого музыканта.

Ключевые слова: Иоаннес Романович Налбандян; Петербург; скрипач; профессор Петербургской консерватории; русская классическая и современная музыка.

THE RENOWNED ARMENIAN VIOLINIST JOHANNES NALBANDYAN

Anna G. Asatryan

Doctor of Art criticism, Deputy Director of the Institute of Arts
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Yerevan, Armenia
e-mail: instart@sci.am

Abstract. The article features the career of the renowned Armenian violinist and pedagogue Johannes R. Nalbandyan (1871–1942), who had long lived and worked in Saint-Petersburg, Russia. A graduate of the Saint-Petersburg Conservatory, Professor J.R. Nalbandyan taught at his alma mater for 47 years. He took active part in the musical life of the city performing recitals, promoting Russian classical and contemporary music both in Russia and abroad. The musical press in Russia greatly appreciated the art of the talented musician.

Keywords: Johannes R. Nalbandyan; Petersburg; violinist; Professor of the Saint-Petersburg Conservatory; Russian classical and contemporary music.

Выдающийся скрипач и педагог, Заслуженный артист РСФСР (1926), Заслуженный деятель искусств РСФСР (1937) Иоаннес Романович Налбандян (Ованес Аракелович, 1871–1942) – ярчайший символ армяно-русских музыкальных связей. Родившись в Симферополе (Крым), он долгие годы жил и творил в Петербурге. Северная столица России стала для него второй родиной. Выпускник Петербургской консерватории, профессор И.Р. Налбандян 47 лет преподавал в Петербургской, а затем – в Ленинградской консерватории. «Через Налбандиана осуществилась в значительной степени связь ауэровской школы с советским скрипичным искусством» [1].

И.Р. Налбандян родился 15 сентября 1871 г. в Крыму, в Симферополе. Отец был писателем и по вечерам, после своих дневных занятий, играл на флейте. Маленький Иоаннес тихонько забирался в ту комнату и слушал его. Любил малыш также игру матери на рояле: звуки всегда очаровывали его. «Самое раннее из детства, что я помню, это колыбельная песнь моей матери, которая напевала, укладывая меня спать, хотя я был уже лет 4–5, но без этой песни редко засыпал, и всегда она на меня действовала грустным, полным безысходности мотивом» [2].

Играть на скрипке И. Налбандян стал совершенно случайно. Его мать, слышавшая когда-то гениального Венявского, была так очарована его игрой и так полюбила скрипку, что решила: старший сын должен играть на скрипке. «Мне шел десятый год, когда мне купили скрипку и отец мой пригласил своего приятеля Малиана, скрипача-любителя, для занятий со мной. Я очень полюбил скрипку и своего учителя и усердно занимался и в несколько месяцев сделал, по словам Малиана, такие успехи, что он просил взять другого учителя, более сведущего. Мы поменяли несколько учителей, пока не напали на талантливого скрипача Фиерковского» [3].

Дебют 11-летнего скрипача на благотворительном концерте в Симферополе имел большой успех. Последовали выступления, как в Симферополе, так и в Феодосии и Севастополе. Здесь же юному скрипачу пришлось прочесть первую рецензию о себе.

В 1885 году в Крыму концертировал известный виолончелист, профессор Петербургской консерватории Александр Вержбилович. «Это был первый большой артист, которого я слышал. Впечатление было громадное, меня показали ему, и я играл. Он очень сердечно отнесся ко мне и предсказал мне музыкальную будущность и уговорил отца моего послать меня в Петербург учиться» [4]. В конце августа 1886 года Налбандян с отцом уже были в Петербурге. Налбандян выдержал экзамен в консерваторию и был записан в класс старшего преподавателя – русского скрипача, дирижера и педагога Николая Владимировича Галкина.

Весной 1887 года Налбандян усердно готовился к экзамену, от которого зависело все его будущее. «Наступил день экзамена, я волновался ужасно, но когда вышел на эстраду, увидел стол, покрытый сукном и в середине за столом мощную, львиную, полную силы и благородства голову великого Рубинштейна, я точно полетел в бездну, но страшным усилием воли я взял себя в руки и начал играть. Все происходило точно во сне. Вдруг пробудил меня от этого состояния голос: “Браво, браво” – это был голос Рубинштейна» [5].

Когда Налбандян сошел с эстрады, толпа учеников окружила его, поздравляя, а затем пришел его учитель и со слезами на глазах обнял его, а также профессор Ауэр подошел, подал ему руку и поздравил. После всего этого объявили, что директор сделал Налбандяна стипендиатом и, кроме того, назначил 10 рублей в месяц поддержки.

«Как я был счастлив в этот день высоким для меня вниманием Рубинштейна, тем, что он так выделил меня среди экзаменующихся учеников и дал возможность продолжать мое музыкальное образование в консерватории» [6].

За блестящие успехи весной 1888 года Налбандян был переведен в класс профессора Л.С. Ауэра. Трудно переоценить роль скрипача, педагога, дирижера и композитора, основателя русской скрипичной школы, профессора Петербургской консерватории Леопольда Семеновича Ауэра в творческой судьбе Налбандяна. «И как артист, и как профессор-педагог я многим обязан Ауэру, и горячая благодарность моему учителю всегда будет жить во мне», – спустя годы напишет Налбандян [7].

В годы учебы в консерватории Ауэр всегда очень тепло относился к Налбандяну, часто приглашал его к себе домой. Когда Налбандян был уже преподавателем и помощником Ауэра, граница, существовавшая между профессором и учеником, исчезла, и они стали большими друзьями. Налбандян должен был все эти годы, в течение 17 лет, два раза в неделю обедать у него, а вечера они посвящали беседам о музыке. Налбандяну часто удавалось упростить Ауэра сыграть на скрипке, и слушая его, сидя спокойно в тихой обстановке кабинета, он многому учился у этого крупного мастера.

Благодаря Л.С. Ауэру И.Р. Налбандян познакомился с П.И. Чайковским. Осенью 1892 г. у Ауэра был вечер, на котором он впервые исполнил посвященный ему Скрипичный концерт Чайковского в присутствии великого композитора. Среди приглашенных известных музыкантов были и некоторые ученики Ауэра. «Нужно ли говорить о том, с каким восторгом и восхищением смотрели мы на Чайковского, находившегося тогда в апогее славы. В этот вечер я мало слушал и понимал – все мое внимание было поглощено Чайковским, в глазах моих это был маг и чародей, умевший создавать такую музыку. После ужина, уже было очень поздно, кто-то из присутствующих обратил его внимание на меня, последствием чего была его просьба сыграть на скрипке что-нибудь. Я был очень смущен неожиданным его вниманием и отказывался, но подошедший мой профессор настоял на этом. Я сыграл переделанный мною крымский мотив, ему

очень понравилось, затем он попросил еще что-нибудь сыграть “европейское”, как он выразился. По окончании он сказал мне много хорошего и особенно обратил свое внимание на мой звук и горячность исполнения» [8].

1894 г. был знаменательным для Налбандяна. После окончания консерватории его бывший профессор Н.В. Галкин – дирижер летних симфонических концертов (1892–1903) Павловского вокзала, пригласил Налбандяна как солиста. После первых же дебютов Налбандян обратил на себя внимание изящной отделкой игры, певучим смычком и элегантностью техники. Ранние лавры, однако, не помешали ему совершенствовать свой талант, и он усердно продолжал работать над развитием художественной фразировки и звучности тона.

С первого же выхода скрипача в симфоническом концерте счастье улыбнулось ему. Он имел большой успех, который затем в течение двух месяцев сопровождал каждое его выступление. Дирижер оркестра Галкин, солист – виолончелист, профессор Брюссельской консерватории Эдуард Жакобс, а также все музыканты оркестра удивительно тепло отнеслись к начинающему молодому артисту. Публика сразу же полюбила Налбандяна, а отношение прессы было очень доброжелательным.

Осенью 1894 года дирекцией Императорских театров Налбандян был командирован за границу для усовершенствования. Ауэр дал рекомендательные письма к двум великим скрипачам – Йозефу Иоахиму и Пабло де Сарасате. «По приезде в Берлин я отправился к Иоахиму, бывшему тогда директором Королевской консерватории, – позднее напишет Налбандян, – передал ему письмо моего профессора, а его бывшего ученика, Ауэра. Иоахим разрешил мне посещать его классы. Четыре раза в неделю, с 10 часов утра до 2 часов дня, я присутствовал в его классе. Класс был очень интересный, так как состоял из молодых артистов, со всех сторон явившихся к нему учиться. Собственно уроков он не давал, а прослушивал уже приготовленный концерт, делал свои замечания, а затем на своем Страдивариусе проигрывал заданный концерт. Этот 67-летний старец в классе показывал все самые разнородные концерты, различных стилей, и как он их играл! Все мною слышанное в исполнении великого Иоахима до сих пор живо в моей памяти. Несколько раз я имел честь играть у него и удостоился лестного письменного отзыва, копию которого я должен был отослать в Петербург в дирекцию театров, а оригинал храню у себя как реликвию» [9]. В отзыве Иоахим написал: «Я слышал игру Налбандяна и нашел, что он обладает превосходнейшими качествами скрипача-виртуоза, сулящими ему прекрасное будущее. Он уже теперь играет очень хорошо» [10].

Л.С. Ауэр, довольный результатами пребывания своего студента в Берлине и вниманием Иоахима к нему, посоветовал Налбандяну поехать в Лондон, чтобы там найти концертирующего Сарасате и представиться ему. «Был я на концерте Сарасате, и впечатление, произведенное его игрой на меня, ни с чем не сравнится. Удивительная неземная красота звука, такая грация, изящество и такое техническое совершенство, точно я слышал не скрипку, которую

хорошо знаю, а совершенно новый для меня инструмент. После концерта я был у него в артистической комнате, мы с ним познакомились, и он назначил день, чтобы прослушать меня. Он очень внимательно и любезно отнесся ко мне, должно быть моя игра ему очень понравилась, так как он дал обо мне блестящий отзыв, копию которого я также отослал в Петербург в дирекцию театров, а оригинал храню у себя» [11]. В отзыве Сарасате было сказано: «Я имел большое удовольствие слушать выдающегося ученика Леопольда Ауэра, г. Налбандяна, обладающего замечательным талантом скрипача-виртуоза» [12].

Сарасате посоветовал Налбандяну остаться за границей и начать выступать на концертах. «Я эти слова Сарасате много раз вспоминал в своей жизни и всегда очень жалел, что не последовал его советам» [13], – позже напишет И.Р. Налбандян в своих мемуарах о Сарасате, рукопись которых до сих пор не опубликована и находится в архиве скрипача, в ереванском Музее литературы и искусства имени Егише Чаренца [14].

Осенью 1895 г. Л.С. Ауэр предложил Налбандяну быть его помощником в консерватории. С этого момента начинается педагогическая карьера Иоаннеса Романовича, который был любимым учеником и помощником Ауэра. «В качестве адъюнкта Налбандиан подготавливал Ауэру таких учеников, как М. Эльман, Е. Цимбалист, Ц. Ганзан, И. Ахрон, К. Парлоу. В 1903 году Налбандиан получил самостоятельный класс, где начинали обучение Я. Хейфец, М. Пиастро. Из учеников Налбандиана нужно также отметить А. Пранга и Т. Шварц, окончивших консерваторию премией А. Рубинштейна» [15].

Дебют Налбандяна в Петербурге состоялся 4 января 1897 г. на симфоническом концерте Императорского Русского музыкального общества. Молодой артист сыграл Четвертый концерт Вьетана, изобилующий техническими трудностями. Как отмечала пресса: «Игра г. Налбандяна, отличающаяся сильным тоном, осмысленной фразировкой и блеском, полна огня и увлекает слушателей» [16]. Талантливый скрипач имел громадный успех и сверх программы сыграл «Мелодию» Чайковского. Успех Налбандяна был настолько велик, что он мог бы сыграть несколько номеров на *bis*, а не ограничиваться только исполнением романса Чайковского, который «был сыгран прелестно» [17].

31 января 1897 г. Налбандян дал свой первый сольный концерт в Петербурге, который тоже имел огромный успех [18]. Скрипач исполнил Сонату *g-moll* Джузеппе Тартини, Скрипичный концерт Мендельсона, «*Réverie*» Ауэра, «*Zigeunerweisen*» Сарасате, а также собственные произведения: Романс *G-dur* и Этюд *A-dur*.

«Молодой скрипач г. Налбандян, выступивший в пятницу, 31-го января, в собственном концерте в зале Кредитного общества, проявил в исполнении обширной и разнообразной программы такую сумму артистических достоинств, что сразу стал на видное место среди скрипачей-виртуозов, выпущенных за последние годы нашей консерваторией. Игра г. Налбандяна отличается не только технической законченностью, но и зрелым пониманием стиля

исполняемых сочинений; в последнем отношении он выказал замечательную выдержку и чувство меры в передаче субъективного настроения» [19].

Среди слушателей было много армян, и они не успокоились, пока Налбандян не сыграл без аккомпанемента мелодию «Слезы армян». «Эта широко раскинутая мелодия глубоко печальна, весьма характерна и чрезвычайно обаятельна в своем выражении безграничной грусти. Всякий, следящий за ходом событий, знает, какие ужасные минуты переживают в настоящее время армяне в Турции и в какой ужасающей нищете находятся бежавшие из ее пределов. Мелодия эта, сыгранная г. Налбандьяном, глубоко сердечная и с чисто народным пошибом, вызвала единодушный взрыв одобрения, в избытке которого чувствовалось что-то болезненно восторженное. Каждый армянин, видимо, вспоминает о своих братьях, и чудно сыгранная мелодия еще больше растравила его душевную рану» [20].

В течение всей своей жизни скрипач был верен своим армянским корням. Еще осенью 1890 г. он впервые выступил на армянском студенческом вечере. Именно тогда товарищи-студенты убедили его переменить окончание фамилии «ов» на «ян», чтобы все знали, что он армянин. «Директор Рубинштейн очень одобрил мое намерение и велел переделать мои бумаги. У меня не было фрака, перед концертом студенты достали мне фрак, я одел его. И к ужасу моему я заметил на правом рукаве дырку, но они после общего совещания замазали чернилами белое место видневшейся рубашки. Успех я имел большой» [21].

С 1897 года Налбандян давал ежегодно концерты в Петербурге, принимая активное участие в музыкальной жизни города. Он был одним из лучших интерпретаторов классической скрипичной музыки (Концерт для двух скрипок d-moll Баха, Концерт N 2 Баха, Концерт для скрипки и оркестра N 6 Es-dur Моцарта, Скрипичный концерт Мендельсона, Концерты NN 2, 4, и 5 Вьетана, Восьмой скрипичный концерт Шпора, Второй концерт Бруха, D-dur-ный концерт Паганини, произведения Бетховена, Генделя, Шуберта, Шумана, Регера, Раффа, Моцарта, Рамо и т.д.). С особой любовью скрипач исполнял произведения Сарасате, Иоахима и Венявского. С другой стороны, И.Р. Налбандян охотно обращался к мало звучащим произведениям (Соната для фортепиано и скрипки Брамса, Соната ля минор Шумана и т.д.).

И.Р. Налбандян неустанно пропагандировал русскую классическую и современную музыку (Скрипичный концерт Чайковского, Скрипичный концерт Глазунова, Скрипичный концерт (Соль мажор) А. Рубинштейна, e-moll-ный концерт Ю. Конюса и т.д.) как в Петербурге, так и в Тифлисе, Баку, Ереване, Киеве, Вильно, Риге, Берлине, Лейпциге, Дрездене, Кельне, Франкфурте-на-Майне, Дюссельдорфе, Бонне...

Следя традициям виртуозов-скрипачей, И.Р. Налбандян сам сочинял музыку и исполнял на своих концертах. Среди его пьес особой популярностью пользовались Романс G-dur, Этюд A-dur, «Сказка» для соло-скрипки, Ноктюрн, Фантазия, «Le Tourment», «Mélancolic», «Orientale» и т.д.

Специально для Налбандяна были написаны и ему были посвящены Концерт для скрипки и оркестра С. Ляпунова, «Латышская фантазия» Я. Витоля, Соната для скрипки и фортепиано Л. Николаева, Романс для скрипки и фортепиано Ал. Спендиаряна и другие произведения, которые впервые исполнял именно он.

В заключении хотелось бы отметить, что нашему поколению сегодня незнакомо творчество легендарного представителя крымских армян, до сих пор не опубликованы его мемуары о Сарасате и Иоахиме. Его могила находится в далеком Узбекистане – в Ташкенте, куда была эвакуирована Ленинградская консерватория 22 августа 1941 г. и где скончался И.Р. Налбандян 23 февраля 1942 г. И сегодня, спустя 74 года после смерти музыканта, трудно сказать – помнят ли его, несут ли свежие цветы к его могиле?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Раабен Л. Леопольд Семенович Ауэр. Очерк жизни и деятельности. – Л., 1962. – С. 119.
2. Налбандян Иоаннес. Автобиография, 1913 г. // Музей литературы и искусства имени Е. Чаренца (далее – МЛИ). Фонд И. Налбандяна. № 1 (а). С. 1.
3. Там же. С. 1–2.
4. Там же. С. 2.
5. Там же. С. 3.
6. Там же. С. 4.
7. Там же. С. 15–16.
8. Там же. С. 9.
9. Там же. С. 13–14.
10. Отзыв Иоахима о Налбандяне // МЛИ. Фонд И. Налбандяна. № 348.
11. Налбандян Иоаннес. Автобиография, 1913 г. // МЛИ. Фонд И. Налбандяна. № 1 (а). С. 13–14.
12. Отзыв Сарасате о Налбандяне // МЛИ. Фонд И. Налбандяна. № 350.
13. Мемуары о Сарасате // МЛИ. Фонд И. Налбандяна. № 2 (а).
14. Здесь же хранится рукопись мемуаров И.Р. Налбандяна об Иоахиме.
15. Раабен Л. Указ. соч. – С. 119.
16. Петербургские ведомости. 1897. 6 января.
17. Соловьев Н. Шестое симфоническое собрание императорского музыкального общества // Биржевые ведомости». – 1897. – № 6, 6 января.
18. См.: Петербургский листок. – 1897. – № 32, 2 февраля; Концерт г. Иоанеса Налбандяна // Петербургские ведомости. – 1897. – № 32, 2 февраля; Концерт Налбандяна // Петербургская газета. – 1897. – № 32, 2 февраля; Веймарн П. Концерт скрипача г. Налбандяна // Сын отечества. – 1897. – № 31, 2 февраля; Новости. – 1897. – № 33, 2 февраля.
19. Новое время. – 1897. – № 7520, 2 февраля.
20. Н.С. Концерт г. Налбандяна // Биржевые ведомости. – 1897. № – 32, 2 февраля.
21. Налбандян Иоаннес, Автобиография, 1913 г. // МЛИ. Фонд И. Налбандяна. С. 6.

ТВОРЧЕСТВО МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Зулумян Бурастан Сергеевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Отдела литератур народов России и СНГ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

г. Москва, Россия

e-mail: lalazulum@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена первому, дореволюционному, периоду творчества Мариэтты Шагинян с 1909 по 1917 г. Освещаются основные этапы ее жизни и творческих исканий, анализируются первые поэтические сборники «Первые встречи» и «Orientalia», их оригинальность и влияние символистской эстетики.

Ключевые слова: Шагинян; поэзия; Серебряный век; символизм; философия; индивидуальность; ориентализм.

THE WORKS OF MARIETTE SHAHINYAN. THE MODERN POINT OF VIEW

Burastan S. Zulumyan

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher

of the Department of literatures of the peoples of Russia and the CIS,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

e-mail: lalazulum@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the first pre-revolutionary period of creativity of Marietta Shahinyan from 1909 to 1917. It highlights the main stages of her creative aspirations and analyzes the first books of poetry «First meetings» and «Orientalia», their originality and the influence of symbolist aesthetics.

Keywords: Shahinyan; poetry; Silver age; symbolism; philosophy; identity; Orientalism.

Мариэтта Шагинян – человек-эпоха, человек-легенда: ее жизнь, равная веку, полна встреч, событий, духовных исканий. Неустанный идейно-нравственный поиск – одна из основных черт ее внутренней биографии, отразившей в себе глубину и разнообразие философских и мировоззренческих интенций времени и не менее судьбоносных переустройств общества и сознания.

Шагинян в Библиографическом словаре Большой Российской энциклопедии, в отличие от других современных справочных и историко-литературных изданий, посвящена обстоятельная статья, где читаем: «Поэт Серебряного века, прозаик, советский писатель, публицист» [1, 671]. Сюда нужно добавить важнейшую сторону ее деятельности: ученый-исследователь. Это все различные ипостаси ее многогранной личности, каждая из которых нашла полное осуществление в своей области, как, впрочем, и во всем, чему она отдавалась со всей страстью своей неутомимой натуры. Она оставила значительный след в филологической науке, публицистике, прозе и, конечно, поэзии, изобрела новые жанры – фантастического детектива, романа-хроники. Шагинян обладала интеллектом, позволяющим вести диалог с вершинными личностями эпохи, была полноценным и активнейшим участником литературного процесса. Пережив несколько мировоззренческих перестроек, она всецело – и искренне! (как и многие из поколения наших отцов и дедов) – стала сторонницей коммунистической идеологии, поменяв в корне направление своего творчества. В советское время это был известный публицист, автор знаменитой Ленинианы.

Жизнь Шагинян, как внутренняя, так и внешняя, чрезвычайно насыщенная событиями, прошла сквозь разломы эпохальных исторических переустройств общества – все это нашло отражение в ее творчестве, в художественных, публицистических, научных произведениях. Я бы разделила ее творческий путь на три периода. Первый период – 1908–1923 гг. (сб. стихов «Первые встречи» (1909), сб. стихов «Orientalia (1913), «Путешествие в Веймар» (изд. в 1923), сборник рассказов «Узкие врата» (1914) и «Семь разговоров» (1916), «Литературный дневник» (1923), роман «Своя судьба» (написан в 1916, изд. в 1923), а также ряд пьес символического характера (написанных в 1918, изд. в 1935).

Второй период 1923–30 гг. относится уже ко времени становления советской действительности, которая в полной мере отразилась как в тематике, так и жанровых экспериментах и новшествах («Перемена» (1923), рассказ «Агит-вагон» и повесть «Приключение дамы из общества» (19??), агитационная трилогия «Месс Менд» («Янки в Петрограде», «Лори Лэн, металлист», «Дорога в Багдад» (1924–25 гг. «роман-комплекс» «Кик» (1929), «производственный» роман «Гидроцентральный» (1930).

Третий период – 1930–1982 гг. – озаглавлен работой над биографией семьи Ульяновых, активной публицистической деятельностью, созданием научной и мемуарной литературы: «роман-хроника» «Билет по истории» появился в журнале «Красная новь» (1938. №1), «По дорогам пятилетки» (1947),

«Путешествие по Советской Армении» (1950), «Зарубежные письма» (1964). «Тарас Шевченко» (1944, за эту работу писательница удостоена степени доктора филологических наук), «И.А. Крылов» (1944), «Этюды о Низами» (1955), «Гете» (1959), «Дневники» (1953). «И. Мысливечек. Воскрешение из мертвых» (1963), сборник статей «О Шостаковиче» (1979), «Семья Ульяновых»: «Рождение сына» (1938, 1957), «Первая Всероссийская» (1965), «Билет по истории» (1969), «Четыре урока у Ленина» (1970), и последняя книга воспоминаний «Человек и время. История человеческого становления» (1980).

В настоящей работе я хочу вновь обратиться к первому периоду творчества Шагинян, подчеркнуть очевидные достижения, обратить внимание на черты, которые, казалось, в советское время потеряли ту значимость, имевшуюся в начале ее творческого пути. Причина этого двояка: дореволюционный этап жизни и творчества Шагинян перестал быть столь значимым, каковым он был на самом деле в оценке самого автора, но и советской критикой рассматривался как ученический, подготовительный к восприятию новой – правильной – идеологии¹, впрочем, так оценивался начальный период у многих других писателей, да и в целом символизм считался упадочническим течением.

В наше время эта инерция продолжается: в некоторых современных работах по истории литературы начала XX в. («Русская литература рубежа веков. 1900–1910 гг.». М., 2001), в энциклопедических статьях (энц. «Кругосвет») и др., посвященных литературе Серебряного века, имя М. Шагинян не упоминается. Объяснить этот факт опять же можно по-разному: «советскость» ее облика заслонила предшествующие заслуги (а ее сборник «Orientalie» переиздавался 7 раз), либо время расставило свои акценты, и она стала фигурой третьеразрядной, не упоминаемой в солидных академических изданиях.

Сегодня начальный период жизни и творчества М. Шагинян мне представляется не менее (если не более) интересным и ценным, чем последующий советский, которому она служила со всей страстностью и искренностью своей ищущей натуры, как с точки зрения художественных обретений, так и как фигура историко-культурного процесса эпохи. Дружба и взаимоотношения с известными людьми эпохи составили ярчайшие страницы истории русской литературы и культуры начала XX века. Картина тогдашней интеллектуальной жизни московской интеллигенции выпукло прорисовывается в эпизодах ее личных взаимоотношений с Михаилом Новоселовым, Андреем Белым, Владиславом Ходасевичем, Зинаидой Гиппиус, Дмитрием Мережковским, Сергеем Рахманиновым, Сергеем Булгаковым, Павлом Флоренским, ее переписка и воспоминания представляют уникальное свидетельство эпохи, а ее

---

¹ Советский исследователь З. Удонова утверждает, что «ей пришлось отказаться от многих прежних убеждений и огромным напряженным трудом завоевать себе достойное место в рядах советской литературы» // Удонова З.В. Мариэтта Шагинян. – М., 1960. – С. 3. Такого рода уничтожение дореволюционного этапа творчества Шагинян мы встречаем почти во всех советских исследованиях ее творчества.

жизнь в интереснейших пересечениях судеб, событий составила одну из ярких страниц сложнейшей духовно-культурной мозаики Серебряного века.

Стихи она начала писать уже в четыре года. Природная глухота и близорукость побуждали ее к самоуглубленной духовной жизни, как объясняет сама писательница, к экспансии не вовне, а внутрь: «Если мир не идет к моим глазам и ушам, то я сама поднесу его поближе, я сама сочиню себе мир» [3, 10].

Профессорская дочка, Шагинян получила хорошее образование – обучалась языкам, музыке, общалась с различными людьми, – в отцовский дом, который был не только «частью московской интеллигенции, но и частью армянской колонии», было вхоже много интересного народу. Отец – Сергей (Саркис) Давыдовыч Шагинянц был из григориопольских армян. Мать, Пепроне Яковлевна, – из богатого рода Хлычиевых из Нахичевани-на-Дону, была образована, читала французские романы (вот откуда экзотическое имя!), играла на рояле. В 1903 г. сестры Шагинян приехали учиться в закрытый пансион Л.Ф. Ржевской, а затем в 1908 г. Шагинян поступает на историко-философский факультет высших курсов Герье. Жизнь в Москве буквально затягивает юную Мариэтту в круговорот различных общественно-идейных и культурных потоков, которыми был полон в то время крупный город.

Ее вхождение во взрослую жизнь, в многотрудную ситуацию 1908–1914 гг. проходил, как она пишет, под знаком «духовного деяния», «духовного труда» [3, 170] – так Шагинян определяет этот первый и, возможно, наиболее трудный, но и плодотворный период своей жизни. Двадцатилетней девушкой она вошла в сложнейшую духовно-нравственную атмосферу Москвы. Это было время, когда схлынуло напряжение революционных страстей, все общество, и в особенности молодежь, пыталось понять пути дальнейшего существования России.

С первых же шагов Шагинян проявила себя как мыслящий, ищущий, самостоятельный в своих взглядах и духовных устоях человек. Масштаб ее личности был виден уже тогда. Войдя в переплетение религиозных, эстетических, интеллектуальных течений российской и московской действительности того времени, Шагинян была в эпицентре идейного круговорота. Формировалась Мариэтта Шагинян как мыслитель в атмосфере Серебряного века, когда гуманитарная культура, достигшая особой изысканности и рафинированности, ознаменовалась множеством дарований – гениев и просто талантливых людей, – но всегда тонких и своеобразных художников и интеллектуалов. С самого начала своей литературной деятельности писала в самых различных жанрах: эпистолярном, в том числе в форме писем, которые они с сестрой называли «регламентациями», в стихах, прозе, очерках, ставших для нее хорошей писательской школой.

В молодости Шагинян была человеком религиозным, и искания в этой области на том этапе сыграли существенную роль в перипетиях ее духовной жизни. «Поиски мирозерцания, дающие положительное чувство мира, ...

от остро чувствуемой собственной обездоленности, и социальной, и биологической, – заставляли меня постоянно хотеть разрешать на бумаге противоречия, для меня не разрешимые в жизни» [2, 18].

Анализируя начальный этап своего писательского становления, Шагинян подчеркивала, что как ни мало влияли на нее эти поиски «чистой формы», все же они сыграли большую роль в ее писательской практике. «Наступило время расцвета декаденства, символизма, расцвета литературы, которая в поисках новой формы, в бунте против старых форм искала пассивного удовлетворения своему недовольству окружающим» [2, 18].

Символизм решил задачу обновления литературного арсенала, более того – сыграл культуuroобразующую роль, охватив почти все виды искусства. Об этом времени любопытны воспоминания Шагинян, оказавшейся в центре литературной жизни. Впоследствии она напишет об этом: «Сегодня трудно представить, “какой безвкусной, какой нетребовательной, какой убийственно банальной была «поэтическая форма»” у начинающих. Эстетическим идеалом считался Надсон. Его эстетическая красота, однообразие его ритма и эпитета, казались молодежи необыкновенно музыкальными и “звучными”, – самое слово “звучный” было тогда в моде у нас. И вот наперекор этой красоте новое течение в поэзии, назвавшее себя символизмом, поставило перед нами *проблему формы как максимальной выразительности*. “Декаденты” научили смотреть на стихотворение – ритм, эпитет, метрику, язык, образ, инструментацию ... Они познакомили нас с культурой стиха, с пониманием красоты как противоположности красоты, они раскрыли пред нами все богатства французской школы, и мы словно впервые глаза протерли, словно впервые поэтами стали, когда перед нами начал “линять” наш любимец, Сюлли-Прюдом, поставленный рядом с Верленом ... Да и сами символисты смотрели на свое течение глубже, они искали слова не ради слова, а ради наибольшей выразительности скрытого в нем смысла, и очень скоро углубились в этот смысл настолько, что сильнейшие представители течения – Белый, Блок, Вяч. Иванов – провозгласили символизм – мировоззрением» [2, 19].

Шагинян, будучи ориентированной на духовно-религиозные идеалы, естественным образом находится в ауре символизма: он царствовал тогда везде – в умах, в образе жизни, переходил из одного направления в другое. То, что она рано сформировалась как журналист и исследователь и таковым оставалась до конца своей жизни – факт очевидный и не подлежащий пересмотру. А вот что касается художественных пристрастий и принадлежности к той или иной школе – все еще нуждается осмыслении. Именно к периоду жизни в Москве, а затем и «петербургскому» периоду, относятся и ее многообразные отношения с художественной интеллигенцией и ее начало творческого пути. «Мы все в те годы поклонялись Валерию Брюсову» [2, 203]. Она посещает «вторники» литературно-художественного кружка, знакомится с метром символистского течения Валерием Брюсовым. В дом на Феррари частенько заходил Владислав

Ходасевич. Читал стихи, а читал он, вспоминает Шагинян, неподражаемо. Как-то не застав сестер дома, забыл у них книжку. Это была первая книга стихов Зинаиды Гиппиус, ее прочитала Шагинян, и ее поэзия «совершенно потрясает и определяет дальнейший путь ее развития, – по признанию писательницы, – на ближайшие три года развития» [2, 20].

В основе жизнечувствования Шагинян с самых ранних лет лежит *нравственное* переживание мира, именно поэтому представления Гиппиус о свободе, боге и мире, о том, что революции без бога быть не может и она, революция 1905 г., была обречена на провал по этой причине и т.п., были ей близки, будто «спичку бросили в керосин».

Начался бесконечный процесс блуждания, искания «истины», «строительства новой церкви», по Мережковскому и Гиппиус. Сама жизнь Шагинян читается сегодня как захватывающий своими перипетиями роман. Вся история взаимоотношений Шагинян – Гиппиус, их переписка могут составить материал для отдельного исследования или художественного произведения (так можно сказать про взаимоотношения с каждым из ее респондентов – Белым, Рахманиновым).

Именно в эти годы писались стихи, составившие ее поэтический сборник «Первые встречи», вышедший 1909 году. Начало не всегда означает начальный, ученический этап, пробу пера – истинные поэты являются сразу Поэтами. Первый ее сборник, как пишут, был встречен критикой равнодушно, и только второй – «Orientalie» (1912) – принес автору громкую известность. Сейчас необходимо пересмотреть оценки поэтического наследия Шагинян, в частности именно первого сборника, столь несправедливо обойденного вниманием. Причин и прихотливых путей общественного мнения, известности и славы мы не будем касаться сейчас. Вот что говорит сама поэтесса о творческих путях своего становления: «Биографы часто пишут, что в юности я была “символисткой”, “идеалисткой” и вообще какой-то “исткой”, хотя ничто так не противно моей природе, как явления, превращающиеся в измы. Ограничивает, из дороги превращается в систему, заканчивается на самой себе. Чуть дело доходило до принятия того в искусстве и философии, что стало мне близким, как я шараялась в сторону. Какой-то кусочек меня оставался в стороне, удерживая свое мышление на свободе, за скобками... Я не могла быть ни символисткой, ни идеалисткой. Я занята была в те годы поисками живого зерна истины» [3, 206].

По какому-то стечению обстоятельств, сборник не был замечен. Впоследствии начали говорить о его подражательности, ученическом характере, думается, именно вследствие отсутствия откликов. Да и высказывания самой Шагинян вписываются в ряд этих мнений. Впоследствии в письме к А. Павловскому от 15 июня 1976 г. она напишет: «Я никогда не считала себя символисткой, хотя подражала символизму Гиппиус (и только Гиппиус) в “Первых встречах»» [4, 13]. Однако хотелось бы подчеркнуть, что мнение

автора не всегда совпадает с объективной оценкой творчества. На сборник откликнулся Иннокентий Анненский, высоко его оценив на фоне «женской» поэзии, выделив в нем такие качества, как мужская ясность в сочетании с тонким лиризмом [5]. Эпиграфом ко всему сборнику взяты строки Брюсова «Как любил я, как люблю я эту робость первых встреч».

Радость первых встреч, трепетанья юного чувства и беспредельное одиночество овеяны единой гармонической симфонией Вселенной. Образ зерна, семени, прорастающего сквозь толщу времени, динамика жизни, стремящейся к своему самоосуществлению, становится одним из центральных для поэзии Шагинян. Еще нет той игры, искрометности, образной экзотики «Orientalie», но уже есть музыкальность, фактурность и зримость образа в сочетании с его тонкой нюансировкой [6]. Сборник «Первые встречи» можно назвать подражательным настолько же, насколько были написаны под влиянием французского символизма первые произведения В. Брюсова, великого армянского поэта Ваана Терьяна, символиста, освоившего в полной мере в своем творчестве достижения этого направления (речь не о масштабах поэтов). На мой взгляд, правильнее говорить о символистской эстетике, под эгидой которой были написаны произведения Мариэтты Шагинян, о тех принципах создания поэтического мира, который нашел свое, еще одно авторское воплощение в «Первых встречах» и – уже в полной мере! – в «Orientalia», позволившей говорить о ее авторе тогдашней критике, как об одной из ведущих поэтов своего поколения (А. Блок) [4, 11].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь: в 3 т. / под ред. Н.Н. Скатова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Том 3. П–Я. – С. 671–674.
2. Шагинян М.С. Соб. соч.: в 9 т. – Том 1. – М., 1971. – С. 8.
3. Шагинян М.С. Человек и время. – М., 1982.
4. Творчество М. Шагинян. Сборник статей. – Л.: Худ. лит., 1980.
5. Анненский И.О. О современном лиризме // Аполлон. – 1909. – №3.
6. Гаспаров М.Л. О русской поэзии. – СПб., 2001. – С. 56–65.

АРМЯНСКИЙ МИР В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН

Авдулов Николай Степанович

кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Северо-Кавказского научного центра высшей школы
Института философии и социально-политических наук
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: aavdulova@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается вклад М.С. Шагинян в изучение и описание армянского мира, вскрывается синтез научного и художественного познания национальных особенностей, истории, культуры армянского народа. Через показ выдающихся деятелей М.С. Шагинян рисует характер, обычаи, традиции армян, истоки русско-армянского сотрудничества.

Ключевые слова: творчество; армянский мир; синтез русской и армянской культур; преобразование армянской земли; быт армян.

ARMENIAN WORLD IN THE WORKS OF M.S. SHAGINYAN

Nikolai S. Avdulov

Senior Researcher, Full Professor, Candidate of Historical sciences
North Caucasus Scientific Centre of the Higher School
of Institute of Philosophy and Social and Political Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: aavdulova@mail.ru

Abstract. The article shows up the studies on the contribution of M.S. Shaginian into the research and description of the Armenian world. The article also reveals the synthesis of scientific and artistic knowledge of national features, history and culture of Armenian people. M.S. Shaginian describes and draws the character, customs and traditions of Armenians, the origins of Russian-Armenian cooperation through showing outstanding figures.

Keywords: creation; Armenian world; synthesis of Russian and Armenian cultures; Armenian land conversion; Armenian life.

Сотрудничество и солидарность народов предполагает познание, постижение всего комплекса проблем их жизнедеятельности, их мир. Дело это весьма сложное, трудное и деликатное. «К познанию себя каждый народ относится так же, как и человек: с одной стороны, страшно интересно узнать про себя, какой же я на самом деле, или просто как на сторонний взгляд представляюсь, выгляжу; а с другой – тут же и обида, и амбиция, и отталкивание: я всю жизнь себя понять тщусь и не могу, а ты – ишь, какой шустрый! Разобрался! “Пришел, увидел, победил!” Понял меня! Определил – ограничил! Как бы не так! И это действительно неустрашимый диалектический сюжет в исследовании национальных особенностей» [1].

Мир армянского народа, как и любого народа, охватывает сложные переплетения, взаимовлияния экономики, политики, идеологии, культуры, быта, прошлого и настоящего, традиций, обычаев, ритуалов. Познание такого мира требует не линейного, а объемного, системного подхода, синтеза научного и художественного осмысления. Ярким примером такого углубленного, всестороннего познания и описания мира армянского народа служит литературное наследие М.С. Шагинян. Всю свою долгую творческую жизнь она наполнила изучением истории, культуры, быта армянского народа, описанием самых разных сторон и проявлений армянского мира. Она объездила и исходила всю Армению, встречалась и беседовала с тружениками села и города, учеными, представителями художественной интеллигенции, руководителями предприятий и районов, читала и перечитывала все доступное о жизни армян в разное время.

После прочтения книги С.Г. Аретян «Армянская печать и царская цензура», изданной в 1957 г. в Ереване, М.С. Шагинян записала: «И на меня нахлынули “гены” тысячелетнего бродяжничества армян по лицу нашей земли, постоянного снятия с этой земли всем домом и скарбом, заселения новых земель, их любовного обхаживания, их покрытия садами и снова снятия, передвижения, борьбы. Борьбы за пределами границ семьи, околотка, группы, народа и борьбы в пределах семьи, околотка, группы, народа; нечто кишашщее вечной деятельностью, как муравейник, – с вечной стабильностью мечты о родине, звездой, освещающей путь вечных передвижения. Я очутилась в царстве “генов”, разноголосица которых забила мне уши, как морской шум забивает раковину. Я ответвилась от этого народа, поросла его веточкой, и мне стало жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле» [2]. Так она пишет в самом начале своих воспоминаний, в книге «Человек и время, история человеческого становления».

К этой теме она возвращалась много раз по разным поводам и в разных смыслах. Мариэтта Сергеевна любила и восторгалась природой Армении. Вот как она передает восприятие окружающей природы во время ее первого путешествия в Армению. «Добрались до станции Ани уже к закату солнца, слезли на пустынную насыпь, и дальше все пошло как в сказке или во сне: безлюдье, одинокий ослик синеватого, сарьяновского оттенка, пламенный костер заката, а над ним бездонная ширь неба удивительных красок – прозрачно-зеленых, оранжевых, фиолетовых – раскинулась с такой необъятной щедростью, что земля под ним почти исчезла, почти ощущалась округлая» [3].

После посещения горного санатория Джермук М.С. Шагинян с восторгом записывает в дневник: «Лучше горного чистого воздуха на свете нет, и даже без всякого лечения здесь можно поправиться» [4]. Во время поездки по Армении она не переставала восхищаться природой Армении. На Селимском перевале она испытала неповторимые чувства. «Чем выше, тем тише, яснее, величественнее. На самом верху, правда, пронзительный, ледяной ветер, но вид был так прекрасен и ни с чем не сравним, может быть – с первозданным хаосом» [5].

М.С. Шагинян чаще всего писала о том, что сама видела, переживала, воспринимала. С завидной дотошностью она описывала быт армян, их вкусы, привычки, обычаи без всякого приукрашивания. Без всякого скептицизма она подробно описывает сложившийся уклад армян в Нахичевани-на-Дону. С детства она помнит вкус армянских блюд: мусахá, самсá, хатламá, бараньи язычки. «Небольшой бараний язычок приготавлился в копченном виде, и в маринованном и был необычайно вкусен, особенно копченный, буро-алого цвета, когда с него аккуратно срезали кожицу и резали на тоненькие ломти. И еще одно лакомство: эрэшкик, плоская колбаса из копченного, с чесноком, бараньего мяса... Еда носила в Нахичевани характер праздничный, почти эстетический» [6], – вспоминает она с подробностями, с отступлениями и своими замечаниями.

У армян М.С. Шагинян отмечала, прежде всего, мастерство в строительном деле. «Армянская колония построила города Новый Нахичевань и Григориополь, они участвовали в застройке Феодосии, Армавира, Кизляра, они строились и оседали в Астрахани, Петербурге, Москве...» [7].

Со ссылкой на Стржиговского Мариэтта Сергеевна подчеркивает, как «самое большое достоинство у армян-строителей... даже не в самой кладке, не в куполе и своде, а в вековечном по прочности литье на известковом растворе в простенках между одеждой из каменных плит, то есть в способе связи, способе цементирования камней» [8].

Из этих слов об исключительном таланте армян-строителей она делает достаточно важный вывод о ценных способностях армянского народа: «Вот эта древнейшая способность, живущая как бы в крови народа, подобно строительной способности пчел, муравьев, бобров делала армян желанными

колонистами в пустынных просторах юга России. Строить, лепить, цементировать, связывать...» [9]. Армянский мир показан через призму впечатлений, размышлений, воспоминаний Мариэтты Сергеевны. Картина выглядит разнообразной, богатой различными красками, оттенками, сюжетами.

С теплыми чувствами она рассказывала о представителях творческой интеллигенции Армении. Как живые встают со страниц ее очерков Налбандян, Абовян, Сарьян, Исаакян, Туманян.

Подробно и с глубоким почтением она описала короткую жизнь Налбандяна. «Самое интересное в его характере, – отмечала она, – это смесь типично-русского интеллигента своего времени с восточно-детской армянско-национальной патетикой, задиристый и застенчивый зараз и тоже сугубо типичный в среде его земляков» [10]. «Его роднила с начинавшимся армянским освободительным движением – страстная борьба против своих темных сил, мракобесия, невежественных армян-капиталистов, их грубых финансовых махинаций» [11]. Для более полной характеристики Налбандяна она описывает эпизод, связанный с покупкой им живого носорога и отправленного им в Москву для зоологического сада за счет собственных заработанных средств.

На собрании, устроенном Союзом писателей Армении, она с почтением наблюдает за Аветиком Исаакяном. «Хорошо и остроумно он председательствует на собрании, умеет одним словом утихомирить, одной полуулыбкой, чуть приподняв бровь, перевести слишком горячее настроение зала в другое настроение» [12]. Она отмечает его молодость, скепсис в выражении рта, юмор в глазах – и живую, подмеченную силу взгляда. Наблюдения за Исаакяном привели ее к размышлениям о мастерстве старых писателей, которые словно мастера строительного дела «так орудуют со словом, выбирают, тешат, вяжут, чтобы слова сцепились прочно» [13].

Сотни армянских тружеников: инженеров, агрономов, животноводов, строителей, учителей, библиотекарей, научных работников – стали героями ее очерков, эссе, статей.

Просматривая газетные подшивки местных газет, она обращает внимание на факты новых преобразований на армянской земле. В дневнике она записывает: «Жители села Хнацах Зангезурского района посадили 3500 плодовых и декоративных деревьев вдоль улиц и во дворах колхозников, заложили парк культуры и отдыха, построили баню, клуб. Село электрифицировано... В Армении создается добровольное общество “Друг растений”, члены его должны работать по древонасаждению, уходу, охране деревьев и т.п. В Ереване организуется центральная коллекция деревьев и трав используемых как маточный фонд. Правление Всесоюзного научно-инженерного технического общества энергетиков присудило за прошлый год Армянскому отделению третье место во всесоюзном соревновании за лучшую постановку работы» [14].

В поездках по Армении она переполнена любопытством, неподдельным интересом к самым различным сторонам армянского мира. Подробно, с глубоким

знанием и пониманием она делится своими впечатлениями об армянском хоровом пении, о мастерстве пастухов в звукоподражании.

«В Армении сейчас меняют все старые названия, – пишет она, – оставшиеся от арабских, турецких, персидских завоевателей, на новые, чисто армянские; меняет их сам народ, сама жизнь. У некоторых деревень были просто оскорбительные названия – завоеватели давали их в насмешку. Другие названия порождены нуждой, бедствием, бесплодием земли, – сейчас на месте этих деревень цветущие колхозы-миллионеры» [15].

Особо повышенный интерес она проявляет к людям, представителям самых разных профессий, к тем, кто своим трудом, своим талантом обогащает, развивает армянский мир. Она специально едет в гости к Анаит Багдасарян, которая получила звание Героя Социалистического Труда за высокие урожаи табака. У ее земляков Мариэтта Сергеевна спрашивает: «Скажите, чем Анаит держит свою бригаду, каким способом заставляет себя слушать, за что ее уважают, одним словом откройте нам, в чем ее сила?» [16].

Под ее пером оживал армянский мир во всех его красках, во всем его многообразии. Литературное наследие М.С. Шагинян, по праву, можно рассматривать как энциклопедию армянского мира, знакомство с которым может помочь в укреплении сотрудничества русских и армян.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 7.
2. Шагинян М.С. Человек и время. – М.: Советский писатель, 1982. – С. 8–9.
3. Там же. – С. 12.
4. Шагинян М.С. Дневник писателя. – М.: Советский писатель, 1953. – С. 28–29.
5. Там же. – С. 30.
6. Там же. – С. 14–15.
7. Шагинян М.С. Человек и время. – С. 10.
8. Там же. – С. 12.
9. Там же. – С. 12.
10. Там же. – С. 19.
11. Там же. – С. 19.
12. Шагинян М.С. Дневник писателя. – С. 50.
13. Там же.
14. Там же. – С. 7–8.
15. Там же. – С. 21.
16. Там же. – С. 22.

УДК 821.161.1:37.035.2

**М.С. ШАГИНЯН –
ГЛАШАТАЙ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА НАРОДОВ**

Матвеев Герман Аронович

кандидат исторических наук, профессор кафедры гуманитарных социальных
и правовых дисциплин

Ростовский международный институт экономики и управления

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: geram37@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа литературного наследия М.С. Шагинян определяется ее вклад в преодоление чувств отчуждения, вражды, существовавших между народами СССР, в формирование отношений доверия, уважения, дружбы между народами, выделяются актуальные направления и приемы этой деятельности писателя.

Ключевые слова: литературное наследие М.С. Шагинян; межнациональные отношения; армянский народ; азербайджанский народ; отношения доверия, сотрудничества, дружбы между народами.

**M.S. SHAGINYAN – A PROCLAIMER
OF FRIENDSHIP AND COOPERATION OF PEOPLES**

German A. Matveev

Candidate of Historical science, Professor of the Department of Humanitarian,
Social and Legal Studies

Rostov International Institute of Economy and Management

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: geram37@yandex.ru

Abstract. On the basis of the analysis of the literary heritage of M.S. Shaginyan this article depicts her contribution to the overcoming of feelings of alienation, hostility that existed among the peoples of the USSR. It also depicts the formation of relationships of trust, respect, friendship among the peoples and shows the topical issues and techniques of the writer's creative work.

Keywords: literary heritage of M. Shaginyan; interethnic relations; Armenian people; the people of Azerbaijan; relations of trust, cooperation, friendship between people.

Важнейшей стратегической проблемой современного развития нашего общества, от успешного разрешения которой зависит будущее страны, является становление российской гражданской нации. Необходимая предпосылка движения к этой цели – формирование отношений доверия, уважения, взаимопонимания, сотрудничества, в идеале – дружбы народов нашей страны. Между тем, в средствах массовой информации по инерции, утвердившейся в 90-гг. XX в., нередко акцентируется внимание на конфликтах между народами, нарушениях их законных прав, обидах и недовольстве. В тысячелетней истории России, которая с самого начала складывалась как многонациональное общество, негативных фактов взаимодействия народов было немало. Вместе с тем магистральным определяющим направлением исторического развития нашей страны были сотрудничество народов, основанное на общих интересах, сплочение их вокруг «общего дела» [1]. Именно благодаря этому народы нашей страны сформировали уникальное социально-экономическое, политическое, культурное пространство, стержнем которого являются государственность, русский язык и русская культура, ставшие их общим достоянием.

На всем протяжении истории России значительный вклад в утверждение в ней атмосферы сотрудничества народов, в преодоление эксцессов их недоверия, вражды друг к другу внесли и вносят представители художественной интеллигенции, начиная с автора «Слова о полку Игореве». А.С. Пушкин свою мечту о сотрудничестве народов вложил в уста героя своего стихотворения:

«Он говорил о временах грядущих.
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся» [2].

Поучительный опыт утверждения отношений сотрудничества народов, преодоления чувств отчуждения, вражды, формирования атмосферы доверия их друг к другу был накоплен в советский период отечественной истории, который в общественной практике современной жизни страны по ряду причин востребован в недостаточной степени. После Октябрьской революции, провозгласившей величественную цель построения нового справедливого общества, в советской идеологии впервые в мировой истории в качестве одной из базовых установок была поставлена задача формирования отношений дружбы и сотрудничества народов, преодоления любых проявлений национализма и шовинизма. Политическая практика не всегда соответствовала этой идеологической установке, подчас прямо расходилась с ней. Но, бесспорно, что в советской идеологии предусматривалось разрешение этой проблемы как важнейшей предпосылки успешного строительства нового общества.

Весомый вклад в разрешение этой сложнейшей социальной проблемы внесла выдающийся советский писатель М.С. Шагинян, литературное наследие которой в постсоветский период по ряду идеологических и политических

причин незаслуженно выпало из активного оборота общественной мысли. Деятельность М.С. Шагинян по формированию отношений доверия народов друг к другу косвенно рассматривалась в научных работах, посвященных изучению ее жизни и творчества [3]. Вместе с тем в качестве специальной цели эта задача еще ждет исследователей. В данной статье ставится задача проанализировать актуальные аспекты этой деятельности писателя.

М.С. Шагинян, встретив Октябрьскую революцию в тридцатилетнем возрасте, без колебаний приняла ее. Она отмечала «главнейшую страсть» своей молодости: «найти истину, справедливую жизнь, равенство для всех, чувство самоуважения для каждого живого существа и чтоб не было больших и малых, любимчиков Бога, фаворитов, чтоб всем людям было хорошо и никому не было неловко в обществе других людей» [4]. М.С. Шагинян, воспитанная в духе демократических традиций лучшей части старой русской интеллигенции, обладая интернациональной широтой интересов, фундаментальным образованием, обширным общекультурным кругозором, испытывала отвращение к любым проявлениям национализма, шовинизма, антисемитизма.

По складу своего характера и темперамента она была человеком действительной мысли, постоянно стремилась к реализации гетевской идеи «делания жизни», к активному участию в общественно-полезной деятельности [5]. Поэтому неслучайно с воодушевлением она восприняла как личную задачу цель, поставленную советской властью: преодоления любых проявлений вражды, недоверия народов друг к другу, формирования отношений доверия, взаимного уважения, сотрудничества и дружбы. Одной из главных проблем, занимавшей ее всю жизнь, М.С. Шагинян считала проблемы «воспитания и образования человечества» [6].

Писатель последовательно и целеустремленно стремилась активно участвовать в становлении этих новых отношений между народами нашей страны, опираясь на все жанры своего творчества – художественные произведения, публицистику, литературно-критические работы, мемуары. Интернационализм был стержневой установкой мировоззрения М.С. Шагинян. В своей статье о И. Гете, которого писатель считала своим «главным учителем», она писала: «Гете близок нашему времени своим постоянным напоминанием о необходимости народам земной планеты знать друг друга, жить в мире и взаимном понимании, решить возникающие вопросы и конфликты применением разума, а не оружия» [7].

Выполняя этот завет великого немецкого поэта и гуманиста, М.С. Шагинян побывала практически во всех республиках СССР, изучая жизнь и культуру населяющих их народов, неустанно пропагандируя их достижения во всех сферах общественной жизни, знакомя читателей с их образом жизни, традициями, культурой и литературой.

Писатель с огромным уважением выделяла историческую роль русского народа, Российского, а затем Советского государства в обретении многими

народами страны, зачастую впервые в истории своей государственности или (как в случае с Арменией) в восстановлении ее после многовековой утраты, отсутствие которой грозило потерей национальной идентичности, делало невозможным последовательное развитие национальной культуры [8].

В культурологических, литературоведческих и литературно-критических работах М.С. Шагинян центральное место занимает обоснование определяющей роли русской культуры, русского языка в развитии культур народов России, особенно начиная с XIX в. Анализируя историю армянской культуры, которая в течение почти пяти веков была оторвана от европейской цивилизации, писатель отмечала, что вхождение Восточной Армении в состав России в начале XIX в. обеспечило не только физическое сохранение армянского народа, но и условия для преодоления «разрывов» в динамике армянской культуры, ее приобщения к ведущим тенденциям поступательного развития мировой культуры [9]. Эта тенденция была характерна и для развития культур многих других народов России.

М.С. Шагинян обращала внимание на большую познавательную и воспитательную роль декад национальной культуры народов, регулярно проводившихся в СССР, которые позволяли «не только народам наших республик в целом ближе и глубже узнавать друг друга (40-е годы), но и помогать получению более целостного, более совершенного знания культуры наших многочисленных народов нашим друзьям за рубежом» [10]. Писатель предложила приглашать на эти декады в качестве гостей представителей народов зарубежных стран, что «могло бы сделать их важным международным средством для установления дружбы и уважения между народами <...>» [11]. М.С. Шагинян с огромным уважением писала о «самой великой страсти» выдающегося армянского писателя и просветителя Х. Абовяна: «не «научить» только, но «образовать» свой народ в широком смысле слова, образовать его общественный и личный характер, сгладить природные и выработанные историей недостатки; отшлифовать и заставить заблестеть, как драгоценный камень, его внутреннее достоинство» [12].

М.С. Шагинян чрезвычайно мудро и последовательно в своих произведениях стремилась сформировать у читателей чувства уважения, доверия, симпатии к народам, проживающим в нашей стране. При этом писатель проявила особый талант и изобретательность, стремясь внести свой вклад в разрешение особенно сложной проблемы – преодоления враждебных чувств между двумя соседними народами – армянским и азербайджанским, история взаимоотношений которых в дооктябрьский период приводила к кровавым конфликтам.

Особенно ярко, целеустремленно и последовательно эту сверхзадачу М.С. Шагинян реализовала в своей замечательной книге «Путешествие по Советской Армении» (издана в 1951 г.), которая фактически представляет собой энциклопедический словарь знаний об истории, природе, культуре,

традициях армянского народа. Писатель аргументировано стремилась показать, что эти два соседних народа имеют многовековые традиции мирного продуктивного взаимодействия, некоторые общие истоки и многочисленные взаимосвязи национальных культур.

С первых страниц книги М.С. Шагинян, приводя армянские наименования гор, рек, долин, национальных строений, как правило, называла и их азербайджанские названия, естественные в условиях тысячелетнего соседства и взаимодействия этих народов. Так, традиционное армянское земляное жилище армяне называют «хацатуном» или «глхатуном», а азербайджанцы – «карадамом» [13]; самую высокую гору Армении армяне называют «Арагац», а азербайджанцы – «Алагез» [14]; долину, которую армяне именуют «Цахкадзор», азербайджанцы – «Дарачичаг» [15]. Писатель приводит азербайджанскую пословицу, которая свидетельствует о том, что соседний народ ценит характерную черту армян: «Достоинство розы соловей знает, достоинство зелени – армянин» [16].

Анализируя стремительный индустриальный рост прежде аграрной Армении, М.С. Шагинян обращает внимание на «близость Баку с его заводами, с которыми Армения легко и выгодно кооперируется, получая от них необходимые части и детали» [17]. Характеризуя достоинства армянской минеральной воды «Джермук», писатель обращает внимание: «за этими горами, пограничными с братским Азербайджаном, лежит в Азербайджане другое такое же богатство, аналогичный источник “Исти-Су”» [18]. Выделяя характерные черты многовековой армянской культуры, М.С. Шагинян обращает внимание на общие истоки ряда жанров армянской и азербайджанской музыки. «С глубокой древности, – пишет она, – дошли до нас инструментальные сложные произведения – “мутгамы”, несомненно, связанные с музыкой Азербайджана» [19].

В статье «Декада армянского искусства 1939 года» М.С. Шагинян писала: «В Закавказье давно существовали две музыкальные жемчужины – азербайджанская оперетта “Аршин мал алан” и армянская опера “Ануш”. С первого дня их появления они были подхвачены и освоены народом. Песни их пелись буквально в каждом доме, без них нельзя было представить ни одного праздника» [20]. Писатель, характеризуя экспонаты Литературного музея в Ереване, обращает внимание на изменение его выставочной концепции: «Сейчас весь характер выставки изменился. Отличная идея положена в ее основу: дружба литератур Закавказья. Все писатели поданы под углом зрения этой дружбы и экспонатов оказалось множество – армянских, грузинских, азербайджанских» [21].

М.С. Шагинян в 1960 г. в журнале «Литературный Азербайджан» поместила очень доброжелательную статью о творчестве азербайджанского народного поэта Расула Рза, назвав его «ярким выразителем своего народа» [22]. В журнале «Новый мир» была опубликована обзорная статья М.С. Шагинян «Об азербайджанской прозе», в которой она проанализировала характерные

черты ее становления и развития. Писатель отмечала, что, несмотря на молодость этого направления азербайджанской литературы, «мы кое-чему можем и поучиться у нее» [23]. Писатель высоко оценила достоинства азербайджанского языка: «Надо сказать, что в семье восточных языков азербайджанский язык представляет собой один из самых потенциальных и имеющих широкие перспективы распространения. Он чудесно ясен, легок и краток, он вобрал в себя всю восточную культуру речи <...>» [24].

Естественно, высокая доброжелательная оценка известного писателя, армянки по национальности, в книге, посвященной Армении, многих явлений азербайджанской культуры не могла не вызвать чувств уважения и симпатии среди азербайджанских читателей.

Выступая на Первом съезде писателей в 1934 г., М.С. Шагинян обратила внимание на симптомы преодоления былых вражды и недоверия между армянами и азербайджанцами, которые нашли отражение в художественной литературе. «Как пример, – отмечала она, – можно назвать роман “Нигяр” Демирчана, где прекрасно показано зарождение чувства между комсомольцами двух наций, до революции враждовавших: тюркской и армянской. Те же тенденции мы найдем и в ряде других произведений национальных писателей. Главное же – в самом читателе чтение национальных литератур пробуждает глубоко волнующую нежность к действующим в книгах людям, таким непохожим на нас в языке и быту и таким родным и близким нам по действию и мышлению» [25].

Вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что М.С. Шагинян на протяжении своего большого творческого пути проявила себя не только как крупный писатель, публицист, культуролог, литературовед, мемуарист, но и как талантливый общественный деятель, успешно утверждавший отношения доверия, взаимного уважения, сотрудничества, дружбы между народами. Этот важный аспект ее многогранного творческого наследия представляется очень актуальным в современных условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – С. 344.
2. Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. – Т. 2. – М.: Правда, 1981. – С. 236.
3. Творчество Мариэтты Шагинян: сб. ст. / отв. ред. и сост. В.А. Ковалев. – Л.: Худож. лит., 1980. – 248 с.; Скорино Л.И. Мариэтта Шагинян – художник: жизнь и творчество. – 2-е изд., доп. – М.: Совет. писатель, 1981. – 389 с.; Лайне С.В. Мариэтта Шагинян (100 лет со дня рождения). – М.: Знание, 1988. – 64 с.; Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян: Материалы I Шагиняновских чтений. – Ростов н/Д, 2014. – 140 с.; Литературное насле-

- дие Мариэтты Шагинян и современность: Материалы II Шагиняновских чтений. – Ростов н/Д, 2015. – 118 с.; Проблемы дружбы и сотрудничества народов в творчестве М.С. Шагинян: Материалы Всероссийской научной конференции – III Шагиняновских чтений. – Ростов н/Д, 2016. – С. 144.
4. Шагинян М.С. Человек и время. История человеческого становления. – М.: Совет. писатель, 1982. – С. 295.
  5. Творчество Мариэтты Шагинян: Сб. ст. – С. 22, 74,75, 79.
  6. Там же. – С. 23.
  7. Шагинян М. Звезда Гете // Собр. соч. в 9 т. – Т. 7. – М.: Худож. лит, 1974. – С. 174–175.
  8. Шагинян М. Путешествие по Советской Армении // Собр. соч. в 9 т. – Т. 3. – М.: Худож. лит., 1972. – С. 570.
  9. Там же. – С. 570–572.
  10. Там же. – С. 552–553.
  11. Там же. – С. 563.
  12. Шагинян М. Хачатур Абовян // Собр. соч. в 9 т. – Т. 7. – С. 445.
  13. Шагинян М. Путешествие по Советской Армении // Собр. соч. в 9 т. – Т. 3. – С. 345.
  14. Там же. – С. 347.
  15. Там же. – С. 379.
  16. Там же. – С. 381.
  17. Там же. – С. 452.
  18. Там же. – С. 489.
  19. Там же. – С. 572.
  20. Шагинян М. Собр. соч. в 9 т. – Т. 7. – С. 520.
  21. Шагинян М. Путешествие по Советской Армении // Собр. соч. в 9 т. – Т. 3. – С. 558–559.
  22. Шагинян М. Собр. соч. в 9 т. – Т. 7. – С. 188.
  23. Там же. – С. 202.
  24. Там же.
  25. Там же. – С. 311.

МЕТОДОЛОГИЯ ГЕТЕВСКОГО «ФАУСТА» В ОЦЕНКЕ МАРИЭТТЫ СЕРГЕЕВНЫ ШАГИНЯН

Белов Анатолий Викторович

профессор кафедры философии и методологии науки
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: rusnasledie@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается методология немецкого мыслителя Гёте, автора произведения «Фауст». Перу Мариэтты Сергеевны Шагинян – известного советского (русского и армянского) писателя – принадлежит монография «Гёте». В статье отмечено, что монография М.С. Шагинян содержит характеристику таких особенно ярких элементов гётевской методологии, как принцип историзма и принцип органицизма.

Ключевые слова: Гёте; Шагинян; принцип историзма; диалектические противоречия; принцип органицизма; труд.

METHODOLOGY OF THE GOETHE'S «FAUST» IN ASSESSMENT MARIETTA SERGEEVNA SHAHINYAN

Anatoly V. Belov

Professor of Department of philosophy and science methodology
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: rusnasledie@mail.ru

Abstract. The article discusses the methodology of the German thinker, Goethe, the author of the work «Faust». Marietta Sergeevna Shaginyan – famous Soviet (Armenian and Russian) writer – is the author of the monograph «Goethe». The article noted that the monograph of M. S. Shahinian contains a description of such a particularly striking elements of Goethe's methodology as the principle of historicism and the principle of organicism.

Keywords: Goethe; Shahinian; the principle of historicism; dialectical contradiction; the principle of organicism; work.

Перу Мариэтты Сергеевны Шагинян – известного советского (русского и армянского) писателя – принадлежит монография «Гёте», в которой она особенно ярко охарактеризовала такие элементы гётевской методологии, используемой немецким поэтом и мыслителем в его «Фаусте», как принцип историзма, диалектический метод и принцип органицизма.

Шестьдесят лет Гёте (1749–1832) писал своего «Фауста», почти всю сознательную жизнь. Впервые он замыслил свое гениальное произведение к концу 1760-х гг., окончание работы над ним приходится на 1831 г. «Не только рост и формирование внутреннего мира человека и писателя Гёте, но и все содержание пережитой им эпохи, политические события и научные споры, надежды и разочарования, большие общественные потрясения и крупные явления искусства – все это нашло себе отражение в “Фаусте”, – утверждала М.С. Шагинян в монографии «Гёте» (1949). – С трепетом, с потрясением внутренним, вызывавшим приток слез, приступал Гёте всякий раз, через промежуток месяцев, лет, десятилетий, к основному труду своей жизни, всякий раз вкладывая в него весь накопленный опыт» [1, 150–151]. Такие художественные произведения как «Фауст» сродни «Илиаде», памятнику классической древности. Недаром А.С. Пушкин (1827) поставил «Фауста», это «величайшее создание поэтического духа» Нового времени в один ряд с творением Гомера.

Содержание «Фауста» можно вкратце представить следующим образом. Доктор Фауст, средневековый ученый, достиг многого в овладении науками, но истины так и не познал, а меж тем жизнь его уже почти на исходе, но он ее и не увидел. Однажды на прогулке со своим коллегой Вагнером, сухим и бездарным схоластом, Фаусту вдруг открылась во всем своем великолепии весенняя природа и радость бытия от ее созерцания прогуливающихся людей. И щемящее чувство о своей утраченной жизни поразило его сердце. Ему вдруг стало жаль промелькнувшей незамеченной молодости, своих упущенных для жизни десятилетий. И вот Мефистофель, дух вечного отрицания, испросивший у Бога позволения испытать ученого, меняя различные облики, предложил ему заключить договор о том, что он вернет Фаусту переживание полноты бытия при условии, если тот отдаст душу дьяволу. Скептически настроенный Фауст, ни в чем не находивший полного удовлетворения, – этот договор подписал, будучи в глубине души уверенным, что Мефистофель все же не сможет выполнить всех его желаний, и, поворотив время вспять, вряд ли для него, Фауста, наступит такая минута, когда он скажет: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!». А посему и не придется ему отдавать душу дьяволу. Мефистофель, соблазняя Фауста, разворачивает перед ним многообразие человеческой жизни. В первой части Фауст проходит через соблазн личной любви к девушке Гретхен; во второй его искушают соблазнами власти, богатства, государственного строительства, наконец, наступает время настоящего счастья, ради которого его можно бы остановить. Это счастье Гёте называет «*трудом на пользу человечества*».

При чтении «Фауста» Мариэтту Сергеевну Шагинян не покидало «ощущение протяженного времени, чувство начала, середины и конца жизни...». «Закончив последнюю страницу, – писала она в монографии о своих реальных переживаниях, – ловишь себя на странном чувстве: на чувстве пройденного большого отрезка времени, словно не только читал ты, но и жизнь прожил вместе с Фаустом, и невольно говоришь себе в конце: “А ведь целая жизнь прошла”, как и заявлял Мефистофелю Фауст» [1,154].

Конечно же, Гёте не мог не овладеть великими завоеваниями немецкой классической философии – принципом историзма, диалектическим методом и методологией организма. И овладел ими во всем великолепии.

Гёте «был могучим диалектиком», – была убеждена М.С. Шагинян. – И именно «Фауст», как никакое иное его произведение, пропитан диалектической мыслью. Диалектика пронизывает всю концепцию «Фауста», ибо разворачивает «развитие человеческой судьбы в противоречиях». Мыслитель Гёте был убежден, что «одинаковое оставляет нас в покое; нужно противоречие, чтобы сделать нас продуктивными». Вечные противоречия помогают герою Гёте «развернуть великую жизнеутверждающую философию бытия» [1, 160]. Ищущему, познающему, страдающему, творчески создающему жизнь Фаусту противостоит Мефистофель, дух вечного отрицания, столь необходимый Фаусту в качестве постоянного стимула, возбуждающего его противоречия. Ученому Фаусту, целью творческого труда которого выступает познание живой материальной действительности, противостоит сухой схоласт Вагнер, рассматривающий науку «от страницы к странице» изучаемых им книг и олицетворяющий собой абстрактную мысль средневековья. Рефлектирующему над своими переживаниями Фаусту противостоит чувственная девушка Гретхен «с остро развитым инстинктом, подсказывающим ей ее суждения до всякого довода разума». Фауст, «олицетворение раздвоенной личности» начала XIX века, – прямая противоположность Елены, «классической героини древности, выражающей собою полную гармонию, полную удовлетворенность, полное внутреннее, замкнутое в себе самом, спокойствие. Благодаря этому противопоставлению характеров, – утверждала М.С. Шагинян, – Гёте удалось закрепить и передать движение исторической жизни его эпохи в ее живых противоречиях» [1, 153–154].

Изложению «Фауста» присуще «огромное чувство историчности» Гёте, «его умение передать “время”... перспективно». В качестве примера М.С. Шагинян ссылалась на изумительное гётевское историческое чутье в описании средневекового городка с его кабачком, базарной площадью, церковью, алхимической мастерской и современного государства, печатающего бумажные деньги и колонизирующего завоеванные земли, подчеркивая при этом не только «историзм» автора «Фауста», но и «материалистическое отношение Гёте к фактору времени» [1, 157]. Если для философа-идеалиста Канта «время» выступало формой созерцания, чистой «категорией», что вслед за ним позволяло художникам-идеалистам мыслить вещи и явления «надвременными»,

«вневременными», неподвижными, а прошлое, настоящее и будущее понимать одновременными, то для художника-материалиста Гёте течение времени было формой бытия материи, связанной с изменением социальной среды, взаимоотношениями между людьми, становлением, расцветом и упадком как личности, так и общества.

Принцип историзма реализован и в эпизоде с Гомункулусом, этим плодом ненавистной для Гёте схоластики. Следуя постулату: пока природа создает все живое путем «организации», возможно создать в колбе живого человечка путем «кристаллизации», книжник Вагнер создал такого человечка, скорого и острого на язык, но передвигающегося и острящего только в стеклянной колбе, в искусственной среде обитания. Если же колба будет разбита, то Гомункулус, соприкоснувшись с настоящей средой, погибнет. И все же искусственный человек, созданный путем «кристаллизации», хочет осуществиться, желает «воплощенья»:

...вполовину только он рожден.
В душевных свойствах нет в нем недостатка;
Лишь в годном, в осязательном нехватка.
Теперь ему стекло лишь вес дает;
Он воплощенья истинного ждет...
(перевод М.С. Шагинян)

Искусственное сотворение человека, по глубокому убеждению Гёте, сторонника исторического метода в биологии, – возможно лишь в теории; для действительного же «воплощенья» в объективную реальность этому «ублюдку» с «душевыми свойствами» требуется пройти длинный исторический путь развития материи от мельчайшей единицы живого, от клетки, – до человека, как общественного существа. И на этом огромном пути не помогут нарушения законов природы, волшебство и магия Мефистофеля, т.е. «нечистой силы», противоречащей здравому рассудку, науке и самой природе.

Гёте – неистовый критик методологии механицизма. Для него механицисты всех мастей (и биологи, и художники)

Во всем подслушивать жизнь стремясь,
Спешат явленья обездушить,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать.
(перевод Б.Л. Пастернака)

«Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслью – такова смелость Гёте в “Фаусте”...».

Констатируя эту мысль органициста Гёте, М.С. Шагинян, в сущности, преподнесла настоящий урок чтения выдающегося произведения светоча немецкой литературы – «не раздробить до пылицы и перестать понимать целое, а прочесть, как написано, как “изобретено”, как “объято творческой мыслью” создателя, прочесть, чтобы освоить *целое*. А целое раскрывается по порядку, по плану» [1, 177]. Сила ума художника располагает части своего произведения в их отношении к органическому целому – это значит, что сила ума, «высшая смелость» создает концепцию произведения, заставляя каждую часть служить целому и выявлять смысл этого целого. Подчеркивая столь важное для Гёте значение плана произведения, М.С. Шагинян утверждала, что «... можно противоречить себе в частностях, в отдельных высказываниях на протяжении всей жизни, – ведь само “развитие протекает в противоречиях”, но “... *направление искусства выражается в его плане*”» [1, 178]. Вот почему для Гёте чрезвычайно важно было значение *плана* «Фауста», чтобы понять не только части этого великого произведения, но и его грандиозное целое.

Немецкий художник-органицист настаивал, что полное развитие темы «Фауста» заложено в развитии характера его главного героя, и разгадка отдельных частей его трагедии лежит в понимании целостной концепции, согласно которой Фауст должен был пережить последовательно ряд обстоятельств – от самых «жалких» до все более и более высоких. План гётевского «Фауста» состоял в том, чтобы герой прошел через различные ступени своего развития, – через личное счастье (отношение к Гретхен), через становление научной карьеры, через стремление к высшей художественной красоте (отношение к древнегреческой Елене), и показать его *неудовлетворенность* всем этим. И в конце концов все же достичь той *высшей* минуты наслаждения, которая, по убеждению Гёте, заключается в отдаче себя народу, в труде, направленном на достижение народного счастья и свободы народа. На реализацию этого *плана* развития своего «Фауста» «по порядку» у Гёте ушло шестьдесят лет, целая жизнь! И только из-под пера 80-летнего старца мог явиться проникновенный конец, – «пятый акт второй части, тот конец, ради которого написан весь “Фауст” и где дана победа умирающего Фауста над смертью» [1,179].

... Жизни годы

Прошли недаром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!

Тогда сказал бы я: мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смелó б веков теченье
Следа, оставленного мной!
В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой.
(Перевод Н.А. Холодковского)

Течет жизнь, с нею изменяется и возраст человеческий, в каждом возрасте своя кульминация. Молодость – это любовь. Вначале драмы молодому Фаусту, ищущему полноты бытия одиночке и индивидуалисту, любовь не приносит полного счастья. Не желает Фауст отдать душу дьяволу за соединение с самой прекрасной женщиной в истории человечества, представленной гомеровским образом таинственной Елены. Полноту человеческого бытия Фауст не усмотрел в «греческой гармонии», в снах о прошлом «золотом веке». С возрастом у Фауста меняются интересы: он нуждается в среде, обществе и в политике. Мефистофель приводит его ко двору одного из европейских государей, где царят материальное разорение, падение морали, подкупленное судопроизводство, выросший эгоизм, кучка богатеев, море нищеты, никакой надежды на союзников, где нет обещанных субсидий и пуста казна. Хитрый Мефистофель отлично знал – чем подкупить двор: деньгами, деньгами, деньгами. Гёте питал отвращение к меркантилизму Европы, какую она стала после наполеоновских войн, к всеобщей продажности, погоне за наслаждением, звериному оскалу буржуазного национализма и лихорадочной подготовке войн. «Строго обдуманной поэтом карнавал масок» и «феерия», вызванная золотой горячкой, не способны заставить его героя – Фауста – потерять свою душу [1, 181]. Не соблазняют Фауста предложения отвоевать у соседей большое пространство морского берега, овладеть огромной личной собственностью. Война и собственность не смогут принести ему счастья, т.к. за ними следуют преступления.

М.С. Шагинян подметила, что в последние годы своей жизни Гёте много думал о смерти, единственную силу сопротивления которой он нашел, крепко держась мечтой за *Будущее*, в уже начатом, но недоконченном «деле». Именно «труд», «Дело» не позволяют сломить волю человека к жизни, вывести его из неуверенности и упадка «Духа»:

Я целый край создам обширный, новый,
И пусть мильоны здесь людей живут,
Всю жизнь, в виду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.
(Перевод Н.А. Холодковского)

Только «в труде для счастья народа, в борьбе с прошлым для будущего, – отмечала М.С. Шагинян, – уничтожении отживших форм, которые “заражают воздух” и грозят испортить победы будущего, – в передовом социальном делании видит Гёте высший и последний подвиг человека». В каждодневной борьбе с природой, борьбе за свободу и жизнь, видит он «конечный вывод мудрости земной». И только в осознании этой мудрости у человека наступает возможность переживания полноты бытия, когда он способен «остановить мгновенье», и душа его обретает спасенье, а Мефистофель теряет свои права на нее.

Нет, ни войне и агрессии, ни грабежу и капиталу, ни одиночеству и индивидуализму, ни насилию и ханжеству, а неустанной борьбе с отжившим за передовое, борьбе «за труд и свободу простых людей, за мирное творчество на земле» [1, 185] – посвящено произведение «Фауст» великого Гёте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шагинян М.С. «Гёте» // М.С. Шагинян Собрание сочинений в девяти томах. – Т. 8. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 11–211.

АРАКЕЛЯН СЕРГЕЙ КАРАПЕТОВИЧ И СТАНОВЛЕНИЕ НЕФТЕГАЗОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ СССР

Чолахян Вачаган Альбертович

доктор исторических наук, профессор

Института истории и международных отношений

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

г. Саратов, Россия

e-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается жизненный путь одного из командиров нефтегазостроительной отрасли СССР С.К. Аракеляна. В основу исследования автор положил этапы полувекового жизненного пути С.К. Аракеляна от мастера до заместителя министра, связанные со строительством таких газовых магистралей как Саратов – Москва, Средняя Азия – Центр, Уренгой – Помары – Ужгород, а также нефтепроводов «Дружба», Усть-Балык – Курган – Уфа – Альметьевск, Куйбышев – Саратов и других, вобравших в себя крупицы его энергии, инженерного и организаторского таланта.

Ключевые слова: нефтегазостроительная отрасль; газовые магистрали; нефтепроводы; мастер; заместитель министра; Саратовская область.

SERGEY ARAKELYAN KARAPET AND DEVELOPMENT OF OIL AND GAS ENGINEERING INDUSTRY OF THE USSR

Vachagan A. Cholakhian

Doctor of Historical sciences

Professor of the Institute of History and International Relations

Chernyshevsky Saratov State University

Saratov, Russia

e-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Abstract. The article discusses the life path of one of the commanders of the oil and gas engineering industry of the USSR S.K. Arakelyan. In the study the

author puts the stages of half a century of life's way S.K. Arakelyan from the master to the Deputy Minister related to the construction such as gas pipelines Saratov – Moscow, Middle Asia – Center, Urengoy – Pomary – Uzhgorod, as well as oil pipelines «Druzhba», Ust-Balyk – Kurgan – Ufa – Almet'yevsk, Kuibyshev, Saratov and others, which absorbed the nuggets of his energy, engineering and organizational talent.

Keywords: oil and gas engineering industry; gas lines; oil pipelines; the master; the Deputy Minister; Saratov oblast.

Аракелян Сергей Карапетович является одним из «командиров» нефтегазовой отрасли с классической трудовой биографией. Как строитель, как хозяйственник, он освоил полный, без экстернов, курс от мастера до заместителя министра. Сама судьба изначально предопределила богатство его полувекового послужного списка: ему, выпускнику вуза, довелось начинать молодым специалистом на первом в стране дальнем газопроводе Саратов – Москва, ставшем предвестником великой эпохи созидания самой мощной в мире нефтегазотранспортной системы.

Аракелян Сергей Карапетович и его старший брат Александр чтит отца и мать втрое: за то, что дали им жизнь, за безоблачное и не голодное для того времени детство и еще за то, что когда-то для них родители сберегли самих себя. В юном возрасте Карапету Воскановичу и Люсе Петросовне чудом удалось пережить волну геноцида, прокатившуюся по Западной Армении в 1915 г. Потеряв многих родных (у пятнадцатилетней Люси обоих младших братьев турки закололи прямо на руках у матери, бабушки Сергея), они с трудом перебрались на российскую территорию. Карапета Аракеляна приютили в небольшом армянском селе Казанчи близ города Гюмри (Ленинакан). Здесь, 11 ноября 1928 г., родился Сергей Карапетович Аракелян. В 1932 г. семейство Аракелянов переселилось в Баку, где глава семейства Карапет устроился рядовым буровиком на один из промыслов треста «Лениннефть». На том же промысле в те годы работал инженером молодой выпускник института Н.К. Байбаков, будущий председатель Госплана СССР.

Когда началась Великая Отечественная война, старший брат Александр, окончив летную школу, ушел на фронт. Он демобилизовался в 1948 г., экстерном окончил Азербайджанский индустриальный институт, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой Чувашского государственного университета.

Отец, Карапет, получил бронь – нефтяники операторы-буровики постановлением ГКО остались работать на нефтепромыслах.

В 1945 г., после окончания школы, Сергей поступил в Азербайджанский индустриальный институт имени Азизбекова. Этот институт оканчивали

в свое время Сергей Королев и Лев Ландау – будущие академики, а также Н. Байбаков, С. Орудовец, М. Сидоренко, В. Дисков, Г. Маргулов и другие, которые впоследствии стали активными создателями нефтегазового комплекса страны. На фасаде здания института в то время висела памятная доска только об одном выпускнике – Лаврентии Берии.

В институте Сергей встретил свою будущую «половинку» – Асю Егизарову. После окончания института они поженились. На преддипломную практику Сергей Аракелян попал в Азтеруправление по строительству, входившее в систему Миннефтепрома СССР. Управлением руководил А.Г. Карапетян, послуживший прообразом одного из героев прогремевшего в 1950-е гг. романа Василия Ажаева «Далеко от Москвы».

После защиты дипломного проекта Сергей Аракелян получил распределение в трест «Саратовгазнефтепроводстрой». 1 августа 1950 г., день, когда 21-летний инженер прибыл в Саратов, стал датой начала его самостоятельной трудовой деятельности. С годами она стала восприниматься им как второй день рождения. Сначала он работал мастером, потом прорабом в Кологривовке, а затем и начальником участка. Вскоре, в 1956 г. в Саратовском Заволжье при его непосредственном участии сформировали СУ-2 треста «Саратовгазнефтепроводстрой». Почти на границе с Казахстаном началось освоение крупного нефтегазового месторождения, по времени совпавшее с целинной эпопеей. Перед тысячным коллективом строителей, который возглавлял 28-летний Сергей Аракелян, была поставлена двойная задача: обустройство месторождения и строительство поселка для целинников. Так начиналось месторождение Степное и нынешний, носящий то же самое название, райцентр Саратовской области с 25-тысячным населением.

Во многом, благодаря труду строителей СУ-2, голая степь, где они начинали в 1950-е гг., уже десятки лет на Саратовской земле называют Золотой Степью. При поддержке первого секретаря Саратовского обкома КПСС Алексея Ивановича Шибяева и председателя областного Совнархоза Виктора Ивановича Чеботаревского, людей неравнодушных и мыслящих, С.К. Аракелян добился создания треста № 5 «Нефтегазстрой». Ради такого дела пришлось прервать ему учебу на Высших курсах при Академии архитектуры – Аракелян срочно вернулся в Саратов и приступил к формированию нового коллектива. «Шел 1960 г., – вспоминает Сергей Карапетович. – Первым делом собрали те управления, что уже были, создали три новых. В работу включились практически сходу, объемы росли, вместе с ними “росли” и мы – в скором времени трест стал первой категории» [1]. По завершении восьмой пятилетки, в 1970 г., трест был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1971 г. трест № 5 «Нефтегазстрой» был преобразован в объединение «Приволжскгазстрой» и в том же году коллектив был награжден Грамотой

ЦК КПСС, Верховного Совета, Совета Министров СССР и ВЦСПС, а его руководитель, С.К. Аракелян – орденом Ленина [2].

И трест, и объединение были комплексные. Работали по всему спектру: сооружали трубопроводы, компрессорные и насосные станции, обустроивали промыслы, строили жилье и дороги. В сентябре 1972 г. коллегия Мингазпрома СССР приняла решение направить дополнительные силы на важнейшую стройку – нефтепровод Самотлор – Усть-Балык – Курган – Уфа – Альметьевск, который должен был дать большую нефть Западной Сибири в центр страны. Ввод магистрали был намечен на май 1973 г., и, чтобы выдержать сроки, к сооружению объекта привлекли специализированные организации из разных регионов страны, в том числе и «Приволжскгазпромстрой».

Для объединения «Приволжскгазстрой» этот объект стал первым в Сибири. Волжанам достался 126-километровый участок от насосной станции Аремзяны до реки Иртыш. После строек в средней полосе и в южных районах предстояло приобретать новый опыт: суровая зима, тайга... Когда под Тобольском строили нефтепровод, С.К. Аракелян приметил Б.Е. Щербина, первый секретарь Тюменского обкома. Он пригласил С.К. Аракеляна в Тюмень, предложил главк и настоятельно советовал подумать. Аракелян на следующее утро поблагодарил Б.Е. Щербину, с трудом находя нужные слова, и сразу же уехал. Вскоре Б.Е. Щербину назначили министром и тот убедил С.К. Аракеляна переехать в Москву. Шибаев А.И., с которым сложились самые добрые отношения, по-дружески пошутил: «Что, лучше быть головой у кошки, чем хвостом у льва» [3]!

Конечно, это его задело, он и сам знал, что успокоенность – самый страшный соблазн, который гнать надо взащей. Но, с другой стороны, – в Саратове свили гнездо, дети учатся, сам член обкома партии, депутат горсовета, люди ценят, с коллективом сросся... И Аракелян с третьей попытки решился переехать в Москву. Это случилось в октябре 1975 г. В Миннефтегазстрое СССР он стал начальником сметно-договорного управления. В 1976 г. его назначили начальником крупнейшего специализированного главка – «Главнефтегазспецмонтаж». В том же году в мае произошло сильное землетрясение в Узбекистане. Поселок газавиков Газли недалеко от Бухары оказался сильно разрушенным. Министр Б.Е. Щербина назначил С.К. Аракеляна уполномоченным представителем министерства и представил его Ш. Рашидову и Худайбердыеву. Именно после выполнения восстановительных работ в Узбекистане и по возвращению в Москву Аракелян был назначен начальником главка «Главнефтегазспецмонтаж». В 70-тысячном коллективе трудился весь цвет строителей-монтажников, выполнявших механомонтажные и электромонтажные работы, наладку КТПа, подводно-технические работы.

У С.К. Аракеляна есть предмет особой гордости, стоивший ему, правда, крови и нервов. Страны Западной Европы, особенно Голландия и Бельгия,

славившиеся на весь мир урожайностью своих сельскохозяйственных угодий, с большой охотой покупали в СССР аммиак, хорошо и исправно платили. Об этом знал известный американский предприниматель Арманд Хаммер, заключивший контракт, в соответствии с которым на его кредиты предстояло построить аммиакопровод большой протяженности, после чего расплатиться с ним компенсационными поставками готовой продукции. Магистраль должна была связать крупнейший в СССР аммиачный завод в Тольятти со специально сооруженный одесским терминалом.

«Главнефтегазспецмонтажу» первоначально были поставлены две задачи – сооружение в районе Кривого Рога нескольких километров эстакады и строительство подводных переходов «труба в трубе». С тремя переходами строители главка справились успешно. Но на Днепре, 100 км ниже Днепропетровска, у самого начала Каховского моря, строители «напоролись» на скалу, которую разработать было невозможно. Тогда был предложен надземный вариант – вантовый мостовой переход длиной 760 м и высотой 73 м – крупнейшее в Европе из подобных инженерных сооружений. Госплан подготовил проект постановления ЦК и Совмина, согласно которому строительство перехода поручалось Минспецмонтажстрою и Минтрансстрою. Нежданно-негаданно Б.Е. Щербина позвонил С.К. Аракеляну и сказал, что им нужно быть в Госплане у Н.К. Байбакова. Байбаков встретил их озадаченный: руководители этих двух министерств не визируют проект: у одних, якобы, заводы загружены, а у других все силы на БАМе. Байбаков Н.К. дал неделю для выработки своих предложений по выходу из сложившегося положения, в противном случае стране грозила огромная неустойка за просрочку. Тут С.К. Аракелян вспомнил, как в 1960-е гг. строили газопровод Бухара – Урал, где установили вантовый 500-метровый переход через Амударью, и предложил найти этих строителей-монтажников, а «отказникам» поручить изготовить металлоконструкции. С этими предложениями и пошли к Байбакову. Пока утрясали вопросы с фондами, пошло поручение воронежскому заводу металлоконструкций, а С.К. Аракелян занялся собиранием кадров, опосредованно, через своих коллег. В частности, через начальника грозненского управления треста «Союзмонтазгаз» Владимира Сааковича Галстяна нашел бригадира с Амударьи, Сергеева М.И., потом еще одного рабочего, и так по цепочке. Только с монтажниками разобрался, как в Воронеже появились проблемы со сроками изготовления конструкций. Аракелян тут же на поезд и приехал в Воронеж. Здесь директор завода показал ему график работы в три смены, множество неukoмплектованных заказов и прочие проблемы. Чтобы подстегнуть заводчан, Аракелян сумел добиться выделения через ОРС Миннефтегазстроа автомобилей наиболее отличившимся рабочим. В результате вовремя получили металлоконструкции и заготовки.

После этого началась интересная работа по монтированию и установке пилонов на берегу. Австрийские трассы толщиной 76 мм растягивали,

заделывали концы и заливали чашку свинцом. Министр химической промышленности Костандов Леонид Аркадьевич не раз прилетал на объекты, консультировал, а потом докладывал Байбакову об успехах монтажников. И сейчас над зеркалом Днепра высится 70-метровый мост-красавец, покрашенный к тому же не алюминиевой пудрой, как обычно принято красить металлоконструкции, а белой эмалью – тоже, кстати, пришлось выбирать С.К. Аракеляну. А высота моста – как раз для прохода кораблей класса «река-море».

В 1978 г. С.К. Аракеляна назначили заместителем министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Здесь в очередной раз проявились морально-этические стороны его характера. Дело в том, что предыдущего руководителя Александра Герасимовича Карапетяна «по выслуге лет» отправляли за рубеж работать советником министра нефти Ирака (тогда в ходу была такая форма предпенсионного поощрения), а он еще находился на больничном. И пока А.Г. Карапетян не вышел на работу, С.К. Аракелян не вошел в его кабинет, несмотря на настоятельные требования Б.Е. Щербины. Когда А.Г. Карапетян вышел, то первым позвонил Аракеляну, поздравил его с назначением и пригласил выпить по стопочке. Коллеги встретились, выпили двадцатилетнего «Наири» и по-дружески расстались.

В жизни С.К. Аракеляна особое место занимает строительство газопровода Уренгой – Помары – Ужгород протяженностью 4451 км, труб диаметром 1420 мм, 40 компрессорных станций, пропускной способностью 32 млрд кубических метров газа в год. Это время совпало с очередным обострением советско-американского противостояния. Президент США Р. Рейган объявил эмбарго на поставки в нашу страну необходимых технологий и оборудования, в том числе газовых турбин для компрессорных станций. Не все европейские страны-союзники США безоговорочно поддались давлению заокеанского «партнера», но, тем не менее, суровая необходимость стала двигателем прогресса. В результате совместных усилий из 40 компрессорных станций экспортного газопровода Уренгой – Помары – Ужгород – Европа, 24 или 60 % стали отечественного производства и только 16 были поставлены из Италии. Самым непосредственным образом к этому достижению был причастен и С.К. Аракелян, который вместе с президентом АН СССР А.П. Александровым сначала в Ленинграде, потом в Хабаровске и Перми много сделали, чтобы привести в жизнь принятое в столь сложный период решение: «Будем делать свои турбины» [4].

На С.К. Аракеляна в районе Помары был возложен контроль за ходом строительства всех КС на этой трассе. Он буквально «прописался» там, чем дал повод дочери Иветте попенять ему: «Пап, за мои пятнадцать лет, если подсчитать по дням, то был со мной пять лет, один месяц и четыре дня...» [5].

В августе 1983 г. началось заполнение газом линейной части, а за два дня до профессионального праздника нефтяников и газовиков в Москву доложили: КС Помарская начала работать «в трассу». С 1984 г. С.К. Аракеляну, наряду с наземным строительством, было поручено курировать внешнеэкономическую деятельность. Задача была двоякая: с одной стороны, расширять строительство нефтегазовых объектов отечественными организациями за рубежом (Ближний и Средний Восток, Африка, ряд европейских стран), а с другой, активизировать интеграционное строительство на территории СССР. Здесь проявились ценные качества «дипломата-хозяйственника» С.К. Аракеляна, помогавшие ему в делах: коммуникабельность, умение располагать к себе людей во время деловых контактов и в то же время железная неуступчивость, причем не взирая на лица. Для него было абсолютно неважно, какую страну представлял его партнер на переговорах – капиталистическую, развивающуюся или государство социалистического лагеря, важно было ни на йоту не поступиться интересами своей страны.

Когда в 1988 г. в Армении произошло страшное землетрясение, С.К. Аракелян сумел добиться, чтобы румынские строители построили под Ереваном полигон на 45 тысяч квадратных метров жилья, рассчитанного на 9-бальную сейсмичность.

С.К. Аракелян 13 лет являлся заместителем министра, никогда ни для кого не был неприступным бастионом: умел слушать людей не перебивая, затем, задав вопрос-другой, чаще всего решал проблему сходу. Казалось, для него и в бытность руководителем отрасли высокого ранга не существовало деления на первостепенные и незначительные вопросы. «Грамотный строитель, самоотверженный труженик, толковый и контактный человек», – писал о нем Ю.П. Баталин [6].

В 1991 г. после упразднения министерства С.К. Аракелян стал генеральным директором международного консорциума «Машиноимпорт» по строительству газопровода Болгария – Греция, а в 1996 г., после завершения магистральной части газопровода Болгария – Афины, перешел в акционерное общество «Стройтрансгаз» генеральным директором Представительства в Греции по строительству газопроводов-отводов высокого давления. С 1998 г. С.К. Аракелян является советником президента ОАО «Стройтрансгаз».

С.К. Аракелян является лауреатом Государственной премии СССР за строительство подводных переходов повышенной надежности на газопроводе Уренгой – Помары – Ужгород (1985), а также премии Совета Министров СССР за строительство подземных хранилищ газа на Елшано-Курдюмском, Песчано-Уметском месторождении (1974). Он награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, медалями СССР и Болгарии, Венгрии, Афганистана, Чехословакии, а также удостоен званий «Почетный работник Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой

промышленности», «Почетный работник газовой промышленности», «Почетный работник топливно-энергетического комплекса», «Ветеран труда газовой промышленности», «Заслуженный строитель РСФСР».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Обретенное призвание // Потенциал. – 2003. – 6. – С. 75.
2. Там же. – С. 76.
3. Там же. – С. 77.
4. Там же. – С. 81.
5. Там же. – С. 82.
6. Там же.

АВЕТ ТЕРТЕРЯН И РОССИЯ. ФЕНОМЕН ВОСПРИЯТИЯ

Рухкян Маргарита Ашотовна

доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела музыки
Институт искусств Национальной академии наук Республики Армения
г. Ереван, Армения
e-mail: margaritarukhkyan@gmail.com

Аннотация. Авет Тертерян (1929–1994), получивший во второй половине XX в. широкое мировое признание, привнес в Россию свой мир, свою философию, свою музыку. Его симфонии исполняли лучшие российские оркестры и дирижеры. Именно здесь он нашел особое духовное проникновение в его сложный эзотерический мир, что объясняется и богатым опытом русской культуры, и особенностями русского менталитета.

Ключевые слова: симфоническая драма; притчевые формы; духовное проникновение; русский менталитет; духовное единение.

AVET TERTERYAN AND RUSSIA. THE PHENOMENON OF PERCEPTION

Margarita A. Rukhkyan

Doctor of Art Criticism, Leading Researcher of Music Department
Institute of Arts of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Yerevan, Armenia
e-mail: margaritarukhkyan@gmail.com

Abstract. Avet Terteryan (1929–1994), who received worldwide recognition in the second half of the twentieth century, has introduced his own world, his philosophy, his music into Russia. His symphonies have been performed by the best orchestras and conductors of Russia. This is where he has found a special spiritual insight into his complex esoteric world which can be explained by the rich experience of the Russian culture, and the peculiarities of the Russian mentality.

Keywords: symphonic drama; parable forms; spiritual insight; Russian mentality; spiritual unity.

Творчество Авета Тертеряна, устремленное к осмыслению духовных констант своей национальной культуры, поднималось на богатейшем синтезе мировых музыкальных традиций, среди которых ему особенно близка была галактика русской классической школы, ее великая музыка XIX и XX вв. Он был ментально близок русской культуре с детства, прекрасно знал язык и русскую литературу. И все равно, каким-то чудом для него стал тот отклик, который получила его музыка в России. Здесь, в конце своей жизни он обрел свою духовную обитель, его исполняли лучшие российские оркестры и лучшие дирижеры. Здесь же, в молодые годы, он познал свой первый большой успех, когда его дипломная работа, Вокально-симфоническая кантата «Родина», написанная для большого симфонического оркестра и солистов на слова армянских поэтов Ованнеса Туманяна и Ованнеса Ширазы в 1962 г., удостоилась Первой премии на Всесоюзном конкурсе молодых композиторов. В 1963 г. он переживет в Москве, с этим же произведением, очередной успех, когда его Кантата «Родина» торжественно откроет Пленум композиторов СССР в Колонном зале Дома Союзов. Кантату исполнит оркестр БСО под управлением Альгиса Жюрайтиса с участием известных армянских вокалистов Миграна Ерката – баритон и Беллы Айдинян – сопрано.

Идея оперы «Огненное кольцо» была создана на основе рассказа А. Лавренева «Сорок Первый». Главный режиссер Московского музыкального театра имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко Лев Михайлов приглашается Ереванским театром оперы и балета на роль консультанта постановки. Спектакль имел большой успех, который можно назвать всесоюзным. Первые рецензии были опубликованы во всесоюзной прессе: в газете «Правда» вышла статья Карины Худабашян, а в журнале «Советская музыка» – статья известного московского музыковеда Нонны Шахазаровой, которая вместе со своими коллегами Юрием Коревым, главным редактором журнала «Советская музыка» и его заместителем Лианой Гениной специально приехали на премьеру оперы в Ереван.

В 1971 г. Авет Тертерян как работник Министерства культуры Армении был включен в состав делегации от Министерства культуры СССР в поездку в Монголию, которой было поручено изучить, как обстоят дела на месте с музыкальным образованием. И здесь опять Тертеряном руководят творческий интерес и расчет – узнать как можно больше об исконных музыкальных и духовных традициях этого края. Эта поездка совершила мощный поворот в осмыслении природы звука, обогатила композитора незабываемыми впечатлениями, новыми художественными идеями. Отныне он концентрирует свое внимание на факторе одиночного звука как источника вдохновения, «в микрокосмосе которого можно увидеть всю вселенную».

Друг за другом, с промежутком в полтора-два года появляются его притчевые симфонии – Вторая, Третья, Четвертая... вплоть до Восьмой.

Тертерян с напряженным вниманием вслушивался в современный мир, с горечью отмечая его несовершенство, внутренним слухом улавливая опасную фальшь, угадывая трагический вектор его развития. Его симфонии требовали особого слушательского внимания, напряженной работы души и мысли, они воспринимались по аналогии с библейскими притчами как предсказания и предупреждения. Их актуальность была поразительной. Они были именно тем, что должен был услышать мир в это время. Тертерян оказался в группе тех музыкантов, которые смело распорядились своим даром слышать время, открыли его духовные координаты, ужаснулись и возвестили, восстали и поверили. Именно этой своей причастностью к судьбам человечества Тертерян покори́л мир. Причем очень быстро, по нарастающей.

И вот поистинне звездный концерт – Москва, 11 октября 1982 г. Под управлением Геннадия Рождественского в Большом зале консерватории им. Чайковского в одном концерте прозвучали Четвертая и Пятая симфонии Авета Тертеряна. Дирижер предворял исполнение этих симфоний поэтическим словом, рассказывая о глубинных художественных традициях Армении, и в связи с Пятой симфонией, написанной для большого симфонического оркестра и каманчи – о поэте, музыканте, ашуге XVIII в. Саят-Нова, читал его стихи – «из всех хваленных в мире лир, полней звучишь ты, каманча...». В своем слове дирижер назвал Тертеряна «поэтом звука».

Спустя месяц, 7 ноября, Геннадий Рождественский повторил этот же концерт в зале Ленинградской филармонии. Казалось, весь музыкальный мир в самых главных музыкальных центрах завоеван. Тертерян с середины 70-х известен и в Германии, где в оперном театре города Галле была поставлена его опера «Огненное кольцо», где звучат его симфонии...

В своем постоянном жилище – Доме творчества «Дилижан», расположенном в живописном ущелье, окруженном широким простором гор, Авет Тертерян создавал все свои произведения, начиная со Второй симфонии. В 1981 г. он приступает к созданию оперы по новелле Генриха фон Клейста «Землетрясение в Чили», выполняя заказ Государственного театра города Галле (ГДР). Опера уже писалась, драматургия была продумана, персонажи жили в воображении композитора и вписывались в партитуру. Но композитору не доставало мелодии, которая поднялась бы над содержанием, над историей, неся в себе символ вечной любви, вечной жизни. Ему, по его просьбе, армянские музыковеды и работники Матенадарана подбирали древние, дошедшие до наших дней духовные и светские монодии, фольклористы – самые старые песни. О его поисках знали и его новые друзья – ученые из Москвы, из МГУ, часто собиравшиеся в облюбованном ими Дилижане на семинары и гуманитарные собрания. И вот, осенью 1983 г. здесь состоялся один из таких семинаров. Одним из его организаторов был известный востоковед, лингвист Вячеслав Всеволодович Иванов, хорошо знакомый с Тертеряном. В эту осень он приехал в Дилижан с пластинкой, на которой была записана расшифрованная

американским ассирологом А.Д. Кильмер хурритская песня, относящаяся ко второму тысячелетию до н. э. Он вручил ее Тертеряну со словами: «Возьмите, она по праву принадлежит вам». Мелодия из Угарита, представляющая из себя поэтичный двуголосный текст, самым невероятным образом стала для композитора воплощением того идеала, который он искал.

А между тем, параллельно с этими событиями, выводящими композитора на мировую арену, открывается новая глава его творчества и его жизни, вовлекшая его в разгадку тайны русской души и принесящая ему настоящее удовлетворение и счастье. Здесь, в прекрасных городах русской провинции Авет Тертерян открывает для себя новую Ойкумену, наполненную огромной духовной энергией. Ею стали города провинциальной России. Свердловск (ныне Екатеринбург), Ялта, Семфорополь, Саратов – много раз, Пенза, Вологда, снова Екатеринбург... Эти города принимали его как пророка. Атмосфера вокруг его симфоний, исполняемых местными оркестрами под управлением молодого, но уже известного Мурада Аннамамедова, была пронизана каким-то мистицизмом. Композитор был покорен этим отношением к его музыке, поражен слушателями, открытостью, любознательностью, утонченностью их переживаний... «Поразительные люди, бесконечно духовные, а какие лица!» – рассказывал он нам. Ему нравилось, что по окончании концерта слушатели не расходились и начинались бесконечные разговоры... «Что есть музыка?» – спрашивали его, «Звук... Как Вы работаете с ним, добиваясь таких поразительных результатов?», «Что есть композитор?»...

– «Что такое музыка?», – переспрашивал он и отвечал: «Это тайна, это непознанное явление... Я начинаю слышать звуки в определенном состоянии, к которому надо прийти, тогда открывается духовный слух... Это как божий дар: он или есть, или его нет...» [1]. Он говорил со слушателями просто и откровенно, оставаясь при этом загадкой.

Отрицающий в своей работе романтическое состояние – восторженность, упоенность, он высоко ценил эти проявления в слушателях. И он нашел их в России, где вся культура, вся философия, музыка, всё искусство пронизаны культом романтизации чуда. Вот, например, в декабре 1993 г. журналистка Наталья Серова из Вологды после исполнения Четвертой симфонии в исполнении Ярославского симфонического оркестра под управлением М. Аннамамедова на фестивале «Зимние грезы» берет у Тертеряна интервью: «Авет Рубенович! Ваша Четвертая симфония потрясла. Каким был человеческий путь к тому, чтобы обрести себя настолько индивидуально и настолько сильно в своей неповторимости?..» [2]. Такие вопросы задавали только в России и они содержали в себе совершенно исключительное отношение россиян к искусству как к религиозному откровению. И музыка Авета Тертеряна, похоже, выстраивала для многих слушателей их духовный путь.

Авет Тертерян три года подряд – зимой 1991, 92 и 93 гг. – находился в Екатеринбурге, где по приглашению консерватории проводил мастер-классы.

Здесь часто работал его любимый дирижер Мурад Аннамамедов. Он после выдающегося Давида Ханджяна, с которым Тертерян начинал свой путь симфониста, наиболее глубоко отвечал его требованиям – слышать звук, его вибрации, его естественную жизнь.

В 1992 г., в екатеринбургском театре «Провинциальные танцы» состоялась премьера спектакля «Версия № 1» на музыку Пятой симфонии, а зимой 1993-го в концертном зале Свердловской филармонии в исполнении Уральского симфонического оркестра под управлением Мурада Аннамамедова в авторском концерте Тертеряна прозвучали Четвертая и его последняя, Восьмая симфония, посвященная дирижеру. В апреле 1994 г. Авет Тертерян был героем фестиваля «Дни новой музыки», который собрал весь цвет современного композиторского Олимпа. Звучали произведения Арво Пярта, Софьи Губайдуллиной, Гии Канчели, Альфреда Шнитке. В рамках этого фестиваля прошел авторский концерт Тертеряна, в котором состоялась мировая премьера его Второго квартета и прозвучала Шестая симфония и был задуман новый фестиваль – «Три дня с Аветом Тертеряном», намеченный на декабрь этого же года.

После возвращения из Екатеринбурга в конце мая 1994 г., перед отъездом в Германию, Тертерян показал мне удивительный документ. На плотной бумаге крупными печатными буквами он отвечал на вопрос, поставленный перед собой –

КТО ОН, ОТКУДА?

РОД, РОДОВАЯ ПАМЯТЬ – КАРАБАХ;

ДУХ – АРМЕНИЯ;

ГЕНЕТИКА – ВОСТОК;

ЯЗЫК, ИНТЕЛЛЕКТ – РОССИЯ;

РАЗУМ – ВЕСЬ МИР;

ВЕРА – ХРИСТИАНСКАЯ;

ХРАМ ГОСПОДНИЙ, ПОД КОТОРЫМ

ТЕПЛИТСЯ ЯЗЫЧЕСКОЕ КАПИЩЕ.

Наверное, его успех в России, духовное единение с русским слушателем подвигло его к определению себя как личности – кто Он?

Из Германии, где Авет Тертерян находился по приглашению в Доме творчества Wierpersdorf и как будущий стипендиант премии ДААД, он писал своим друзьям в Екатеринбург: «Дорогие Друзья! Живя в настоящее время в Германии, я всем рассказываю про Екатеринбург – город неожиданных людей и приятных сюрпризов. Город, сохранивший дух и не растерявший культуру. Я горжусь своей дружбой с этим старинным городом. Я люблю Екатеринбург, где нашел своего исполнителя и своего слушателя – чутких к восприятию легко ранимого и одинокого звука».

И вот, в начале декабря, Авет Тертерян снова здесь. Шли репетиции концертов его авторского фестиваля. За 13 дней до начала фестиваля его не стало. Однако фестиваль состоялся. В главном Филармоническом зале

Екатеринбурга три дня подряд – 23, 24, 25 декабря – звучала музыка Авета Тертеряна: Вокально-симфонический цикл «Родина» и симфонии – Первая, Третья, Четвертая, Пятая, Шестая и Восьмая в исполнении Уральского филармонического оркестра под управлением Мурада Аннамамедова, к тому времени художественного руководителя и главного дирижера Ярославского симфонического оркестра.

«Имя нашего фестиваля осталось неизменным и приобрело символический характер», – рассказывала Елена Авакумова в те дни. Полностью была воплощена его программа. Три вечера зал был заполнен теми, кто знал Тертеряна, его музыку, кто ждал и готовился к ней. Была та самая аура, о которой неоднократно в эти дни говорил Мурад Аннамамедов: «Сегодня в мире существует только один город, который взял на себя право восприятия и сотворения того, что должно произойти. Никто – ни публика ни одного города, ни оркестр ни одного города мира – сегодня не могли бы замахнуться на такой фестиваль» [3].

Музыкальный Екатеринбург проникся возвышенным духом трагизма, переживая кончину композитора. Готовые праздновать новую встречу с музыкой Тертеряна и с ним самим, его екатеринбургские друзья – музыканты, поэты, художники объединились в выражении скорби, преобразив ее в торжество жизни. «“Не смех и не слезы, а сияющую улыбку беспредельного удовлетворения”, как говорил В. Набоков, может вызвать подлинная и без прикрас формула создания настоящего произведения, – писал екатеринбургский художник Антон Кузьмин. – Произведения А. Тертеряна, его сделанная, мысленно сделанная музыка – звенья одной цепи аналитического искусства. Она не вызывает досужих споров, она существует помимо, вне их и над ними. Единственная величина всего этого – улыбка беспредельного удовлетворения на лицах Леонардо и Баха, Дюрера и Павла Филонова, Хлебникова и Прокофьева... Как радостно ставить многоточие...».

Эта оптимистическая энергия выразилась в динамичном претворении творческих идей со стороны его друзей и почитателей. Художник и режиссер Ольга Паутова приступила к работе над спектаклем на музыку Пятой симфонии Тертеряна «Версия 2». Композитор знал и одобрил задумку, видел эскизы костюмов. Екатеринбургский скульптор Г. Геворкян заканчивал памятник-барельеф, посвященный Тертеряну. А в декабре 1995 г. в Екатеринбурге состоялись «Два вечера памяти Авета Тертеряна», в которых приняла участие известная российская певица Лина Мкртчян. Она исполнила вторую часть Второй симфонии – монодию. Прозвучала и Седьмая симфония Тертеряна для большого симфонического оркестра и дапа – обе в исполнении Уральского филармонического оркестра под управлением главного дирижера и художественного руководителя Дмитрия Лисса.

А в 1999 г. в Екатеринбурге прошел большой фестиваль, приуроченный к 70-летию композитора, который получил название «Тайны избранных».

Каждый концерт имел свою тему – «Магия звука», «Путь посвященных», «Время тишины». Все наполнилось размышлениями композитора. Разговор продолжался. Эпиграфом к фестивалю послужили его слова: «Музыка – это вибрация Вселенной. Я не сочиняю музыку. Я записываю ее». Рядом с произведениями Авета Тертеряна звучала музыка И.С. Баха и современников композитора – Гии Канчели, Софьи Губайдуллиной, Арво Пярта. В рамках фестиваля прошли выставки екатеринбургских художников – живописца и графика М. Сажаева и скульптора Г. Геворкяна. В художественно сотворенном буклете фестиваля были напечатаны прекрасные тексты. В эссе Михаила Сажаева говорилось: «Я точно знаю, от чего он умер. Многие, почти все, умирают от Смерти – он умер от Жизни. Дописывая три эти картины, я долго размышлял о природе творчества и власти, о власти и деньгах. Видимо, разные задачи у нас на Земле. У любой власти с ее усердными воспевалками, задача – стабилизировать и забрать. У художника – расшевелить и отдать. У подлинного художника и власти никогда не будет общего стола, в крайнем случае – перемирие на срок активной жизни. Вслушайтесь в печальные восточные обертонны симфонии Тертеряна. Или Губайдуллиной. Или Канчели, с которыми мы встречались когда-то в Западном Берлине. Впитайте скрипку. Уловите шорох басовой струны. Успокойтесь и отдайтесь течению времени на зыбком и утлом плоту времени». Завершался буклет стихотворением Осипа Мандельштама, написанным в 1931 году во время его пребывания в Армении.

Я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо.
И уже не взгляну, прищурясь,
На дорожный шатер Арарата,
И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных
Прекрасной земли пустотелую книгу,
По которой учились первые люди.

Авет Тертерян привнес в Россию свой мир, свою философию, свою музыку. Она приобщала к высокому духовному общению, открывала чистые грани мироздания, манящие вечных и одиноких странников, одним из которых он был. Признанный всем миром, именно в России он нашел особое духовное проникновение в его сложный эзотерический мир, что объясняется и богатым опытом русской культуры, и особенностями русского менталитета. Екатеринбург сохранил эту традицию общения с музыкой Авета Тертеряна. Там проходят фестивали, где звучат его симфонии, отмечаются даты, связанные с его жизнью и его пребыванием в этом городе.

Эстафету этого одухотворенного общения с музыкой Авета Тертеряна взял на себя Нижний Новгород. В 1999-м, в октябре, в Нижнем Новгороде в честь

70-летия композитора состоялся великолепный Международный фестиваль «На пути духовного единения: Авет Тертерян в кругу друзей», о котором осталась прекрасная память в виде книги, собравшей тексты большой конференции, и незабываемых впечатлений от города и людей, теплых встреч, посещения православных храмов, замечательных концертов, в которых прозвучали Пятая симфония Авета Тертеряна в исполнении Нижегородского симфонического оркестра Академической филармонии под управлением Александра Скульского и Восьмая симфония в исполнении симфонического оркестра Нижегородской консерватории под управлением талантливого Евгения Шейко. Идея и организация фестиваля и конференции принадлежали Нижегородской консерватории и лично Лидии Птушко, ныне профессору Нижегородской консерватории, доктору искусствоведения, автору книги «Стиль симфоний Авета Тертеряна», вышедшей в Нижнем Новгороде в 2008 г. [4].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Из беседы с автором.
2. Серова Н. Интервью с Аветом Тертеряном. Ярославль // Зеркало. – 1993. – 24 декабря.
3. Из передачи радиостанции «Радио России», посвященной Авету Тертеряну. 15 марта 1995 г. в 15 ч. по московскому времени. Передача подготовлена Е. Авакумовой. См: Рухкян М.А. Авет Тертерян. Творчество и жизнь. – Ереван: Изд-во «Наири», 2002. – С. 221.
4. Птушко Л.А. Стиль симфоний Авета Тертеряна. – Н. Новгород: Нижегородская государственная консерватория, 2008. – 216 с.

РАЗДЕЛ 6

АРМЯНЕ

В ИСТОРИИ МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ

ИЗВЕСТНЫЕ АРМЯНЕ МОСКВЫ В XVIII–XX вв.

Степанянц Степан Мигранович

доктор исторических наук, профессор кафедры
теории и истории государства и права
Воронежский экономико-правовой институт
г. Старый Оскол, Россия
e-mail: stepan.stepanyants@mail.ru

Аннотация. В статье представлена армянская община Москвы с XVIII по XX вв. Отражено участие армян во всех сферах жизнедеятельности Москвы, представлен вклад армян как в царское время, также и в советское и постсоветское.

Ключевые слова: армяне; Москва; культура; община; армянский вопрос; предприниматели; Новонахичеванская епархия; армянское купечество.

FAMOUS ARMENIANS OF MOSCOW IN XVIII–XX CENTURIES

Stepan M. Stepanyants

Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Voronezh Economics and Law Institute
Stary Oskol, Russia
e-mail: stepan.stepanyants@mail.ru

Abstract. The article presents the Armenian community of Moscow since XVIII to XX centuries and reflects the recognition of the participation fact of Armenians in all spheres of Moscow life, presented the contribution of the Armenians both in tsarist times, and in the Soviet and post-Soviet times.

Keywords: Armenians; Moscow; culture; community; armenian question; entrepreneurs; Novonakhichevan Diocese; armenian merchants.

Взаимоотношения и контакты армян с русскими и Россией уходят корнями в глубокое Средневековье.

Первые взаимоотношения имели место еще во время крещения Руси в период Киевской Руси. В числе прибывших на Русь православных священников были и армяне-халкедониты. В дальнейшем армяне-халкедониты служили и в Киево-Печерской лавре, на стенах которой уже в наше время были обнаружены армянские письмена.

В более позднее время армянские купцы из Ирана и Закавказья, торговавшие с Россией и европейскими странами, проходили через центральные районы России и далее через Новгород выходили к Балтийскому морю, откуда направлялись в европейские балтийские страны.

С появлением в Москве армянской колонии в XIV веке у нее имелась армянская церковь, которая предположительно находилась между Ильинкой и Варваркой [1].

Один из девяти приделов собора Пресвятой Богородицы (храма Василия Блаженного, завершеного в 1557 году) на Красной площади в Москве, по приказу Ивана Грозного был освящен во имя первого армянского патриарха св. Григория Армянского [2].

Не позднее XVI века в Москве в Китай-городе имелось компактное поселение армян, а при нем некоторое время существовала армянская церковь [3].

В подмосковном Воскресенском на Пресне, до появления там грузин, жили армяне. В 1716–1719 гг. для них была построена армянская церковь Успения Богородицы. Небольшое ее здание в классическом стиле было снесено в советское время.

В 1770-х годах в Москве была построена каменная армянская церковь.

В 1805 году по прошению Минаса Лазарева в Москве основали армянское кладбище (Ваганьково). М. Лазарев также организовал и финансировал строительство каменной кладбищенской церкви Сурб Арутюн на Ваганьковском кладбище, ставшей родовой усыпальницей московской ветви Лазаревых.

Значительна роль известной армянской семьи Лазаревых в становлении армянских общин Москвы и Санкт-Петербурга.

Армяне Москвы оставили глубокий след во всех сферах жизнедеятельности города – это и искусство, и культура, образование, предпринимательство, спорт, дипломатия, общественно-политико-государственная деятельность, военное дело и т.д.

Армян Москвы можно поделить на три категории: коренные москвичи, приезжие и долго прожившие здесь, и приезжие и проживающие здесь всю свою жизнь.

Большой вклад российские армяне внесли в науку и образование России. Среди крупных армянских ученых-москвичей-арменоведов можно выделить публициста, востоковеда и общественного деятеля профессора Степаноса Назаряна [4]; ученого, педагога, профессора Лазаревского института восточных языков Григора Халатьянца; профессора и инспектора Лазаревского института восточных языков Мкртича Эммина [5].

Значителен вклад в развитие советского искусствоведения знатока европейского Возрождения профессора Алексея Дживелегова.

Основателем советской подводной археологии является выдающийся представитель династии Орбели ученый-археолог Рубен Абгарович Орбели, ставший одним из организаторов Тамбовского университета. Он одним из первых советских ученых провел подводные исследования городов Ольвия и Херсонес, а также разработал методику предохранения от разрушения археологических экспонатов, поднятых на поверхность со дна водного бассейна [6].

Видным представителем московской научной элиты являлся один из основоположников советской ядерной физики СССР и один из создателей советской атомной бомбы Абрам Исаакович Алиханов.

В разные годы проявились таланты советского физиохимика академика Николая Ениколопова, биохимика академика Норайра Сисакяна, химика академика Ивана Кнунянца, одного из основателей московской фонологической школы член-корреспондента РАН Рубена Аванесова, основателя советской школы электромеханики Андраника Иосифьяна, философа и юриста Владика Нерсисянца, экономиста академика Абега Аганбекяна, историка академика Александра Чубарьяна и др.

В Москве жили и продолжают жить выдающиеся советские и российские военачальники, полководцы и флотоводцы армянского происхождения: царские генералы П. Меликов, Д. Делянов, С. Абамелек-Лазарев, А. Атабеков; маршал Советского Союза Иван (Ованес) Христофорович Баграмян, адмирал флота Советского Союза Иван Исаков, главный маршал бронетанковых войск Амо Бабаджанян, генерал-разведчик Иван Агаянц.

Ныне в Москве живут генерал-лейтенант Норат Тер-Григорянц, вице-адмирал и академик РАН Ашот Саркисов.

В Москве живет Герой Советского Союза и Герой России полярный исследователь и государственный деятель Артур Чилингаров.

В военной и гражданской авиации свое слово сказали авиаконструкторы Артем Микоян и Михаил Погосян, а также летчики-испытатели Герой Советского Союза генерал-лейтенант Степан Микоян и Герой РФ Рубен Есяян.

В Москве родился министр просвещения Российской империи времен Александра III и Николая II реакционер граф Иван Давыдович Делянов (Далакян).

В Москве жили известные специалисты по Армянскому вопросу и геноциду армянского народа Григорий Джаншиев и Юрий Барсегов.

В Москве жили и трудились видные советские государственные деятели: председатель Президиума Верховного Совета СССР Анастас Микоян [7], председатель правления Госиздата и ОГИЗа РСФСР Артемий Халатов, заместитель председателя СМ СССР Леонид Констандов, министр металлургической промышленности и заместитель председателя СМ СССР Иван Тевосян и др. Ныне здесь работают Сергей Лавров и Андрей Шаповальянц.

Среди армян-москвичей предпринимателей XIX–XX вв. одним из богатейших людей России являлся князь Семен Абамелек-Лазарев (владел состоянием в 41 млн рублей), крупнейший землевладелец (имел в собственности 929 тыс. га земли), горнопромышленник (владел Кизеловским чугуноплавильным, Полазненским и Чермозским железодельными заводами) и меценат, археолог (участвовал в археологических раскопках Пальмиры. Обнаружил мраморную плиту – т.н. «Пальмирский таможенный тариф» 137 г. н. э., которая была привезена в Санкт-Петербург и поныне хранится в Эрмитаже).

Успешными промышленниками, предпринимателями были крупнейший кожевенный фабрикант и коммерц-советник Григорий Адельханов, один из лидеров банковского дела в России действительный статский советник Иван Ананов, банкиры братья Джамгаровы, нефтепромышленники миллионеры Степан Лианозов, Николай Тарасов и другие [8].

Ныне в России известностью и авторитетом пользуются бизнесмены и банкиры (проживающие в Москве) Самвел Карапетян, Ара Абрамян, Сергей Саркисов, Данил Хачатуров, Гарегин Тосунян, Рубен Варданян, Вардкес Арцруни и другие. Кроме своего личного бизнеса они широко занимаются благотворительной и меценатской деятельностью.

В театральной сфере Москвы свой вклад оставили режиссеры и актеры братья Николай и Георгий Бурджаловы, режиссер Евгений Вахтанов, Евгений и Рубен Симоновы, Василий Катанян и др.

Ныне в Москве трудятся популярный актер и режиссер Евгений Петросян, режиссер Георгий Исаакян и др.

Известными актерами театра и кино являются Армен Джигарханян, Дмитрий Харатьян и многие другие.

В российскую киноиндустрию свой вклад внесли и вносят режиссеры Амо Бек-Назаров, Эдмонд Кеосаян, Александр Адабашьян, Лев Кулиджанов, Генрих Оганисян, Карен Шахназаров, продюсер Рубен Дишдишян и другие.

В музыкальном мире известностью пользовались и пользуются композиторы Арам Хачатурян, Арно Бабаджанян, Микаэл Таривердиев, Алексей Экимян, композитор и певец Вячеслав Добрынин, дирижеры Александр Мелик-Пашаев, Георгий Гаранян; исполнители – Павел Лисициан, Зара Долуханова, Ирина Аллегрова, Игорь Саруханов, Стас Намин и др.

В цирковом жанре ярко проявился талант артистов-москвичей: иллюзиониста Арутюна Акопяна, клоуна Леонида Енгибарова и дрессировщика Степана Исаакяна.

Как писательница и искусствовед известностью пользовалась москвичка Мариэтта Шагинян.

В архитектуре Москвы свое слово сказали архитекторы Никита Лазарев и Каро Алабян. Бесценен вклад К. Алабяна в архитектуру Москвы. В Москве есть улица Алабяна, названная в честь архитектора Каро Алабяна.

Как художники Москвы известностью пользовались Богдан Салтанов, Мариам Асламазян, Дмитрий Налбандян и другие.

В искусство скульптуры значительный вклад внесли и вносят скульпторы Фридрих Сагоян, Николай Никогосян, Георгий Франгулян, Рудольф Хачатрян.

В спорте оставили глубокий след Тигран Петросян, Никита Симонян, Игорь Тер-Ованесян, Карина Азнавуриян.

В Москве находится епархиальный центр Российской и Новонахичеванской епархии Армянской Апостольской Церкви. Епархию возглавляет патриарший экзарх Армянской Церкви в России архиепископ Езрас Нерсисян [9].

В Москве о жизнедеятельности и вкладе армян в столицу России свидетельствуют многочисленные памятники, памятные доски на зданиях и особенно улицы и переулки с армянскими именами. Так, в честь пламенной революционерки Л. Лисиновой [10] названа улица Люсиновская, а также 1-й, 2-й и 3-й Люсиновские переулки, в честь предпринимателя и благотворителя И.С. Ананова назван Анановский (Ананьевский) переулок. Все это свидетельствует о значительном вкладе армян в процветание столицы России – Москвы – самого лучшего города на земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Базианц А., Мартиросян Р. Обелиск. – Ереван, 1993. – С. 114.
2. Акопян В.З. Армянская Апостольская Церковь на Ставрополье и Тереке. – Пятигорск, 2000. – С. 17.
3. Сытин П.В. Из истории московских улиц. – М., 1958. – С. 615.
4. Лемке М. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. – СПб., 1908. – С. 73–74.
5. Кто есть кто: армяне. – Ереван, 2005. – С. 409–410.
6. Григорьян Н.А. Научная династия Орбели. – М., 2002. – С. 60.
7. Государственная власть в СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991 гг. Историко-биографический справочник, составитель А.И. Ильин. – М., 1999. – С. 422–423.
8. Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. – М.: Росспэн, 1997. – С. 71, 76; Бурышкин П.А. Москва купеческая. – М.: «Высшая школа», 1991. – С. 72, 134–137, 251.
9. Христианская Армения. Энциклопедия. – Ереван, 2002. – С. 802.
10. Армянская Советская энциклопедия. – Т. 4. – Ереван, 1978. – С. 623–624.

ВЫДАЮЩИЙСЯ РОССИЙСКИЙ ПРАВОВЕД Ю.С. ГАМБАРОВ

Батиев Левон Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий лабораторией правовых исследований
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: batiev@ssc-ras.ru

Аннотация. В статье представлен обзор жизни и творчества выдающегося правоведа, одного из основоположников социологической юриспруденции в России Ю.С. Гамбарова. Показаны особенности его подхода к определению предмета и метода общей теории права, понятия права, которое включает в себя объективное и субъективное право, а также правоотношения.

Ключевые слова: Гамбаров; право; социология; догматика; философия права; политика права.

PROMINENT RUSSIAN JURIST Yu.S. GAMBAROV

Levon V. Batiev

PhD in Juridical sciences, the Head of the Laboratory of Legal Studies
The Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: batiev@ssc-ras.ru

Abstract. The article provides an overview of the life and work of an outstanding jurist, one of the founders of sociology of law in Russia Yu.S. Gambarov. It shows the features of his approach to the definition of the subject and method of the general theory of law, the concept of law, which includes an objective and a subjective right and legal relationship.

Keywords: Gambarov; right; sociology; dogmatics; philosophy of law; rights policy.

Юрий Степанович Гамбаров – выдающийся юрист, внесший существенный вклад в развитие российской науки и высшего образования. Его имя и творчество были незаслуженно забыты в советский период истории, но вновь возвращаются в отечественную науку в последние десятилетия. Юрий (Георгий) Гамбаров родился в 1850 г. в Тифлисе в армянской дворянской семье. Среднее образование получил в 1-й Тифлисской мужской гимназии. В 1866 г. Ю.С. Гамбаров поступил на юридический факультет Московского университета, по окончании которого в 1870–1873 гг. служил при Тифлисском окружном суде по производству предварительных следствий. В 1873–1879 гг. он находился в научной командировке в Европе, стажировался в Гёттингенском университете, где слушал лекции Рудольфа фон Иеринга.

По возвращении в Россию Ю.С. Гамбаров опубликовал в 1879 г. текст магистерского исследования: «Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе вне договорного отношения и не по предписанию закона», сдал экзамен и 22 мая 1880 г. защитил в Московском университете диссертацию. В 1880–1884 гг. Ю.С. Гамбаров – приват-доцент кафедры гражданского права Новороссийского университета в Одессе. В 1882–1883 г. находился в командировке за границей.

В 1884–1899 гг. Гамбаров Ю.С. работал экстраординарным профессором кафедры гражданского права Московского университета (торговое право, гражданское право, гражданский процесс). В 1897–1899 гг. преподавал также законоведение в Константиновском межевом институте. В 1890 г. Ю.С. Гамбаров «был Председателем Московского Армянского Комитета, занимавшегося сбором денег на поддержание возникшаго в пределах Кавказского края армянского движения. Принадлежал к числу либеральных профессоров, подстрекавших молодежь к подаче на ВЫСОЧАЙШЕЕ Имя петиции об изменении Университетскаго Устава. <...> 3 декабря 1899 года за № 2231 сведения о политической неблагонадежности Гамбарова сообщены Министру Народнаго Просвещения» [1]. В 1899 г. по настоянию министра народного просвещения Н.П. Боголепова он был исключен из Московского университета.

Заграничный период жизни Ю.С. Гамбарова отмечен участием в создании совместно с М.М. Ковалевским ставшей знаменитой Российской высшей школы общественных наук в Париже 1901 г. В эти же годы он работал профессором гражданского права в Брюссельском новом университете. Неумное стремление радикально настроенных слушателей политизировать школу, доходившее до скандалов и потасовок между разными группировками [2, 254–255], давление российской власти и требование к профессорам вернуться на Родину, привели к закрытию школы уже в январе 1906 г. С Францией связан еще один интересный момент в жизни Ю.С. Гамбарова – принятие его, как и ряда других ученых, по инициативе М.М. Ковалевского в масонскую ложу в мае-июне 1905 г. Впрочем, участие в масонстве было непродолжительным – уже с 1907 г. он не присутствовал на заседаниях, а с 1908 г. прекратил членство [3; 4; 5].

С 1906 г. по возвращении в Россию Ю.С. Гамбаров становится экстраординарным профессором, затем заведующим кафедрой гражданского права на экономическом отделении Санкт-Петербургского политехнического института. В фундаментальной библиотеке института в настоящее время хранится коллекция его книг. В эти же годы Ю.С. Гамбаров преподавал гражданское право в Психоневрологическом институте [6].

В мае-ноябре 1917 г. мы видим Ю.С. Гамбарова сенатором 1-го Департамента Правительствующего Сената. В 1919 г. Ю.С. Гамбаров становится одним из основателей и первым ректором Ереванского государственного университета. Однако уже в 1922–1925 гг. Ю.С. Гамбаров работал профессором Тифлисского политехнического института. А в 1925 г. ушел на пенсию [6, 37]. Похоронен Ю.С. Гамбаров в 1926 г. в Москве на Ваганьковском кладбище.

Научное наследие Ю.С. Гамбарова не так велико. Можно выделить: 1) публикации, связанные с его магистерской диссертацией [8; 9; 10]; 2) курсы лекций по гражданскому праву и процессу, изданные в помощь студентам [11; 12; 13; 14]; 3) работы по общим проблемам гражданского права и теории права [15; 16; 17; 18]; 4) сочинения политико-правового характера [19; 20]; 5) рецензии, обзоры и переводы, статьи в «Энциклопедических Словарях», А.Ф. Волкова и Ю.Д. Филиппова, А. Граната, а также редакторскую деятельность [21; 22; 23; 24; 25; 26; 27]; 6) отчет о деятельности Русской высшей школы общественных наук в Париже [28; 29]; 7) главный труд ученого – первый том «Курса гражданского права» [30]. Очень высокие требования к себе и другим – вот причина, по которой, несмотря на огромный накопленный материал, на свет вышел только один том, из запланированных трех [31, 231–232]. Г.Ф. Шершеневич, в целом достаточно высоко оценив данный труд, заявил, однако, что «главный теоретический недостаток курса – его эклектичность; в нем видны научные наслоения разного времени, плохо уживающиеся друг с другом. Штаммлер никак не может найти себе места рядом с Иерингом» [32].

Уже в магистерской диссертации отчетливо проявляется стремление автора к решению общих (теоретических) проблем права. Ю.С. Гамбаров отталкивается от идей Р. Иеринга, однако, «восстатт против иеринговского апофеоза эгоизма <...> Вместо эгоизма как идеала Г. выдвигает на первый план альтруизм. Право, по определению Г., есть альтруизм в применении к человеческим отношениям, поставленный под защиту принудительной власти государства» [33]. Жестко критически отнесся к этой работе Ю.С. Гамбарова известный цивилист Г.Ф. Шершеневич. По его мнению, в «сочинении “Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе вне договорного отношения и не по предписанию закона”, <...> мы не замечаем вовсе научной самостоятельности <...>. Рассматриваемое сочинение представляет собой весьма несложную компиляцию из трудов Иеринга, Тона и Ад. Вагнера» [32].

Современное ему состояние юридической науки Ю.С. Гамбаров оценивал как «переходное», требующее новой методологии и общих подходов [8; 30].

Юриспруденция искусственно ограничивает свой предмет, сводя его к толкованию позитивного права в интересах правоприменения и отказываясь от оценки содержания законов. Дедуктивный метод в форме априоризма соответствует указанной задаче [18, 4–5].

Согласно Ю.С. Гамбарову, право, как часть социального организма, следует изучать в единстве со всеми хозяйственными и культурными отношениями. В этом смысле правоведение можно считать частью социологии, которая изучает строение и развитие общества в целом. Право и социальная жизнь соотносятся как форма и содержание. «Нельзя изучать социологию без правоведения <...> Нельзя изучать и правоведение без социологии, так как часть зависит от целого и не может быть понята изолированно от этого целого и других его частей» [18, 33]. Б.А. Кистяковский считал, что из правильного теоретического положения Ю.С. Гамбаров делает «совершенно неверный методологический вывод, что право нельзя изучать изолированно, так как часть зависит от целого [34, 202–203]. Современные авторы также пишут о призыве «реформировать всю юриспруденцию (прикладную и фундаментальную) на основе социологии. В этом случае правоведение должно было стать частью социологии» [35, 15]. Такие оценки грешат преувеличением. Действительно, по мнению Ю.С. Гамбарова, одна наука без другой невозможна, а социология могла бы служить философией правоведения. Но есть и различие. Оно состоит в том, что право ограничивается только наиболее важными общественными отношениями, которые как бы охватывают все остальные и скрепляют их в рамках социума [18, 33].

Догматическое правоведение (общая теория права) включает в свой предмет всю совокупность права – как в его настоящем, так и в связи этого настоящего с прошлым и будущим, как в его практических, так и идеальных функциях, как в его отдельных нормах, так и общих принципах. Таким образом догма права теснейшим образом связывается с историей и философией права. Но помимо этого сюда же следует отнести политику права, которая нацелена на критику действующего права в интересах создания нового права [30].

Критикуя классический юснатурализм, Ю.С. Гамбаров, тем не менее, охраняет в своей концепции идею естественного права. Оно не является формально действующим и не имеет принудительной силы как позитивное право. Оно влияет скорее на законодателя (особенно в период реформ), чем на правоприменителя. А свою действенность получает благодаря общественному сознанию и правосудию на основе осознаваемого судьями общественного идеала. К «естественному праву» в новом значении относятся также не урегулированные положительным законодательством самостоятельные права личности [15, 94–95; 30].

В магистерском сочинении (1879 г.) Гамбаров Ю.С. называл право порядком отношений в обществе, «порядком, урегулированным соображением об общественном интересе и обеспеченным принудительной властью государства» [36].

В «Курсе гражданского права» (1911 г.) он дал другое определение понятия права, включающее три элемента: «Правом мы называем одинаково как совокупность действующих в данное время и в данном месте юридических норм, так и совокупность соответствующих им юридических отношений вместе с вытекающими из этих последних субъективными правомочиями и обязанностями. В первом случае мы говорим о праве в объективном, во втором – о праве в субъективном смысле» [30].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Долгова Е.А. «Ввиду крайне вредного влияния...». Из официальной переписки о работе Русской высшей школы общественных наук в Париже (1901–1904 гг.). – URL: https://www.academia.edu/20314188/ДОЛГОВА_Е_А_Ковалевский_Р.
2. Гутнов Д.А. Русская Высшая школа общественных наук в Париже 1901–1906 гг.
3. Серков История русского масонства 1845–1945. – СПб.: Издательство имени И.И. Новикова, 1997. – 477 с.
4. Брачев В.С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. – СПб.: Издательство «Стомма», 2000. – URL: http://tsibanoff.narod.ru/brachev_masonry.pdf
5. Л. Ратаев. Записка о деятелях масонских лож. – URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/45181/126/Platonov_-_Taiinaya_istoriya_masonstva.html
6. Шиловост О.Ю. Русские цивилисты: середина XVIII – начало XX в.: Краткий биографический словарь. – М.: Статут, 2005. – 191 с.
7. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. – М.: Онега, 1995. – 288 с.
8. Гамбаров Ю. Общественный интерес в гражданском праве. (Как введение к исследованию о добровольной и безвозмездной деятельности в чужом интересе) // Юридический вестник. – 1879. – № 5. – С. 673–721; № 6. – С. 861–890.
9. Гамбаров Ю.С. Право собственности с точки зрения общественной теории права // Юридический вестник. – 1879. – № 7. – С. 42–78.
10. Гамбаров Ю.С. Обязательства с точки зрения общественного права // Юридический вестник. – 1879. – № 8. – С. 192–220; № 9. – С. 456–500.
11. Гамбаров Ю.С. Гражданский процесс. Курс лекций 1894–1895 акад. гг. – М., 1896.
12. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. Лекции. – М., 1897–1898.
13. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Часть особенная. Вещное право (лекции 1894–1895 г.). – Б.м., Б.г. – 487 с.
14. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Часть особенная. Вещное право (лекции 1908–1909 г.). – СПб., 1909.

15. Гамбаров Ю.С. Право в его основных моментах // Сборник по общественным юридическим наукам / под ред. Ю.С. Гамбарова. – СПб., 1889. – С. 30–112.
16. Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения // Журнал министерства юстиции – 1907. – № 1. – С. 49–82.
17. Гамбаров Ю.С. Право собственности // Русская высшая школа общественных наук в Париже: лекции профессоров / ред. проф. Е.В. де Роберти, Ю.С. Гамбаров, М.М. Ковалевский. – СПб., 1905. – С. 434–496.
18. Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения. – СПб., 1907. – 34 с.
19. Гамбаров Ю.С. Свобода и ее гарантии. Популярные социально-юридические очерки – СПб., 1910. – 288 с.
20. Гамбаров Ю.С. Политические партии в прошлом и настоящем. – СПб., 1904. – 15 с.
21. Гамбаров Ю.С. Как не следует понимать справедливость у римских юристов // Русская мысль. – Кн. XII. – М., 1895. – С. 152–172.
22. Гамбаров Ю.С. Деликты и договоры // Журнал министерства юстиции. – 1897. – № 3. – С. 164–196.
23. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / под ред. Ю.С. Гамбарова. Пер. И.А. Базанова. – М., 1897. – 312 с.
24. Жид П. Гражданское положение женщины: С древнейших времен / под ред. и с предисл. Ю. Гамбарова. – М., 1902. – 521 с.
25. Гамбаров Ю.С. Предисловие // Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах. Т. 1. – СПб., 1903. – XXXII, 322 с.
26. Фонбланк А. Правление Англии: Учебник конституции, правления и законов Британской империи / пер. с англ. Ю. Гамбарова. – СПб., 1903. – 221 с.
27. Гамбаров Ю.С. Николай Львович Дювернуа // Вестник гражданского права. – 1914. – № 5. – С. 5–14.
28. Гамбаров Ю.С. Отчет о деятельности Русской Высшей Школы Общественных Наук в Париже за 1901–1902 учебный год // Гамбаров Ю.С., Ковалевский М.М. Русская высшая школа в Париже. – Ростов-на-Дону, 1903.
29. Гамбаров Ю.С. Русская высшая школа общественных наук в Париже: отчет за 1901/1902 учебный год // Русские ведомости. – 1902. – № 13.
30. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Часть общая. Т. 1. – СПб., 1911. – 793 с. – URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10071923>.
31. Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. – М.: Российская политологическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005.
32. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – URL: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1544.html.
33. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. – URL: <http://www.vchi.net/brokgauz/>
34. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. – СПб.: РХГИ, 1999. – 375 с.

35. Жуков В.Н. Социология права в России: вторая половина XIX – первая треть XX в. (теоретико-методологический аспект): дис. докт. юрид. наук. – М., 2015. – 367 с.
36. Гамбаров Ю.С. Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе вне договорного отношения и не по предписанию закона. Вып. 2: Социологическое основание института *neg. gestio*. – М., 1880.

П.А. ФЛОРЕНСКИЙ О СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ

Розина Ольга Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет
г. Москва, Россия

e-mail: olgarozina@yandex.ru

Аннотация. Статья основана на анализе сочинений и писем П.А. Флоренского. Выявлены отдельные принципы его концепции семейного воспитания, показана их реализация на конкретных примерах личного опыта его семейной жизни. Особое внимание обращается на влияние генеалогии в становлении личности, преемственности и сохранении традиций семейного рода в жизни будущих поколений.

Ключевые слова: семья; семейное воспитание; семейный род; традиция.

P.A. FLORENSKY ABOUT FAMILY EDUCATION

Olga V. Rozina

Candidate of Historical sciences, Associate Professor

Moscow Region State University

Moscow, Russia

e-mail: olgarozina@yandex.ru

Abstract. The article is based on the analysis of works and letters of P.A. Florensky. The author has revealed the principles of his concept of family education, which were shown on personal experience of family life of philosopher. Special attention was paid to the influence of genealogy on the formation of personality, continuity and preservation of family traditions for future generations.

Keywords: family; family education; family clan; tradition.

Семейное воспитание всегда являлось важнейшим фактором социализации личности, ее нравственного становления и духовного развития. Именно в семье ребенок получает не только первоначальные навыки самообслуживания, но, прежде всего, преобращается к историческому прошлому своего рода и Отечества, традициям предков, проходит школу любви и уважения, сострадания и милосердия, почитания старших и помощи младшим. В настоящее время наблюдается актуализация данной проблемы, т.к. в результате различных турбулентных процессов произошла деградация семейных ценностей, результаты которой привели к разрушению семьи как традиционного института и антропологическому кризису. Попытка возврата к семейным традициям неизбежно приводит к выявлению их истоков, а «собираение камней» – к поиску примеров их сохранения и преумножения в различных условиях существования семьи. В этом аспекте взгляды П.А. Флоренского на семейное воспитание и его личный опыт могут быть интересны, несмотря на то, что они проявлялись в сложных, даже трагических условиях его жизни. В этом проявилась еще одна грань личности самого Павла Александровича – человека не только драматической судьбы, но разносторонней личности. Как отмечал исследователь Л.Г. Антипенко, «люди, которые знали Флоренского, писали, что можно было получить от него обстоятельный ответ практически на любой вопрос в самых различных областях гуманитарных и технических наук» [1].

П.А. Флоренский не оставил цельного сочинения о семейном воспитании, однако он постоянно в различных трудах возвращался к этой проблеме. Большую значимость для исследования его педагогических воззрений представляют письма с Дальнего Востока и Соловецких островов семье. В них он предстает как педагог и воспитатель, который через простое, житейское говорит о сложном, духовном. Будучи оторванным от семьи физически, он не только не перестает быть в семье, но пытается жить ее жизнью, помочь в любой ситуации, дать вовремя совет, поддержать, наставлять и воспитывать сыновей Василия, Кирилла и Михаила, дочерей Ольгу и Марию [2].

Изучение различных материалов и трудов П.А. Флоренского позволяет выявить его взгляды на базовые элементы семейного воспитания, к которым относятся, прежде всего, связь с традициями своего рода, глубокое почитание детьми родителей и помощь родителей в раскрытие призвания каждого из детей.

Одним из важнейших элементов воспитания Флоренский считал приобщение детей к истории семейного рода, полагая, что генеалогия является своеобразной педагогикой: «Я считаю, что знать прошлое своего рода есть долг каждого, и приносит много пользы для самопознания и исправления или предупреждения возможных ошибок в жизни, так как дает возможность учесть свои природные склонности и слабости» [3]. Он полагал, что «род – целое, а не сумма последовательных поколений» [4]. Это мысль постоянно

прослеживается как в письмах, так и в его завещании детям: «Не забывайте рода своего, прошлого своего, изучайте своих дедов и прадедов, работайте над укреплением их памяти... Старайтесь записывать все, что можете, о прошлом рода, семьи, дома, обстановки, вещей, книг и т.д. Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел отношение к семье. Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме и пусть все около вас будет напитано воспоминаниями» [5].

Сам П.А. Флоренский давал детям личный пример именно такого отношения к своему роду и предкам: в течение всей жизни он скрупулёзно собирал материал и различные свидетельства о своих ближних и дальних родственниках, полагая, что на его становление как личности оказало влияние не столько саморазвитие, сколько генеалогия и традиции предков – армянские корни матери и русские корни отца.

Как известно, мать Павла Александровича была из маленького городка Сигнахи (ныне восточная Грузия) и происходила из древнего и знатного рода карабахских армян Сапаровых. Его дед Павел Герасимович Сапаров (Сапарашвили-Сапарьян) был крупным помещиком, очень влиятельным в Тифлисе человеком, однако разорился и вскоре умер. Бабушка Флоренского по линии матери (Софья Григорьевна) относилась к грузинскому роду Паатовых (Пааташвили). Как писал в дальнейшем отец Павел, «мать моя – Ольга Павловна Сапарова – была при крещении названа Саломией (Саломэ – по-армянски); она – армяно-григорианского исповедания... Сапаровы – выходцы из Карабаха XVI в. В Карабахе случилась чума, и они выселились в селение Болнисе Тифлисской губернии со своими крестьянами, спрятав свои сокровища и все имущество и бумаги в пещере над рекою Инчей, в верховьях ее в Елисаветинской губернии. Тогда их фамилия была Мелик-Бегляровы. Когда чума кончилась, почти все Мелик-Бегляровы вернулись в Карабах. Часть же их, а именно три брата, остались в Грузии, в селении Болнисе. От них, по прозвищам трех братьев, произошли три фамилии, родственные между собой: Сапаровых, Паатовых и Шавердовых» [5].

Все современники отмечали его внешнее сходство с матерью: смуглое лицо, большой нос, длинные курчавые волосы. По материнской линии Павел Флоренский оказался связан с культурой и историей Армении и Грузии: его детство прошло в Грузии почти исключительно в армянской среде, в окружении материнской родни и армянских друзей семьи, он прекрасно знал армянский язык и культуру. На всю жизнь отец Павел сохранил убеждение в том, что именно армянские корни и впечатления от величественной природы Кавказа сыграли решающую роль в формировании его личности и философских воззрений. От рода Сапаровых отец Павел наследовал яркое ощущение красоты мира и любовь к природе.

Со временем Флоренский, всю жизнь активно интересующийся историей и культурой своего народа, приходит к мысли о том, что «ни один народ за

свою жизнь не затратил столько усилий на культуру, как армянский» [5]. Это было связано, прежде всего, с тем, что он имел несчастье «поселиться между жерновами мировой истории и потому все многие тысячелетия своего существования непрестанно избиваемый и все время тающий» [5]. Поэтому «его история – роковая из-за страны его, ибо кто же может быть в безопасности, расположившись на линии огня между перестреливающимися окопами, на большой военной дороге всемирной истории?» [5].

Сведения о предках П.А. Флоренского по отцовской линии отрывочны, но известно, что до середины XIX в. они принадлежали к духовному сословию. Его дед Иван Андреевич окончил Костромскую духовную семинарию, однако в священник сан не рукополагался, а по окончании Военно-медицинской академии стал военным врачом. Его сын Александр окончил в Санкт-Петербурге Институт инженеров путей сообщения и, начав с должности начальника строительства участка Закавказской железной дороги в местечке Евлах, в конце жизни стал помощником начальника Кавказского округа путей сообщения. По отцовской линии Павел Флоренский унаследовал как духовные, так и научные склонности. Это сказалась и в том, что в его лице семейный род вернулся к священству, оставленному дедом ради науки: «Мне порою и является мысль, что в этом оставлении семейного священства ради науки – главная ошибка всего рода, и что пока мы не вернемся к священству, Бог будет гнать и рассеивать все, самые лучшие, попытки» [6]. Находясь в ссылке, Павел Александрович писал о том, что Флоренские отличались «всегда инициативностью в области научной и научно-организаторской деятельности, всегда выступали новаторами, начинателями целых течений и направлений – создавали новые точки зрения, новые подходы к предметам» [7].

Другим аспектом взглядов П.А. Флоренского на семейное воспитание являются родительско-детские отношения. Это, с одной стороны, уважение и почитание детьми родителей, а с другой – помощь родителей в раскрытии детьми своего призвания, уважение детской индивидуальности. И вновь сам Павел Александрович являет пример таких отношений, как в отношении своих родителей, так и детей.

Брак родителей будущего священника был гармоничным, а приоритет семейного начала не подвергался сомнению. Семья не была религиозной, однако это скорее можно объяснить не столько апостасийной отстраненностью от религиозности, сколько уважительным отношением родителей к духовности друг друга. Как писал в будущем отец Павел, «папа не проявлял своей принадлежности к Православной Церкви из боязни хотя бы тончайшим дуновением холодного ветерка напомнить о своем православии маме; а мама старалась воздать ему тою же деликатностью и поступала так же в отношении Церкви Армяно-григорианской» [8]. Родители пытались обращать внимание детей не столько на религиозность, сколько воспитывать у них человечность, добрые нравственные качества и помочь в раскрытии дарований и призвания.

Мать Флоренский боготворил, для него она была и осталась чем-то величественным и непостижимым. «Сдержанная, замкнутая, гордо-застенчивая в проявлении чувств, преувеличенно-стыдливо прятавшаяся от меня уже с самого детства – когда кормила и вынашивала детей, она казалась мне с первых дней моего сознания существом особенным, как бы живым явлением природы, кормящей, рождающей, благодетельной и вместе далекой, недоступной. Этому впечатлению от матери – как от Матери-Природы – способствовал и культ, которым отец мой и по движению чувства, и по сознательному убеждению чтит мою мать, полагая, что жена-женщина вообще есть существо особое, а его жена – и трижды особое, что, впрочем, было, вероятно, не несправедливо... Я знал, что мать очень любит меня; в то же время у меня было всегда чувство таинственного величия ее» [9].

Особенностью атмосферы семьи, которую созидали родители, было, с одной стороны, их бережное отношение к стремлениям детей, с другой – уверенность в них и в их способности. Это позволило братьям и сестрам отца Павла раскрыть свою индивидуальность. Все они имели разную судьбу, но отличались целеустремленностью и богатством интересов.

Это отношение к детям отец Павел стремился воплотить и в собственной семье, несмотря на драматичные жизненные обстоятельства ее существования. Он полагал, что «семья – это главное для возрастания будущего поколения» [9]. И даже в ссылке он продолжал оставаться любящим и внимательным отцом, о чем свидетельствуют его письма детям. В письме жене с Соловков 10–11 декабря 1936 г. он выразил свое общее отношение к нерасторжимому единству семьи: «Детей, если бы и хотел, не могу воспринимать извне. Вот почему, когда говорят, “много ли детей?” или “сколько детей?”, я не знаю, что ответить: ведь много и сколько относится к однородному, к единицам, стоящим вне друг друга и вне того, кто считает. А своих детей я воспринимаю настолько изнутри, каждого как качественно отличного от другого, что не могу считать и не могу сказать, много ли их или мало... Каждый из детей незаменим и единствен, и потому их не много и не мало, им нет счету».

Из переписки П.А. Флоренского с детьми можно выделить личные советы о том, как поступить в конкретном случае, и советы общественного характера, касающиеся того, как принести пользу обществу. Он знал все, что происходит с его детьми, они сами подчас в письмах просили его о помощи, и он помогал, чем мог. Но все ж главное, пожалуй, особое внимание отец Павел уделял роли семьи в жизни каждого из них и поддержки друг друга (а в первую очередь – мамы) в трудное время разлуки.

Старший сын Василий, которому на момент ареста отца было 22 года, советовался с ним о выборе спутницы жизни. Сын Кирилл, которому было 18 лет, получал от отца поддержку в своих духовных поисках и занятиях наукой. Старшей дочери Ольге он писал: «Постарайся развлечь мамочку, скажи ей, что папа ее очень любит, всегда думает о ней и всегда с вами

мыслями и заботами» [10]. Младшей дочери Марии отец давал советы, соответствующие ее возрасту, но на первом месте все равно он ставил отношения, которые царят в семье: «Все время вспоминаю свою дорогую дочку и прошу ее быть поласковее с мамой, Олей, бабушкой и братьями, не грубить и быть спокойной и веселой» [11]. Он писал младшему сыну Михаилу: «Учись, думай, люби мамочку и своих сестер» [12]. К каждому из детей Павел Флоренский находил свои воспитательные подходы и хотел, чтобы каждый из них стал нравственной личностью и был полезен обществу.

В одной из работ П.А. Флоренский писал: «Жизненная задача всякого – познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего этого – познать собственное место в роде и собственную задачу, не индивидуальную свою, поставленную себе, а свою – как члена рода, как органа высшего целого» [13].

Павел Александрович Флоренский стремился не упустить ни одного момента из жизни детей, которые находились далеко, ни на минуту не забывал о том, что он отец и несет ответственность за своих детей. Отец Павел писал детям о том, что они должны уметь служить друг другу, понимать свое место, стараться не обижать друг друга, то есть жить семьей. Семья требует жертвенности, смирения, чтобы каждый смирил себя перед близкими, то есть не все себе позволял, помогал и поддерживал родителей, сестер и братьев.

П.А. Флоренский учил детей быть миролюбивыми, благодарными, спокойными и благочестивыми. Мир переменчив, веяния разные, но есть ценности, которые вне времени. Традиции, культура – дело семейного хранения. Дети должны хранить эти ценности, а передать их должны родители. Это и есть главный принцип его семейной педагогики и воспитания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Антипенко Л.Г. Павел Флоренский. Штрихи творческой жизни // Русская мысль. – 1993. – № 1–2. – С. 43.
2. Флоренский П.А. Сочинения в четырех томах. – Т. 1. Работы 1903–1908 гг. – М., 1994; Т. 2. Работы 1909–1933 гг. – М., 1996; Т. 3. У водоразделов мысли. – М., 1999; Т. 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков. – М., 1998. Он же. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. – М., 1992.
3. Флоренский П.А. Сочинения в четырех томах. – Т. 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков. – С. 416.
4. Там же. – С. 255.
5. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. – URL: <http://iknigi.net/>

- avtor-pavel-florenskiy/63683-detyam-moim-vozpominaniya-proshlyh-let-pavel-florenskiy/read/page-9.html
6. Флоренский П.А. Сочинения в четырех томах. – Т. 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков. – С. 279.
  7. Там же. – С. 220.
  8. Флоренский П.А. О воспитании. – М., 2004. – С. 11.
  9. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание.
  10. Флоренский П.А. Сочинения в четырех томах. – Т. 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков. – С. 95.
  11. Там же. – С. 292.
  12. Там же. – С. 158.
  13. Флоренский П.А. Иконостас. Предполагаемое государственное устройство в будущем. – М., 2007. – С. 403.

**ПАРТИЙНЫЕ, СОВЕТСКИЕ И ВОЕННЫЕ
РУКОВОДИТЕЛИ АРМЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
(по документам подмосковных архивов)**

Герасимова Юлия Николаевна

кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора
Центральный государственный архив Московской области
г. Москва, Россия
e-mail: jgerasimova@yandex.ru

Любина Татьяна Ивановна

кандидат исторических наук, доцент, директор
Московский областной архивный центр
г. Пушкино, Московская обл., Россия
e-mail: tvigo2007@mail.ru

Меркулов Иван Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: i.merkulov@spbu.ru; ivanmerkulovspb@mail.ru

Штыков Николай Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического регионоведения
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: n.shtykov@spbu.ru; shtykov_k@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются документы по истории армян, хранящиеся в Центральном государственном архиве Московской области. Авторы анализируют возможности комплексного исследования архивов Московской области для исследований биографий участников революций и войн России и Армении в XX в.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ международного научно-исследовательского проекта № 16-21-20003 «Армяне в составе российской и советской элиты XVIII–XX вв.».

Ключевые слова: армяне; архивы; Центральный государственный архив Московской области; И.Л. Хижняк; биографии.

**ARMENIANS –
PARTY, SOVIET AND MILITARY LEADERS
(according to the documents of the archives of the Moscow region)**

Julia N. Gerasimova

PhD in Historical sciences, Associate Professor
Deputy Director of the Central State archive of Moscow region
Moscow, Russia
e-mail: jgerasimova@yandex.ru

Tatiana I. Lyubina

PhD in Historical sciences, Associate Professor
Director of the Moscow regional archive centre
Pushkino, Moscow region, Russia
e-mail: tvigo2007@mail.ru

Ivan V. Merkulov

PhD in Historical sciences, Associate Professor
Department of Historical Regional Studies Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: i.merkulov@spbu.ru; ivanmerkulovspb@mail.ru

Nicolaj V. Shtykov

PhD in Historical sciences, Associate Professor
Department of Historical Regional Studies Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: n.shtykov@spbu.ru; shtykov_k@mail.ru

Abstract. This article examines the documents on the history of the armenians, are stored in the central State archive of the Moscow region. The authors analyze the possibilities for a comprehensive study of the archives of the Moscow region to research biographies of participants of the revolutions and wars of Russia and Armenia in XX century.

Keywords: Armenians; archives; the central State archive of the Moscow region; I.L. Khizhnyak, biography.

Документы по истории армян хранятся во многих российских архивах. В отличие от материалов федеральных архивов фонды региональных архивохранилищ менее известны исследователям. В этой связи представляют несомненный интерес документы по истории деятелей армянского

происхождения в Центральном государственном архиве Московской области (далее – ЦГАМО) – одном из самых крупных региональных архивов Российской Федерации. Архив был создан 20 мая 1937 г. и в настоящее время насчитывает более 1,2 млн единиц хранения. Документы архива содержат уникальную информацию о политическом, экономическом и культурном развитии Подмосковья XX в.

В ЦГАМО хранятся материалы о партийно-государственной и военной деятельности армян в XX в. Документы находятся в следующих фондах: Московский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1917–1931 гг. (Ф. 66), Московский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет. 1929–1993 гг. (Ф. 2157), Московская областная и городская комиссия по делам бывших дружинников 1905 г., красногвардейцев и красных партизан. 1930–1935 гг. (Ф. 2169) и Хижняк Иван Лукич (1893–1980) (Ф. 402).

Большой интерес представляет фонд генерал-лейтенанта Ивана Лукича Хижняка – полного георгиевского кавалера, советского военачальника и общественного деятеля. И.Л. Хижняк много лет собирал документы об участниках революционного движения и войн XX в. Особую ценность они приобретают в связи с содержащимися в них подробными автобиографиями людей, прошедших революции, Первую мировую, Гражданскую и Великую Отечественную войны. Эти сведения часто носят уникальный характер. В фонде И.Л. Хижняка много писем, некрологов из газет, редких фотографий, что делает его ценнейшим историческим источником. Ниже приводятся сведения, почерпнутые из этого собрания, раскрывающие подробности биографий отдельных лиц, которые демонстрируют потенциал комплексного исследования фонда.

В фонде И.Л. Хижняка находятся документы о жизни некоторых видных партийных деятелей.

Один из них – Гурген Саркисович (Сергеевич) Айкуни (1889–1966) – известный партийный работник и литератор. Он родился в Алашкертской долине Турецкой Армении в учительской семье. Его родители были участниками армянского национально-освободительного движения, мать погибла в турецкой тюрьме в 1892 г. Поступив в 1896 г. в Эчмиадзинскую семинарию Геворгян, он серьезно заинтересовался литературой. С 1903 г. Г.С. Айкуни занимался литературной деятельностью, выступал с собственными переводами с русского на армянский язык. В 1905 г. Г.С. Айкуни вступил в РСДРП. По окончании семинарии ему, однако, продолжить учебу не дали из-за его социал-демократических убеждений и активного участия в студенческом движении. В 1909–1911 гг. Г.С. Айкуни был учителем, а затем директором армянской народной школы в Ашхабаде. В 1912–1915 гг. он учился в Московском коммерческом институте, участвовал в революционном движении. В эти годы Г.С. Айкуни плодотворно занимался литературным творчеством, опубликовав две книги стихов – «Непобедимые песни» и «Вейния весны».

В годы Первой мировой войны Г.С. Айкуни принимал участие в подпольной работе Сарыкамышской организации большевиков. В 1918–1919 гг. был секретарем ЦК Коммунистической партии Армении и редактором центрального органа КПА «Красные дни», состоял членом Президиума ВЦИК и народным комиссаром по делам национальностей Северо-Кавказской Советской Республики. Г.С. Айкуни был организатором армянского полка имени В.И. Ленина, участвовал в разгроме белых в Кисловодске.

В 1920–1935 гг. Г.С. Айкуни жил в Москве, работая на разных ответственных постах: в Коминтерне, в издательстве «Рабочей газеты» ЦК ВКП(б), возглавлял Коммунистический университет, а затем Москино. В 1935 г. был репрессирован и только в 1954 г. вернулся в Армению, а в начале 1956 г. полностью реабилитирован, восстановлен в рядах партии со стажем с 1905 г. без перерыва [1].

Высоких постов в советском государственном аппарате достиг и Шаварш Меграбович Амирханян (1894–1959), сведения о котором также находятся в фонде И.Л. Хижняка. Он родился в селе Котигех (ныне – Коти) Казахского уезда Елизаветпольской губернии в крестьянской семье. В 1912 г., еще учась в духовной семинарии, вступил в РСДРП(б). После окончания в 1914 г. семинарии вплоть до революции работал народным учителем в селе близ Еревана, а затем – в районе Нового Афона Сухумского округа. Участвовал в работе Гудаутского Совета рабочих и солдатских депутатов. Во время Гражданской войны воевал в партизанском отряде против белых. В 1919 г. был редактором газеты Коммунистической партии Армении «Красные дни», затем работал председателем Особого отдела Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта. С 1920 г. Ш.М. Амирханян на партийной работе в Армении, а в 1921 г. стал начальником Особого отдела и членом трибунала Камарлинского фронта. В 1921–1926 гг. он – председатель Чрезвычайной комиссии и нарком внутренних дел Армении, в июне 1926 г. был избран председателем Центральной контрольной комиссии – наркомом Рабоче-крестьянской инспекции Армении. В 1929 г. начал учиться в Москве на курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), но уже в следующем году был отозван с курсов для работы на железнодорожном транспорте. В 1931–1941 гг. Ш.М. Амирханян стал парторгом Северной железной дороги, позже – начальником Политотдела Северо-Кавказской, а затем Казанской железных дорог, в 1941 г. – заместителем начальника по политической части трестов спальных вагонов и Мосторемонта тоннелей Наркомата путей сообщения. В 1946 г. он был назначен начальником контроля и инспекции Главного пассажирского управления Министерства путей сообщений, но тогда же вышел на пенсию по состоянию здоровья. Избирался делегатом XV, XVI и XVII съездов ВКП(б). Пенсионер союзного значения [2].

Еще одной персоналией фонда является Васкануш Арменаковна Акопян (1897–1974). Она родилась в селе Баш-Шурагель. Ее отец был сельским учителем, мать – крестьянкой. Окончив армянскую шестиклассную школу и сдав экстерном экзамены за четыре класса гимназии, В.А. Акопян получила право

работать сельской учительницей. В июле 1917 г. двадцатилетняя девушка вступила в партию РСДРП(б), вела подпольную работу против дашнакского правительства, а в 1919 г. записалась в Первую Конную армию, где служила начальником культчасти политотдела 4-й кавалерийской дивизии, затем – заместителем начальником политотдела дивизии, исполняя обязанности начальника. Среди бойцов она получила имя «Товарищ Вася». В.А. Акопян принимала участие в боях против армии Деникина, была на советско-польском фронте, но из-за тяжелой болезни уехала лечиться под Москву. После выздоровления она обратилась в Политическое управление Красной армии с просьбой отправить ее на фронт. Ходатайство было удовлетворено, и В.А. Акопян была направлена в Закавказье, в политуправление Отдельной Кавказской армии начальником Советского и Интернационального отделов. После окончания Гражданской войны она окончила Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова, вела партийную работу в Москве, была членом райкомов и членом бюро райкомов многих созывов, членом Московского горкома. В 1930 г. ее направили в Наркомпрос, затем назначили начальником управления и членом коллегии наркомата. С 1934 г. В.А. Акопян стала начальником социально-экономического цикла в Академии связи, однако в конце 1937 г. тяжелая болезнь надолго приковала ее к постели.

В годы Великой Отечественной войны В.А. Акопян снова была на фронте, читала лекции в действующих частях, вела политическую работу, писала статьи для прифронтовой газеты, но состояние здоровья заставило ее в 1943 г. перевестись на партийную работу в Москву. После войны В.А. Акопян занималась литературой, написав роман «Борьба» [3].

В фонде имеются сведения еще о нескольких армянах, ставших видными военными.

Среди них Карапет Варданович Ахназарян (1894–1980), родившийся в Арташате в крестьянской семье. Окончив шесть классов Ереванской гимназии, в 1913 г. поступил чиновником на почту, но в марте 1915 г. был досрочно призван в армию. В мае 1916 г., после успешного окончания школы прапорщиков, К.В. Ахназарян начал служить в 272-м запасном полку в Новочеркасске, а с начала 1917 г. попал на Юго-Восточный фронт и за участие в боях был награжден знаком отличия Военного ордена, орденами Анны IV степени, Станислава III степени, Анны III степени и Владимира IV степени. Тогда же он стал выборным командиром пулеметной команды 74-го пехотного Ставропольского полка 19-й пехотной дивизии, а затем участвовал в Гражданской войне против дашнакского правительства Армении. В 1922 г. К.В. Ахназарян был переведен в артиллерию и до 1931 г. служил на бронепоездах и в Армянской стрелковой дивизии, позже окончил Высшую артиллерийскую школу и Военную академию Рабоче-крестьянской Красной армии имени М.В. Фрунзе. С 1932 по 1941 г. был на преподавательской работе в Закавказской объединенной военной школе и Харьковском артиллерийском училище.

Во время Великой Отечественной войны К.В. Ахназарян был заместителем начальника отряда харьковских курсантов, командующим артиллерией 8-й стрелковой дивизии, командиром 9-й гаубичной артиллерийской бригады, командиром 64-й тяжелой артиллерийской бригады, заместителем командующего артиллерией 43-й армии, командующим артиллерией 1-го стрелкового корпуса на Брянском, Западном, 1-м Прибалтийском и Ленинградском фронтах. Он закончил войну генерал-майором и кавалером орденов Ленина, Красного Знамени и Отечественной войны I степени. На фронте, в 1942 г., К.В. Ахназарян вступил в партию.

После войны он был командующим артиллерией 1-го стрелкового корпуса, 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса и 29-го стрелкового корпуса, уйдя в отставку по болезни в 1953 г. С этого времени К.В. Ахназарян проживал в Краснодаре, работая в Военно-научном обществе Дома офицеров гарнизона [4].

Из архивного дела Артака Арменаковича Варганяна (1896–1993) видно, что он был уроженцем Эривана, во время Первой мировой войны служил прапорщиком, но в годы революции и Гражданской войны поддержал РСДРП(б) и в 1920 г. вступил в ряды РККА. В 1920–1921 гг. он служил начальником и комиссаром радиодивизиона и управления связи, участвовал в боевых действиях против дашнаков. В 1922–1923 гг. служил в Главной Военно-инженерной дистанции города Эривана, после чего был зачислен слушателем Военно-инженерной академии РККА, а в 1928 г. стал членом Научно-технического управления связи РККА, занимая позднее различные должности в Генеральном штабе РККА. С 1948 г. А.А. Варганян был на педагогической работе в военных учебных заведениях, в 1957–1959 гг., вплоть до отставки, служил начальником Центрального научно-исследовательского института «ОСНАЗ» № 18. За время службы он был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого и четырьмя медалями [5].

В фонде также находятся сведения о комдиве Акобе Татевосовиче Абояне (1895–1937), который родился в Игдыре Эриванской губернии, в семье крестьянина. До революции он служил в 3-м армянском пехотном полку, окончил в 1917 г. Владикавказскую школу подпрапорщиков. Вступив в 1917 г. в партию большевиков, во время Гражданской войны А.Т. Абоян воевал против дашнакского правительства Армении, командовал 3-м армянским полком, а с 1920 г. служил в Красной армии, был награжден орденом Красного Знамени Армянской ССР и в 1921 г. состоял членом Эриванского горкома и горисполкома. В 1920–1921 и 1924–1925 гг. А.Т. Абоян был командиром и комиссаром 3-го армянского полка, в 1922–1923 гг. – начальником штаба частей особого назначения (ЧОН) Армении. В 1925–1928 гг. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и вновь принял командование прежним полком. В 1931–1937 гг. он был назначен командиром Армянской стрелковой дивизии. В 1937 г. А.Т. Абоян подвергся репрессиям, но был реабилитирован посмертно.

Ниже перечислим с краткими биографическими справками персоналии, сведения о которых также удалось обнаружить в собрании И.Л. Хижняка.

Генерал-майор Амаяк Николаевич Ахназаров (1898–1987) – родился в Нахичевани в семье торговца. После учебы в Нахичеванской школе был зачислен в Тифлисское реальное училище. Участник Первой мировой войны. В январе 1918 г. добровольно поступил в вооруженные силы Республики Армения, в 6-ю горную батарею, принимал участие в боях с турками под Сардарapatом на подступах к Еревану в ходе войны между Турцией и дашнакской Арменией. После разгрома дашнаков Красной армией в 1920 г. и образования Армянской Советской Республики А.Н. Ахназаров был назначен начальником артиллерии советского бронепоезда. В 1925–1930 гг. учился в Военно-технической академии РККА, позже, в 1930–1947 гг., работал в оборонной промышленности, затем – в комитете Главного артиллерийского управления Советской армии [6].

Арменак Маркович Багдасаров (1892–1942) с 1914 г. служил в русской императорской армии, в 1918 г. был демобилизован и с 1919 г. принимал активное участие в деятельности бакинского большевистского подполья. В Баку А.М. Багдасаров сформировал особый армянский полк, который вместе с частями 11-й Армии участвовал в освобождении Еревана. После окончания Гражданской войны он учился в Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, затем служил в РККА на командных должностях, но 29 августа 1938 г. был арестован и погиб в заключении в 1942 г. Посмертно реабилитирован [7].

Артем Давидович Багдасарян (1892–19?) участвовал в Первой мировой войне, с сентября 1914 г. поступив добровольцем в 25-й Сибирский стрелковый полк, служил в команде конных разведчиков. За личную храбрость, проявленную в боях, получил Георгиевский крест. После октября 1917 г. в Самарканде участвовал в разоружении возвращавшихся с турецкого фронта белоказаков, в марте 1918 г. получил назначение на должность командира взвода разведки 1-го Самаркандского отряда по борьбе с контрреволюцией. В 1923 г. был демобилизован и до выхода на пенсию работал в народном хозяйстве [8].

Степан Ильич Киносян (1900–1965) родился в селе Сатха в Грузии в крестьянской семье. Служил в РККА с 1920 г. Член партии с 1922 г. Участвовал в Великой Отечественной войне, после чего был начальником штабов ряда военных округов, в 1958 г. – заместитель начальника кафедры Военной академии Генерального штаба. Был награжден орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденами Кутузова I и II степеней, орденом Суворова II степени, орденом Богдана Хмельницкого и медалями. Кандидат военных наук, доцент. Похоронен в Москве.

Фонд И.Л. Хижняка, хранящийся в ЦГАМО, содержит интереснейшую информацию для изучения многогранной деятельности армян. Документы дают представление о государственных и партийных работниках, военных, деятелях здравоохранения, науки, культуры и образования. Дальнейшее

выявление и изучение материалов ЦГАМО вместе с документами других архивов позволит восстановить лакуны в биографиях многих участников революций, войн и государственного строительства XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственное казенное учреждение Московской области «Центральный государственный архив Московской области» (далее – ЦГАМО). Ф. 402. Оп. 2. Д. 74. Л. 1–5.
2. Там же. Д. 181. Л. 1–5.
3. Там же. Д. 88. Л. 1.
4. Там же. Д. 373. Л. 1–3.
5. Там же. Д. 978. Л. 1–3.
6. Там же. Д. 372. Л. 1–3.
7. Там же. Д. 394. Л. 1.
8. Там же. Д. 395. Л. 1–7.

ГЕРОЙ ИЗ АРМЕНИИ: ИЗ ИСТОРИИ БОЕВ НА ИЛЬИНСКОМ РУБЕЖЕ 1941 г.

Малышкин Сергей Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России и Московского региона
Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет
г. Москва, Россия
e-mail: smalyshkin@mail.ru

Аннотация. Данная статья написана совместно с работниками ЦГАМО, которые и выявили уникальные мемуары о боях на Ильинском рубеже в ходе Московской битвы в октябре 1941 г. Воспоминания артиллерийского лейтенанта А.К. Деремьяна впервые вводятся в научный оборот, и рассказывают об обороне Варшавского шоссе взводом противотанковых орудий из 19-й стрелковой дивизии. Долгое время считалось, что сам Деремьян и его подчиненные погибли, о чем было указано на мемориальной доске, установленной на одном из дотов. Найденные собственноручные записи героя позволили в деталях проследить участие его взвода в боях 14–18 октября 1941 г. и отдельные вехи его послевоенной биографии. Несомненно, это послужит отправной точкой в дальнейших архивных и музейных поисках.

Ключевые слова: оборона Москвы 1941–42 гг.; Ильинские рубежи; Малоярославец; И.С. Стрельбицкий; А.К. Деремьян.

HERO FROM ARMENIA: FROM THE HISTORY OF FIGHTS AT THE ILYINSKY BOUNDARY IN 1941

Sergey A. Malishkin

Candidate of Historical sciences,
Associate Professor of the Department of History
of Russia and the Moscow region
Moscow Region State University
Moscow, Russia
e-mail: smalyshkin@mail.ru

Abstract. This article is written along with science officers of CGAMO who discovered unique memoirs about the battles at Ilyynskiy boundary during the Battle of Moscow in October, 1941. Lieutenant A.K. Deremyan memories are implemented at scientific usage for the first time and say about defense of Warsaw road by anti-tank platoon from 19th rifle division. It was considered for a long time that Deremyan and his soldiers were died and this information was on memorial desk at pillbox. Discovered Deremyan's notes allow following his participation at battles on the 14–18th of October 1941 and his life after the War. Surely, this is the first point at future archive and museum researches.

Keywords: Battle of Moscow in 1941–1942; Ilyynskiy boundary; Maloyaroslavetz; I.S. Strel'bitskiy; A.K. Deremyan.

Великие жертвы и великие подвиги совершили в ходе Московской битвы 1941–1942 гг. представители всех народов Советского Союза. В полной мере это относится и к сынам Армении. Об одних из них за минувшие годы написаны книги, о других – статьи, но в архивах наших стран еще лежат многочисленные неизвестные и малоизвестные документы, рассказывающие о героизме миллионов советских людей. Наша задача – историков, архивистов, музейных работников – всех, кто не равнодушен к нашему совместному прошлому, – рассказать о них как можно подробнее.

На дальних подступах к Москве в октябре 1941 г. началась грандиозная битва за столицу Советского Союза. В 10-х числах октября немецкие войска натолкнулись на Можайскую линию обороны под Волоколамском, Можайском и Малоярославцем. Все эти города сейчас отмечены наградами за мужество и героизм. В частности, тяжелые бои развернулись в Малоярославецком укрепрайоне на Ильинских рубежах. Многочисленные бетонные доты, окопы, траншеи были созданы летом 1941 г. руками московских метростроителей, жителей Москвы, местными колхозниками. В октябре Ильинский рубеж отстаивали курсанты Подольских артиллерийского и пехотного училищ. Многие из них погибли, но дали возможность подготовить оборону на ближних рубежах столицы. Прошли годы, на месте боев появились музей, мемориал, посвященный подвигам Подольских курсантов, вышли книги, в честь них названы улицы в Москве и Подольске.

На одном из дотов впоследствии появилась мемориальная доска, на которой выбиты слова: «В этом ДОТе в октябре 1941 года героически сражались и погибли: лейтенант Деремьян А.К.» и его товарищи. Но сам Деремьян остался жив, и более того, оставил потомкам свои воспоминания о тех боевых днях. На его родине – в поселке Крым Ростовской области есть местный музей, и работники музея не забывают о своем односельчанине. Нашелся материал и в интернете, где можно узнать, что когда-то лейтенант, он впоследствии

стал полковником – одним из командиров в ракетной дивизии. Об этих документах и пойдет ниже речь.

В Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) благодаря кропотливой работе его сотрудников были выявлены материалы об участии в боях на Ильинском рубеже Амаяка Капреловича Деремьяна – молодого в то время артиллерийского лейтенанта [1]. Это несколько документов, хранящихся в фонде генерала И.С. Стрельбицкого – в октябре 1941 г. командира Подольского артиллерийского училища. История возникновения этих документов такова: готовясь отметить 25-летие разгрома немцев под Москвой, многие журналы опубликовали воспоминания о боях на Ильинском рубеже Стрельбицкого, в частности, чрезвычайно популярный в то время журнал «Юность». Публикация вызвала многочисленные отзывы, в редакцию посыпались письма от непосредственных участников боев. Среди них был и полковник Деремьян, служивший в то время на территории Литовской ССР в ракетных войсках. Так, у Стрельбицкого начала формироваться коллекция воспоминаний участников боев, т.к. многие хотели связаться со своим бывшим командиром. Среди документов, относящихся к Амаяку Капреловичу, сохранилось уникальное «Описание» действий оружейного дота, подписанное Деремьяном 1 декабря 1941 г. [2]. Судя по всему, это его объяснение, которое он дал командованию после выхода из окружения. Прошло еще 25 лет, и Деремьян пишет в редакцию Всесоюзного телевидения свои воспоминания, которые поразительно точно повторяют его «Описание», хотя, конечно, в некоторых местах память подводит автора [3]. Воспоминания появились в связи с тем, что один из участников боев на Ильинском рубеже, П.Д. Кулаков, активно участвовавший в сборе воспоминаний об Ильинском рубеже, широко заявил, что подольские артиллеристы не участвовали в боях [4]. Деремьян в ответ направил большое эмоциональное письмо на телевидение, где подчеркивал, что он не выпускник ни того, ни другого училищ, но им движет лишь чувство справедливости. В октябрьские дни 1941 г. вместе с ним сражались подольские курсанты: и пехотинцы, и артиллеристы. Подробно, чтобы опровергнуть слова Кулакова, он в деталях рассказывает о событиях 25-летней давности.

Письмо дошло до адресата. На нем имеются многочисленные пометы, сделанные карандашом трех различных цветов: черным, красным и синим, и явно разными почерками. Что-то из текста перечеркнуто отдельными абзацами, где-то на полях имеются высказывания лиц, читавших документ. Еще раз следует подчеркнуть: само письмо явно носит отпечаток ярких эмоций Деремьяна, но и те, кто читал письмо, не скрывают своего подчас или одобрения, или глубокого несогласия, чуть ли не обвиняя Деремьяна в трусости. Эти пометы – голос той поры, когда давно уже отгремели бои, но память заставляла ветеранов быть пристрастными.

Любопытно, что эти воспоминания практически ныне неизвестны не только широкой общественности, но даже музейным работникам на Ильинском

рубеже. Именно поэтому хотелось бы пожелать сотрудникам ЦГАМО опубликовать «Описание» боев и послевоенные воспоминания А.К. Деремяна с научными комментариями и биографией героя, которая еще ждет своего исследователя.

Амаяк Капрелович Деремян родился в 1918 г. в селе Крым Ростовской области. В начале октябрьского наступления немецких войск под Москвой он командовал артиллерийским взводом из двух противотанковых орудий в составе 19-й стрелковой дивизии и находился на рубеже р. Десна южнее Ельни. При отходе, в ночь с 3 на 4 октября в районе Медыни, он получил приказ от представителя штаба Западного фронта немедленно прибыть на шоссе Юхнов – Малоярославец и занять противотанковые доты у моста через реку. Подчиняться он должен коменданту УРа полковнику Смирнову. К его доту был направлен батальонный комиссар Андронов, который сыграл огромную роль в последующих боях. Надо сразу отметить, что в сохранившемся «Списке личного состава взвода ПТО, приданного к 8-й батарее» приведены фамилии всех бойцов. Помимо, как указано в документе «Дерсинян Амаяк Каренович», здесь были еще два представителя армянского народа: Тапчян Вардчес Степанович, в случае его гибели надо было отправить известие Топчяну Ревек по адресу «Армянская ССР, г. Дереван, ул. Аллавердян, д. 80, кв. 5, правый подъезд», и Григорян Григорь Асатурович. «Армянская ССР, г. Ереван, паракарь...». Командиром 8-й батареи являлся ст. лейтенант Ф.Т. Горячих с Украины. Повторимся, в составе батареи сражались представители разных народов СССР. Здесь были и узбеки, и таджики, и азербайджанцы и русские – адреса их родителей или жен показывали географию всего Советского Союза.

Детали, которые привел в своих воспоминаниях А.К. Деремян, позволяют проследить бои на самом главном направлении – на Варшавском шоссе. 14 октября 1941 г. в 17.00 появились первые немецкие машины. Уверенность немцев была настолько велика в том, что они с комфортом доедут до Москвы, прорвав к этому времени оборону советских войск, что к Ильинскому рубежу подъехала штабная легковая машина в сопровождении грузовика с солдатами. Автор воспоминаний подчеркивает, что с нашей стороны пехоты не было. У моста с обеих сторон в дотах были лишь артиллеристы взвода Деремяна. Они и открыли огонь, уничтожив немецкие машины. Следующий день – это день сплошных бомбежек. 17 раз немецкие бомбардировщики заходили на позиции советских воинов. Лишь вечером началась атака пехоты, которая была отбита. Ночью немцы еще раз попытались прорваться через взорванный мост, но их остановил огонь с соседнего пулеметного дота.

Роль политработников в боях была очень велика. Подчас вышестоящий комиссар мог отдавать приказы строевому командиру. Точно так же произошло и в случае с Деремяном. По приказу батальонного комиссара Андропова лейтенант Деремян был направлен в штаб полка с сообщением о потерях и о

присылке подкреплений. Но бои шли везде настолько тяжелыми, что никаких подкреплений не было и у командира полка майора Кожеко. К вечеру в штаб прибыл весь оставшийся в живых артиллерийский расчет. С ними и курсантами пехотного училища ночью они заняли круговую оборону вокруг штаба полка, т.к. отдельные группы немецких автоматчиков постоянно просачивались через боевые порядки курсантов. К утру комиссар полка Лебедев приказал артиллеристам вернуться в свой разбитый дот и занять снова позиции. К этому времени орудия взвода были разбиты, и бойцы сражались лишь вооруженные стрелковым оружием.

День 17 октября начался с сильного артиллерийского обстрела, затем позиции взвода час бомбила вражеская авиация. Наконец, немцы пошли в атаку: они зашли танками с тыла, прикрепив к головному танку красное знамя. Лишь когда немцы подошли к позициям, бойцы поняли, что это не свои подкрепления, а враги, и был открыт огонь. К ночи неприятель был уничтожен, но сами доты в ходе боя были разрушены, многие артиллеристы погибли или были ранены. Было решено прорываться в тыл, пока немцы не создадут сплошную линию обороны. Через отдельные немецкие группы всем удалось, к счастью, выйти к своим. Деремьян встретил коменданта УРа Смирнова, которому доложил о потерях и о ходе боя. Командованием было приказано отходить на Подольск.

В архивном фонде Стрельбицкого сохранилась схема отхода соседней 6-й артиллерийской батареи с Ильинского рубежа [5]. Отвод артиллеристов шел по лесам в тылу у немцев и завершился 21 октября, когда бойцы заняли снова оборону. Видимо, рядом точно так же отходили и артиллеристы лейтенанта А.К. Деремьяна. В дальнейшем его ждали новые бои: на Кавказе, Тамани, освобождение Севастополя. Он станет в 1944 г. командиром 154-го отдельного самоходного артдивизиона. Завершилась война для автора воспоминаний в 1945 г. Но он не оставил военную службу.

После войны его переведут в ракетные войска стратегического назначения, и он будет продолжать служить то в ГДР, то в Калининградской области, то в Литовской ССР. Свои воспоминания о боях на Ильинском рубеже он напишет в ноябре 1966 г, прочитав в журнале «Юность» воспоминания Стрельбицкого. В это время он уже полковник, командир 866-й ремонтно-технической базы дивизии ракетных войск. Генерал Стрельбицкий пригласит его на торжества в с. Ильинское. Но служба есть служба, и Деремьян не сможет в это время уехать из г. Укмерге Литовской ССР. Хотя, по сведениям директора музея на Ильинских рубежах, он все-таки посетит воинский мемориал, и в фондах музея хранится его фотография.

Несомненно, выявленные архивистами ЦГАМО мемуарные материалы заслуживают их научной публикации, что послужит дальнейшему биографическому изучению одного из героев Московской битвы – славного сына армянского народа – Амаяка Капреловича Деремьяна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственное казенное учреждение Московской области «Центральный государственный архив Московской области» (далее – ЦГАМО). Ф. 953.
2. Там же. Оп. 1. Д. 204. Л. 1–2.
3. Там же. Л. 11–18.
4. Там же. Д. 495.
5. Там же. Д. 19.

**АРАМ ЯКОВЛЕВИЧ (АКОПОВИЧ) АБРАМЯН –
ОСНОВОПОЛОЖНИК УРОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Дутов Валерий Викторович

доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой урологии факультета усовершенствования врачей, главный научный сотрудник урологической клиники Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Московской области «Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф. Владимирского»
г. Москва, Россия
e-mail: hammerwise@gmail.com

Аннотация. Арам Яковлевич (Акопович) Абрамян родился 31 декабря 1898 г. в Тифлисе. В 1929 г. А.Я. Абрамян пришел на работу в Московский областной клинический институт, где в марте 1931 г. было открыто урологическое отделение на 25 коек. В 1935 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Клиника и диагностика гидронефроз». В 1949 г. А.Я. Абрамян стал главным урологом 4-го Главного Управления Минздрава СССР. В 1950 г. им защищена докторская диссертация. В 1951 г. профессор А.Я. Абрамян возглавил урологическую клинику МОНИКИ и руководил ею на протяжении 25 лет, вплоть до 1975 г.

Ключевые слова: МОНИКИ; урологическая клиника; Арам Яковлевич Абрамян.

**ARAM YA. ABRAMYAN –
FOUNDER OF THE UROLOGICAL SERVICE
OF THE MOSCOW REGION**

Valeriy V. Dutov

Doctor of Medical sciences, Professor, head of urology Department, faculty of postgraduate education, chief researcher, urology clinics,
State budgetary healthcare institution of Moscow region
Moscow Regional Research and Clinical Institute named after M.F. Vladimirsky
Moscow, Russia
e-mail: hammerwise@gmail.com

Abstract. Aram Yakovlevich (Akopovich) Abramyan was born in December 31, 1898 in Tbilisi. In 1929 A.Ya. Abramyan started to work at the Moscow Regional Research and Clinical Institute «MONIKI», where in March 1931 Urology clinic for 25 beds was opened. In 1935 he defended his Ph.D thesis on «Clinical picture and diagnosis of hydronephrosis». In 1949 A.Ya. Abramyan became Chief of Urology at the 4th Main Directorate of the Ministry of Health. In 1950 he defended his doctoral dissertation. In 1951 Professor A.Ya. Abramyan headed Urology clinic at «MONIKI» and directed it for 25 years, until 1975.

Keywords: Moscow Regional Research and Clinical Institute, «MONIKI»; Urology Clinic; Aram Yakovlevich Abramyan.

Писать о выдающихся людях всегда непросто. «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии», – говорил поэт. Вот почему любой повод – основание для того, чтобы рассказать нынешнему поколению врачей о замечательном человеке, которого современники называли «мудрый Арам».

С позиций сегодняшнего дня трудно представить то время, когда не было ни ультразвукового аппарата, ни компьютерного томографа, ни современных технологий оперативного и медикаментозного лечения пациентов. Но были великие учителя. Не будь их – неизвестно, была бы современная урология самостоятельной врачебной специальностью. Они заложили основы здания современной урологии, реализовали главное дело своей жизни – создали научные школы. Одним из таких столпов отечественной урологии, вне всяких сомнений, был Арам Яковлевич Абрамян.

Арам Яковлевич (Акопович) Абрамян родился 31 декабря 1898 г. в Тифлисе. Его отец владел магазином скобяных товаров и строительных инструментов, мама была домохозяйкой и рано умерла. В 1918 г. перед выпускником гимназии Арамом Абрамяном встал не только вопрос о выборе будущей профессии, – решение стать врачом было принято давно, – но великий вопрос о защите своей исторической Родины – Армении. Враг вторгся в Араратскую долину, возникла угроза захвата Еревана. 19-летний юноша, не раздумывая, досрочно сдав выпускные экзамены, ушел добровольцем в народную дружину, участвовал в освободительных боях под Карсом, Сарикамышем, в легендарной, решающей для армянского народа Сардарапатской битве (22 мая 1918 г.). 26 мая враг был полностью разгромлен.

Арам Яковлевич не очень любил говорить на эту тему, полагая, что это было долгом каждого армянина – патриота своей Родины. Заложенные родителями высокие моральные принципы любви к людям и своей стране предопределили его поступление на медицинский факультет Московского университета,

который он окончил в 1924 г. С этого времени и до 1929 г. работал в хирургической клинике второго Московского университета. Надо отметить, что в то время врачи во время стажировки в клиниках нередко не получали зарплаты – их высшим желанием было получение специальности. Для А.Я. Абрамяна таким учителем стал блестящий хирург, ученый и педагог Николай Федорович Лежнев (1873–1932), соратник одного из основоположников российской урологии Сергея Петровича Федорова (1863–1936). В 1929 г. А.Я. Абрамян перешел на работу в Московский областной клинический институт – МОКИ (ныне – Московский областной научно-исследовательский клинический институт имени М.Ф. Владимирского), совмещая работу ассистентом в клинике урологии Московского медицинского института Министерства здравоохранения РСФСР. В 1931 г. был организован МОКИ-МедВУЗ, который затем был преобразован (1940 г.) в 3-й Московский государственный медицинский институт МЗ РСФСР.

В марте 1931 г. в МОКИ-МедВУЗе было открыто урологическое отделение на 25 коек. Заведовать отделением был приглашен один из основоположников московской урологической школы доцент Яков Григорьевич Готлиб (1888–1951). Активное участие в организации работы отделения принял врач Арам Яковлевич Абрамян. К концу 1931 г. на базе урологического отделения была организована урологическая клиника Центрального института усовершенствования врачей.

В 1935 г. по окончании строительства хирургического корпуса урологическая клиника была расширена до 40 коек. В этот период времени в состав клиники входили доктора А.Я. Абрамян, Э.И. Гимпельсон, Н.В. Дунашев, С.Т. Захарьян, П.Д. Лев. 1 сентября 1945 г. на базе клиники была организована кафедра урологии медицинского института Министерства здравоохранения РСФСР.

Располагая достаточным штатом опытных научных сотрудников, урологическая клиника развила весьма интенсивную научную, педагогическую и лечебную работу. Особое внимание было уделено организации урологической помощи в Московской области. В то время в состав Московской области входили также Калининская, Рязанская, Калужская и Тульская области. В этих районах, а также в городах Орехово-Зуево, Серпухове, Коломне, Подольске были организованы выездные курсы по урологии. За этот период времени в урологической клинике МОНИКИ на рабочих местах стали получать подготовку врачи из Московской области. Весь коллектив клиники интенсивно занимался научной работой. Большинство сотрудников клиники до начала Великой Отечественной войны защитили кандидатские и докторские диссертации (Я.Г. Готлиб, А.И. Маянц). В 1935 г. А.Я. Абрамян защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук на тему «Клиника и диагностика гидронефроз».

В эти годы в МОКИ работал хирург-новатор Давид Нерсесович Атабеков (1876–1964). Им были заложены основы урогинекологии в СССР. Его работа «Очерки урогинекологии» была удостоена Государственной премии в 1952 г. [1]. Д.Н. Атабеков – один из организаторов института, проработавший в Старо-Екатерининской больнице (МОНИКИ) в течение 50 лет.

В период советско-финской кампании А.Я. Абрамян заведовал урологическим отделением одного из госпиталей Ленинграда, а в годы Великой Отечественной войны работал ведущим урологом эвакуационных госпиталей в Армянской ССР. В период Великой Отечественной войны все сотрудники клиники перешли на работу во фронтовые и тыловые госпитали. В годы Великой Отечественной войны на базе института был развернут эвакуогоспиталь № 5020.

В 1949 г. А.Я. Абрамян стал главным урологом Лечебно-санитарного управления Кремля (в дальнейшем – 4-го Главного Управления Министерства здравоохранения СССР). В 1950 г. им защищена диссертация на соискание ученой степени доктора медицинских наук.

В 1951 г. профессор А.Я. Абрамян возглавил урологическую клинику МОНИКИ и руководил ею на протяжении 25 лет, вплоть до 1975 г.

Проблема мочекаменной болезни с момента зарождения клиники является одним из приоритетных направлений ее научных исследований. Сборник научных трудов «Нефролитиаз» (1937), программный доклад профессора А.Я. Абрамяна на X международном Конгрессе урологов (Афины, 1955), монография «Камни почек и мочеточников» (Э.И. Гимпельсон, 1956) отразили основные достижения клиники в диагностике и лечении уролитиаза в первые годы ее существования и послужили основой для проведения дальнейших исследований. В последующие два десятилетия сферу интересов составили вопросы патогенеза и географической эпидемиологии заболевания, позволившие составить карту эндемических очагов мочекаменной болезни в Московской области (1973), а также разработка, клиническое испытание и внедрение в отечественную и зарубежную урологическую практику высокотехнологичных и эффективных методов контактной литотрипсии. Отечественные комплексы «Урат-1» и «Урат-М» для цистолитотрипсии, а также «Байкал» для лечения больных с камнями терминального отдела мочеточника стали предтечей современных малоинвазивных методов лечения уролитиаза.

Большой заслугой А.Я. Абрамяна стало создание и оснащение эндоскопического кабинета (1975 г.) современным набором инструментария. Это во многом предопределило дальнейший прогресс клиники и позволило ее сотрудникам одними из первых применить и широко внедрить такой метод, как трансуретральная резекция при заболеваниях предстательной железы, мочевого пузыря, врожденных клапанах мочеиспускательного канала [2].

Урологическая клиника на протяжении всего периода ее существования направляла свои усилия на разработку различных аспектов онкоурологии.

Об этом свидетельствуют монографии «Опухоли почек» (А.И. Маянц, 1948), «Опухоли полового члена» (Е.М. Устименко, 1956), «Опухоли яичка» (М.Ф. Трапезникова, 1962), «Опухоли почек» (М.Ф. Трапезникова, 1972), докторские диссертации «Рентгенодиагностика хирургических заболеваний опухолей почек» (Я.Г. Готлиб, 1935) и «Новообразования почек и верхних мочевых путей» (А.И. Маянц, 1940), кандидатские диссертации «Длительная внутривенная химиотерапия злокачественных опухолей мочевого пузыря» (Г.Ф. Дроздовский, 1967) и «Клиника и современные подходы к диагностике эпителиальных опухолей мочевого пузыря» (Ю.Б. Аващ, 1975). Велика заслуга профессора Абрамяна в открытии в институте одного из первых в стране кабинетов ангиографии, оснащенного первоклассным по тем временам комплексом «ELEMA-Schönander» (Швеция). После разработки и внедрения в клиническую практику академиком Н.А. Лопаткиным сосудистых методов диагностики в урологической клинике МОНИКИ также широко проводились ангиографические исследования, как с диагностической, так и лечебной целью.

Детская урология относится к молодым дисциплинам. Ее зарождение и оформление в самостоятельное направление урологии относится к концу пятидесятих годов XX века. В урологической клинике МОНИКИ эта дисциплина получила развитие с середины 70-х годов. У ее истоков стояли профессора А.Я. Абрамян, Маргарита Федоровна Трапезникова, доцент Ирина Антоновна Королькова. Основные методологические, организационные и философские вопросы организации детской урологической помощи, подготовки кадров, особенности выбора методов лечения пузырно-мочеточникового рефлюкса были изложены в программных докладах на урологических конгрессах в стране и за рубежом. В клинике одними из первых стали решать проблему лечения детей, страдающих энурезом (Н.В. Дунашев, 1953).

По мере накопления сведений о морфологическом и функциональном состоянии аномалийных почек (докторская диссертация Э.И. Гимпельсона «Аномалии почек (клиника, диагностика и лечение)», 1940), их ангиоархитектонике (кандидатская диссертация А.Я. Абрамяна «Клиника и диагностика гидронефроз», 1935), изучения уродинамики верхних мочевых путей возникла необходимость в дополнении, детализации, а в ряде случаев изменении некоторых фрагментов классификации 1949 г.

Учитывая исследования крупных отечественных и зарубежных ученых и суммируя личный опыт, в 1978 г. клиникой были внесены некоторые изменения в классификацию аномалий почек, которые были приняты и утверждены Вторым Всесоюзным съездом урологов (Киев). Принципиальным звеном настоящей классификации стало внесение в нее новой группы «Сочетанные формы аномалий», что является важным в плане определения хирургической тактики, решения вопроса о последовательности хирургической коррекции и выборе метода лечения. Появлению новой классификационной схемы предшествовал большой научно-практический

труд клиники, обобщенный в диссертационных работах «Гидронефроза (этиология, клиника и лечение)» (А.Я. Абрамян, 1949; докторская диссертация), «Пузырно-мочеточниковый рефлюкс у детей» (В.Г. Казимиров, 1968; кандидатская), «Отдаленные результаты лечения пузырно-мочеточникового рефлюкса и инфравезикальной обструкции у детей» (В.П. Алпатов, 1976; кандидатская), «Аномалии почек (клиника и диагностика)» (Б.В. Бухаркин, 1978; кандидатская).

С 1984 г. А.Я. Абрамян – научный консультант Министерства здравоохранения СССР. Блестящий клиницист, хирург, ученый, педагог, Заслуженный деятель науки Армении, Лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического Труда, А.Я. Абрамян заложил основы уникальной школы отечественной урологии. Он был членом президиума Международной ассоциации урологов, председателем Всесоюзного общества урологов (1955–1975), членом Высшего Аттестационного комитета при Совете Министров СССР, членом редакционных коллегий журналов «Урология» и «Хирургия», членом комитета по присуждению Ленинских и Государственных премий СССР, являлся почетным членом ряда зарубежных научных обществ. Он был награжден орденами В.И. Ленина, Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции и многими медалями СССР и других стран. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1969 г. Араму Яковлевичу Абрамяну присвоено звание Героя Социалистического Труда, первому из двух отечественных урологов, удостоенных этой высшей награды Родины.

Профессор Абрамян – автор более 130 научных работ. В их числе монографий по вопросам этиологии, диагностики и лечения мочекаменной болезни, гидронефрозов, новообразований почек, аномалий развития мочевой системы, травматических стриктур уретры, детской урологии. Некоторые из них до сих пор остаются востребованными, хотя и перешли в разряд библиографических раритетов [3].

Более 25 лет профессор Абрамян являлся главным консультантом Кремлевских небожителей. Высокий профессионализм, виртуозное владение тонкими приемами дипломатии, врожденное чувство такта снискали ему непререкаемый авторитет среди высшего партийного и государственного руководства Советского Союза и глав ряда зарубежных государств. Но были и трудные дни, когда в начале 50-х годов, в разгар «дела врачей» наготове был «тревожный чемоданчик». Вероятно, опыт и умения «мужского врача» были настолько важны для высшего партийного и руководства, что они позволили ему чудом избежать репрессий того времени.

При упоминании о меценатах обычно вспоминают благотворителей дореволюционных времен. Но Арам Яковлевич Абрамян был обращен на двух великих культурах. В 1980 г. он осуществил давний замысел и подарил большую часть коллекции картин (свыше 350 работ) известных русских художников в дар народу Армении. «Я хочу, чтобы как можно больше людей все это видело, ко

всей этой красоте приобщалось. Я знаю, как в Армении любят, как понимают и ценят великую русскую культуру. Знаю, и именно поэтому завещал свое собрание Еревану», – говорил Арам Яковлевич. Он был страстно влюблен в свою коллекцию. Когда говорил о ней или показывал работы, преображался прямо на глазах, молодец. 19 ноября 1984 г. в Ереване был открыт Музей русского искусства (коллекция А. Абрамяна). Знатоков поражало художественное чутье А.Я. Абрамяна. Он начал коллекционировать тогда, когда немало нового, свежего скрывалось от глаз в подвалах, а порой и уничтожалось. Он отбирал, организовывал экспертизу, реставрацию порой спасал эти работы, поскольку само понятие «спасать» являлось его жизненным кредо. Арам Яковлевич был велик во всех своих ипостасях. Он был и коллекционер, и врач от Бога.

Герой Социалистического Труда, кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, лауреат государственных премий, всесторонне образованный человек, патриот, руководитель знаменитой московской урологической клиники, великолепный хирург, доктор медицинских наук, профессор, он был человеком необычным. Он любил жизнь и людей и был ответно щедро вознагражден их любовью. Большую часть своей долгой и насыщенной событиями жизни он жил и работал в Москве.

Умер Арам Яковлевич Абрамян 13 января 1990 г. Его прах упокоился на Родине, в Ереване, в Пантеоне Республики Армения. Благодарные потомки – ученики, пациенты и их дети – помнят и чтят великого сына Армении – Арама Абрамяна.

Арам Яковлевич (Акопович) Абрамян (1898–1990) – руководитель урологической клиники МОНИКИ, Герой Социалистического Труда. 1974 г.

Работники урологической клиники МОНИКИ: А.Я. Абрамян (в первом ряду первый слева), Э.И. Гимпельсон, Я.Г. Готлиб (во втором ряду второй слева), Н.В. Дунашев, С.Т. Захарьян, П.Д. Лев

Конференция, посвященная 50-летию урологической клиники МОНИКИ; слева направо: профессора Б.В. Агафонов, А.Я. Абрамян, академики Н.Н. Трапезников, В.С. Савельев, А.В. Смольянников, Е.М. Тареев, В.С. Карпенко, Н.А. Лопаткин, Е.И. Чазов, Н.Н. Блохин, профессора А.М. Сазонов и М.Ф. Трапезникова. Март 1981 г.

Специалисты МОНИКИ на выезде в один из районов Московской области; слева направо: отоларинголог профессор Нейбург, доктор Вышивкина, дерматолог профессор В.Я. Арутюнов, врач Подольный, паталогоанатом профессор Б.И. Мигунов, окулист доктор Иванов, А.Я. Абрамян, хирург профессор Н.И. Махов. 1952 г.

А.Я. Абрамян, заведующий отделением Е.Н. Щеглова (вторая слева) и старшая медсестра отделения

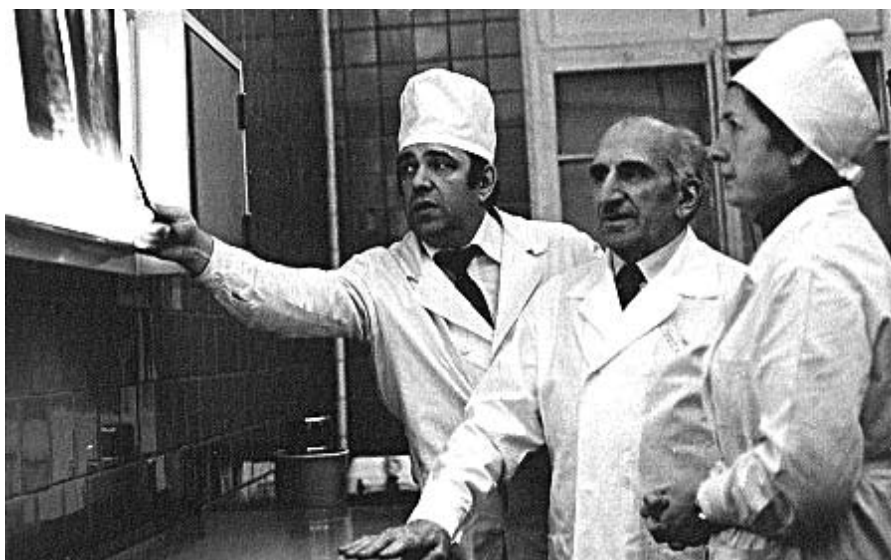
А.Я. Абрамян (во втором ряду третий слева) и М.Ф. Трапезникова (в первом ряду вторая слева) среди работников урологической клиники МОНИКИ. 1956 г.

7. А.Я. Абрамян в рабочем кабинете. 1974 г.

Работники урологической клиники МОНИКИ; в первом ряду: канд. мед. наук Н.С. Абрамян (четвертый слева), перевязочная медсестра Т.А. Скаткова (пятая слева), канд. мед. наук, главный врач института Ю.Б. Аваш (шестой слева), детский уролог В.М. Кисилев (седьмой слева), старшая медсестра С.А. Мазунова (восьмая слева), профессор В.В. Дутов (девятый слева), канд. мед. наук В.П. Алпатов (десятый слева), сестра-хозяйка Т.Д. Семенюк (одиннадцатая слева), канд. мед. наук А.Г. Анкудинов (двенадцатый слева), во втором ряду слева направо: д-р мед. наук А.П. Морозов, врач Т.А. Сикачева, профессора М.Ф. Трапезникова, А.Я. Абрамян, канд. мед. наук Н.Ц. Цыренжапова и И.А. Королькова, врачи И.И. Бровина и Е.Д. Дергачев. 1981 г.

«Анализ клинической симптоматики – основа постановки диагноза» – приоритетный постулат профессора А.Я. Абрамяна. В одном из кабинетов урологической клиники МОНИКИ; второй слева А.Я. Абрамян

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Атабеков Д.Н. Очерки по урогинекологии. – 2-е изд., испр. – М.: Медгиз, 1950. – 143 с.
2. См. например: Гидронефрозы (этиология, клиника, лечение). – М.: Медгиз, 1950; Гематурия и опухоли мочевой системы – М.: Медгиз, 1949; Руководство по клинической урологии – М.: Медицина, 1970 (в соавт.).
3. Базаев В.В., Дутов В.В. Урологическая клиника МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского: к 85-летию со дня основания // Вестник российского общества урологов. – 2016. – № 1. – С. 4.

ИРИНА АНТОНОВНА КОРОЛЬКОВА – ОДНА ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ ДЕТСКОЙ УРОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Дутов Валерий Викторович

доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой урологии факультета усовершенствования врачей, главный научный сотрудник урологической клиники Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Московской области «Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М.Ф. Владимирского»
г. Москва, Россия
e-mail: hammerwise@gmail.com

Аннотация. Ирина Антоновна Королькова родилась 19 февраля 1930 г. в г. Москве в семье советских интеллигентов. С ранних лет ее окружал мир высокого искусства, музыки, литературы. Русская по отцу и армянка (Хаспекянц) по матери, она с ранних лет впитала в себя истоки двух великих культур. Свою судьбу Ирина Антоновна связала с педиатрией и детской хирургией. На кафедре Центрального института усовершенствования врачей под руководством выдающегося врача и ученого профессора С.Я. Долецкого И.А. Королькова прошла путь от ординатора до доцента, заведующего учебной частью. Вторая половина ее научной, врачебной и педагогической деятельности связана с МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского, куда она была принята в 1978 г. на должность старшего научного сотрудника урологического отделения и где проработала около четверти века.

Ключевые слова: МОНИКИ; детская урологическая служба; Московская область; Королькова Ирина Антоновна.

IRINA ANTONOVNA KOROLKOVA – ONE OF THE FOUNDERS OF PEDIATRIC UROLOGIC SERVICE IN MOSCOW REGION

Valeriy V. Dutov

Doctor of Medical sciences, Professor, head of urology Department, faculty of postgraduate education, chief researcher, urology clinics,
State budgetary healthcare institution of Moscow region
Moscow Regional Research and Clinical Institute named after M.F. Vladimirsky
Moscow, Russia
e-mail: hammerwise@gmail.com

Abstract. Irina Antonovna Korolkova was born in February 19, 1930 in Moscow in the family of representatives of the Soviet intelligentsia. From an early age she was surrounded by the world of fine art, music and literature. Her father was Russian and mother was Armenian (Haspekyants) and she, from a young age, absorbed the origins of two great cultures. I.A. Korolkova threw in her lot with Pediatrics and Pediatric Surgery. I.A. Korolkova made her way from an Attending physician to an Assistant professor and the Head of studies at the Department of the Central Institute for Advanced Medical Studies under the guidance of an outstanding doctor and scientist Professor S.Ya. Doletsky. The second half of her scientific, medical and educational activities was linked to the «MONIKI» named after M.F. Vladimirsky, where in 1978 she was taken on as a Senior research fellow at Urology clinic where she worked for about a quarter of a century.

Keywords: Moscow Regional Research and Clinical Institute, «MONIKI»; Pediatric Urological Service; Moscow region; Korolkova Irina Antonovna.

Ирина Антоновна Королькова родилась 19 февраля 1930 г. в городе Москве в семье советских интеллигентов. С ранних лет ее окружал мир высокого искусства, музыки, литературы. Она впитала в себя истоки двух великих культур – русской и армянской. По линии матери (в девичестве – Хаспекянц) – это был мир великого армянского народа. Детство и юность ее пришлось на военные годы. После окончания средней школы больших колебаний в выборе будущей профессии не было – только медицина. Успешно окончив 2-й Московский государственный медицинский институт им. Н.И. Пирогова, Ирина Антоновна свою судьбу связала с педиатрией и детской хирургией. Она – ученица выдающегося врача и ученого профессора Станислава Яковлевича Долецкого, создателя уникальной школы и одного из основоположников отечественной детской хирургии и детской урологии [1]. На кафедре Центрального института усовершенствования врачей Ирина Антоновна прошла путь от ординатора до доцента, заведующего учебной частью.

Становление молодого врача проходило в годы, которые в отечественной истории известны как «оттепель». Поднимались и решались грандиозные задачи во всех отраслях, в том числе и в медицине. Молодому научному сотруднику профессором С.Я. Долецким была поручена тема, которая не просто была недостаточно изучена, но являлась своеобразным табу: «в стране победившего социализма» не могло быть подобных уродств. Речь шла о гипоспадии у детей. С современных позиций трудно понять всю этическую, медицинскую, а подчас и правовую ответственность, с которой пришлось столкнуться Ирине Антоновне при выполнении данной работы, поскольку результаты оперативного лечения можно было объективизировать только

в момент мочеиспускания и при эрегированном половом члене, зафиксированном родителями ребенка на фото. Здесь проявились как врожденная тактичность и умение расположить к себе маленького пациента и его родителей, так и мудрость врача и кропотливость исследователя. Очень важное для отечественного здравоохранения исследование «Гипоспадия у детей (клиника и лечение)» в 1962 г. было блестяще защищено с присвоением ученой степени кандидата медицинских наук. Диссертация Ирины Антоновны до сей поры находится в перечне цитируемых работ при выполнении современных исследований по данной тематике.

Существенный вклад внесли Ирина Антоновна вместе с коллективом кафедры профессора С.Я. Долецкого в решение проблем эписпадии и экстрофии мочевого пузыря, хирургического лечения гидронефроза, обструктивных и необструктивных аномалий верхних мочевыводящих путей, в вопросы ангиоархитектоники детских почек. Предложены модификации нескольких операций на органах мочеполовой системы у детей.

Уже в те годы стала зарождаться новая специальность – детская урология. Ирина Антоновна была апологетом принципа преемственности урологии детской и урологии взрослого пациента. «Все мы родом из детства», – говорила она, – «все, что не решено в детском возрасте, останется или проявит себя во взрослом состоянии». Как эксперт Минздрава СССР, И.А. Королькова способствовала развитию нового направления в детской хирургии в различных союзных республиках и областях страны.

Так сложилось, что последующая научная и врачебная деятельность И.А. Корольковой была связана с Московским областным научно-исследовательским клиническим институтом им. М.Ф. Владимирского, куда она была принята в 1978 г. на должность старшего научного сотрудника урологического отделения и где проработала около четверти века. Большой практический опыт, мудрость педагога, скрупулезность исследователя, порядочность быстро снискали ей заслуженное уважение среди коллег и пациентов. Ирина Антоновна была главным детским урологом Московской области, членом Диссертационного совета МОНИКИ, ответственным за научную работу в отделении, доцентом и первой заведующей учебной частью созданной при ее непосредственном участии кафедры урологии факультета усовершенствования врачей.

По сути, она стала основателем детской урологии в Московской области. Она стояла у истоков создания детских урологических отделений в городах Люберцы и Чехов. Большое внимание уделяла организации консультативного уронефрологического приема в Московской областной консультативной поликлинике.

Начиная с признанных работ И.А. Корольковой, сотрудниками клиники проводятся исследования по различным аспектам оперативного лечения пациентов с гипоспадией. Диссертационное исследование Д.В. Романова было удостоено первой национальной премии «Серебряный голубь» (Москва, 2005) [2].

Продолжение научных изысканий этого периода времени касались заболеваний единственной почки у детей, аномалий развития нижних и верхних мочевыводящих путей и заболеваний, развившихся на их фоне. Впервые была обоснована необходимость двухэтапного лечения при тяжелых формах обструктивного мегауретера у детей раннего возраста. Разработаны оперативные вмешательства при различных клинических типах уретероцеле. Обоснована этапность коррекции гипоспадии и осложнений ее оперативного лечения в различных возрастных группах.

В полной мере талант И.А. Корольковой раскрылся в подготовке молодых научных кадров. Она была номинальным руководителем более десятка кандидатских и докторских диссертаций. Многие ассистенты, доценты, профессора считают Ирину Антоновну своим Учителем в профессии, открывшим удивительный мир детской хирургии и урологии. Ирина Антоновна – автор более двухсот научных публикаций, нескольких монографий, постоянный автор журнала «Урология». Она неоднократно выступала с программными докладами на съездах и пленумах правления Всесоюзного и Российского обществ детских хирургов и урологов (последний раз в Тюмени в 2005 г.).

«Viva urologia!» («Да здравствует урология!»).
Доцент Ирина Антоновна Королькова. 2016 г.

Поразительные душевные и личные качества И.А. Корольковой снискали ей заслуженное признание коллег и многочисленных больных детей и их родителей. До сих пор взрослые пациенты уже со своими детьми посещают любимого Доктора, чтобы выразить слова благодарности за подаренные годы жизни и радость простого человеческого счастья. Это ли не вершина великого жизненного предназначения врача?!

История пишется современниками, а оценивается потомками. Данная статья важна для того, чтобы не прерывалась великая связь времен. Образованный врач – это не только высококлассный манипулятор, но и высококультурный человек, знающий и ценящий труд и опыт предшествующих поколений.

Хочу призвать молодое поколение урологов к соблюдению основных жизненных принципов, заложенных учителями – «спешите делать добро» и «будьте достойны памяти наших великих предков».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Национальная общественная премия «СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ» в области медицины (далее именуется – Премия) присуждается за наиболее эффективные, отличающиеся новизной и оригинальностью работы врачей, ученых-медиков, организаторов здравоохранения, получившие общественное признание, вносящие значительный вклад в развитие медицинской науки и практического здравоохранения. Премия также присуждается коллективам учреждений, предприятий (их структурных подразделений) за внедрение современных организационных форм работы и высокие производственные показатели с достижением суммарного медико-социального эффекта. Информационный интернет-портал. – URL: http://www.rsci.ru/grants/grant_news/261/187830.php
2. Публиковался в журналах «Вопросы охраны материнства и детства», «Хирургия» и «Педиатрия». Автор около 200 научных работ («Ущемленные паховые грыжи» (1952 год), «Диафрагмальные грыжи у детей» (1960 год), «Гнойно-воспалительные заболевания новорожденных» (1965 год), «Методы исследования системы воротной вены и аорты у детей через пупочные сосуды» (1967), «Общие проблемы детской хирургии» (1984 год) и др.) и нескольких научно-популярных книг.

Научное издание

**АРМЯНЕ
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ
XVIII–XX ВВ.**

**Материалы Международной научной конференции
26–28 октября 2016 г.
Москва – Пушкино**

Подписано в печать 10.10.2016
Формат 70×100/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать цифровая
Печ. л. 35,19. Тираж 300 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM Group (ИП Лункина Н.В).
Заказ № 49/16
Тел.: (863) 263-13-17, 263-57-66